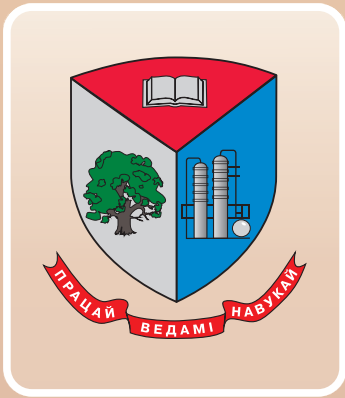

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (269) 2023 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2023

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (269) 2023 год

Выходит два раза в год

Минск 2023

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Шетько С. В., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Кох Барбара, доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Лакида П. И., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Украина;
Головко М. Ф., член-корреспондент НАН Украины, доктор физико-математических наук, профессор, Украина;
Щекин А. К., член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Российская Федерация;
Маес Воутер, доктор химических наук, профессор, Королевство Бельгия;
Бир Петр, доктор технических наук, профессор, Республика Польша;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каклаускас А., доктор экономических наук, профессор, Литовская Республика;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор, Российская Федерация;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (269) 2023

Published biannually

Minsk 2023

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Shet’ko S. V., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Koch Barbara, DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Lakida P. I., DSc (Agriculture), Professor, Ukraine;
Golovko M. F., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Ukraine;
Shchekin A. K., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Russian Federation;
Maes Wouter, DSc (Chemistry), Professor, Kingdom of Belgium;
Beer Piotr, DSc (Engineering), Professor, Republic of Poland;
Gorinshteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Bashkirov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaklauskas A., DSc (Economics), Professor, Republic of Lithuania;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rakachev V. N., DSc (History), Professor, Russian Federation;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;

managing editor (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 316.74

П. С. Крючек¹, В. Н. Ракачев², Д. Н. Ракачев², В. Н. Сергеев³

¹Белорусский государственный технологический университет

²Кубанский государственный университет (Российская Федерация)

³Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь

ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕГО ПРОШЛОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение представлений об общем и национальном прошлом российской и белорусской студенческой молодежи.

Проведенный анализ позволяет заключить, что современная студенческая молодежь как в России, так и в Беларуси придает важное значение истории, считает необходимым сохранять и транслировать прошлое для будущих поколений.

Свой интерес молодежь подтверждает достаточно высоким уровнем знаний в области истории как национальной, так и общей. Именно в этом аспекте появляется возможность определить то поле, которое представляет собой общее прошлое России и Беларуси, а также выявить область представлений, образующих поля национального прошлого.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, политика памяти, молодежь, коммеморативные практики.

Для цитирования: Крючек П. С., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н., Сергеев В. Н. Образы национального и общего прошлого в представлениях белорусов и россиян // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 5–10. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-1.

P. S. Kruchek¹, V. N. Rakachev², D. N. Rakachev², V. N. Sergeev³

¹Belarusian State Technological University

²Kuban State University (Russian Federation)

³University of Civil Protection of Republic of Belarus

IMAGES OF THE NATIONAL AND COMMON PAST IN THE VIEWS OF BELARUSIANS AND RUSSIANS

The article presents the results of a sociological study aimed at studying the ideas about the common and national past of Russian and Belarusian students.

The analysis allows us to conclude that the modern student youth in both Russia and Belarus attaches great importance to history, considers it necessary to preserve and broadcast the past for future generations.

The youth confirms their interest with a fairly high level of knowledge in the field of history, both national and general. It is in this aspect that it becomes possible to determine the field that represents the common past of Russia and Belarus, as well as to identify the area of representations that form the fields of the national past.

Keywords: historical culture, historical consciousness, historical memory, history, collective memory, memorial culture, historical knowledge.

For citation: Kruchek P. S., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Sergeev V. N. Images of the national and common past in the views of Belarusians and Russians. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 5–10 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-1.

Введение. Отношение к историческому прошлому является важной составляющей национальной идентичности, поскольку в памяти последующих поколений сохраняются дела, со-

вершенные предками, достижения, победы и поражения, составлявшие основу государства, культурного мира, в котором живет и развивается конкретный народ.

Осмысливая пройденный путь, общество вырабатывает определенное отношение к прошлому, которое находит свое отражение в историческом сознании, культуре и в значительной степени зависит от его настоящего. Иначе говоря, историческая культура и сознание историчны, восприятие и осмысление прошлого может меняться в зависимости от конкретных условий общественного развития, его актуальных целей и задач [1].

В таких условиях оказались после распада СССР в декабре 1991 г. бывшие союзные республики, а ныне независимые государства. Обретение ими нового статуса поставило на повестку дня вопрос об осмыслении собственного, теперь уже самостоятельного прошлого, о формировании представлений о национальной истории. При этом каждое из вновь образованных независимых государств создавало свою модель прошлого, в рамках которой по-разному определялось соотношение общей (совместной с Россией в рамках единого государства и другими странами) и национальной истории. По-разному определялся и эмоциональный вектор трактовки исторических процессов и событий.

Национальные исторические дискурсы, построенные как на объективных фактах, так и на домыслах, существенным образом повлияли на историческое сознание населения на постсоветском пространстве, сформировали новое отношение к некогда общему прошлому.

Образ прошлого – фундаментальная основа исторической памяти. Именно при помощи комплекса обрывчатых воспоминаний, повседневных представлений об истории мы имеем возможность наблюдать и изучать феномен исторической памяти. Образы прошлого существуют в различных формах. Это могут быть образы конкретных исторических событий, отдельных исторических деятелей, социальных групп или собирательных типов. Образ события или исторической личности, как правило, базируется на комплексе несистематичных воспоминаний. С течением времени, когда пережитые события превращаются в историю, когда остается все меньше современников, образ все более трансформируется и видоизменяется, все более отдаляется от исторической действительности. Так комплекс образов прошлого формирует историческую память [2, с. 134].

Проблема изучения образов прошлого приобретает особую значимость во времена глобальных исторических разломов, в переходные периоды, в ситуациях выбора дальнейших путей развития. В таких условиях они выполняют своего рода «двойную нагрузку»: их набор и конфигурация, содержание и диалектика взаимосвязи отражают происходящие в обществе изменения,

способствуя либо их ускорению, либо, напротив, замедлению, определяют вектор и сценарий социальных преобразований и обеспечивают в конечном итоге консолидацию общества или же его раскол. Избавляясь с течением времени от одних образов прошлого и формируя новые, общество определяет, каким оно не способно и не желает более быть и с чем оно в данный момент стремится себя ассоциировать.

Образ прошлого – весьма сложное, многозначное понятие. На протяжении нескольких последних десятилетий данный термин превратился из интеллектуальной метафоры в одну из важнейших категорий современной науки. Так, Л. Н. Мазур определяет образ прошлого как устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании [3, с. 251].

Каркас образа прошлого формируется из разного рода источников: архивных материалов, воспоминаний участников и очевидцев событий, школьных учебников, научной и художественной литературы, кинематографа и т. д. Активную роль в формировании образа прошлого играет государство, акцентирующее внимание на определенных исторических этапах.

В современной научной литературе, посвященной проблемам исторической памяти, изучение образов прошлого оформилось в качестве самостоятельного исследовательского направления. В этой области работают такие ученые, как Я. Ассман, А. Ассман, П. Нора, П. Хаттон, А. Л. Ластовский, А. И. Марецкий, Н. М. Бровчук, Л. П. Репина, Л. Н. Мазур, К. С. Романова, Н. А. Сосновская, А. И. Миллер, Ф. Э. Шегери, О. А. Матусевич, О. О. Дмитриева, В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева и др.

В то же время ряд вопросов, в том числе таких как «национальное прошлое» и «общее прошлое», в контексте изучения исторической культуры России и Беларуси остаются неисследованными.

Основная часть. С целью изучения исторической культуры белорусов и россиян во взаимосвязи многообразных форм коллективного осмысления и освоения национального и общего прошлого совместным научным коллективом Кубанского государственного университета и Белорусского государственного технологического университета в октябре – декабре 2021 г. было проведено историко-социологическое исследование среди студенческой молодежи Российской Федерации и Республики Беларусь. Общий объем выборки составил $N = 1042$ человека. Выборочная совокупность в свою очередь включала две подвыборки: 1) российские студенты – 632 человека, 2) белорусские студенты – 410 человек. Распределение респондентов по полу

и возрасту в целом соответствует структурным характеристикам генеральной совокупности.

В исследовании использована случайная выборка с кластеризацией по вузам Российской Федерации и Республики Беларусь (случайный отбор респондентов в рамках кластера). В выборку были включены следующие российские и белорусские вузы: БГТУ, БГУ, КубГУ, КубГАУ, КубГТУ, ВШЭ и др.

По итогам исследования получены следующие результаты.

Как российские, так и белорусские студенты считают важным знание истории. Лишь менее 2% респондентов из обеих подвыборок указали, что знать историю необязательно для каждого человека. Тем не менее приоритеты у российских и белорусских студентов несколько разнятся. Для российских студентов более характерен универсалистский взгляд на историческое знание. 73% российских студентов (против 66% белорусских) считают, что нужно знать как историю своей страны, так и историю других народов.

В то же время 23% белорусских студентов и лишь 18% российских ответили, что достаточно знать историю своей страны и своего народа. Также среди белорусских студентов, по сравнению с российскими, в два раза больше тех, кто считает, что достаточно знать историю своей малой Родины (4% и 2% ответивших соответственно), и тех, кто отметил, что достаточно знать историю только своей семьи (около 3% и 2% соответственно).

Несмотря на более выраженный локализм во взглядах на историческое знание у белорусских студентов, представление о важности знания всемирной истории доминирует у обеих групп респондентов.

Говоря о личном интересе опрошенных к истории, стоит отметить, что белорусские студенты чаще, чем российские, отвечали, что их не интересует история вообще (13% против 10% соответственно).

У российских студентов интерес к истории представлен несколько более широко: 53% опрошенных ответили, что их интересует любая история. Среди белорусских студентов таких лишь 41%. В то же время доля студентов, интересующихся только историей своей страны приблизительно одинакова в обеих группах: 24% российских студентов и 21% белорусских.

Белорусские студенты чаще, чем российские, интересуются историей других стран (11% и 6% опрошенных соответственно), историей места своего проживания (7% и 2%), а также историей своей семьи (7% и 5%). При этом у российских студентов интерес к истории своей семьи выше, чем к истории места проживания, у белорусских – наоборот.

У белорусских студентов несколько выше в целом интерес к национальной и региональной истории (если в совокупности объединить все ответы, имеющие отношение к локальной истории: стране, месту, семье, то для белорусской подвыборки доля интересующихся историей на этих уровнях составила 35,1%, среди российской – 31,8%) и при этом более выражено внимание к истории других стран (11 против 5,9%).

Российских студентов в меньшей степени интересует история своего региона. Можно предположить, что история семьи вписывается в контекст истории страны в целом, что, возможно, усиливается высокой мобильностью населения России в XX в.: люди редко живут в тех местах, где проживали их предки, не чувствуют исторической связи с местом.

Российские студенты оценивают уровень своих знаний по истории своей страны выше, чем белорусские. 9% российских студентов считают, что знают достаточно хорошо историю своей страны, 22% – знают хорошо. В то же время среди белорусских студентов соответствующую оценку своих знаний дали лишь 1,5% и 13% опрошенных.

Более высокую субъективную оценку своих знаний дают российские студенты и в отношении истории других стран. 3% российских студентов ответили, что знают ее очень хорошо, 12% – что знают хорошо. Среди опрошенных белорусских студентов лишь 1% оценивает свои знания по истории других стран высоко и 7% утверждают, что знают ее достаточно хорошо. Отчасти это обусловлено большим процентным соотношением студентов гуманитарных специальностей в российской выборке.

В оценке исторических событий, сыгравших важную роль в развитии страны и народа, можно обнаружить те самые аспекты общей истории, которые на уровне исторического сознания сегодня связывают Россию и Беларусь.

Молодежь обеих стран в качестве важных и значимых событий, память о которых следует сохранять и транслировать следующим поколениям, указала Великую Отечественную войну, Вторую мировую войну, Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, распад СССР, Отечественную войну 1812 г., крещение Руси, отмену крепостного права, а также аварию на Чернобыльской АЭС. Таким образом, именно эти события можно обозначить как область общего исторического прошлого, которое сохраняется в памяти народов двух стран.

В область исключительно «национальной» истории России попали такие события, как Гражданская война, Смута, Северная война, освоение космоса (полет в космос Ю. Гагарина). К событиям, образующим «национальный» сегмент

истории Беларуси, можно отнести такие, как основание Полоцкого княжества, создание Великого княжества Литовского, статуты Великого княжества Литовского, Люблинская и Брестская унии, разделы Речи Посполитой, провозглашение Республики Беларусь, выборы первого президента и др.

Среди исторических личностей, сыгравших важную роль в истории страны абсолютными лидерами и в российской, и в белорусской выборке стали В. И. Ленин и И. В. Сталин, распределение остальных исторических персонажей имело некоторые отличия. Также в рейтинге упоминаний у российских студентов лидировали такие исторические деятели, как Петр I, Екатерина II и М. С. Горбачев. У белорусских студентов лидировали Г. К. Жуков, Н. С. Хрущев и М. С. Горбачев.

В ответах белорусских студентов, по сравнению с российскими, среди исторических деятелей доминируют те, кто связан, в той или иной степени, с Беларусью. Общими для обеих групп были правители России (СССР), оставившие наиболее заметный след: Петр I, Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. С. Горбачев, военачальники периода Великой Отечественной войны: Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, а общий список деятелей культуры представляли только Кирилл и Мефодий.

Оценка различных периодов истории своей страны у российских студентов неравномерная. Наиболее высокую оценку молодые люди дают периоду древней истории IX–XIII вв. (20,1%), имперскому периоду XVIII – начала XX в. (32,4% опрошенных оценивают его как благоприятный для страны) и постсоветскому периоду, современности (26,7% считают его благоприятным). Наименее благоприятно оценивается период XIV–XVII вв.: лишь 12% опрошенных оценивают его как благоприятный и 50% как, скорее, неблагоприятный. Это может быть вызвано доминирующими представлениями о допетровской России как немодернизирующей стране, нарративах об отсталости и внешнеполитических неудачах (например, отсутствие выходов к морю), а также с событиями в период «Опричнины» и «Смуты».

Советский период и эпоха Древней Руси оцениваются как относительно благоприятные (такowymi их считают 21% и 20% опрошенных соответственно).

Советская эпоха в настоящее время оценивается весьма противоречиво как в рамках профессиональной историографии, так и в массовой культуре и политическом дискурсе. В связи с этим показателен тот факт, что у опрошенных российских студентов полярность в оценках советского периода присутствует, но преимущественно в сглаженной форме: согласно получен-

ным ответам, «скорее благоприятной» эпохой для развития страны считают 27% опрошенных и 32% опрошенных оценивают ее как «скорее неблагоприятную».

Белорусские студенты оценивают исторические эпохи более равномерно, но в среднем хуже, чем российские, что может быть связано, в том числе, с более низким интересом к национальной истории. Наиболее высокие оценки у современного периода независимой Беларуси (20% опрошенных считает этот период благоприятным). Однако другие эпохи получили оценки, незначительно отличающиеся от вышеуказанной: 18% считают благоприятным период древней истории, 15% – советский период, 15% – период XIV–XVII вв. и лишь 10% – период XVIII – начала XX в.

Характерное отличие белорусских студентов от российских состоит в относительно низкой оценке имперского периода (13% белорусских студентов считают его крайне неблагоприятным), когда территории нынешней Беларуси пользовались наименьшей самостоятельностью из всех эпох. В то же время заметно выше, чем у российских студентов, оценка периода XIV–XVII вв., то есть периода Великого княжества Литовского: 15% белорусских студентов считают эту эпоху благоприятной, в то время как среди российских такую оценку дали лишь 12% опрошенных.

Следующими по степени значимости были указаны образование Великого княжества Литовского (главного события) – 14,4%, создание Союзного государства Беларуси и России – 13,5%, создание БССР – 9,6%, образование Полоцкого княжества – 9,2% и т. д.

Эти же тенденции отмечаются и в материалах исследования, проводившегося Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г. В ходе этого исследования задавался вопрос «Что Вы считаете самым главным событием в истории Беларуси?». Вариант «Победа над фашистской Германией и освобождение Беларуси» выбрала наибольшая часть респондентов (58,5%). На втором по частоте выборов месте оказалось обретение независимости в 1991 г. – этот вариант выбрали 22,2% белорусов, и еще почти столько же в качестве знаковых событий указали распад СССР (21,7%) и аварию на ЧАЭС (21,2%) [4, с. 5]. Значительная роль отводится периоду, связанному с существованием Великого княжества Литовского. Романтизм и героизация этого периода белорусской истории в массовом сознании даже подводит его к статусу «начала» белорусской государственности. Именно так ВКЛ определяет практически четверть (23,9%) современной белорусской молодежи в возрасте до 25 лет [4, с. 6].

В целом молодежный фокус внимания в пространстве исторической памяти отличает преимущественный (относительно старшего поколения) интерес практически ко всей истории вне советского периода.

Российские студенты считают наиболее важным источником по истории своей страны архивные документы и материалы, 82% полагают их очень важными, необходимыми. Далее следуют воспоминания участников исторических событий (66%), работы академических историков (50%), исторические фильмы (29%), учебники по истории (27%), художественная литература (24%), материалы в интернете (17%), компьютерные игры на историческую тематику (13%) и меньше всего – теле- и радиопередачи (12%).

Таким образом, можно заметить, что наиболее популярны источники с высокой степенью достоверности, преимущественно свободные от интерпретаций. При этом «первичные» источники (оригинальные документы и воспоминания очевидцев) студенты ставят по степени важности выше «вторичных» (научных, академических работ), а «вторичные», соответственно, выше «третичных» (учебников и материалов в СМИ, где исторические знания представлены преимущественно в реферативной форме). «Авторитетные» источники (связанные с профессиональной исторической деятельностью) вызывают у студенческой молодежи больше доверия, чем «неавторитетные» (не имеющие прямого отношения к профессиональной исторической деятельности).

Сравнительно низкое доверие к материалам в интернете, очевидно, связано с проблемами идентификации источников в сети и установления достоверности содержащихся там сведений. Наконец, в ответах респондентов проявляется вполне понятное недоверие к СМИ: 44% опрошенных не считают передачи по телевидению и радио сколько-то важным источником исторической информации.

Иерархия оценки источников, оценка их важности и значимости у белорусских студентов практически идентична российской выборке. Исторические фильмы для белорусских студентов несколько менее важны, чем учебники, но количественно отличие несущественно: 24,2% считают важным источником учебники, а исторические фильмы – 23,9% респондентов.

Отвечая на вопрос о фактическом источнике знаний по истории, российские студенты отмечают, прежде всего, занятия в учебных заведениях (75% опрошенных назвали их основным источником информации), затем научные и научно-популярные тексты (47%), экскурсии (38%), блоги и сайты в интернете (35%), исторические фильмы (27%), художественную литера-

туру (24%); семью, родственников и знакомых (22%); телевизионные передачи (15%) и социальные сети (12%).

Отличие белорусских студентов от российских состоит в том, что у первых блоги и сайты в интернете являются более популярным источником информации об истории, чем экскурсии (35% и 33% соответственно), а рассказы родственников и знакомых они называли в качестве основного источника информации чаще, чем художественную литературу (20% и 18%). Можно зафиксировать несколько меньшую популярность авторитетных источников информации и несколько большую – «первичных», горизонтальных каналов распространения исторических представлений у белорусских студентов.

Подводя итог, можно отметить, что историческая память, как специальным образом направленное сознание, тесно связана с современностью и будущей перспективой. В этой связи на первое место выходит ее процессуальный аспект, который, по сути, предполагает технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Следовательно, ключевой вопрос, который встает перед исследователем, заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что современная студенческая молодежь как в России, так и в Беларуси придает важное значение истории, считает необходимым сохранять и транслировать прошлое для будущих поколений. Проявляя высокий интерес к истории, молодые люди в фокус своего интереса помещают, прежде всего, историю на ее всеобщем уровне: национальном и мировом, тогда как региональная и семейная история несколько смещены на второй план.

Свой интерес молодежь подтверждает достаточно высоким уровнем знаний в области истории как национальной, так и общей. Именно в этом аспекте появляется возможность определить то поле, которое представляет собой общее прошлое России и Беларуси, а также выявить область представлений, образующих поля национального прошлого.

В целом можно отметить, что общее прошлое для белорусской и российской молодежи существует в границах тех исторических событий и процессов, когда Россия и Беларусь взаимодействовали в рамках единого политического пространства. Дальнейшее взаимодействие двух стран может создать условия для сохранения этих представлений как основы для взаимопонимания двух народов.

Список литературы

1. Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980. 182 p.
2. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 63. 2015. № 6 (361). С. 132–136.
3. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–257.
4. Коршунов Г. П. Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. С. 3–12.

References

1. Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books Publ, 1980. 182 p.
2. Dmitrieva O. O. Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographic concepts in Russian science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Story], issue 63, 2015, no. 6 (361), pp. 132–136 (In Russian).
3. Mazur L. N. The image of the past: the formation of historical memory. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [News of the Ural Federal University], series 2, Humanitarian sciences, 2013, no. 3 (117), pp. 243–257 (In Russian).
4. Korshunov G. P. The problem of historical memory at the digital break of epochs. *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Historical memory of Belarus as a factor of consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, 2019, pp. 3–12 (In Russian).

Информация об авторах

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Ракачев Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: midav.sf@mail.ru

Ракачев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: rd_rd@mail.ru

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук. Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (220118, г. Минск, ул. Машиностроителей, 25, Республика Беларусь). E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Rakachev Vadim Nikolaevich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of Sociology. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: midav.sf@mail.ru

Rakachev Dmitriy Nikolaevich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: rd_rd@mail.ru

Sergeev Vsevolod Nikolaevich – PhD (History), Associate Professor, Professor, the Department of Humanitar Sciences. University of Civil Protection of Republic of Belarus (25, Mashinostroiteley str., 220118, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

Поступила 15.03.2023

УДК 339.543(09)(476)

В. А. Астрога

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**МЕТРЫКА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ МІНСКАЙ МЫТНІ**

У артыкуле разглядаецца метрыка Вялікага Княства Літоўскага як унікальная і змястоўная крыніца для вывучэння гісторыі Мінскай мытні і мытнай гісторыі Беларусі адпаведнага гістарычнага перыяду. Дадзена характарыстыка дакументаў метрыкі, якія змяшчаюць інфармацыю пра «Меньскую мытную камору» – Мінскую мытню. Адзначана навуковая нявывучанасць праблемы метрыкі ВКЛ як крыніцы па беларускай мытнай гісторыі. Пазначаны найбольш важныя аспекты гісторыі мінскай мытні ў разнастайных дакументах метрыкі, пераважна «лістах» на арэнду мыта: умовы арэнды мытнай каморы, персаналіі кіраўнікоў Мінскай мытнай каморы, тэрміны і тэхналогіі збірання мыта, вызваленне ад уплаты мыта і бязмытныя лісты спагнання прамыта. Падкрэслена, што Літоўская метрыка можа стаць лексічным рэзервам для ўдасканалвання сучаснай беларускай мытнай тэрміналогіі. Зроблена выснова, што метрыка Вялікага Княства Літоўскага, нягледзячы на пэўную некамплектнасць дакументаў, з’яўляецца найбагацейшым зборам факталагічнага матэрыялу па гісторыі мінскай мытні.

Ключавыя словы: гістарычная крыніца, Вялікае Княства Літоўскае, Беларусь, гісторыя мытнай справы, метрыка ВКЛ, ліст, мытная камора, мытня, мытнікі, мыта, прамыта.

Для цытавання: Астрога В. А. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага як крыніца па гісторыі Мінскай мытні // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 11–15. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-2.

V. A. Astroha

Belarusian state university

**METRICS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF MINSK CUSTOMS**

The article considers the metric of the Grand Duchy of Lithuania as a unique and informative source for studying the history of the Minsk customs and the customs history of Belarus of the corresponding historical period. The characteristic of the metric documents containing information about the «Minsk customs storeroom» – Minsk customs is given. The scientific unexplored nature of the problem of the GDL metric as a source on the Belarusian customs history is noted. The most important aspects of the history of Minsk customs are indicated in various metrica documents, mainly «letters» for rent duties: terms of rent of the customs storeroom, personalities of the heads of the Minsk customs storeroom, terms and technologies of collection of duties, exemption from payment of duties and duty-free letters, promytsmuggling. It is emphasized that the Lithuanian metric can become a lexical reserve for improving modern Belarusian customs terminology. It is concluded that the metric of the Grand Duchy of Lithuania, despite a certain incompleteness of documents, is the richest collection of factual material on the history of the Minsk customs.

Keywords: historical source, Grand Duchy of Lithuania, Belarus, history of customs, metric GDL, letter, customs storeroom, customs office, customs officers, myta-customs duty, promytsmuggling.

For citation: Astroha V. A. Metrics of the Grand duchy of Lithuania as a source on the history of Minsk customs. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 11–15 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-2.

Уводзіны. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага (Метрыка ВКЛ), ядро якога складалі беларускія землі, з’яўляецца вялізарнай крыніцай ведаў пра гісторыю нашай краіны. Літоўская метрыка, як найчасцей называецца гэты архіў канцэлярыі вялікага князя літоўскага XV–XVIII стст., – гэта адносна добра вядомы навукоўцам дакументальны комплекс. Нягледзячы на свой драматычны лёс, ён у дастаковай ступені заха-

ваўся і выступае перманентнай крыніцай для мультыпрофільных даследаванняў па гісторыі Беларусі.

Трэба пазначыць, што ў ім даволі шмат утрымліваецца і звестак пра стан і развіццё мытнай справы на землях Вялікага Княства. Даследчыкі мытнай гісторыі Беларусі перыяду ВКЛ, у тым ліку Мінскай мытні, заўсёды выкарыстоўвалі гэтыя матэрыялы ў сваіх працах.

Сярод іх найбольш значымі для беларускай гістарыяграфіі з'яўляюцца даследаванні М. В. Доўнар-Запольскага, які першы ў айчыннай гістарыяграфіі на падставе выкарыстаных дакументаў метрыкі ў сваёй грунтоўнай працы «Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах» зрабіў падрабязны аналіз і стварыў дэталёвую карціну развіцця мытнай справы ў Вялікім Княстве ў XVI–XVII ст. [1]. Актыўна карыстаўся Літоўскай метрыкай ў сваіх працах В. Ю. Саяпін [2]. Пазначым, што і аўтар дадзенай публікацыі выкарыстоўваў факталагію Метрыкі ВКЛ у манаграфіі «Гісторыя Мінскай рэгіянальнай мытні» [3]. Але ніхто з гэтых даследчыкаў не закранаў асобна пытанне пра аналіз метрыкі ВКЛ як крыніцы па мытнай гісторыі. Такім чынам, актуальнасць і недадаследаванасць узнятай праблемы, несумненна, мае высокі ўзровень навізны і патрабуе свайго асвятлення.

Асноўная частка. Метрыка з'яўляецца ўнікальным матэрыялам для вывучэння мытнай гісторыі Беларусі і дае магчымасць даведацца пра розныя старонкі мытнай справы ў ВКЛ. Кнігі Метрыкі сістэматычна вяліся з XV ст. Пазначым, што з XV па XVII ст. яе дакументы складаліся на старабеларускай мове, а з канца XVII – пачатку XVIII ст. – пераважна на польскай мове з вялікай доляй лацінскіх слоў. Таму, між іншым, вывучаючы метрыку, мы можам адначасова даследаваць і пытанне пра фарміраванне беларускамоўнай мытнай тэрміналогіі ў тэя часы. Сярод знаёмых на сённяшні дзень мытных адмысловых тэрмінаў: мытнікі, мыта і іншых, – мы сустракаем і тэя, якія настолькі зышлі ў «гістарычны цень», што не адразу і зразумельны па сваім прафесійным сэнсе. Напрыклад, «прамыта» – кантрабанда, «адмычэнне» – вызваленне ад аплаты мыта, «квіт» – даведка пра аплату мыта, «лічба» – справаздача, «бязмытны ліст» – вызваленне ад уплаты мыта і іншае [4]. У гэтым сэнсе Літоўская метрыка можа стаць лексічным рэзервам для ўдасканалвання сучаснай беларускай мытнай тэрміналогіі.

Адразу падкрэслім, што час пачатку дзейнасці Мінскай мытні дакладна невядомы, але ўжо ў дарчым дакуменце 1387 г. вялікага князя Ягайлы свайму брату Скіргайлу зямель у цэнтральных і ўсходніх частках сучаснай Беларусі згадваецца «горад Менск весь и со всеми людьми и с землею ... мытом и с доходом» [5, с. 285]. Несумненна, гэты запіс сведчыць пра наяўнасць так званага «менскага мыта» ў першыя дзесяцігоддзі знаходжання горада ў складзе ВКЛ. Але матэрыялы метрыкі дазваляюць нам даведацца пра пазнейшыя падзеі гісторыі мытні. Адна з найважнейшых – атрыманне ў 1499 г. Мінскам па прывілеі вялікага князя Аляксандра Ягелончыка «права майдэборскага» – Магдэбургскага

права, якое дало гораду самакіраванне «через врьд добрый а справедливый» і магчымасць самастойна вырашаць пытанні свайго сацыяльна-эканамічнага развіцця. У прыватнасці, прывілеяй даравалася магчымасць накіравання ўзятага мыта з тавараў на патрэбы горада, дазвалялася ў «месте нашом мети важницу», а «теж мыто нашо Менское и с промытою мають мытники наши держати, которым колвек продадим, во упокои, подле давного обычаю» [6, с. 86–87]. Такім чынам, першыя дакументы Літоўскай метрыкі, у якіх маюцца звесткі пра «менскае мыта», датуюцца канцом XV ст.

Вельмі важна, што Метрыка захавала нам імя аднаго з найпершых мінскіх мытнікаў – Міхала Даніловіча, адкупшчыка «мыта менскага» ў 1489–1491 гг. У дакуменце чытаем: «Прадали есмо мыто меньское жыду трюцкаму Михаилу Даниловичу на три годы за полосмаста коп грошей широких, на год па полтретяста коп грошей... А брати ему мыто по старому. Про то ж, штобы еси его од кривд боронил и не дал бы еси ему кривды чинити никому ни в чом и во всем бы еси мы ту нашому был помочон, абы ся мыто нашо не понижало» [7, с. 53–54].

Больш таго, метрыкальныя дакументы дазваляюць аднавіць спіс «менскіх мытнікаў» фактычна за стагоддзе з 1489 па 1584 гг.:

1. Даніловіч Міхаіл – адкупшчык мыта менскага ў 1489–1491 гг.

2. Працкевіч Ф., Сцяпановіч Яўлашка – адкупшчыкі мыта менскага ў 1495–1498 гг.

3. Янчалевіч Марцін – адкупшчык мыта менскага ў 1498–1500 гг.; 1504–1506 гг.

4. Ясковіч Нісан – адкупшчык мыта менскага ў 1501–1503 гг.; 1519–1520 гг.

5. Езафовіч Аўрам, Дзітрыховіч Ян – адкупшчыкі мыта менскага ў 1507–1509 гг.

6. Езафовіч Аўрам – адкупшчык мыта менскага ў 1509–1510 гг.

7. Даніловіч Шамак – адкупшчык мыта менскага ў 1510–1514 гг.

8. Ясковіч Нісан, Цуцыла Федка Андрэевіч – адкупшчыкі мыта менскага ў 1515–1518 гг.

10. Езафовіч Міхель – адкупшчык мыта менскага ў 1525–1527 гг.

11. Мошаевіч Ілля, Айзаковіч Пейсах, Галашкевіч Шагна – адкупшчыкі мыта менскага ў 1531–1534 гг.

12. Шалушыч Грынашка – менскі мытнік, гаспадарскі дваранін у 1536–1538 гг.

13. Сечка Фёдар Філіпавіч – менскі мытнік у 1549 г.

14. Бордзабагаты Іван, Бордзабагаты Аляхно – адкупшчыкі мыта менскага ў 1553–1556 гг.

15. Бародаўка Ізак – адкупшчык мыта менскага ў 1560–1562, 1565–1567 гг.

16. Сапега Мікалай – адкупшчык мыта менскага ў 1578–1581 гг.

17. Абрамовіч Хаім – адкупшчык мыта менскага ў 1582–1584 гг. [3].

Згодна з дакументамі метрыкі, статус мытнікаў быў вельмі высокі. Яны былі падсудныя толькі вялікаму князю літоўскаму, а бо як яго называлі ў метрыцы – «Гаспадару», ці падскарбію земскаму: «Мытніков наших особ во всяких речах, буд купецьких и мытных, або и кривавых яко ся вышей поменило, не мает нихто з воевод, старост, державец, и з их наместников судити, одно мы, господар, або подскарбий наш земский» [8, с. 56].

Адначасова адным з ключавых патрабаванняў вялікакняскага кантракту было «трымаючы мыта і прамыту» не проста збіраць мытныя плацяжы, але і супрацьдзейнічаць кантрабандзе: «Верне справедливое бы есте нам служили и пожитку нашего з великою пильностью на тых мытех стерегли, никому не фолкгуячы так, как быхмо ни в чом шкоды не мели, а на местцы одном не лежали, але мыта объездчали и коло них великую сторожу, опатренность и чуйность мели» [3, с. 19].

У дакументах канцылярыі вялікага князя Аляксандра Ягелончыка захаваўся кантракт на арэнду Мінскага мыта, выдадзены Федцы Процкевічу і Яўлашцы Сцёпановічу 13 мая 1495 г. Ён дазваляе нам зразумець падставы, згодна з якімі прадстаўлялася жадаючым арэнда мыта «Менскаго» – «Продалиесмо мыто Менское мешаном Менским, Федку Процкевичу а Евлашку Степановичу, на три годы. На год мают нам давати по сту коп и по двадцати коп грошей широких. А рок мают увезатися в тое мыто перед сею прийдучою сею суботою за три недели. А держати мают тое мыто три годы до тогож року. А мают нам дават и на каждый год по сту коп и по двадцати коп грошей, на рок, в трех неделях перед сею суботою. Первый год выдержавши, мают нам дати сто коп грошей и двадцат коп грошей; а на другой год по томуж мают давати; а на третий год так же мают давати нам сто коп и двадцат коп грошей, выдержавши остаточный год. А мают нам давати все готовые грошми.

А мы на квитациях в них не маем ником удавати с того нашого с мыта. Все тьи гроши мают нам готовыми грошми давати в наш скарб на тьи роки, верху выписаныи. Ино штобы еси у мыто нашо и у промыту не вступался. Нехай бы они, мытники наши, мыто и промыту заведали по давному, штобы еси от кривд их боронил, и во в сем бы еси мыту нашому был помощон, абы мыто нашо не понижалося, и штобы еси их судил, ани рядил, а и наместник бы твой еж их не судил, ани рядил, и децких бы еси своих на них не давал, а и наместник бы твое теж на них децких своих не давал. Кому бы до них было дело,

и мы маем о том межи ними смотрети в тот час, поки выдержат мыто нашо» [8, с. 27].

У іншым арэндным лісце ад 7 верасня 1565 г., напісаным у Городне пісарам Астафеем Валовічам Давыду Шмерлевічу, Ізаку Барадавце і Аўраму Длугачу з нагоды трымання імі новых мыт Подляшскіх, Менскай і Віленскай мытных камор, мы можам даведацца і пра мытныя тэхналогіі таго часу, якія існавалі як у Мінскай мытні, так і па ўсёй тэрыторыі ВКЛ. Сабраныя мыты яны мусілі падаваць у скарб два разы на год – на день святых апостолаў Пятра і Паўла, а другую «половицу пенезей на новое лето». Але, калі б праз «вторгненьне неприятелское до панства нашего Великаго Князства Литовского котораго часу пришло, або голод, албо поветрее з воли Божьи замножилося, то мытнікі павінны былі скласці справядачу-лічбу: па якой прычыне і колькі не сабралі мыта ў скарб і ім будзе даравана нявыплата. Адносна прамыта ў лісце было сурова пазначана: «А хто бы ся промытил и прокрадши ся через комору мытную, мыта звычайного не заплатил, таковыые купцы везде мають быти гамованы и промычываны подде давное звыклости, которое промыты з ведомости врадов наших, где бы ся промыта притрфила, мають на нас, господара, половицу давати, а себе брати другую половицу» [8, с. 50].

У лістах на арэнду часта фігураваў тэрмін «бязмытны ліст» – вызваленне купца паводле загаду Гаспадара ад платы мыта за правоз уласнага тавару. Так, у Грамаце караля Казіміра IV Андрэя Ягелона ад 5 мая 1480 г. адзначалася аб дазvole мінскаму купцу Церашковічу «бязмытнага гандлю ў гарадах Вялікага Княства Літоўскага»: «тот наш человек, мещанине менский Лука Терешкович, торгует нашим дубасом бобруйским троцкое половины и нашими пенязьми; а от того нам прибытку дает. И вы бы от нашего дубаса и от его комяги мыта не брали бы... по всем нашим мытом, и по князским, и по панским, и по боярским, сухим и водою. А которыи бы хотели через наш лист силу ему чинити, а мыто взяли от нашего дубаса и от его комяг, то нам великую вину заплатит» [9, с. 261].

«Мытныя дакументы» метрыкі ВКЛ настолькі разнастайныя па сваім змесце, што даюць нам дадатковыя звесткі нават па іншых галінах жыцця ў княстве і пра самых розных персаналіях. Так, толькі у адным дакуменце «лісце» ад 24 красавіка 1486 г. мы можам убачыць шматлікія прозвішчы вялікакняскіх крэдытораў, якім мытнікі мусілі аддаць з набранага мыта гаспадарскія пазыкі: «Ходьку Могилевцу 8 коп грошей с мыта меньского ... Богдану Цьковичу 6 коп грошей с мыта меньского ... Писару Петрашку 10 коп грошей с мыта меньского. Ивану 6 коп с мыта меньского. Андрушку Коптю 7 локоть сукна махальского с мыта меньского. Федку

Колонтаеву 7 локоть сукна махальскаго с мыта меньскаго...» [7, с. 33–35].

З дакументаў метрыкі мы можам даведацца, што часам багатая Мінская мытная камора не давала ў скарб аніякага мыта. Прычынамі падобнага станавіліся разбуральныя войны. Так было напачатку XVI ст.: у 1505 г. горад быў узяты штурмам крымскімі татарамі, цалкам разрабаваны і спалены. Пасля зноў было неаднаразовае спусташэнне яго ваколіц, ужо не кажучы пра пастаянныя ваенныя дзеянні на ўсходніх межах ВКЛ, а стихійныя бедствы-пажары і эпідэміі не раз пазбаўлялі горад асноўнай крыніцы даходаў ад транзітнага гандлю. Разуумеючы гэта і жадаючы дапамагчы аднаўленню дабрабыту, вялікі князь літоўскі Жыгімонт Стары 27 кастрычніка 1547 г. у сваім «лісце» «мещаном Менским, которых дома в месте Менском погорели, на десет год волности... Не маюць они в тую десеть год никоторых подачок нам до скарбу нашего да-

вати, так теж и от товаров своих, которыми бы они купчили, мыта не маюць на мытех наших и князьских, и паньскихъ, и духовных, сухим путем и водою, платити. Але маюць безмытне торговати, поки олиж тая десет год выйдеть» [8, с. 40].

Заклучэнне. Такім чынам, Метрыка Вялікага Княства Літоўскага, нягледзячы на пэўную некамплектнасць дакументаў, з'яўляецца найбагацейшым зборам факталагічнага матарыялу па гісторыі Мінскай мытні. Яе дакументы раскрываюць разнастайныя старонкі дзейнасці гэтай ўстановы ў XV–XVI стст. З яе дапамогай мы можам даведацца пра персанальнае кіраўніцтва мытні, правілы і тэхналогіі працы мытнікаў, прарозныя кшталты мыта, змаганне з прамытам, тагачасную мытную тэрміналогію. Метрыка ВКЛ, як ніякая іншая крыніца, дазваляе аднавіць малавядомую і забытую мытную старонку сённяшняй сталіцы Беларусі.

Спіс літаратуры

1. Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск: Беларус. навука, 2009. 758 с.
2. Саяпин В. Ю. Таможенная служба. В 2 кн. Кн. 1. Мыто и мытники. Гродно: Гроднен. тип., 2005. 400 с.
3. Острога В. А., Иванов С. В. История Минской региональной таможни. Минск: РИВШ, 2022. 172 с.
4. Острога В. А. Специальная таможенная терминология Великого княжества Литовского XVI–XVIII вв. // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. конф., посвященной 88-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2009 г. Минск, 2009. С. 241–242.
5. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭН, 2006. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. 792 с.
6. Прывілей Менску на Магдэбургскае права 1499 года. Літоўская Метрыка. VI // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. URL: http://mensk.by/modules.php?name=Articles&pa=showarticle&articles_id=89 (дата обращения: 15.01.2023).
7. Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Metyka Litewska. Knyga Nr. 4 (1479–1491); Užrašymų knyga 4 / Lietuvos istorijos institutas. Vilnius: Žara, 2004. 285 p.
8. Беларускі архіў. Т. 3. Менскія акты. Выпуск першы. XV–XVIII стст. Менск: Выд-ва БАН, 1930. 398 с.
9. Белоруссия в эпоху феодализма. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. Т. 1. 515 с.

References

1. Doŭnar-Zapol'ski M. V. *Dzyarzhaynaya gaspadarka Vyalikaga knyastva Litouskaga pry Yagelonakh* [Dzyarzhaynaya gaspadarka of Vyalikaga of the principality of Lithuanian pr Jagielonah]. Minsk, Belarus. navuka Publ., 2009. 758 p. (In Belarusian).
2. Sayapin V. Yu. *Tamozhennaya sluzhba. V 2 kn. Kn. 1. Myto i mytniki* [Customs service. In 2 books. Book 1. Myto and mytniki]. Grodno, Grodnen. tip. Publ., 2005. 400 p. (In Russian).
3. Ostroga V. A., Ivanov S. V. *Istoriya Minskoy regional'noy tamozhni* [History of Minsk Regional Customs]. Minsk, RIVSh Publ., 2022. 172 p. (In Russian).
4. Ostroga V. A. Special customs terminology of the Grand Duchy of Lithuania in the XVIth–XVIIIth centuries. *Belarus' v sovremennom mire: Materialy VIII Mezhdunar. konf., posvyashchennoy 88-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belarus in the Modern World: Materials of the VIII Intern. conf. dedicated to the 88th anniversary of the Belarusian State University]. Minsk, 2009, pp. 241–242 (In Russian).
5. Pashkou G. P. *Vyalikaye knyastva Litouskaye: entsyklapedyya. U 2 t. T. 2. Kadetski korpus – Yatskevich* [The Vyalikae Principality of Lithuania: encyclopaedi. In 2 vols. Vol. 2. Academic Corps – Yatskevich]. Minsk, BelEN Publ., 2006. 792 p. (In Belarusian).
6. Privat Menska on the Magdeburg rights of 1499. Lithuanian Metyka. VI. *Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission*. Available at: http://mensk.by/modules.php?name=Articles&pa=showarticle&articles_id=89 (accessed 15.01.2023).

7. *Litovskaya Metrika – Metrika Litovskaya. Nomer knigi 4 (147–1491); Bloknot 4* [Lithuanian Metrica – Metryka Litewska. Book no. 4 (1479–1491); Notebook 4]. Vil'nyus, 2004. 285 p. (In Lithuanian).

8. *Belaruski arkhiu. T. 3. Menskiya akty. Vypusk pershy. XV–XVIII stst.* [Belarusian archives. T. 3. Menskiya acts. First edition. 15–18 centuries]. Mensk, Vyd-va. BAN Publ., 1930. 398 p. (In Belarusian).

9. *Belorussiya v epokhu feodalizma* [Belarus in the era of feudalism]. Minsk, Izd-vo. Akad. nauk BSSR Publ., 1959. T. 1. 515 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Віктар Аляксандравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры мытнай справы. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (пр-т. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroha Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezalezhnasti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Паступіў 10.03.2023

УДК 94(476):352.075.31«18/19»

Я. М. Ляпешкін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**КАНТРОЛЬ ГУБЕРНАТАРАЎ ЗА СЯЛЯНСКІМ САМАКІРАВАННЕМ
У БЕЛАРУСІ (1864–1917 ГГ.)**

У артыкуле разгледжаны механізм кантролю губернатара за сялянскім самакіраваннем. Паказана, што нагляд ажыццяўляўся праз міравых пасрэднікаў, павятовыя міравыя з'езды (у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях з 1878 г. – праз павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці) і губернскія па сялянскіх справах прысутнасці, а ў пачатку ХХ ст. – праз земскіх начальнікаў, павятовыя з'езды і губернскія прысутнасці. У сваю чаргу, губернскія па сялянскіх справах прысутнасці (губернскія прысутнасці), дзе старшынстваваў губернатар, назіралі за іншымі з пералічаных органаў. Адзначана, што гэтыя інстытуты камплектаваліся праз прызначэнні міністра ўнутраных спраў, генерал-губернатара і з удзелам кіраўніка губерні. Зроблена выснова, што ў Беларусі ў механізме нагляду за сялянскім грамадскім кіраваннем губернатарау надавалася большае значэнне, чым у цэнтральных расійскіх губернях.

Ключавыя словы: губернатар, беларускія губерні, органы нагляду, сялянскае самакіраванне, кантроль.

Для цытавання: Ляпешкін Я. М. Кантроль губернатараў за сялянскім самакіраваннем у Беларусі (1864–1917 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 16–21. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-3.

Ya. M. Liapeshkin

Belarusian State University

**CONTROL OF GOVERNORS OVER PEASANT SELF-GOVERNMENT
IN BELARUS (1864–1917)**

The article examines the mechanism of the governor's control over peasant self-government. It is shown that supervision was carried out through peace mediators, district peace congresses (in Vitebsk, Mogilev and Minsk provinces from 1878 – district presences for peasant affairs), and provincial presences for peasant affairs, and at the beginning of the 20th century – zemstvo chiefs, district congresses and provincial presences. In turn, the provincial presences for peasant affairs (provincial presences), presided over by the governor, monitored others of the listed bodies. It is noted that these institutions were staffed through the appointments of the Minister of Internal Affairs, the Governor-General and with the participation of the head of the province. It was concluded that the governor was more important in the mechanism of supervision of peasant public administration in Belarus than in the central Russian provinces.

Keywords: the governor, Belarusian provinces, supervisory bodies, peasant self-government, control.

For citation: Liapeshkin Y. M. Control of governors over peasant self-government in Belarus (1864–1917). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 16–21 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-3.

Уводзіны. Установы кіравання па сялянскай справе і ўвогуле дзяржаўны кантроль за органамі сялянскага самакіравання ўжо разглядаліся ў гістарыяграфіі [1–4], але ўвага на ролі губернатара ў беларускіх губернях не акцэнтавалася. Таму для разумення механізму кантролю над вёскай патрэбна звярнуцца да пытання губернатарскага нагляду. Мэта артыкула – раскрыць механізм губернатарскага кантролю над самакіраваннем сялян.

Асноўная частка. У выніку аграрнай рэформы 1861 г. былыя прыгонныя сяляне атрымалі права на самакіраванне. У тагачасных крыніцах яно называлася грамадскім кіраваннем. З сялян,

якія жылі на зямлі аднаго памешчыка, складалася сельская грамада. А некалькі сельскіх грамад аднаго павета ўтваралі воласць [5, с. 147]. Для грамады стваралася сельскае грамадскае кіраванне, а на ўзроўні воласці існавала валасное кіраванне.

Сельскае грамадскае кіраванне складалася з сельскага сходу і сельскага старасты. Сход загадваў выбарамі службовых асоб, прысуджаў да выдалення шкодных членаў грамадства, хаданічаў і скардзіўся па грамадскіх справах, выконваў і іншыя функцыі [5, с. 147–148]. *Валасное кіраванне* складалася з валаснога сходу, старшыні з праўленнем і сялянскага суда. Валасны

сход фарміраваўся з выбарных асоб. Ён займаўся выбарамі службовых асоб і суддзяў, грамадскай апекай, падачай скаргаў і просьбаў па справах воласці і інш. [5, с. 152]. Аднак сялянскія грамадскія ўстановы падпарадкоўваліся агульнаму губернскаму і павятоваму кіраванню [5, с. 143].

Для рэалізацыі палажэнняў рэформы 1861 г. і разбору спрэчак паміж памешчыкамі і часоваабавязанымі сялянамі ўводзіліся пасады міравых пасрэднікаў, павятовыя міравыя з'езды і губернскія па сялянскіх справах прысутнасці.

Міравыя пасрэднікі выбіраліся з мясцовых дваран і зацвярджаліся на пасадзе ўказами Сенаата. Прычым спісы кандыдатаў перад зацвярджэннем разглядаліся начальнікам губерні (губернатарам). У абавязкі міравых пасрэднікаў па грамадскім сялянскім кіраванні ўваходзіла зацвярджэнне валаснога старшыні; спагнанні са службовых асоб сельскага і валаснога кіравання за праступкі на пасадзе; адхіленне ад пасады сельскага старасты за сур'ёзныя праступкі; зняцце з пасады валаснога старшыні за службовыя парушэнні (з зацвярджэння губернатара) [6, с. 202–206].

З міравых пасрэднікаў павета і члена ад урада (прызначаўся начальнікам губерні) складаліся *павятовыя міравыя з'езды*, у якіх старшынстваваў павятова прадвадзіцель дваранства. *Губернскія па сялянскіх справах прысутнасці* ўзначальваў губернатар. У іх склад уваходзілі губернскі прадвадзіцель дваранства, кіраўнік палаты дзяржаўных маёмасцяў, губернскі пракурор, чатыры мясцовыя памешчыкі (два з іх запрашаліся з дазволу імператара па ўзгадненні начальніка губерні і міністра ўнутраных спраў і два абіраліся на дваранскіх сходах) [6, с. 213, 216].

Губернскія па сялянскіх справах прысутнасці займаліся вырашэннем скаргаў на дзеянні міравых пасрэднікаў і павятовыя міравыя з'езды (зацвярджалі ці скасоўвалі рашэнне па скарге), добраахвотнымі пагадненнямі сялян з памешчыкамі, распарадчымі дзеяннямі па сялянскіх справах. Калі начальнік губерні сустрэкаў цяжкасці ў выкананні рашэння губернскай прысутнасці (пры абставінах, якія заслугоўвалі ўвагі ўрада), то ён меў права яго прыпыніць. Пра што даносіў міністру ўнутраных спраў [6, с. 217–218].

З дадзенага агляду заканадаўства можна зрабіць выснову, што адносіны сялян і сялянскага самакіравання з памешчыкамі рэгулявалі створаныя органы ўлады: міравыя пасрэднікі, павятовыя міравыя з'езды і губернскія па сялянскіх справах прысутнасці. Апошнія, у сваю чаргу, кантралявалі міравых пасрэднікаў і з'езды, разглядаючы на іх скаргі.

У той жа час губернатар непасрэдна не кантраляваў сялянскае самакіраванне. Але ён ажыц-

цяўляў нагляд за ім з дапамогай губернскай па сялянскіх справах прысутнасці, дзе ён старшынстваваў.

На практыцы гэта выглядала наступным чынам. Па інфармацыі міравога пасрэдніка Гродзенскай губерні Славуцінскага С. Ц., у 1866 г. губернатар Скварцоў І. М. (1863–1868) наведваў некалькі валасных праўленняў Гродзенскага павета. У выніку агляду ім былі вынесены на разгляд губернскай прысутнасці заўвагі. Яны ўказвалі на няправільную працу валасных сходаў і няведанне сялянскімі службовымі асобамі сваіх абавязкаў [7, с. 293].

Падобныя рэвізіі праводзіліся і ў Мінскай губерні. Так, у 1865 г. губернатар Шалгуноў П. Н. (1864–1868) аб'ехаў воласці Барысаўскага павета і накіраваў губернскай прысутнасці заўвагі, зробленыя па валасным кіраванні. Прысутнасць, у сваю чаргу, прыняла пастанову па выпраўленні выяўленых недахопаў [8, арк. 25, 30 зв., 33–35].

Між тым, па словах М. К. Палявога, які працаваў міравым пасрэднікам у Мінскай губерні ў 1864–1865 гг., старшыня губернскай прысутнасці Шалгуноў П. Н. не быў знаёмы з сялянскай справай. Таму ён і не кіраваў ёй [8, с. 10, 21]. Хаця начальнік губерні не абавязкова мог разбірацца ў сялянскай справе, але фармальна ён усё ж з'яўляўся старшынёй губернскай прысутнасці, а значыць, з ім трэба было лічыцца.

Паўстанне 1863–1864 гг. унесла істотныя змены ў сістэму кіравання сялянскай справай. Так, у 1863 г. віленскі генерал-губернатар атрымаў часовае права звальняць ад пасады міравых пасрэднікаў, валасных старшын і сельскіх старастаў, якіх ён лічыў нядобранадзейнымі. Прычым на вакантныя пасады міравых пасрэднікаў замест абрання сталі прызначацца кандыдаты па рашэнні генерал-губернатара, а пасады валасных старшын і сельскіх старастаў замяшчаліся пасля новых выбараў [10, с. 209]. Такім чынам, мясцовыя міравыя пасрэднікі сталі больш залежнымі ад адміністрацыі.

У падборы гэтых асоб пры генерал-губернатары Мураўёве М. М. (1863–1865) канчатковае рашэнне было за ім. Роля губернатараў у гэтым аспекце адыходзіла на другі план: «...ніякія прадстаўленні і хадайніцтвы губернатараў аб звальненні таго ці іншага пасрэдніка не мелі ніякіх вынікаў, калі былі заснаваныя толькі на адным жаданні пазбавіцца ад пасрэдніка...» [11, с. 226], – прыгадваў ва ўспамінах міравы пасрэднік Бярэзін У. П. Такі падыход, верагодна, захоўваўся і пры наступных генерал-губернаторах – К. П. фон Каўфмане (1865–1866) і графе Э. Т. Баранаве (1866–1868) [11, с. 226]. Таму пры фарміраванні інстытута міравых пасрэднікаў у 1863–1868 гг. галоўная

роля адводзілася главе Віленскага генерал-губернатарства, а начальнікі губерняў не мелі вырашальнага значэння.

Між тым сістэма кардынальна змянілася з прызначэннем генерал-губернатараў Патапава А. Л. (1868–1874). Ён «у справе прызначэння і звальнення пасрэднакаў кіраваўся выключна жаданнямі губернатараў» [11, с. 226], – пісаў сучаснік. Значыць, міравыя ўстановы траплялі ў большую залежнасць ад губернатара.

Пад уплывам паўстання 1863–1864 гг. у беларускіх губернях асобы на выбарныя пасады ў губернскія па сялянскіх справах прысутнасці таксама сталі прызначацца (у адрозненне ад унутраных расійскіх рэгіёнаў). Прычым улічвалася іх праваслаўнае веравызнанне і «рускае» паходжанне [2, арк. 9]. Напрыклад, у 1863 г. на дзве выбарныя пасады ад дваранства ў Гродзенскай прысутнасці былі прызначаны Міністэрствам унутраных спраў (МУС) праваслаўныя памешчыкі [2, арк. 65].

Пераўтварэнні органаў кіравання па сялянскіх справах працягвалі адбывацца і надалей. Так, у 1874 г. урад з мэтай скарачэння выдаткаў земстваў пайшоў на скасаванне пасады міравых пасрэднакаў. Гэтыя перамены закранулі тыя губерні, дзе былі ўведзены земскія і міравыя судовыя ўстановы па рэформе 1864 г. Абавязкі пасрэднакаў ускладзіліся на *павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці*, іх неадменных членаў і агульныя ўстановы. У выніку ў кожным павеце ўтвараліся павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці. Яны складаліся са старшыні – павятовага прадвадзіцеля дваранства, неадменнага члена, павятовага спраўніка, старшыні павятовай земскай управы, ганаровага міравога судзі. На пасаду неадменнага члена губернскі земскі сход выбіраў па два кандыдаты. Зацвярджэнне на пасаду, пасля водзіву губернатара, рабіў кіраўнік МУС [12, с. 929–930].

Павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці зацвярджалі валасных старшын, накладалі спаганні на службовых асоб сялянскага кіравання, назіралі за ходам апошняга, рэвізавалі валасное і сельскае кіраванне [12, с. 930–931]. Гэта сведчыць пра ўзмацненне кантролю за сялянскім насельніцтвам з боку ўлады.

У Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях пасаду міравых пасрэднакаў скасавалі ў 1878 г. (перасталі дзейнічаць і іх з'езды). Замест іх уводзіліся павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці. Губернатар надзяляўся правам, у выпадку неабходнасці, прызначаць трох членаў са службовых асоб, якія будуць удзельнічаць у пасяджэннях павятовай па сялянскіх справах прысутнасці. Неадменных членаў павятовых прысутнасцяў прызначаў міністр унутраных спраў па прадстаўленні губернатара [13, с. 225].

Такім чынам, у трох беларускіх губернях новыя ўстановы трапілі ў большую залежнасць ад начальніка губерні, чым у земскіх рэгіёнах.

Таксама ў Магілёўскай губерні, дзе раней дзейнічаў агульны з'езд міравых пасрэднакаў, цяпер па выбары губернатара з прадвадзіцеляў дваранства прызначаўся агульны для павятовых прысутнасцяў старшыня. Яго зацвярджаў кіраўнік МУС [13, с. 226]. А з 1888 г. замест агульнага старшыні тут у кожнай павятовай прысутнасці павінен быў старшынстваваць павятовы прадвадзіцель дваранства [14, с. 301].

Акрамя таго, справаводства павятовых па сялянскіх справах прысутнасцяў рэвізавалася губернатараў. Напрыклад, у 1893 г. начальнік Віцебскай губерні князь Далгарукаў В. М. (1884–1894) правяраў справаводства такіх устаноў, а выпраўляць выяўленыя хібы прапанаваў ужо губернскай па сялянскіх справах прысутнасці [15, арк. 1–2].

У Віленскай і Гродзенскай губернях з 1888 г. аднавілі з'езды міравых пасрэднакаў для кожнага павета пад старшынствам прадвадзіцеляў дваранства [14, с. 301]. А інстытут міравых пасрэднакаў тут захаваўся да канца 1903 г. [1, с. 162]. На змену ім прыйшлі земскія начальнікі [3, арк. 26, 35].

З улікам таго, што ў Беларусі дваранскія выбары не былі адноўлены, з'езды міравых пасрэднакаў і павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці знаходзіліся ў значна большай залежнасці ад МУС і губернатара ў параўнанні з унутранымі расійскімі губернямі, дзе дваранскія выбары праводзіліся.

Пры гэтым трэба мець на ўвазе, што ў Віленскай і Гродзенскай губернях захоўваўся моцны ўплыў генерал-губернатара. Так, у справаздачы П. П. Альбядзінскага (1874–1880) імператару за 1874–1877 гг. дакладвалася пра выяўленыя, падчас аб'езду краю, недахопы і ўказвалася на «неабходнасць узмацніць назіранне за дзеяннямі міравых пасрэднакаў і каморнікаў, якія знаходзяцца ў іх распараджэнні» [16, арк. 83 зв.]. Таму генерал-губернатар прапанаваў губернатараў «устанавіць тэрміновыя паверкі работ па адмежаванні праз членаў губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцяў і паверачных каморнікаў...» [16, арк. 83 зв. – 84]. Паводле яго слоў, прынятыя меры паскорылі працы па адмежаванні сялянскага і памешчыцкага землеўладання ў краі [16, арк. 84]. Значыць, тут у дзеянні губернатараў па сялянскай справе актыўна ўмешваўся генерал-губернатар.

Праца павятовых па сялянскіх справах прысутнасцяў аказалася недасканалай [1, с. 230]. Да таго ж захоўвалася неспакойная грамадска-палітычная сітуацыя. Таму ўрад прапанаваў

нову структуру для кіравання ў сельскай мясцовасці. Яна знайшла адлюстраванне ў Палажэнні аб земскіх участкавых начальніках ад 12 ліпеня 1889 г. Згодна з дакументам, кантроль з боку дзяржаўнай улады над сялянскім самакіраваннем узмацняўся. Новыя законапалажэнні першапачаткова ўводзіліся ў больш надзейных унутраных губернях, а затым распаўсюджваліся на памежныя рэгіёны краіны. У губернях, на якія распаўсюджвалася Палажэнне ад 12 ліпеня 1889 г., замест губернскіх і павятовых па сялянскіх справах прысутнасцяў пачалі ўладкоўвацца *земскія ўчастковыя начальнікі, павятовыя з'езды і губернскія прысутнасці* [17, с. 510, 517, 521].

Земскі начальнік надзяляўся правам нагляду за сялянскім самакіраваннем, правядзення рэвізій сялянскіх грамадскіх устаноў на сваё меркаванне ці па даручэнні губернскай прысутнасці або губернатара. Апошнія ажыццяўлялі нагляд над земскім начальнікам і яго кіраўніцтвам [17, с. 513, 517]. Губернатар разам з губернскім і павятовым прадвадзіцелямі дваранства выбіраў кандыдата на пасаду земскага начальніка, якога зацвярджаў глава МУС [17, с. 512].

Па законе ад 12 ліпеня 1889 г. у кожным павеце ўтвараўся павятовы з'езд, які складаўся з адміністрацыйнай і судовай прысутнасцяў. У першай старшынстваваў павятовы прадвадзіцель дваранства. У яе склад уваходзілі ўсе земскія начальнікі павета, спраўнік і старшыня павятовай земскай управы. Судовая прысутнасць пад старшынствам павятовага прадвадзіцеля дваранства складалася з павятовага члена акруговага суда, ганаровых міравых суддзяў, гарадскіх суддзяў і земскіх начальнікаў [17, с. 517–518].

У мясцовасцях, дзе дваранскія выбары не праводзіліся, у тым ліку і ў Беларусі, старшыні павятовых з'ездаў прызначаліся кіраўніком МУС па прадстаўленні губернатара [17, с. 518]. Земскія начальнікі прызначаліся таксама міністрам у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, а ў Віленскай і Гродзенскай – генерал-губернатарам, па прадстаўленнях губернатараў [18, с. 369]. Таксама па прапанове начальніка губерні павятовы з'езд уносіў у губернскую прысутнасць запыт аб канчатковым выдаленні з пасады службовых асоб сельскага і валаснога ўпраўлення ці перадачы іх суду [17, с. 519].

У губернях, дзе ўводзіўся закон ад 12 ліпеня 1889 г., губернскія і павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці скасоўваліся. Адміністрацыйныя абавязкі першых перадаваліся губернскай прысутнасці [17, с. 521, 534]. У новай установе старшынстваваў губернатар. У яе склад уваходзіў губернскі прадвадзіцель дваранства, віцэ-губернатар, пракурор ці яго таварыш, два неадменныя члены. Губернская прысутнасць

ажыццяўляла нагляд за выкананнем абавязкаў земскімі начальнікамі і павятовымі з'ездамі, праводзіла рэвізіі іх справаводства. Губернатар меў права спыняць выкананне пастановы губернскай прысутнасці па адміністрацыйным пытанні, перадаўшы справу на вырашэнне міністру ўнутраных спраў [17, с. 521–523]. У мясцовасцях, дзе ўводзіўся Закон ад 12 ліпеня 1889 г., начальнік губерні мог звальняць з пасады службовых асоб валаснога і сельскага кіравання з-за парушэння імі сваіх абавязкаў. Толькі адхіленне з пасады валаснога старшыні вырашалася на пасяджэнні губернскай прысутнасці [17, с. 509]. Так, значна раней, у 1865 г. Мінская губернская прысутнасць, з улікам заўвагі губернатара Шалгунова П. Н., для «выпраўлення парадку і належнага напрамку сялян Лагойскай воласці», вырашыла адхіліць старшыню ад пасады [8, арк. 33 зв.].

У Беларусі законапалажэнні ад 12 ліпеня 1889 г. пачалі ўводзіцца са спазненнем на 12–14 гадоў. У 1901 г. губернскія прысутнасці, павятовыя з'езды і земскія начальнікі з'явіліся ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, а ў 1903 г. – у Віленскай і Гродзенскай. Адтэрміноўка ў рэфармаванні мясцовага кіравання сялянскай справай у беларускіх губернях тлумачыцца небяспекай, якую ўяўляла перадача ўладных паўнамоцтваў земскім начальнікам. На такую пасаду тут маглі трапіць мясцовыя землеўладальнікі, у тым ліку каталіцкага веравызнання [1, с. 213, 237, 239–240, 293, 302–304].

У далейшым рэфармаванне мясцовых органаў кіравання сялянскай справай было звязана са Стальпінскай аграрнай рэформай. Яе прычыны заключаліся ў нявырашанасці зямельнага пытання і росце ў сувязі з гэтым рэвалюцыйнага настрою ў вёсцы. Мэта рэформы палягала ў стварэнні праслойкі сельскіх заможных уласнікаў, якая б стала апорай дзяржаўнай улады ў сельскай мясцовасці.

Па ўказе ад 9 лістапада 1906 г., якім распачалася рэформа, сяляне атрымалі права пераходу ад абшчыннага валодання зямлёю да асабістага, з замацаваннем надзелу ў прыватную ўласнасць [19, с. 970–971]. У выніку разбурэння абшчыны ўзрасталая роля сялянскага самакіравання і органаў нагляду за ім. Яшчэ раней, указам ад 4 сакавіка 1906 г. для садзейнічання Сялянскаму банку ў куплі-продажы зямлі сялянам, ствараліся *губернскія і павятовыя землеўпарадкавальныя камісіі* [20, с. 199]. На губернскія камісіі (іх узначальваў губернатар) ускладаўся нагляд за дзейнасцю павятовых камісій. Апошнія вызначалі мэтазгоднасць набыцця зямлі Сялянскім банкам, выяўлялі яе вартасць, патрэбу ў ёй сялян [20, с. 200]. Мінская, Віцебская і Магілёўская губернскія землеўпарадкавальныя камісіі былі ўтвораны ў 1907 г.

У Віленскай і Гродзенскай губернях землеўпарадкаванне часова ўскладалася на губернскія прысутнасці. Павятовыя землеўпарадкавальныя камісіі былі арганізаваны па ўсёй Беларусі на працягу 1906–1907 гг. [4, арк. 50–51].

Органы нагляду (земскія начальнікі, павятовыя з'езды і губернскія прысутнасці) за сялянскім грамадскім кіраваннем, як і інстытут губернатарства, без значных змен праіснавалі да 1917 г. [1, с. 333; 21, с. 337].

Заклучэнне. Кантроль за сялянскім самакіраваннем з 1860-х гг. ажыццяўляўся ў Беларусі праз міравых пасрэднікаў, павятовыя міравыя з'езды (з 1878 г. – у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях праз павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці, на 4 гады пазней, чым у цэнтральных рэгіёнах імперыі) і губернскія па сялянскіх справах прысутнасці, а ў пачатку ХХ ст. (па законе ад 12 ліпеня 1889 г.) – праз земскіх начальнікаў, павятовыя з'езды і губернскія прысутнасці (з 1901 г. – у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, з 1903 г. – у Віленскай і

Гродзенскай, на 12–14 гадоў пазней, чым у земскіх губернях). У сваю чаргу, начальнік губерні кантраляваў самакіраванне праз старшынства ў губернскай па сялянскіх справах прысутнасці (губернскай прысутнасці); рэвізіі валаснога кіравання і справядства органаў па сялянскіх справах; спыненне выканання пастаноў губернскай прысутнасці (даносычы пра тое ў МУС); звальненне з пасады службоўцаў валаснога і сельскага кіравання з-за парушэння імі сваіх абавязкаў (адхіленне з пасады валаснога старшыны вырашалася на пасяджэнні губернскай прысутнасці).

Мясцовыя органы ўлады, праз якія губернатар кантраляваў самакіраванне ў беларускіх вёсках, камплектаваліся праз прызначэнні кіраўніка МУС, генерал-губернатара і з удзелам губернатара. Ва ўнутраных расійскіх губернях гэтыя інстытуты мелі абмежаваную выбарнасць. Таму ў Беларусі ў механізме нагляду за сялянскім грамадскім кіраваннем губернатар меў большы уплыў.

Спіс літаратуры

1. Талмачова С. А. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання па рэалізацыі аграрнай палітыкі самадзяржаўя на тэрыторыі Беларусі (1861–1914 гг.). Мінск: БДПУ, 2019. 342 с.
2. Долгач Т. В. Губернские по крестьянским делам присутствия на территории Беларуси: формирование, структура, деятельность (1861–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2019. 200 л.
3. Страленя А. А. Деятельность земских начальников на территории Беларуси (конец XIX в. – 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2017. 169 л.
4. Таранович К. Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по реализации столыпинской аграрной реформы в Беларуси (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2016. 239 л.
5. Полное собр. законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2: в 55 т. СПб., 1863. Т. 36, отд-ние 1, № 36657. С. 141–169.
6. ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1863. Т. 36, отд-ние 1, № 36660. С. 202–218.
7. Славутинский С. Т. Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1889. Т. 37. С. 53–79, 271–295.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 242. Воп. 1. Спр. 643.
9. Полевой Н. Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губ. // Русская старина. 1910. № 1. С. 47–63; № 2. С. 247–270; № 4. С. 3–25.
10. ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1866. Т. 38, отд-ние 1, № 39354. С. 209.
11. Березин В. Восемь лет в Северо-Западном крае // Русский вестник. 1896. № 1–2. С. 139–157; № 3–4. С. 170–180; № 7. С. 185–204; № 11. С. 211–256.
12. ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1876. Т. 49, отд-ние 1, № 53678. С. 929–934.
13. ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1880. Т. 53, отд-ние 1, № 58352. С. 225–226.
14. ПСЗРИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1890. Т. 8, № 5281. С. 301.
15. НГАБ. Ф. 2642. Воп. 1. Спр. 1379.
16. Адзел рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. Ф. 16. Адз. зах. 51.
17. ПСЗРИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1891. Т. 9, № 6196. С. 508–535.
18. ПСЗРИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1907. Т. 24, отд-ние 1, № 24388. С. 368–371.
19. ПСЗРИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1909. Т. 26, отд-ние 1, № 28528. С. 970–974.
20. ПСЗРИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1909. Т. 26, отд-ние 1, № 27478. С. 199–201.
21. Бригадин П. И., Лукашевич А. М. Минские губернаторы: история власти. Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2009. 351 с.

References

1. Talmachova S. A. *Myastsovyaya organy dzyarzhavnaga kiravannya pa realizatsyi agrarnay palityki sama-dzyarzhauya na terytoryi Belarusi (1861–1914 gg.)* [Local government bodies implementing the agrarian policy of the autocracy on the territory of Belarus (1861–1914)]. Minsk, BDPU Publ., 2019. 342 p. (In Belarusian).

2. Dolgach T. V. *Gubernskiye po krest'yanskim delam prisutstviya na territorii Belarusi: formirovaniye, struktura, deyatelnost' (1861–1903 gg.)*. *Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Provincial on peasant affairs of presence on the territory of Belarus: formation, structure, activity (1861–1903). Dissertation PhD (History)]. Minsk, 2019. 200 p. (In Russian).

3. Stralenya A. A. *Deyatel'nost' zemskikh nachal'nikov na territorii Belarusi (konets XIX v. – 1914 g.)*. *Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Activity of zemstvo chiefs on the territory of Belarus (end of the 19th century – 1914). Dissertation PhD (History)]. Minsk, 2017. 169 p. (In Russian).

4. Taranovich K. YU. *Deyatel'nost' zemleustroitel'nykh komissiy po realizatsii stolypinskoy agrarnoy reformy v Belarusi (1906–1917 gg.)*. *Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Activities of land management commissions for the implementation of the Stolypin agrarian reform in Belarus (1906–1917). Dissertation PhD (History)]. Minsk, 2016. 239 p. (In Russian).

5. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCLRE)]. St. Petersburg, 1863, vol. 36, department 1, no. 36657, pp. 141–169 (In Russian).

6. CCLRE. St. Petersburg, 1863, vol. 36, department 1, no. 36660, pp. 202–218 (In Russian).

7. Slavutinskiy S. T. The city of Grodno and the Grodno province during the last Polish rebellion. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin], 1889, vol. 37, pp. 53–79, 271–295 (In Russian).

8. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 242. I. 1. F. 643.

9. Polevoy N. Two years – 1864 and 1865, from the history of peasant affairs in the Minsk province. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1910, no. 1, pp. 47–63; no. 2, pp. 247–270; no. 4, pp. 3–25 (In Russian).

10. CCLRE. St. Petersburg, 1866, vol. 38, department 1, № 39354, p. 209 (In Russian).

11. Berezin V. Eight years in the North-Western Territory. *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], 1896, no. 1–2, pp. 139–157; no. 3–4, pp. 170–180; no. 7, pp. 185–204; no. 11, pp. 211–256 (In Russian).

12. CCLRE. St. Petersburg, 1876, vol. 49, department 1, no. 53678, pp. 929–934 (In Russian).

13. CCLRE. St. Petersburg, 1880, vol. 53, department 1, no. 58352, pp. 225–226 (In Russian).

14. CCLRE. St. Petersburg, 1890, vol. 8, № 5281, p. 301 (In Russian).

15. NHAB. Fund 2642. I. 1. F. 1379.

16. Department of manuscripts of the Russian National Library. Fund 16. St. un. 51.

17. CCLRE. St. Petersburg, 1891, vol. 9, № 6196, pp. 508–535. (In Russian).

18. CCLRE. St. Petersburg, 1907, vol. 24, department 1, no. 24388, pp. 368–371 (In Russian).

19. CCLRE. St. Petersburg, 1909, vol. 26, department 1, no. 28528, pp. 970–974 (In Russian).

20. CCLRE. St. Petersburg, 1909, vol. 26, department 1, no. 27478, pp. 199–201 (In Russian).

21. Brigadin P. I., Lukashevich A. M. *Minskiye gubernatory: istoriya vlasti* [Minsk governors: the history of power]. Minsk, Gos. in-t upr. i sots. tekhnologiy Belorus. gos. un-ta Publ., 2009. 351 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Ляпешкін Яўген Мікалаевіч – магістр гістарычных навук, саіскальнік кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 4, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Lia.Yauhen@gmail.com

Information about the author

Liapeshkin Yauhen Mikalaevich – Master of Historical Sciences, External doctorate student, the Department of History of Belarus of the New and Modern Times. Belarusian State University (4, Nezalezhnastsi Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Lia.Yauhen@gmail.com

Пасмыніў 27.02.2023

УДК 130.2

И. В. Коледа

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССКОЙ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье рассматриваются основные тенденции развития белорусской культурологической мысли конца XIX – начала XX в. Это время активного становления науки о белорусской культуре, или собственно культурологии. Духовно-культурное движение оформляется в качестве белорусоведения и закрепляет тему белорусской культуры в статусе предмета научного анализа. История белорусской культуры становится самостоятельным направлением исследовательских интересов.

Белорусская интеллигенция критически перерабатывает духовное народное наследие, от идей национального самосознания как этнического фактора продвигается к идеям национальным как фактору идейно-политическому. В этот период народные белорусские писатели выступили своеобразными идеологами, которые имели конкретные классовые корни и исторические задачи.

В конце XIX – начале XX в. белорусское культуроведение было связано с общим процессом национального возрождения и являлось одновременно его причиной и следствием. В плане теоретических размышлений о культуре были вскрыты и переосмыслены архетипические пласты традиционной культуры, сформулированы исторические закономерности развития народного духа.

Ключевые слова: национальная культура, белорусоведение, философия культуры, культурология, национальное самосознание, творчество, наследие.

Для цитирования: Коледа И. В. Проблемы философии культуры в белорусской культурологической мысли (конец XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 22–26. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-4.

I. V. Kolyada

Belarusian State Technological University

**PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE
IN BELARUSIAN CULTUOLOGCAL THOUGHT
(LATE 19TH EARLY 20TH)**

The article discusses the main trends in the development of Belarusian cultural thought of the late 19th – early 20th century. This is the time of active development of the science of Belarusian culture, or cultural studies proper. The spiritual and cultural movement takes shape as Belarusian studies and fixes the theme of Belarusian culture in the status of a subject of scientific analysis. The history of Belarusian culture becomes an independent area of research interests.

The Belarusian intelligentsia is critically processing the spiritual folk heritage, moving from the ideas of national self-consciousness as an ethnic factor to national ideas as an ideological and political factor. During this period, Belarusian folk writers acted as a kind of ideologists who had specific class roots and historical tasks.

At the end of the 19th and beginning of the 20th century, Belarusian cultural studies were associated with the general process of national revival, being both its cause and effect. In terms of theoretical reflections on culture, the archetypal layers of traditional culture were revealed and rethought, and the historical patterns of the development of the national spirit were formulated.

Keywords: national culture, Belarusian studies, philosophy of culture, culturology, national identity, creativity, heritage.

For citation: Kolyada I. V. Problems of philosophy of culture in Belarusian cultural thought (late 19th – early 20th century). *Proceedings of BSTU, series 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 22–26 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-4.

Введение. Тенденции и направления развития форм белорусской культуры постоянно демонстрировали культурологическую направленность. Темы философии культуры и собственно культурологическая проблематика заявили о себе еще в XVI – XVIII вв. в ренессансно-гума-

нистической, религиозно-реформационной, христианской православной и католической, а также социально-политической белорусской мысли.

Вторая половина XIX – начало XX в. занимает особое место в культурной жизни Беларуси, так как именно в это время шло активное становление

основ национальной культуры. Культурное самопостижение белорусов поднимается на качественно новый уровень и заявляет о себе становлением собственно культурологии, или науки о белорусской культуре. Духовно-культурное движение оформляется в качестве белорусоведения и закрепляет тему белорусской культуры в статусе предмета научного анализа [1, с. 351].

Несмотря на то, что культурологическая мысль этого периода отличалась мифологизацией белорусской старины, в исследовательских трудах преобладала краеведческая тематика, а описательность превалировала над анализом, тем не менее история белорусской культуры становится самостоятельным направлением исследовательских интересов. Шло активное создание основ национальной культуры в самой Беларуси и происходило постепенное формирование более-менее объективных взглядов на белорусскую культуру со стороны российских и польских ученых.

Основная часть. Практическим итогом историко-культурологических исследований стало выявление архетипов стародавней белорусской мифологии, оказавших сильное влияние на становление национального менталитета, который отчетливо проявил себя уже в новой белорусской литературе в XIX – начале XX в. Типологизация народного характера, образно-символическое выявление архетипических основ и свойств белорусской культуры наблюдается в творчестве Я. Борщевского, Я. Чечота, В. Равинского, К. Вереницина, В. Сырокомли, В. Дунина-Марцинкевича. С полным основанием можно утверждать, что культуроведческая мысль Беларуси этого периода способствовала процессу становления нового этапа этнического самосознания – национального.

Во второй половине XIX в. формирование белорусской нации, пробуждение национальной жизни и активной борьбы против всех форм национального угнетения определили вектор развития белорусской культуры и ее теоретического обоснования. Особую роль в формировании национального самосознания отыграла этнография. А. Киркор, П. Шейн, Н. Никифоровский, А. Федоровский, Е. Романов провели огромное количество научных исследований и в литературном смысле разбудили интерес к белорусской культуре и интерес белорусов к самим себе.

Активно собирались и были опубликованы исторические, этнографические, фольклорные записи и других исследователей – И. Носовича, Ю. Крачковского, М. Довнор-Запольского, которые оказали влияние на развитие научного белорусоведения, объективно доказав факт существования самостоятельного белорусского этноса.

Белорусская интеллигенция критически перерабатывает духовное народное наследие, от

идей национального самосознания как этнического фактора продвигается к идеям национальным как фактору идейно-политическому. В этот период народные белорусские писатели выступили своеобразными идеологами, которые имели конкретные классовые корни и исторические задачи. Все это сопровождалось обращением к народной, крестьянской культуре и придавало культурологической мысли Беларуси социально-политическую обостренность.

Наиболее ярко и полно эти черты воплотились в теоретической, художественной и общественной деятельности Ф. Богушевича, М. Богдановича, Я. Коласа, Я. Купалы, которые выступили от имени народа как идеологи нации.

Одним из основателей критического реализма в белорусской литературе стал Ф. Богушевич, в творчестве которого сочетается историко-философское и художественное осмысление судьбы белорусского народа. Главный герой его произведений – белорусский крестьянин. Ф. Богушевич стремился осмыслить политическую традицию в истории белорусского народа в контексте истории других народов: польского, украинского, литовского, чешского, болгарского, еврейского и других и верил в исторический прогресс.

Позиции Ф. Богушевича, как выразителя национально-патриотического сознания в целом, свойственно определение языка как центра духовного существования народа и его культуры, а также стремление дать историческое и конкретное этнотерриториальное обоснование реального суверенитета белорусского народа. Проблеме языка он определяет как основную проблему национальной жизни, настаивая на том, что национальный язык является важнейшей формой проявления духовности народа, наиболее устойчивым, основным признаком нации [2, с. 357].

Идеология Ф. Богушевича строилась на отрицании ценностей, присущих феодально-самодержавному строю государства, сословной иерархии, и утверждении человека как высшей цели. Действительной реальностью истории и жизни является народ, причем понятие «народ» относится ко всем людям труда, и прежде всего крестьянству. Новые черты в понимании народа проявляются в творчестве Богушевича как воплощение чувства глубокой любви к родному краю, верности своему народу и земле, на которой родился и вырос («Мая хата», «Свая зямля»). Патриотизм поэта раскрывается как глубокое ощущение духовного единства со своим народом и как внутренняя характеристика настоящего человека.

Для Ф. Богушевича идея исторического предназначения масс, самостоятельности их общественно-политического и духовного развития была идеей народной свободы, будущего человеческих

отношений. Свобода в его представлении – это, прежде всего, построение нового общества, где нет места порабощению одних во имя господства других, немногих. Отчетливый акцент он делал как на социально-экономических и общественно-политических требованиях, так и на национально-освободительных задачах, в том числе на духовно-нравственных, культурных факторах.

Отличительная черта творчества Ф. Богушевича – глубокое национальное сознание, ставшее итогом развития белорусской нации, и ярко выраженное социальное звучание всего творчества поэта [3, с. 169]. Он явился основателем нового этапа развития белорусской литературы, эстетики, общественно-политической мысли. Принцип реализма и народности – сущность, фундамент его творчества. Идейное наследие Ф. Богушевича стало фундаментом идеологии белорусского национально-освободительного движения начала XX в.

Проблемы славянского мира – политические, общекультурные – центральные в творчестве М. Богдановича как художника, мыслителя, историка. Озабоченность судьбой родного народа, судьбой человека на земле, печальность людской и народной «недолей», убежденность в доброй воле сердца и разума человеческого, а также любовь к жизни, людям, Белой Руси – эти темы проходят через все творчество Богдановича как мыслителя и поэта, в котором на первом плане чувство национальной гордости, национального достоинства героической истории собственного народа, вершин его национальной мудрости.

Все параметры белорусской культуры, черты белорусского характера и менталитета глубоко осмыслены и выявлены в творчестве Я. Коласа и Я. Купалы.

Через эмоциональное переживание органического единства с природой Я. Колас отражает понятие национального космоса, Дома белорусов. Природа – тело родины, и духовное бытие человека раскрывается через его отношение к природе. Эстетика писателя охватывает в природе все яркое, простое, гармонично сочетает небесное и земное, большое и малое, создает национальный эталонный белорусский пейзаж, простор как существенную часть национального космоса. Все это выражено, прочувствовано, ярко осмысленно в традициях патриархально-крестьянских отношений к земле (Михал, Антось – «Новая земля», Лобанович, дед Талаш).

Внутренний смысл творчества Я. Коласа состоит в том, чтобы напомнить о нарушенной социальной жизнью органической связи человека с окружающим миром («Сымон-музыка»). Образ молодого белоруса, представленный Коласом, – это образ сознательного творца своей

судьбы, который готовит себя к великому труду по возрождению забытого края, верит в творческие возможности свободного человека – создателя национальной культуры суверенной Беларуси [4, с. 226].

Я. Колас поэтизировал духовную красоту и моральное величие человека труда, его извечную мечту быть хозяином на собственной земле. В его творчестве прослеживается концепция особенного национального пути белорусов, которым выпало жить на перекрестье разных культур, религиозных конфессий, геополитических устремлений.

Наследие Я. Коласа воплотило идейно-эстетическую доминанту белорусской культурологии: стремление к всемирной гармонии, жизнеутверждающая сила, радость жизни.

Душой белорусской нации, своего рода пророком белорусского национального возрождения стал Я. Купала. В начале XX в. он был полностью связан с процессом национального созидания, формировал самобытный духовный облик белорусов, развивал самосознание, шлифовал белорусский литературный язык, определял духовные ориентиры нации.

Мотивы социальной справедливости в творчестве Я. Купалы – в стремлении «очеловечить» мужика, сделать его полноправным гражданином, а затем призвать к борьбе за свои социальные права.

Национально-патриотические мотивы воплотились в произведениях просветительского белорусоведческого характера, где Я. Купала целенаправленно разъясняет белорусскому мужику, что он именно белорус, а не какой-то «тутэйшы», «паляк» или «рускі» [4, с. 307].

Определяющая идея всего творчества Я. Купалы – идея свободы как национального, социального и духовного раскрепощения человека. Философское, экспрессивное направление его лирики выявляет романтический образ поэта как «сына мира», как пророка, который познал таинство мира и стремится донести его до людей. Трагизм его лирического героя – в романтическом раздвоении его души, в которой сосуществуют, с одной стороны, ощущение причастности к Вселенной, чувство избранности и высокой предопределенности человека, а с другой, – бессилие и отчаяние при столкновении с реальностью («Жалейка», «Гусляр»).

В системе национально-патриотического воспитания Купалы одно из основных мест отводится родному языку. Поэт стремился пробудить у читателя чувство гордости и благодарности нашим предкам, которые смогли сохранить свою государственность и независимость, защищать землю от врага, развивать культуру («Над Нёманам», «На куццю», «На дзяды»).

Вместе с другими интеллигентами, работавшими в «Нашей ниве», Я. Купала стремился возродить название «Беларусь», утвердить его за всей этническо-белорусской территорией, что в итоге приводит его к идее тесной связи национального самосознания с существованием собственного национального государства. Как представитель национальной гуманистически настроенной интеллигенции, он отстаивал идею национальной революции, которая позволила бы каждому народу стать хозяином своей судьбы, и противопоставлял ее революции социальной. Взгляды Я. Купалы отличались демократизмом, отрицанием насилия, утверждением приоритета общечеловеческих духовных ценностей над классовыми.

Теоретическое обоснование национальной идеи привело к формированию в белорусской культурологии концепции национального возрождения как исторической закономерности в развитии культуры народов, «оттесненных» с исторической авансцены [5, с. 105].

Социально-политическая активность молодой белорусской интеллигенции, достижение национальной литературой к началу XX в. классической зрелости в разработке собственной темы предопределили философское осмысление белорусского мировоззрения. Начало подобному анализу было положено в теоретико-философских произведениях И. Абдириловича (И. Канчевский) и Сулимы (В. Савич-Заброцкий).

В основе мировоззрения И. Абдириловича – проблема колебания Беларуси между европейскими Востоком и Западом. Белорусская ментальность, или национальная идея, – отрицание крайних, «мессианских» форм восточного «византизма» и западного индивидуализма, синтез лучших сторон этих двух культурно-исторических типов на основе самобытных национальных форм общественной жизни и культуры. Ее сущность – непрерывное творчество, непринятие строго определенных, негуманистических идей.

Жизненной позицией поэта и философа стала преданность белорусскому делу, любовь к Отечеству и самопожертвование для своего народа. Говоря о драматизме исторической судьбы белорусов, он в то же время подчеркивает его непреодолимое желание сохранить независимость, идти вровень с другими народами по пути строительства нового общечеловеческого идеала («Адвечным шляхам»), где общечеловеческим идеалом является именно государственная независимость.

Сулима рассматривает проблемы случайности, судьбы, Бога, Духа, выступает против угнетения одних народов другими, рассуждает о живой деятельности во имя добра, непрестанной творческой активности, о совершенствовании мира. В этом его культурологические взгляды

переплетаются со взглядами Канта, Гегеля, русских философов. Заслуженное место в мыслях Сулимы получает национальная идея как мощный стимул осуществления народного оптимизма. Народ обязан постоянно работать над собой.

Настоящей энциклопедией белорусознания стал фундаментальный трехтомный труд «Беларусы» Е. Карского, в котором на основе глубокого сравнительно-исторического исследования истории языка, фольклора, письменности, многовековой культуры белорусского народа впервые была научно обоснована его национальная самобытность как самостоятельного славянского народа. Под его редакцией вышли научные издания ценных памятников письменности и культуры в «Полном собрании русских летописей». Особо стоит отметить вклад Е. Карского в организацию науки в Беларуси и развитие белорусской культуры [6, с. 180].

Свою лепту в развитие белорусской культурологической мысли внес философ и общественно-политический деятель Судиловский Н. К. Развивая тему национальной свободы, национального развития, он последовательно отстаивал идею о том, что все это возможно только на основе свободы экономической, так как экономика – базис всестороннего развития любого народа. Каждый народ имеет право на свое индивидуальное развитие в границах человеческого сообщества. Но так как в мире нет этнически чистых наций, так и нет на Земле, охваченной цивилизацией, мест с этнически однородным населением, поэтому очень сложно установить внутренние национальные границы, например, Польши, Беларуси, Малороссии. Но эти обстоятельства не должны быть основанием для того, чтобы новое государственное строительство не считалось с этносом [2, с. 560].

Опираясь на идею «Великой Реальности», вечной и единой, которая олицетворяет некий всеохватывающий смысл и ценность бытия, Судиловский смог дать оригинальный философско-футурологический очерк будущего человечества. Согласно его предположениям, земная цивилизация должна перейти в новую фазу своей эволюции, когда индивидуальность сольется с Целым. Это возможно в том случае, если общество, желая сохранить способность к историческому творчеству и прогрессу, научится ориентировать своих членов на нормы отношений в границах демократии и свободного выбора. Для этого общество должно стремиться укоренять демократию вместо восточной деспотии и авторитаризма, развивать самодостаточную свободную личность, наконец, укреплять веру в человека, его моральное и личное достоинство.

Заключение. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. белорусское культуроведение

было связано с общим процессом национального возрождения и являлось одновременно его причиной и следствием. В плане теоретических размышлений о культуре были вскрыты и переосмыслены архетипические пласты традиционной культуры, сформулированы исторические

закономерности развития народного духа. Логическим результатом «взросления» белорусского культуроведения было движение к собственно культурологической (научной) мысли, ее политическому оформлению и становлению философии культуры.

Список литературы

1. Культурология: учеб. пособие / Н. М. Якуш [и др.]; под ред. П. А. Водопьянова. Минск: БГТУ, 2004. 419 с.
2. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыкл. даведнік / пад рэд. Б. І. Сачанкі. Минск: БелЭн, 1995. 671 с.
3. Из тьмы веков светлеющие лики / сост.: Ю. А. Гуртовенко, Т. И. Улевич. Минск: Беларусь, 1994. 192 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Минск: БелЭн, 1997. Т. 4. 432 с.
5. Культурология. Эстетика: учеб.-метод. комплекс / под общ. ред. Т. И. Глушаковой. Минск: Изд-во МИУ, 2007. 224 с.
6. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Минск: ВП «Экаперспектыва», 1997. 486 с.

References

1. Yakush N. M., Zharina L. V., Leonenko V. S., Koleda I. V. *Kul'turologiya* [Cultural studies]. Ed. by P. A. Vodop'yanov. Minsk, BGTU Publ., 2004. 419 p. (In Russian).
2. *Myslitseli i asvetniki Belarusi* [Thinkers and educators of Belarus]. Minsk, BelEn Publ., 1995. 671 p. (In Belarusian).
3. *Iz t'my vekov svetleyushchiye liki* [From the darkness of ages brightening faces]. Comp.: Yu. A. Gurtovenko, T. I. Ulevich. Minsk, Belarus' Publ., 1994. 192 p. (In Russian).
4. *Entsiklopedyya gistoryi Belarusi. T. 4* [Encyclopedia of the history of Belarus. Vol. 4]. Minsk, BelEn Publ., 1997, 432 p. (In Belarusian).
5. *Kul'turologiya. Estetika* [Cultural studies. Aesthetics]. Ed. by T. I. Glushakova. Minsk, MIU Publ., 2007. 224 p. (In Belarusian).
6. Lych L., Navitski U. *Gistoryya kul'tury Belarusi* [History culture of Belarus]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1997. 486 p. (In Belarusian).

Информация об авторе

Коледа Инна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь).

Information about the author

Kolyada Inna Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 15.03.2023

УДК 336.14:352(476.5)(091) «19/20»

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

**БЮДЖЕТ УЕЗДНОГО ГОРОДА ПОЛОЦКА
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Впервые на основе статистических источников рассмотрены суммарные доходы и расходы уездного города Полоцка в последней трети XIX – начале XX века. Изучены динамика и структура доходных и расходных частей бюджетов за 1875 и 1912 гг., их удельный вес в общей сумме городских бюджетов. Основными источниками доходов в городской бюджет были налоговые поступления, главным из которых к 1912 г. стал оценочный сбор с недвижимых имуществ. К 1912 г. существенную роль стали играть доходы, получаемые от деятельности городских предприятий. Главными статьями расходов были выплаты на выполнение воинской квартирной повинности. Но значительная часть этих расходов компенсировалась выплачиваемыми из казны пособиями. Значимыми стали к 1912 г. расходы, направленные на удовлетворение потребностей самих городов – содержание городских органов власти, благоустройство, медико-санитарную и социальную сферы, народное образование городов, на выплаты по городским займам. Эти расходы, существенно выросшие по сравнению с предыдущими периодами, ярко свидетельствовали о происходящих процессах модернизации, о становлении структур коммунального хозяйства, развитии финансовой системы Полоцка. Вместе с тем не было поступлений от предприятий, ввиду их отсутствия, которые могли бы свидетельствовать о развитии инфраструктуры городского хозяйства.

Ключевые слова: Полоцк, городской бюджет, доходы и расходы.

Для цитирования: Бюджет уездного города Полоцка в последней трети XIX – начале XX века // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 27–32. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-5.

T. V. Voronich

Belarus State Economic University

**BUDGET OF THE COUNTY TOWN OF POLOTSK
IN THE LAST THIRD OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

For the first time, on the basis of statistical sources, the total income and expenses of Polotsk town in the last third of the 19th – early 20th century have been studied. The dynamics and structure of the revenue and expenditure parts of the budgets for 1875 and 1892, their share in the total amount of city budgets has been studied. The main sources of income for the city budget were tax revenues, the main of which by 1912 was the appraisal fee from real estate. By 1912, revenues received from the activities of urban enterprises began to play a significant role. The main items of expenditure were payments for military housing service. But a significant part of these expenses was compensated by benefits paid from the treasury. By 1912, expenses aimed at meeting the needs of the cities themselves became significant – the maintenance of city authorities, improvement, health and social spheres, public education of cities, and payments on city loans. These expenses, which have increased significantly compared to previous periods, clearly testified to the ongoing processes of modernization, the development of the financial system of Polotsk. However, there were no revenues from the enterprises, due to their absence, which could indicate the development of the infrastructure of the city economy.

Keywords: city, Polotsk, budget, incomes and expenses of cities.

For citation: Voronich T. V. Budget of the county town of Polotsk in the last third of the 19th – early 20th century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2022, no. 1 (269), pp. 27–32* (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-5.

Введение. В последней трети XIX – начале XX века значительно ускорились процессы развития городов Беларуси. В современной белорусской историографии присутствуют лишь единичные работы, посвященные анализу бюджета городов данного периода – Минска (З. В. Шибeko), Могилева (Б. И. Сидоренко, Д. Н. Петров). Также

белорусские историки рассматривают отдельные аспекты этой проблемы. Так, Т. В. Гришкевич анализирует деятельность органов городского самоуправления по взиманию одного из основных налогов в городах – оценочного сбора в 1875–1914 гг. Она же изучает формирование доходной части бюджетов городов

Могилевской губернии в пореформенный период. Главные принципы формирования и реализации городских бюджетов представлены в коллективных научных изданиях Института истории Национальной академии наук Беларуси, посвященных вопросам истории государственности и общественно-политической жизни Беларуси. Также самым автором были исследованы отдельные аспекты данной темы. В представленной работе ставится цель проанализировать бюджет уездного города Полоцка в последней трети XIX – начале XX века, изучить структуру доходных и расходных статей, их динамику за выбранный период.

Главными источниками являются статистические таблицы, опубликованные в сборниках «Отчет о денежных оборотах городских касс за 1875 год» (Санкт-Петербург, 1887) [1] и «Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженности городских поселений на 1912 год» (Петроград, 1917) [2]. Эти издания имеют недостатки, свойственные статистическим источникам данного периода. Но главное их преимущество заключается в том, что здесь представлена систематизированная однородная информация, которая позволяет провести качественный сравнительный анализ. Вместе с тем имеющаяся информация в таблицах не детализирована, в некоторых случаях чрезмерно обобщена, что лишает возможности однозначно определить содержание доходных и расходных статей бюджета. Статистические данные по бюджету уездного города

Полоцка в последней трети XIX – начале XX века вводятся в научный оборот в белорусской историографии впервые.

Нижняя граница исследования 1875 г. обусловлена годом утверждения правил о введении Городового положения 1870 г. в городах Беларуси. Верхняя определена самим источником – 1912 г. Это последний год, за который были опубликованы полные систематизированные данные по бюджетам городов Российской империи.

Основная часть. В 1875 г. Полоцк входил в немногочисленную группу городов Беларуси с уровнем годового бюджета свыше 10 тыс. руб., на долю которых приходилось в тот период свыше 70 % суммарных доходов. Город занимал 10-е место из 70 по уровню доходов. Доходы города в 1875 г. составили 13 652 руб.

В таблице «Ведомость о городских доходах, действительно произведенных за 1875 г.» [1, с. 4–7, 10–13, 24–27] все доходы разбиты на 22 группы, которые для удобства дальнейшего анализа были объединены в несколько более крупных (табл. 1).

В соответствии с Городовым положением 1870 и 1892 гг. в доход городов взимался целый ряд налогов и сборов [3, с. 215–249; 4, с. 55–61]. Главными из них были поступления от городских недвижимых имуществ и оброчных статей, оценочный сбор с недвижимых имуществ. Оценочный налог взимался со всей недвижимости, его размер не мог превышать 1% от стоимости или 10% чистого дохода от недвижимого имущества.

Таблица 1

Доходы уездного города Полоцка в 1875 и 1912 гг.

Статья доходов	Сумма, руб.	Сумма, руб.
	1875 г.	1912 г.
С городских имуществ, оброчных статей и капиталов	7 196	22 390
Оценочный сбор с недвижимых имуществ	631	9 111
Сборы с торговли и промыслов	2 313	4 800
Сборы с велосипедов и автомобилей (для 1912 г.), с лошадей и экипажей частных лиц и с собак	0	0
Пошлины разных наименований	476	525
С городских сооружений (предприятий) (для 1912 г.)	0	9 681
Зачеты (недоимки и поступления с прошлых лет)	0	13 140
Из прибылей городского банка	0	5 826
Займы (для 1912 г.)		4 000
Поступления из казны	0	7 701
Из земских средств	0	229
Отчисления из запасного и специальных капиталов	1 299	0
Разные поступления	1 737	488
<i>Всего</i>	<i>13 652</i>	<i>77 891</i>

Примечание. Составлено по источникам: [1, с. 4–7, 10–13, 24–27; 3, с. 1–97].

Основными торгово-промышленными налогами в пользу города были сборы с документов, дававших право заниматься торгово-промышленной деятельностью, а также с «трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек», «с извозного и перевозного промыслов», «с привозимых в город и отвозимых из него товаров». Также в бюджет городов взимался ряд других сборов: «за проход и проезд по городским сооружениям и за стоянку судов», «с лошадей, экипажей, содержимых частными лицами», «с собак», «с велосипедов и автомобилей», «с свидительства, протеста и представления ко взысканию разных актов», «с клеймения мер и весов», «с аукционных продаж движимого имущества». Кроме того, городские думы могли устанавливать и другие сборы в пользу городов в соответствии с законодательством. Также в бюджет городов поступали начисления из государственного казначейства и из сумм земских сборов. Важным источником поступлений были также недвижимые городские имущества, принадлежавшие городу. Прежде всего, это внутригородская земля, находившаяся в собственности города, а также различные здания и сооружения, которые сдавались арендаторам за соответствующую плату.

По данным за 1875 г., главным источником поступлений в бюджет Полоцка были городские недвижимые имущества и оброчные статьи, которые приносили 52,7% доходов. Серьезное место в доходах занимали торгово-промышленные сборы – почти 17%. Другие различные сборы давали 3,5%. Оценочный сбор с недвижимого имущества составлял 4,6%. Начисления из запасного и специальных капиталов давали 9,5%. «Разные поступления» составляли 12,7% доходов. Этот вид поступлений не детализируется в таблицах, поэтому говорить об источниках их поступлений на данном этапе исследований невозможно. Таким образом, главными поступлениями в доход Полоцка были различного рода налоговые сборы – 78%.

С 1875 по 1912 г. доходы Полоцка увеличились всего в 5,7 раза и достигли 77 891 руб. (табл. 1). По росту доходов Полоцк значительно отставал от общих показателей по всем городам пяти губерний Беларуси, в которых рост доходов составил более чем в 13 раз. Но вместе в тем к 1912 г. город по уровню доходов почти остался на тех же позициях – на 12-м месте из 73 городов.

За рассматриваемый период усложнилась структура городских доходов, появились новые виды поступлений. Обращает на себя внимание то, что изменение доходных статей было неравномерным. Наибольший рост дал оценочный налог, увеличившийся почти в 15 раз. Его удельный вес в группе доходов составил 11,7%. Город стал активно использовать недвижимую собственность горожан как важный источник

бюджетных поступлений. В 1912 г. оценочный налог в Полоцке взимался со стоимости недвижимого имущества и составлял 1%.

Поступления «с городских имуществ и оброчных статей» увеличились всего в 3 раза, а их удельный вес уменьшился до 28,7%. Как и в целом по городам, произошло уменьшение доли торгово-промышленных сборов – до 6,2%, хотя суммарные их объемы выросли в 2 раза. Сборы по другим различным статьям («пошлины разных наименований») увеличились также незначительно – всего в 1,1 раза и составили 0,7% всех доходов. Поступления по недифференцированной группе «Разные поступления» уменьшились, а их удельный вес снизился до 0,6%.

К 1912 г., как уже было отмечено, появились новые статьи поступлений в городской бюджет и заняли важное место в городских доходах. Существенное место по объему заняли поступления и недоимки из бюджетных сумм прошлых лет – 16,9%. Поступления из казны составили почти 10%. Значительные суммы государственного пособия (5980 руб.) были предназначены для компенсации расходов Полоцка по содержанию городской полиции. В то время как в целом по городам поступления из казны предназначались прежде всего для компенсации расходов на выполнение воинской повинности. В Полоцке выплаты «на возмещение расходов по расквартированию войск» составили 1245 руб.

Значимыми стали поступления от прибыли городского банка – 7,5% всех доходов. Знаменательным стало появление в сметах Полоцка таких статей доходов, которые отсутствовали в статистике 1875 г. – это городские займы и прибыль от городских предприятий. В 1912 г. городские займы составляли 5,1%. Поступления от деятельности городских предприятий в Полоцке составили 12,4% всех доходов. Это были поступления от деятельности городской скотобойни (однако под этим названием в таблицах были объединены не только городские скотобойни, но и скотопригонные дворы, заводы для обработки кишок, салотопенные и альбуминные заводы, микроскопические станции, осуществлявшие осмотр и пломбирование мяса и др.). В общем по городам всех пяти губерний поступления «с городских сооружений (предприятий)» составили почти 18,3%.

Как логично отмечала российская исследовательница Нардова В. А. (1929–2022), доходы городов определяли и суммарные возможности расходов [5, с. 57]. В 1875 г. расходы уездного города Полоцка составили 13 307 руб. В таблице «Ведомость о городских расходах, действительно произведенных за 1875 г.» [1, с. 64–67, 70–73, 84–87], все расходы разбиты на 26 групп, которые для анализа были объединены в несколько более крупных (табл. 2).

Таблица 2

Расходы уездного города Полоцка в 1875 и 1912 гг.

Статья расходов	1875 г.	1912 г.
	Сумма, руб.	Сумма, руб.
Участие в расходах по содержанию правительственных учреждений	0	986
Содержание городского общественного управления и Сиротского суда	5 412	10 240
Воинская квартирная повинность	0	2 029
Содержание городской полиции	2 134	17 606
Содержание пожарных команд	3 923	10 648
Благоустройство города	0	6 762
Народное образование	0	5 038
Общественное призрение	0	300
Медицинская, ветеринарная и санитарная части	0	1 544
Содержание и устройство принадлежащих городу недвижимых имуществ	175	9 463
Уплата долгов	773	9 899
Содержание городских сооружений (предприятий) (для 1912 г.)	0	349
Уплата налогов (для 1912 г.)	0	2 215
Отчисление на образование капиталов (для 1912 г.)	0	0
Разные расходы	890	800
<i>Всего</i>	<i>13 307</i>	<i>77 879</i>

Примечание. Составлено по источникам: [1, с. 64–67, 70–73, 84–87; 2, с. 111–303].

В соответствии с Городовым положением 1870 г., на города возлагался ряд обязательных расходов: содержание городских органов самоуправления, городских сооружений, выплата по городским займам и обязательствам, выплата пособий казне и на содержание правительственных учреждений, выполнение воинского постоя, содержание полиции и пожарной команды, городское благоустройство и организация городских свалок (последнее было выделено отдельным пунктом). После выполнения указанных расходов денежные средства могли быть направлены на другие предметы, «относящиеся к пользам города и его обывателей» [3, с. 249–274].

В 1875 г. структура расходов, так же как и доходов, была небольшая. Главной статьёй было «содержание городского общественного управления» – почти 41%. На «содержание городских общественных зданий и памятников» («содержание и устройство принадлежащих городу недвижимых имуществ») было израсходовано 1,3% средств. Выплаты по городским займам и обязательствам («уплата долгов») составили 5,8%. Важно отметить, что в таблице была группа «Расходы на предметы, относящиеся к пользам города, но не вошедшие в предыдущие графы, по строительной части и другим городским надобностям» (в табл. 2 это строка «Разные расходы»), по которой было израсходовано 6,7% бюджетных средств. Однако, к сожалению, данные выплаты не дифференцированы, поэтому сложно гово-

рить однозначно об их целевом назначении. Существенными были расходы на содержание городской пожарной команды – 29,5%, а также содержание городской полиции – 16%.

К 1912 г. расходы Полоцка увеличились более чем в 5,9 раза и составили 77 789 руб. За почти четыре десятилетия произошло не только суммарное увеличение расходов, но и усложнение их структуры, в том числе в отчетной статистике. В таблице «Расходы городских поселений, в которых введено Городовое положение 11 июня 1892 года, по сметам 1912 года» [2, с. 111–303] все расходы сгруппированы в 15 больших групп из 133 рубрик. Для сравнения с данными 1875 г. они были объединены в несколько более крупных групп. В соответствии с Городовым положением 1892 г., расходные статьи бюджета остались практически теми же. За исключением пункта о содержании городских свалок, которого уже не было [4, с. 62–64]. Важно отметить, что в 1912 г. суммарный удельный вес следующей группы расходов – на содержание органов городского самоуправления, правительственных учреждений и пособие казне, воинский постоя, а также содержание полиции и пожарных команд стал меньше по сравнению с 1875 г. Если в 1875 г. на эти цели было израсходовано 86,2%, то в 1912 г. уже почти 53,3% бюджетных средств.

В этой группе наибольший рост дали выплаты на содержание городской полиции – в 8,2 раза

и составили 22,6% всех расходов. В то же время расходы на содержание войск составили всего 2,6%. Но при этом важно отметить, что пособия, выплачиваемые из казны Полоцку, почти на 34% компенсировали расходы на содержание полиции и на 61,4% – выполнение воинской повинности. Остальные статьи из этой группы показали наименьший рост в общей структуре расходов, и, соответственно, произошло уменьшение их удельного веса. Так, расходы на содержание органов городского самоуправления выросли в 1,9 раза, но их удельный вес снизился до 13,1%, на содержание пожарной команды – в 2,7 раза и уменьшились до 14%. Появились расходы на содержание правительственных учреждений, но они были незначительны – 1,3%.

Самый большой рост дали расходы на содержание городского недвижимого имущества – в 54 раза, а их удельный вес увеличился до 12,2%. Выплаты городских долгов также значительно увеличились – в 13 раз и составили почти 13% всех расходов. Новой значимой статьёй стали расходы на благоустройство – 8,7%. Но если допустить, что в 1875 г. неконкретизированная группа расходов (890 руб.) была выделена исключительно на благоустройство Полоцка, то изменение удельного этого вида расходов будет незначительным. Довольно серьезными стали выплаты на народное образование – 6,5%, расходы на медико-санитарные цели составили всего 2%, а на социальные нужды – 0,4%. Также новой статьёй расходов, хотя и мизерной, стали выплаты на содержание городских предприятий – 0,4%. На уплату налогов уходило 2,8% денежных средств, на «разные расходы» 1% всех расходов.

Несомненно, что такой анализ дает лишь общее представление о городском бюджете Полоцка. В дальнейшем при более детальном исследовании возможны уточнение и корректировка определенных выводов. Но изменения и тенденции в развитии городских финансов проследить возможно при изучении общих данных статистических таблиц.

С 1875 по 1912 г. наблюдался существенный рост бюджетных средств Полоцка. Значительные изменения произошли в структуре городских доходов – она стала сложнее и изменился удельный вес ее частей. Это, несомненно, свиде-

тельствовало о позитивных изменениях в развитии городских финансов. В 1875 г. главными в бюджете города были налоговые поступления, прежде всего с городской недвижимой собственности, торгово-промышленные налоги и самые разные сборы, которые давали в сумме почти 78% всех доходов. В 1912 г. их доля сократилась до 47,3%. Значительно увеличился удельный вес оценочного сбора, размер которого был максимальным. Серьезное место в доходах стали занимать поступления от деятельности городских предприятий. Вместе с тем не было поступлений от предприятий, ввиду их отсутствия, которые могли бы свидетельствовать о развитии инфраструктуры городского хозяйства, – это водопровод, предприятия общественного транспорта, коммунальные службы по сбору и удалению коммунальных отходов и т. д.

Заключение. За рассматриваемый период произошло существенное усложнение структуры и увеличение суммарного объема городских расходов. Но при этом рост расходных статей происходил неравномерно. Наибольший удельный вес сохранили расходы, направленные на выполнение административных функций городов – содержание городских органов власти, правительственных учреждений, полиции, выполнение воинской квартирной повинности. Но важно при этом понимать, что определенная часть суммарных расходов (на содержание полиции и воинский постой) компенсировалась почти на 40% выплачиваемыми из казны пособиями. К 1912 г. появились новые, социально значимые для самого города статьи расходов – на благоустройство, народное образование, социальную, медико-санитарную сферы. Хотя их удельный вес оставался меньше в отношении административных расходов, тем не менее эти новые расходы ярко свидетельствовали о происходящих процессах модернизации Полоцка.

Таким образом, за рассматриваемый период произошло существенное увеличение бюджетных средств города. И по уровню доходов город сохранил позиции. Все это, а также появление новых доходных и расходных статей городского бюджета, изменение удельного их веса, несомненно, свидетельствовало о позитивных изменениях в развитии городских финансов.

Список литературы

1. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1875 год. Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1887. 158, 8 с.
2. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженности городских поселений на 1912 год / сост.: Стат. отд.; М-во фин. Деп. оклад. сборов. Петроград: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1917.
3. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш; изд. 6-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1885. [2], X, 694 с.

4. Высочайше утвержденное 11-го июня 1892 года Городовое положение. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1892. [1], X, 80 с.

5. Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / РАН, Ин-т рос. истории, С.-Петербург. фил. СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1994. 159 с.

References

1. *Otchet o denezhnykh oborotakh gorodskikh kass za 1875 god. Izdaniye Khozyaystvennogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del* [Report on the cash turnover of city offices for 1875. The publication of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1887. 158, 8 p. (In Russian).

2. *Dokhody, raskhody, spetsial'nyye kapitaly i zadolzhennosti gorodskikh poseleniy na 1912 god* [Revenues, expenditures, special capitals and debts of urban settlements for 1912]. Petrograd, Tip. t-va p/f "Elektro-tip. N. Ya. Stoykovoy" Publ., 1917 (In Russian).

3. *Gorodovoye polozheniye so vsemi otnosyashchimisya k nemu uzakoneniymi, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [The city regulations with all the related legitimation, judicial and governmental explanations]. Comp. by M. I. Mysh. St. Petersburg, Tipografiya N. A. Lebedeva Publ., 1885. [2], X, 694 p. (In Russian).

4. *Vysochayshe utverzhdennoye 11-go iyunya 1892 goda Gorodovoye polozheniye* [The City Regulations approved on June 11, 1892]. St. Petersburg, tip. M-va внутр. дел Publ., 1892 [1]; X, 80 p. (In Russian).

5. *Nardova V. A. Samoderzhaviye i gorodskiy dумы v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Autoacy and City Dumas in Russia in the late 19th and early 20th centuries]. St. Petersburg, Nauka. S.-Peterb. izd. firma Publ., 1994. 159 p. (In Russian).

Информация об авторе

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the author

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 05.03.2023

УДК 37:329(470)М«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛОЖЕНИЯ УЧИТЕЛЬСТВА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье отмечается, что в российском обществе конца XIX – начала XX в. борьба за решение задач национально-культурного возрождения Беларуси велась на фоне острых политических и социально-экономических проблем. В этой связи достаточно активно обсуждались вопросы развития народного образования, которое являлось орудием влияния различных политических сил и их идеологий. Актуальные задачи реформирования системы просвещения, увеличение ассигнований, введение всеобщего обучения и расширение сети учебных заведений не могли не отразиться в платформах формировавшихся политических партий различного идеологического спектра. Подробно анализируются программные установки партий социалистической ориентации в вопросах развития образования и положения учительства. В документах и материалах, воззваниях, на страницах нелегальной печати самодержавие рассматривалось ими как враг народа и просвещения. Подчеркивалось, что образование должно лечь в основу практического решения назревших проблем во всех сферах жизни, а народные учителя, как самый многочисленный отряд интеллигенции, примкнув к борьбе социал-демократической и других партий левого толка, станут союзником рабочих и крестьян в деле построения нового общества.

Ключевые слова: политическая партия, социалистическая идеология, партийная программа, народное образование, интеллигенция, учительство, революция, общественно-политическое движение.

Для цитирования: Острога В. М. Программные установки российских партий социалистической ориентации в вопросах развития образования и положения учительства (конец XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 33–39. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-6.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**PROGRAM GUIDELINES OF THE RUSSIAN PARTIES
OF SOCIALIST ORIENTATION IN THE DEVELOPMENT
OF EDUCATION AND THE POSITION OF TEACHERS
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)**

The article notes that in the Russian society of the late 19th – early 20th century, the struggle for solving the problems of the national and cultural revival of Belarus was carried out against the backdrop of acute political and socio-economic problems. In this regard, the development of public education, which was an instrument of influence of various political forces and their ideologies, was actively discussed. The urgent tasks of reforming the education system and an increase in appropriations for this subject, as well as the introduction of universal education and the expansion of the network of educational institutions, could not but be reflected in the platforms of the emerging political parties of various ideological spectrum. The program guidelines of the parties of socialist orientation in the development of education and the position of teachers are analyzed in detail. In documents and materials, appeals, on the pages of the illegal press, they considered the autocracy as an enemy of the people and enlightenment. It was emphasized that education should form the basis for the practical solution of urgent problems in all spheres of life, and the people's teachers, as the most numerous detachment of the intelligentsia, joining the struggle of the Social Democratic and other left-wing parties, will become an ally of the workers and peasants in building a new society.

Keywords: political party, socialist ideology, party program, public education, intelligentsia, teachers, revolution, socio-political movement.

For citation: Ostroga V. M. Program guidelines of the Russian parties of socialist orientation in the development of education and the position of teachers (late 19th – early 20th century). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 33–39 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-6.

Введение. Буржуазные реформы 1960–1970-х гг. не принесли обществу политических свобод, в том числе свобод партий и других объединений. В течение всей второй половины XIX в. не прекращалось общественно-политическое движение, которое на рубеже веков было отмечено осязаемым взрывом социальной активности. Возникшие в конце XIX – начале XX в. массовые политические партии становятся неотъемлемой частью политической системы Российского государства. Их появление оказало большое влияние на различные общественные институты и резко обострило борьбу за умонастроения в обществе. В центре внимания партий самого широкого идеологического спектра находились аграрный, рабочий и национальный вопросы. Актуальной и дискуссионной проблемой становится отношение к самодержавному строю. В начале XX в. под влиянием нарастающих революционных событий развернулось мощное общественно-педагогическое движение. Борьба за переустройство общества на основе демократических ценностей, включая реформирование всей системы просвещения и введение всеобщего обучения, во многом сблизило прогрессивную общественность. Демократизация народного образования была неразрывно связана с демократизацией политического строя государства.

Передовые и прогрессивно настроенные учителя начальной школы переходили от чисто профессионального движения (участие в обществах взаимопомощи, учительских съездах, организации педагогических изданий и др.) к политическим выступлениям, примыкали к национально-освободительной борьбе. Учительство теснее других представителей интеллигенции контактировало с народом: в начальной школе учились дети рабочих и крестьян, а для взрослого населения были организованы занятия на вечерних курсах и в воскресных школах. Поднять благосостояние народа, избавить его от темноты и невежества могла не царская школа, где обучали лишь азам чтения и письма, а новая, которая бы научила молодое поколение «сознавать себя людьми с человеческими и гражданскими правами и обязанностями» [1, с. 153].

Основная часть. Революционно-демократический лагерь начала XX в. представляли партии социалистической ориентации, социал-демократического и народнического направлений. Социалистическая идеология отрицала основы существовавшего в то время общественно-политического строя, выступала за построение социально-справедливого общества на принципах коллективизма, социального равенства, общественной собственности на средства производства, всестороннего и гармонического развития личности.

Наиболее «полная сводка всех требований» социалистических партий была сведена известным деятелем народного образования В. И. Чарнолуским к следующим положениям: «во всех учебных заведениях обучение должно быть всеобщим и бесплатным; бесплатное обеспечение всех учащихся учебными пособиями и питанием; все расходы по народному образованию должны быть приняты на общественный счет; полная отмена во всех школах религиозного обучения и установление светского образования; преподавание на родном языке; преподавание должно вестись на началах строгой научности и уважения к личности учащихся и учащихся; соблюдение строгой гармонии в деле умственного и физического развития; полное равноправие полов и совместное обучение мальчиков и девочек; запрещение «промыслового труда» для обеспечения детям возможности посещения школы» [2, с. 13].

В числе первых политических партий социалистической ориентации, которые возникли в Литве, Польше и России, являлся Бунд (1897 г.). В программе и резолюции X Всероссийской конференции Бунда (1905 г.), кроме требований политического и социально-экономического характера, подчеркивалась необходимость осуществления национально-культурной автономии для еврейского народа, в компетенцию которой входила вся культурная жизнь нации: школа, образование, развитие литературы, искусства, научных и технических знаний. Предлагалось «исключить из ведения государства и органов местного областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и др.), и передача их нации в лице отдельных учреждений – местных и центральных, избираемых ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». Все учреждения должны были «носить везде светский характер». Языком национально-культурной организации признавался еврейский, правда, эта организация признавала право меньшинства организаций иметь светскую школу на другом языке, кроме еврейского» [3, с. 34–35].

Требования «бесплатного, обязательного на местном языке» обучения, «приобретения за счет государства предметов, необходимых учащимся для обучения и содержания», значились в качестве направления деятельности Литовской социал-демократической партии (программа от 1896 г.). Социал-демократия Королевства Польского и Литвы в качестве основных задач видела «организацию обязательных и бесплатных школ, содержание школьников за счет государства, бесплатное высшее образование для очень одаренных учеников народной школы» [3, с. 22, 16].

Образование наиболее влиятельной Российской социал-демократической рабочей партии было подготовлено распространением на территории Российской империи марксизма. В программе партии, принятой на II съезде в 1903 г., в качестве главных задач значилось свержение самодержавия и установление демократической республики, предоставление народам России равноправия и права на самоопределение, установление 8-часового рабочего дня, решение аграрного вопроса и др. В сфере образования фиксировалось «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ», «даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоого пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства», отделение церкви от государства и школы от церкви [3, с. 48].

Завоевать симпатии среди учителей стремились также и социалисты-революционеры (эсеры). В известной степени это им удавалось «из-за мелкобуржуазной психологии, которая была присуща некоторым народным учителям ввиду условий их труда и близости к крестьянству» [4, с. 39]. В программе партии эсеров подчеркивалось требование обязательного общего светского образования за государственный счет, отстаивалось право каждой народности наравне с другими получать образование на родном языке. Особое место в революционной борьбе отводилось национальной интеллигенции. Она должна была идти в деревню, «в народ», и там, начиная с руководства стихийными крестьянскими выступлениями, через широкую культурно-просветительскую деятельность возглавить «национально-возрожденческое движение крестьянской Беларуси» [5, с. 66].

На рубеже XIX–XX вв. наблюдается оживление белорусского национально-освободительного движения. В обществе активно обсуждались перспективы развития государственности, шел поиск действенных форм организации для защиты собственных интересов. Белорусская Социалистическая Громада (БСГ) как партия оформилась в начале XX в. В представленном на первом съезде 1903 г. тексте программы использовались отдельные положения и установки программных документов Польской социалистической партии, эсеров, Бунда. На II съезде партии, который проходил в 1906 г. в Минске, широко обсуждались вопросы о широком развитии белорусской национальной культуры, законодательном признании права белорусского языка на развитие и употребление в школе, суде, административных и общественных учреждениях, печати. При развитии идеи культурно-национальной автономии огромное внимание

уделялось формированию национальной системы образования [5, с. 12].

В период революции 1905–1907 г. в России уже действовало не менее 10 социал-демократических и 10 неонароднических партий и организаций, которые зачастую дробились и образовывали параллели. Они «вели борьбу не только с царизмом и буржуазией, но и между собой, затрачивая на нее силы, время и материальные средства и ставя на не искушенные в тонкостях идеологии и политики массы перед трудноразрешимой проблемой выбора между ними» [6, с. 9]. Один из учителей в критической форме отмечал: «Просматривая программы современных политических партий, невольно задаешь себе вопрос: почему так мало места уделено в них народному образованию? Нескольких коротеньких строчек, как будто случайно попавших не на свое место, рисующих в общих чертах положение народного образования, – вот и все, что могла сказать партия. Ни одного слова о способах проведения этой программы в жизнь, ни одного намека о деятелях, их подготовке и положении» [7, с. 34].

В. И. Ленин считал, что «интеллигенция не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы», а есть особая социальная прослойка, внутренне неоднородная, связанная с различными классами общества. Поэтому она условно делилась на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую социально-политические группы. Ленин высоко оценивал роль интеллигенции в жизни общества, отмечал ее «свободолюбие, стремление бороться против полицейского гнета, травящего мысль и знание» [8, с. 9–10]. Политику Министерства народного просвещения в отношении педагогической интеллигенции В. И. Ленин называл «одним сплошным надругательством»: «полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские помехи просвещению народа вообще» [9, с. 130]. В статье «Социализм и религия» он выдвигал требования полного отделения церкви от государства и школы от церкви как требование партии социалистического пролетариата. Он выступал против религиозного воспитания учащихся в школе, против церковноприходской школы, против религии вообще и его социального корня – эксплуатации человека человеком [10].

Немецкий теоретик марксизма и социал-демократической политики К. Каутский ставил вопрос о коренном изменении положения учителя – «главного движущего нерва всякой школы». Он подчеркивал, что в царской школе они были «ремесленниками», главная функция которых сводилась к руководству учениками в усвоении ими знаний и «привычек». В настоящее же время,

как отмечает К. Каутский, нужны «воспитатели», которые не только будут сообщать своим подопечным научные знания, но и сделают их «духовным достоянием» учащихся, стремясь к «гармоническому, т. е. всестороннему, равномерному и основательному развитию всей личности ученика» [2, с. 3].

РСДРП проводила тактику «левого блока», добиваясь сплочения всех демократических сил, в том числе передовой интеллигенции. Под влиянием событий революции 1905–1907 гг. определенную симпатию к левым идеологиям стали питать учителя средних учебных заведений. Требование свободы союзов являлось одним из важных программных лозунгов российской социал-демократии, который, как и требование политической свободы, занимал важное место в партийной пропаганде и агитации. Наблюдалась тенденция демократизации учительских обществ, союзов и организаций, что создавало беспокорство царским чиновникам и государственным учреждениям, которые управляли образованием: в условиях самодержавной России успехи легальных учительских обществ и союзов имели свои допустимые пределы. Возникает ряд обществ государственного масштаба, в том числе и Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, который объединял около 15 тыс. человек. Одни из народных учителей находились под влиянием эсеров, другие – социал-демократов, третья часть занимала нейтральную позицию [11, с. 193]. Острая борьба развернулась между большевиками и эсерами на состоявшемся в 1907 г. IV съезде Всероссийского союза учителей. Несмотря на большинство делегатов-эсеров, съезд отверг их предложение о превращении учительского союза в профессионально-политический. Под влиянием большевиков было принято решение об установлении связи с пролетарскими союзами [12, с. 53].

РСДРП усиливала свое влияние на учителей, пропагандировала свои идеи и боролась не только против клерикально-монархических и буржуазных воззрений, но и эсеровской мелкобуржуазной идеологии. Большевики исходили из того, что трудовая интеллигенция стремится к деятельности в интересах народа. А сама она без рабочих и крестьян бессильна. Поэтому она, как и вся мелкая буржуазия, «в силу своей классовой природы крайне неустойчива, проявляет колебания между буржуазией и пролетариатом, между политикой соглашения с царизмом и политической борьбы с ним» [12, с. 8]. Местные социал-демократические комитеты проводили широкую агитацию, издавая и распространяя листовки-воззвания, письма, обращения, которые публиковались как в газетах, так и выходили отдельными изданиями. В воззвании

РСДРП «К учителям» (1905 г.) говорилось: «В современной русской школе все действия учителя строго предусмотрены программами, правилами и различными тайными и явными циркулярами... Проснись, учитель, и, пользуясь силой слова и убеждения, пойдешь к сельской бедноте с проповедью борьбы за свое освобождение, борьбы против самодержавия, против бедности... Путем мирным, культурным, ничего нельзя сделать». Партия звала учителей «на бой кровавый» за новую жизнь, за демократическую республику [13, с. 6–7].

Ленинская «Искра» превратилась в центр руководства местными социал-демократическими организациями, оказывала влияние и на общественно-педагогическое движение. В материалах корреспонденты разоблачали антинародную политику царизма в сфере образования и мизерные на его затраты, отражали тяжелое материальное и правовое положение учительства, призывали вступать в ряды социал-демократической партии и примыкать к борьбе пролетариата. Большевицкая печать продолжала начатую ленинской «Искрой» идеологическую работу по вовлечению народных учителей в освободительное движение рабочего класса. Газеты «Правда» и «Звезда» подчеркивали, что борьба за демократизацию народного образования является насущной потребностью и неразрывно связана с демократизацией политического строя России. Вопросы общественно-политического движения освещались в духе требований, сформулированных в резолюции Второго съезда РСДРП об отношении к учащейся молодежи и народным учителям. В ходе острой идеологической борьбы с монархическими и либеральными идеями авторы публикаций стремились «разоблачать стремление правящих партий сделать учительство проводником своей классовой политики и навязать ему свою реакционную идеологию», «поднять демократическое сознание и общественную активность учительства, сделать его проводником последовательно марксистской идеологии в массах», «повернуть учительство от отвлеченно-культурнической точки зрения на вопросы народного просвещения к марксистской точке зрения» [14, с. 12].

Служебная документация местной администрации, деловая переписка чиновников Министерства просвещения пестрят фактами причастности учащейся молодежи, а также педагогической интеллигенции к нелегальной деятельности. В революционную борьбу включались народные учителя: создавали и распространяли политическую литературу, выступали на митингах и собраниях, вели пропагандистскую работу в кружках рабочих, среди крестьян. Некоторые педагоги вливались в ряды РСДРП. Так, в июне 1905 г.

попечитель Виленского учебного округа сообщил в министерство о прокламациях ЦК РСДРП, распространяемых среди учительства [11, с. 195]. 21 августа 1906 г. Виленская судебная палата рассматривала представление, полученное от прокурора Гродненского окружного суда, о распространении среди солдат «Программы РСДРП» учителем Киселевичского народного училища Е. Хведосюком. Он передал 1 экземпляр программы, в которой содержался открытый призыв к свержению существующего общественного строя, кадровому унтер-офицеру, своему однофамильцу, «с просьбой распространить содержание ее среди солдат». Во время обыска у учителя были найдены несколько «преступных изданий»: революционных прокламаций, листовок и запрещенных брошюр [15, с. 581].

Вопросы развития школы и положение учительства рассматривались также и в Государственной Думе. Еще 1 ноября 1907 г. Министерством народного просвещения был внесен на рассмотрение законопроект о введении всеобщего образования. Он был одобрен Думой и направлен на утверждение в Государственный Совет, но был отклонен. Планируемые нововведения даже в очень сдержанном и ограниченном виде показали царскому правительству радикальными. На заседаниях Думы в 1912 г. все многочисленные ораторы, вне зависимости от партийной принадлежности, выступали за повышение ассигнований на нужды народной школы. Социал-демократическая фракция выдвигала требования в сфере образования, которые непосредственно отвечали интересам широких народных масс: введение всеобщего обучения не до 11 лет, как предусматривалось в законодательстве, а до 16 лет, увеличение ассигнований на школу с 10 млн руб., как предлагали кадеты, до 25 млн. руб. [16, с. 106]. Они также отстаивали принципы общедоступности обучения детей, преподавания школьных предметов на родном языке во всех типах учебных заведений, выступали за уничтожение привилегий и ограничений в области образования, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием и сословностью, поощрение частной инициативы в области школьного и внешкольного образования, полное отделение школы от церкви, реорганизацию церковно-приходских школ в светские, признание за учителями полной свободы профессиональных организаций, улучшение их правового и материального положения и др. [17, с. 171–172].

Исследователи справедливо отмечают, что в первые недели после победы Февральской революции многие представители интеллигентного мира, включая учителей, испытывали определенную растерянность: напряженная внутренняя жизнь, мучительные, лихорадочные поиски истины и точки опоры. Чаще всего «это был не

страх за свое благополучие, а изумление перед масштабами свершавшегося исторического действия, неспособность быстро освоиться с новым положением». Основная масса традиционно аполитичного учительства оставалась на позициях «обывателей»: условия дореволюционной действительности, режим самодержавной монархии не давали ей возможности жить организованной политической жизнью, активно и действенно, на основе объединяющих программно-политических установок участвовать в решении государственных дел [8, с. 104, 119]. Страницы «Русской школы» отражали сложные переживания учителей: изумление, радость, тревога, испуг, напряжение, порыв, стихийность, – заставляли искать друг друга. «Нельзя сидеть в одиночестве и ждать. Надо сообща подумать» [18, с. 30]. Контекст формирования политического сознания педагогической интеллигенции не был однородным и находился под непосредственным влиянием не только внутривнутриполитических процессов, но и социального положения. Большинство представителей педагогического мира были вне рядов политических партий, оставались «инертной массой». Вместе с тем определенная легализация партийной деятельности и широко развернувшаяся пропаганда демократических идей увеличивала число учителей, которые не только сочувствовали партиям социалистической ориентации, но и открыто переходили на позиции социал-демократии.

Заключение. Таким образом, образование в России партий различного политического спектра существенно изменяло традиционную организацию общества и вплотную подводило к трансформации всей политической сферы. Несмотря на различный уровень теоретической разработки социалистических идей и путей их практической реализации, партии социалистической ориентации сближало стремление решать острейшие политические проблемы путем революции и коренной ломки сложившейся политической системы. С демократических позиций решались приоритетные задачи социально-экономического и культурного развития. Уделяя основное внимание деятельности среди рабочих и крестьян, большевики усилили активность и в среде демократической интеллигенции. Борьба против программных установок кадетов, меньшевиков и эсеров была направлена на преодоление идеологических колебаний среди учительства и привлечение его к участию в революции на стороне народных масс. Социалистические партии активно включились в борьбу за народное учительство, поставив задачу поднять его демократическое сознание и общественную активность, сделать проводником последовательной марксистской идеологии в массах

с целью развертывания борьбы за «политическое освобождение России и широкие социально-экономические реформы», за «демократизацию и децентрализацию народного образования» как необходимое условие «новой жизни».

Ведь нужны, как отмечали современники, «новые идеалы воспитания, рожденные в недрах истинной внутренней свободы», а «свободная школа может быть лишь в свободном государстве» [2, с. 7, 14].

Список литературы

1. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М.: Наука, 1977. 288 с.
2. Тулупов Н. Вопросы народного образования в программах социалистических партий // Для народного учителя / под ред. Н. В. Тулупова. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1907. 20 с.
3. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост.: В. В. Кривенький [и др.]; В. В. Шелохаев (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
4. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895–1904. М.: Мысль, 1976. 239 с.
5. Палітычныя партыі Беларусі: гісторыя і сучаснасць / У. К. Коршук [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2011. 208 с.
6. Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.
7. А. Л. На очередные темы // Русский начальный учитель. 1907. № 3. С. 33–39.
8. Знаменский О. И. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 349 с.
9. Ленин В. И. К вопросу о политике Министерства народного просвещения // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 12. С. 125–135.
10. Ленин В. И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. С. 142–147.
11. Панагин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика, 1979. 215 с.
12. Ерман Л. К. Участие демократической интеллигенции в стачечном и профсоюзном движениях (1905–1907 гг.). М.: Профиздат, 1955. 56 с.
13. Учительство Северного Кавказа в 1905 г. Ростов н/Д.: Сев.-Кав. краев. Отд-ние Союза работников просвещения; тип. «Советский Юг» им. К. Маркса, 1925. 63 с.
14. Борисенко Н. Ф. Вопросы народного образования в большевистских газетах «Звезда» и «Правда» (1910–1914): автореф. ... канд. пед. наук. Харьков, 1955. 16 с.
15. Революционное движение в Белоруссии, 1905–1907 гг.: документы и материалы / Институт истории Академии Наук БССР, Архивное управление БССР; редкол.: А. И. Азаров, Е. П. Лукьянов, В. Н. Жигалов. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1955. 745 с.
16. Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М.: Просвещение, 1985. 159 с.
17. Малиновский Н. П. Итоги деятельности 3-й Государственной Думы в области народного образования // Русская школа. 1912. № 7. С. 169–196.
18. Петроградский учитель в дни революции // Русская школа. 1917. № 1. С. 29–33.

References

1. Pirumova N. M. *Zemskoye liberal'noye dvizheniye* [Zemstvo Liberal Movement]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 288 p. (In Russian).
2. Tulupov N. *Voprosy narodnogo obrazovaniya v programmakh sotsialisticheskikh partiy. Dlya narodnogo uchitelya* [Issues of public education in the programs of socialist parties. For the public teacher]. Moscow, Tov-vo I. D. Sytina Publ., 1907. 20 p. (In Russian).
3. *Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka* [Programs of political parties in Russia. Late 19th – early 20th century]. Comp.: V. V. Kriven'kiy [et al.]; V. V. Shelokhaev (ed). Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 464 p. (In Russian).
4. Ushakov A. V. *Revolutsionnoye dvizheniye demokraticheskoy intelligentsii v Rossii, 1895–1904* [The Revolutionary Movement of the Democratic Intelligentsia in Russia, 1895–1904]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 239 p. (In Russian).
5. Korshuk U. K. *Palitychnyya partyi Belarusi: gistoryya i suchasnasts'* [Political parties of Belarus: history and modernity]. Minsk, Tesey Publ., 2011. 208 p. (In Belarusian).
6. *Men'sheviki. Dokumenty i materialy. 1903 – fevral' 1917 g.* [Menshevik. Documents and materials. 1903. February 1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 408 p. (In Russian).
7. A. L. On the next topics. *Russkiy nachal'nyy uchitel'* [Russian elementary teacher], 1907, no. 3, pp. 33–39 (In Russian).

8. Znamenskiy O. I. *Intelligentsiya nakanune Velikogo Oktyabrya* [The intelligentsia on the eve of the Great October Revolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 349 p. (In Russian).
9. Lenin V. I. On the issue of the policy of the Ministry of National Education. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete collection of works]. Moscow, Izd-vo Politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 12, pp. 125–135. (In Russian).
10. Lenin V. I. Socialism and Religion. *Polnoye sobraniye sochineniy*. [Complete collection of works]. Moscow, Izd-vo Politicheskoy literatury Publ., 1973. Vol. 23, pp. 142–147. (In Russian).
11. Panachin F. G. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. Moscow, Pedagogika Publ., 1979. 215 p. (In Russian).
12. Erman L. K. *Uchastiye demokraticheskoy intelligentsii v stachechnom i profsoyuznom dvizheniyakh (1905–1907 gg.)* [Participation of the democratic intelligentsia in the strike and trade union movements (1905–1907)]. Moscow, Profizdat Publ., 1955. 56 p. (In Russian).
13. *Uchitel'stvo Severnogo Kavkaza v 1905 g.* [Teachership of the North Caucasus in 1905]. Rostov-on-Don, Sev.-Kav. kraev. otd.-niye Soyuza rabotnikov prosveshcheniya; tip. «Sovetskiy Yug» im. K. Marksa Publ., 1925. 63 p. (In Russian).
14. Borisenko N. F. *Voprosy narodnogo obrazovaniya v bol'shevistskikh gazetakh «Zvezda» i «Pravda» (1910–1914). Avtorefs. dissertatsii. kand. pedagogicheskikh nauk* [Issues of public education in the Bolshevik newspapers Zvezda and Pravda (1910–1914). Abstract of thesis PhD (Pedagogical)]. Kharkiv, 1955. 16 p. (In Russian).
15. Azarov A. I., Luk'yanov E. P., Zhigalov V. N. *Revolyutsionnoye dvizheniye v Belorussii, 1905–1907 gg.: dokumenty i materialy* [Revolutionary movement in Belarus, 1905–1907: documents and materials]. Minsk, Izd-vo Akademii nauk BSSR Publ., 1955. 745 p. (In Russian).
16. Ushakov A. V. *Demokraticheskaya intelligentsiya perioda trekh revolyutsiy v Rossii* [Democratic intelligentsia of the period of three revolutions in Russia]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1985. 159 p. (In Russian).
17. Malinovskiy N. P. Results of the activities of the 3rd State Duma in the field of public education. *Russkaya shkola* [Russian School], 1912, no. 7, pp. 169–196 (In Russian).
18. Petrograd teacher in the days of the revolution. *Russkaya shkola* [Russian School], 1917, no. 1, pp. 29–33 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail:

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 10.03.2023

УДК 331.2:334.716(476-25)(091)«19/20»

Г. В. Алексашина

Белорусский государственный экономический университет

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ НА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МИНСКА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников рассмотрена заработная плата рабочих и служащих на фабрично-заводских предприятиях Минска в конце XIX – начале XX в. Установлена зависимость уровня заработной платы рабочих от квалификации, пола, возраста, специализации производства. Детально проанализирована заработная плата работников, занятых в системе управления и организации производства на примере служащих чугунолитейного и механического завода Н. Я. Якобсона. Показан рост номинальной заработной платы рабочих и служащих в рассматриваемый период. Минимальную заработную плату, которую устанавливало Губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие, получали чернорабочие. В зависимости от возможностей предприятий, плата рабочему могла существенно отличаться от установленных губернским по фабричным и горнозаводским делам присутствием норм. При достаточно высоких заработках отельных служащих, занятых в системе управления предприятием, более половины получали зарплату, сопоставимую с оплатой труда чернорабочего. Некоторое увеличение номинальной заработной платы рабочих и служащих в конце XIX – начале XX в. сдерживалось ростом цен на основные продукты питания и жилье, на оплату которых уходила большая часть заработка.

Ключевые слова: история, Минск, рабочий, служащий, фабрично-заводские предприятия, заработная плата.

Для цитирования: Алексашина Г. В. Заработная плата рабочих и служащих на фабрично-заводских предприятиях Минска (конец XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 40–44. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-7.

G. V. Alexashina

Belarus State Economic University

WAGES OF WORKERS AND EMPLOYEES AT FACTORY ENTERPRISES IN MINSK (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Based on a wide range of archival and published sources, the wages of workers and employees at factory enterprises in Minsk in the late 19th – early 20th century are considered. The dependence of the wage level of workers on qualifications, gender, age, specialization of production is established. The wages of employees employed in the management and organization of production are analyzed in detail on the example of employees of the N. Y. Yakobson iron foundry and mechanical plant. The growth of nominal wages of workers and employees in the period under review is shown. The minimum wage, which was set by the Provincial Office for Factory and Mining Affairs, was received by laborers. Depending on the capabilities of enterprises, the wages of work could differ significantly from those established by the provincial for factory and mining affairs by the presence of norms. With sufficiently high earnings of hotel employees employed in the enterprise management system, more than half received a salary comparable to that of a laborer. Some increase in the nominal wages of workers and employees in the late 19th – early 20th century. it was restrained by the rise in prices for basic food and housing, which took most of the earnings to pay for.

Keywords: history, Minsk, worker, employee, factory enterprises, wages.

For citation: Alexashina G. V. Wages of workers and employees at factory enterprises in Minsk (late 19th – early 20th century). *Proceedings of BSTU, issue. 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 40–44 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-7.

Введение. Изучение материального положения промышленных рабочих Беларуси периода формирования индустриального общества является актуальным направлением исторических исследований. В конце XIX – начале XX в. процессы индустриализации и урбанизации в бело-

русских губерниях ускорились, что привело к увеличению численности фабрично-заводских рабочих и служащих, составлявших весомую часть занятого населения городов. Один из важнейших показателей материального положения работника – его доходы, главной составляющей

которых является заработная плата. В отечественной историографии не уделялось должного внимания изучению материального положения промышленных рабочих на примере городов. Доходы служащих промышленных предприятий зачастую вообще оказывались за рамками исторических исследований [1]. Данная статья ставит целью изучение уровня заработной платы рабочих и служащих на фабрично-заводских предприятиях Минска в конце XIX – начале XX в. В работе использовались материалы Минского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, отчеты фабричной инспекции, статистические сборники.

Основная часть. Важнейшим показателем материального положения рабочих промышленных предприятий являлся их доход, который складывался из заработной платы, выдаваемой частично деньгами, частично «натурой» (продуктами питания, предоставлением рабочему жилья за счет предприятия и др.), разного рода приплат к ней, премий, наградных и т. д. Преобладающей частью дохода рабочего являлась заработная плата, основу которой составляло денежное вознаграждение. В фабрично-заводской промышленности Российской империи доля денежной части зарплаты составляла в 1901 г. 89,7%, в 1913 г. – 92,5% [2, с. 96].

Существовали разные виды зарплаты: годовая, сезонная, месячная, недельная, поденная, почасовая и сдельная. Но это не оказывало существенного влияния на размеры заработков. В средних выводах зарплата была почти одинакова при любой форме оплаты [2, с. 99].

Сводные отчеты фабричных инспекторов, сгруппированные по губерниям, дают представление о заработной плате фабрично-заводских рабочих. Согласно этим данным, среднегодовая зарплата фабрично-заводских рабочих Минской губернии составила в 1890 г. – 144,72 руб., в 1901 г. – 133,09 руб., в 1908 г. – 200,65 руб., в 1913 г. – 201,58 руб. Эти показатели были выше, чем в Витебской и Могилевской, но ниже, чем в Виленской и Гродненской губерниях [3, с. 4–47; 4, с. 162–165; 5, с. 142–145; 6, с. 240–243]. В 1913 г. в сравнении с 1890 г. среднегодовая заработная плата рабочих выросла на 19,6%.

По свидетельству Ю. И. Кирьянова, наиболее высокие заработки рабочих отмечались в тех губерниях Российской империи, где имелась крупная промышленность с металлургическими, металлообрабатывающими, машиностроительными, горнодобывающими, химическими и полиграфическими предприятиями [2, с. 150]. В белорусских губерниях и, особенно, городах преобладала мелкая промышленность, ориентированная преимущественно на переработку местного сырья, что, в основном, и определяло уровень заработка работников.

Минимальную заработную плату, которую устанавливало губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие, получали чернорабочие.

Поденная заработная плата чернорабочего мужчины в Минске в 1895 г. равнялась 70 коп. [7, л. 9, 214]. На 1907–1909 гг. и на 1910–1912 гг. поденная плата мужчине-чернорабочему по Минской губернии была определена в размере 70 коп. [8, л. 73 об., 143], а на 1913–1915 гг. – 75 коп. (+7,1%) [9, л. 9]. Для женщин-чернорабочих норма поденной заработной платы на 1907–1909 гг. была установлена в размере 50 коп. и оставалась неизменной в следующие два трехлетия. Норма поденной платы подростков (от 15 до 17 лет) мужского пола на три трехлетия (1907–1909 гг., 1910–1912 гг., 1913–1915 гг.) была установлена в размере 50 коп., женского пола – 40 коп. Для малолетних (от 12 до 15 лет) эта норма была значительно ниже: для мальчиков – 28 коп., девочек – 22 коп. [10, л. 73 об., 143; 11, л. 9]. Как видим, зарплата чернорабочих дифференцировалась по половому и возрастному принципам. Наблюдался небольшой рост поденной платы мужчинам-чернорабочим в 1913–1915 гг. в сравнении с предыдущими двумя трехлетиями.

Размер заработка чернорабочих был дифференцирован по предприятиям. В зависимости от экономических возможностей предприятия, плата рабочему могла существенно отличаться от норм, установленных губернским по фабричным и горнозаводским делам присутствием. Так, в 1912 г. на Вокзальном заводе в Минске среднегодовой заработок мужчины-чернорабочего составлял 80 коп., на фабрике обуви «Орел» – от 90 коп. до 1 руб., на заводе «Технолог» – 75 коп., на кожевенном заводе А. В. Имрота – 90 коп., на обойной фабрике А. С. Эпштейна в Минске – 60 коп. [12, л. 2–28].

В том же году среднемесячная заработная плата рабочих фабрики дамских гребней в Минске составляла 23,3–28,3 руб. (88,0 коп. – 1 руб. 7 коп. в день), обувной фабрики «Орел» – 26,0 руб. (98,0 коп. в день), кожевенного завода А. В. Имрота – 22,2 руб. (84,0 коп.), обойной фабрики К. М. Конторовича – 20,0 руб. (75,0 коп.) [12, л. 5 об.–26]. За 1904–1910 гг. поденная плата мужчинам-чернорабочим в Минске выросла с 57,5 коп. до 1 руб., женщинам – с 40 до 50 коп. [13, с. 99; 14, с. 119].

Наблюдалась зависимость заработной платы рабочих от вида производства, в котором они были заняты (таблица).

Наибольшая оплата труда мужчин наблюдалась на механических, стекольных, кожевенных и лесопильных предприятиях. Заработная плата здесь доходила до 100–200 руб. в день.

**Ежедневная заработная плата мужчин, женщин и подростков
в связи со специализацией промышленных предприятий Минской губернии, 1904 г., коп.**

Специализация предприятий	Мужчины	Женщины	Подростки	В среднем по губернии
Лесопильные	50–100	–	–	–
Винокуренные	45–65	–	–	–
Мукомольные	45–60	–	–	–
Кирпичные	50–85	30–45	30–45	36,7–58,3
Изразцово-гончарные	50–80	–	–	–
Механические	50–200	–	–	–
Стеклянные	50–150	25–40	30–40	35–76,7
Типографские	50–80	30–40	30–40	36,7–53,3
Кожевненные	50–100	–	–	–
Спичечные	50–80	25–45	30–40	35–55
Табачные	50–75	25–40	30–40	35–51,7
Дрожжевинокуренные	50–75	25–40	–	37,5–57,5
Картонно-бумажные	50–80	30–40	30–40	36,7–53,3
Переплетные	50–75	30–40	20–40	33,3–51,7
Обойные	50–85	25–35	20–40	31,7–53,3

Примечание. Составлено по источнику [15, л. 80].

Минимальный размер дневного заработка мужчин отмечался на винокуренных (45,0–65,0 коп.) и мукомольных (45,0–60,0 коп.) предприятиях. Минимальный размер дневной оплаты труда женщин составлял 25,0 коп. и наблюдался на стекольных, спичечных, табачных, дрожжевинокуренных и обойных предприятиях, а максимальный (45,0 коп.) – на кирпичных и спичечных предприятиях. Наименьшая дневная заработная плата подростков (20,0 коп.) отмечалась в переплетном и обойном, а наибольшая – (45,0 коп.) – в кирпичном производствах. Таким образом, заработная плата рабочих зависела от сложности производственного процесса. Рабочие механических предприятий, в большей степени механизированных, в сравнении с остальными, зарабатывали больше. Минимальный и максимальный размер ежедневной заработной платы мужчин на всех видах предприятий был выше, чем у женщин и подростков. Как минимальный, так и максимальный размер дневной заработной платы мужчин по всем видам производства был выше ее средних показателей по этим производствам, а женщин и подростков – ниже.

Дифференциация в оплате труда рабочих была связана также с их профессией и квалификацией. В типографии Б. И. Соломонова в 1904 г. средневенной заработок чернорабочего колебался в пределах 28–55 коп., наборщика – 37 коп. – 3 руб. 07 коп., машиниста – 80 коп. – 4 руб. 06 коп. [16, л. 23].

Зарплата мастерового паровозного депо составляла в 1905 г. 99 коп. в день. В главных мастерских Либаво-Роменской железной дороги мастеровой в том же году получал 1 руб. 2 коп. в день [17, л. 5].

В 1912 г. на Кошарском заводе в Минске слесарь зарабатывал в год 119,04–599,65 руб., токарь – 184,36–1156,93 руб., литейщик – 322,76–1038,69 руб., кузнец – 785,45–916,33 руб. [12, л. 27–27 об.]. Законом 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» на промышленных предприятиях было установлено 280 рабочих дней в году [18, с. 114]. Используя это число, получим расчетные данные о средневенной заработной плате рабочих. Так, дневная плата слесаря на Кошарском заводе колебалась в пределах 44 коп. – 2 руб. 14 коп., токаря – 66 коп. – 4 руб. 13 коп., литейщика – 1 руб. 15 коп. – 3 руб. 71 коп., кузнеца – 2 руб. 80 коп. – 3 руб. 27 коп. Таким образом, минимальная оплата труда рабочего одной профессии в 1,2–6 раз была меньше максимальной. В источниках нет информации, разъясняющей такие расхождения. Можно предположить, что колебания в заработной плате были связаны как со стажем, так и уровнем квалификации рабочего.

Среди работников промышленных предприятий был ряд служащих, занятых в системе управления производством и его организацией, а также низшие служащие (кучер, сторож). Так, в 1895 г. на чугунолитейном и механическом заводе Н. Я. Якобсона заработная плата 19 служащих в среднем составляла 42,40 руб. в месяц (или 1 руб. 60 коп. в день). Однако средние показатели заработной платы нивелируют заработки высоко- и низкооплачиваемых групп служащих. Так, к примеру, Н. Я. Якобсон, который являлся и управляющим завода, получал в этом году жалованье в размере 166,66 руб. в месяц, а кучер завода – 14 руб. Среди служащих назван также машинист Митер, чье жалованье составляло

15 руб. в месяц. Из общего числа служащих (за исключением управляющего) двое (11,1%) получали жалованье в размере 100 руб., четверо (22,2%) – от 50 до 85 руб., трое (16,7%) – 25–35 руб., а остальные (50,0%) – менее 15 руб. в месяц (или 58 коп. в день) [19, л. 1а–35]. В 1897–1898 гг. средняя заработная плата 17 служащих этого же завода составляла уже 54,12 руб. в месяц, т. е. выросла по сравнению с 1895 г. на 27,4%. Управляющий Н. Я. Якобсон получал 250 руб. в месяц. Из общего числа служащих (за исключением управляющего) трое (18,8%) зарабатывали 105–150 руб. в месяц, четверо (25%) – 20–40 руб., а остальные (56,2%) получали менее 20 руб. (или 77,0 коп. в день) [Подсчет наш. – А. Г., 20, л. 2–32]. Как видим, в 1898 г. в сравнении с 1895 г. средний заработок служащих завода вырос. Но более половины работников получали жалованье, по размеру находящееся примерно на уровне заработной платы чернорабочих.

В проанализированном выше материале рассматривался уровень номинальной зарплаты. Для оценки реального значения оплаты труда рабочих и служащих необходимо иметь индексы потребительских цен за рассматриваемый период и по региону. Однако детальная статистика розничных цен на товары первой необходимости и их индексов по промышленным центрам Российской империи в начале XX в. в историко-экономической литературе отсутствует. Точными статистическими данными для определения реальной заработной платы мы не располагаем. Вместе с тем можно предположить, что увеличение реальной заработной платы рабочих сдерживалось ростом цен на продукты питания и жилье. К примеру, в Минске с осени 1903 г. по осень 1907 г. хлеб ржаной подорожал с 2,1 до 3,3 коп. за фунт (+57,1%), пшеничный 1-го сорта – с 5,8 до 7 коп. (+20,7%). Стоимость фунта мяса 2-го сорта выросла с 10,1 до 13 коп. (+28,7%), картофеля – с 0,5 до 0,62 коп. (+24%), крупы гречневой – с 4 до 5 коп. (+25%), В среднем стоимость основных продуктов питания в

городе выросла на 9,2% [Подсчет наш. – А. Г., 21, л. 101]. Среднегодовая стоимость небольшой квартиры в Минске в 1904 г. составляла 210 руб., в 1910 г. – 200 руб. [13, с. 97; 14, с. 110].

Согласно сведениям, полученным в результате опроса рабочих фабрик и заводов Минска в 1912 г., на питание одного рабочего (без учета членов семьи) обувной фабрики «Орел» в месяц уходило в среднем 46,2%, на оплату жилья – 14,2% заработной платы. Рабочий кожевенного завода Имрота расходовал на питание в среднем 46,4%, на жилье – 11,7% зарплаты, а рабочий обойной фабрики Конторовича – 48,0% и 21,5% зарплаты соответственно [12, л. 6, 9, 26]. То есть затраты на питание и жилье поглощали большую часть зарплаты рабочих.

Заключение. Заработная плата рабочих и служащих на фабрично-заводских предприятиях Минска в конце XIX – начале XX в. была в значительной степени дифференцирована. В каждой возрастной категории мужчины получали большую зарплату в сравнении с женщинами. Оплата труда рабочих зависела от наличия рабочей специальности. Заработная плата рабочих одной специальности также была дифференцирована в зависимости от квалификации и стажа. Наблюдалась зависимость зарплаты от специализации предприятия. Самая высокая оплата труда рабочих была на механических предприятиях. Более высокую зарплату получали те рабочие, трудовая деятельность которых была связана с машинами и механизмами. Труд отдельных служащих, занятых в системе управления предприятием, оплачивался высоко. Но более половины служащих предприятий получали зарплату, сопоставимую по размеру с оплатой труда чернорабочего.

Несмотря на некоторое увеличение номинальной платы за труд рабочих в конце XIX – начале XX в., рост реальной заработной платы сдерживался увеличением цен на продукты питания и жилье, на оплату которых уходила большая часть заработной платы работников.

Список литературы

1. Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900–1913 гг.). Минск: Наука и техника, 1977. 168 с.
2. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX–XX вв.). М.: Наука, 1979. 287 с.
3. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1890 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1893. 417 с.
4. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1903. 202 с.
5. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1910. 159 с.
6. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Петроград: Тип. В. О. Киршбаума, 1914. 317 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2825.
8. НИАБ. Ф. 299. Оп. 3. Д. 973.
9. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 239.
10. НИАБ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 9.
11. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 251.

12. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 50.
13. Города России в 1904 г. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
14. Города России в 1910 г. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. 1200 с.
15. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 32.
16. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 31.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 273. Оп. 12. Д. 590.
18. Литвинов-Фалинский В. П. Новые законы о страховании рабочих. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 364 с.
19. НИАБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 3.
20. НИАБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 5.
21. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 36.

References

1. Abezgauz Z. E. *Rabochiy klass Belorussii v nachale XX v. (1900–1913 gg.)* [The working class of Belarus in the early twentieth century (1900–1913)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1977. 168 p. (In Russian).
2. Kir'yanov Y. I. *Zhiznenny uroven' rabochikh Rossii (konets XIX–XX vv.)* [Living standards of Russian workers (late XIX–XX centuries)]. M., Nauka Publ., 1979. 287 p. (In Russian).
3. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1890 g.* [Summary of data on the factory industry in Russia for 1890]. St. Petersburg, 1893. 417 p. (In Russian).
4. *Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1901 g* [Summary of reports of factory inspectors for 1901]. St. Petersburg, 1903. 202 p. (In Russian).
5. *Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 g* [Summary of reports of factory inspectors for 1908]. St. Petersburg, 1910. 159 p. (In Russian).
6. *Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1913 g* [Summary of reports of factory inspectors for 1913]. Petrograd, 1914. 317 p. (In Russian).
7. National Historical Archive of Belarus (NHAB). Fund 1. I. 1. F. 2825.
8. NHAB. Fund 299. I. 3. F. 973.
9. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 239.
10. NHAB. Fund 310. I. 1. F. 9.
11. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 251.
12. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 50.
13. *Goroda Rossii v 1904 g.* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg, 1906. 907 p. (In Russian).
14. *Goroda Rossii v 1910 g.* [Cities of Russia in 1910]. St. Petersburg, 1914. 1200 p. (In Russian).
15. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 32.
16. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 31.
17. Russian State Historical Archive. Fund 273. I. 12. F. 590.
18. *Litvinov-Falinskiy V. P. Novyye zakony o strakhovanii rabochikh* [New laws on workers' insurance]. St. Petersburg, 1912. 364 p. (In Russian).
19. NHAB. Fund 452. I. 1. F. 3.
20. NHAB. Fund 452. I. 1. F. 5.
21. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 36.

Информация об авторе

Алексашина Галина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: gal1na@tut.by

Information about the author

Alexashina Galina Vyacheslavovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: gal1na@tut.by

Поступила 03.03.2023

УДК 94:331.104(476)

Е. А. Дубовик

Белорусский национальный технический университет

**РАБОЧИЙ ВОПРОС В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматривается возникновение в Российской империи рабочего вопроса, явившегося предпосылкой революционных событий в начале XX в. Показано, что положение рабочего класса России и Беларуси было более тяжелым, чем в странах Западной Европы. Раскрыты позиции различных политических партий и их организаций на территории Беларуси по рабочему вопросу, его отражение в общественно-политической борьбе, а также деятельность правительственных комиссий по решению рабочего вопроса, попытки Государственной думы разработать социальное рабочее законодательство. Самыми важными были принятые III Государственной думой в январе 1912 г. два закона о страховании рабочих: от несчастных случаев и по болезни. Однако существовали значительные ограничения в их применении, что не позволило коренным образом улучшить социальное положение рабочих. В результате время для мирного решения рабочего вопроса было упущено, он решался в стране после Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Ключевые слова: развитие капитализма, рабочий класс, рабочий вопрос, рабочее движение, Российская империя, белорусские губернии, российские революции, Государственная дума, социальное рабочее законодательство.

Для цитирования: Дубовик Е. А. Рабочий вопрос в белорусских губерниях Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 45–49. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-8.

A. A. Dubovik

Belarusian National Technical University

**LABOR QUESTION IN THE BELARUSIAN PROVINCES
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY**

The article deals with the emergence of a labor question in the Russian empire that has become a prerequisite for revolutionary events in the beginning of the 20 century. It is shown that the plight of the working class in Russia and Belarus was more difficult than in the countries of Western Europe. Positions of various political parties and their organizations in Belarus on the labor question, its reflection in social and political struggle, as well as the activities of the government commissions to resolve labor problem, the attempts of the State Duma to develop social labor legislation are revealed. The most important were the two laws adopted by the Third State Duma in January 1912 on the insurance of workers: from accidents and sickness. However, there were significant restrictions on their use, which did not allow to radically improve the social situation of workers. As a result, the time for a peaceful solution to the labor question was lost, it was resolved in the country after the October socialist revolution of 1917.

Keywords: development of capitalism, working class, labor question, labor movement, Russian empire, Belarusian provinces, Russian revolutions, the State Duma, social labor legislation.

For citation: Dubovik A. A. Labor question in the Belarusian provinces of the Russian empire in the late 19th and early 20th century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 45–49 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-8.

Введение. Одной из актуальных проблем истории Беларуси является исследование рабочего вопроса как предпосылки революционных событий в первые десятилетия XX в. Однако, если аграрный и национальный вопросы получили должное отражение в белорусской историографии, то, к сожалению, этого нельзя сказать о рабочем вопросе. По сути, данная проблема не являлась предметом специального исследования,

хотя и получила определенное освещение в монографиях и статьях по истории рабочего класса, рабочего и общественно-политического движения, коллективных трудах по истории Беларуси.

Основная часть. С развитием капитализма в XIX в. в Российской империи возник рабочий вопрос. Данное понятие является многогранным, включает в себя ряд составляющих:

формирование рабочего класса; его численность, структуру, состав; условия труда и уровень жизни наемных рабочих; правовое и политическое положение рабочих; политику правительства и т. д.

Но до первой российской революции 1905–1907 гг. самодержавие и буржуазия отрицали наличие рабочего вопроса, утверждая, что в России нет рабочего класса в западноевропейском понимании, а есть всего только «сословие фабричных людей», вчерашних крестьян. В начале XX в. бытовало мнение, что положение рабочих в России лучше, чем у крестьян, так как они имеют два источника дохода: заработок на промышленном предприятии и хозяйство в деревне. Как высказался однажды писатель Л. Н. Толстой, фабричные рабочие – «настоящие кавалеры в сравнении с мужиками» [1, с. 183]. Догмат об особом патриархальном развитии России, избегание рабочего вопроса, нечеткость норм фабричного законодательства – все эти факторы тормозили формирование социально-трудовых отношений. Термин «рабочий вопрос» в это время использовался только в работах ученых левого или либерального течений [2].

Однако следует признать, что положение рабочего класса России и Беларуси на рубеже XIX–XX вв. было более тяжелым, чем в странах Западной Европы. Длительность рабочего дня в России была большей, чем во многих других странах, составляла 11–11,5 часа, тогда как в Великобритании 9 часов, в США – 9,75, во Франции – 10,5, Германии – 10,75, в Италии – 11 часов [3, с. 25]. Историк пролетариата Беларуси Абезгауз З. Е. писал: «Продолжительный рабочий день на промышленных предприятиях и отсутствие нормальных условий для отдыха приводило к тому, что труд рабочих был недостаточно производительным» [4, с. 118].

За свой тяжелый труд рабочие получали заработную плату, которая далеко не всегда обеспечивала прожиточный минимум, особенно если у них были большие семьи. Размер заработка был связан, в первую очередь, с состоянием рынка труда и продолжительностью рабочего дня. На уровень оплаты труда пролетариата Беларуси влияли и такие факторы, как аграрное перенаселение, сосредоточение в городах и местечках большого количества безработного населения, согласного на любой наемный труд. По подсчетам историка Довнар-Запольского М. В., средняя годовая заработная плата рабочих северо-западных губерний в 1897 г. составляла только 147,8 руб. [5, с. 183].

Характерной чертой промышленности Беларуси конца XIX в. являлся значительный удельный вес мелкого производства. По количеству занятых в нем рабочих оно почти в 3,5 раза превышало фабрично-заводскую промышленность.

Среди ремесленных рабочих абсолютное большинство составляли евреи. Их численный перевес в промышленно-торговом населении городов сложился в результате царского закона «О черте еврейской оседлости», в которую полностью входили и белорусские губернии [6]. Кроме тяжелого экономического положения, рабочие остро ощущали произвол администрации предприятий и местных властей.

Революция 1905–1907 гг. покончила с иллюзией, что в России нет рабочего вопроса. Его стали признавать одной из основных социальных проблем наряду с аграрным и национальным вопросами. В январе 1905 г. в Петербурге была создана комиссия по рабочему вопросу, прозванная в обыденном лексиконе «комиссией Коковцова» по фамилии ее председателя – министра финансов. Разработанная комиссией программа исходила из суждения, что в России рабочий вопрос носит такой же характер, как и в западных странах, и решать его надо так, как, например, решил в Германии канцлер О. фон Бисмарк. Программа включала четыре основных пункта: 1) обязательная организация большинства касс на основе совместных взносов нанимателей и рабочих; 2) создание на фабриках и заводах смешанных органов из представителей администрации и рабочих «для обсуждения и решения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих»; 3) сокращение рабочего дня с 11,5 до 10 часов, ограничение законом продолжительности сверхурочных работ; 4) пересмотр статей закона, карающих за забастовки и досрочное прекращение договора о найме, т. е. отказ от взгляда на стачку как нарушение общественного порядка, подлежащее уголовному преследованию [7, с. 13].

Рабочий вопрос нашел отражение в программных документах политических партий, возникших после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. Либеральные партии выступали за внесение в законодательство изменений с целью расширения социальных прав и гарантий рабочего класса, но в то же время сопровождали существенными оговорками главный аспект проблемы – уменьшение длительности рабочего дня, считая, что это отрицательно скажется на экономическом развитии страны. Кадеты полагали, что введение в России восьмичасового рабочего дня преждевременно. Представители монархических партий и их организаций на территории Беларуси призывали рабочих отказаться от забастовочных выступлений и решать трудовые конфликты только мирными путями. Политические партии социалистической направленности требовали немедленного и радикального разрешения рабочего вопроса [8, с. 12, 13].

4 марта 1906 г. были изданы «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях». Это способствовало организации легальных рабочих профсоюзов, просветительских организаций и обществ, которыми решение рабочего вопроса в стране выдвигалось на передний план.

Рабочий вопрос проявился в общественно-политической борьбе в ходе выборов и деятельности Государственной думы Российской империи в 1906–1917 гг., хотя центральным вопросом в ее первых созывах был аграрный. По избирательному закону от 11 декабря 1905 г. несколько расширился круг выборщиков в сравнении с «Положением» от 6 августа 1905 г. – к ним присоединялись рабочие. Однако избирательные права имели только рабочие предприятий, где количество работающих мужчин в возрасте свыше 25 лет превышало 50 человек. В результате от участия в выборах фактически были отстранены три четверти всех рабочих, а в Беларуси процент рабочих, допущенных к участию в выборах, был еще ниже – только 10–15%. В 21 из 71 губернии Российской империи, в том числе в Витебской, рабочие не имели своего представительства. Полный перевес на выборах был обеспечен помещикам и крупной буржуазии. Один голос помещика и 3,5 голоса городской буржуазии соответствовали 45 голосам рабочих. Поэтому рабочие многих предприятий в Минске, Гродно, Мозыре, Пинске бойкотировали выборы в Государственную думу [9, с.16–18, 28].

Обновление государственного строя Российской империи, становление конституционной монархии в 1905–1906 гг. существенно не повлияло на законодательство по рабочему вопросу. Крупнейшие думские фракции не считали его приоритетным. Ни одно из многих предложений социал-демократов по рабочему вопросу не проходило; кадеты и октябристы защищали позицию предпринимательских союзов. I Госдума просуществовала всего два месяца и все, что успела, – это высказаться в адресе императору за свободу организации самодеятельности рабочих. II Дума создала комиссию по оказанию помощи безработным, которая себя не проявила. В III Госдуме в ноябре 1907 г. была избрана комиссия по рабочему вопросу в составе 33 человек, в нее вошел один представитель от Беларуси – В. К. Тычинин из Гродненской губернии. За почти пятилетний период функционирования III Думы на ее рассмотрение были внесены семь законопроектов по рабочему вопросу: четыре страховых, один затрагивал рабочих ремесленных предприятий и два касались работников торговых заведений. Но в думской комиссии, большинство которой составляли правые и ок-

тябристы, законопроекты подолгу залеживались и подвергались переработке в интересах буржуазии [10, с. 136, 142].

Самыми значительными были принятые III Думой в январе 1912 г. два закона о страховании рабочих: от несчастных случаев и по болезни. После одобрения в мае 1912 г. Государственным советом и утверждения 23 июня императором они стали законами и составили базу социального рабочего законодательства [11, с. 121]. Закон о страховании от несчастных случаев частично пересмотрел Правила от 2 июня 1903 г. Он по-прежнему распространялся на рабочих только фабрично-заводской и горной промышленности. В числе незащищенных законом оставались строительные рабочие, среди которых был особенно высокий уровень производственного травматизма, многие группы промышленных рабочих, все сельскохозяйственные рабочие и работники торговли. Пособие на время лечения и пенсии в случае потери трудоспособности составляли 2/3 заработка. В сравнении со старым законом основная новизна заключалась в том, что личная ответственность предпринимателя заменялась коллективной: решение оказывать или нет помощь и в каком размере принимало страховое общество – окружное объединение предпринимателей. Страхование на случай болезни становилось обязательным. Больничные кассы выдавали больным пособия, средства для которого складывались из взносов рабочих и владельцев предприятий. В процессе обсуждения законопроекта представители торгово-промышленных кругов высказывали желание, чтобы расходы на лечение несли только рабочие или чтобы взнос хозяев был уменьшен. Согласно принятому закону, владелец вносил в кассу 2/3 от суммы взносов рабочих, у него же хранились все деньги кассы (для исключения использования их не по назначению, например, для поддержки бастующих), и он председательствовал на собраниях уполномоченных – выборных от рабочих (общие собрания всех членов кассы не разрешались). Надзор за деятельностью больничных касс и страховых обществ осуществляли губернские присутствия под председательством губернаторов. Высшим контрольным органом был Совет по делам страхования, действовавший под председательством министра торговли и промышленности [10, с. 139].

Сами по себе эти законы были шагом вперед в решении вопроса о страховании рабочих. Но не менее существенным было то, как они применялись на практике, в частности, в белорусских губерниях. Здесь в 1912 г. под надзором фабричной инспекции находилось 1280 предприятий, на них работало 51,3 тыс. взрослых рабочих при общей численности работавших по найму свыше 400 тыс. человек [11, с.121]. На 1 августа

1914 г. в пяти белорусских губерниях насчитывалось 128 больничных касс, а количество их участников составляло 47 тыс. человек [12, с. 167]. Существовало также ограничение по типам страхования (не было по старости, безработице), что не позволило коренным образом улучшить социальное положение рабочих Российской империи.

Кроме того, в 1907 г. в Государственную думу был внесен проект закона о страховании от профессиональных заболеваний. Значительных возражений против него не было, но депутаты не спешили, а с началом Первой мировой войны об этом законопроекте вовсе забыли.

В военные годы репрессии полностью уничтожили остатки легальности в рабочем движении. Правительство, поддержанное союзом фабрикантов, посчитало несвоевременным создание примирительных камер и осуществление других пунктов довоенной либеральной рабочей программы. В 1916 г. промышленники А. И. Коновалов и братья Рябушинские выступили с идеей создания всероссийского рабочего союза, который призван был способствовать социальному миру и успешной работе на нужды фронта, но организационный съезд представителей рабочих не был разрешен властями. Следует согласиться с российским исследователем Розенталем И. С., который отмечает, что если оценивать успешность решения рабочего вопроса, то период, предшествовавший 1917 г., – это время упущенных возможностей: из запланированных десяти законов было принято всего два. Виной тому – не только менталитет государственной бюрократии, с ее подозрительностью к независимой инициативе и к общественным объединениям, но и эгоизм и корыстолюбие предпринимателей. Последние в большинстве своем не поддержи-

вали более дальновидных представителей своего класса, предлагавших снять социальное напряжение предоставлением рабочим организациям реальной свободы и взаимодействием с ними [1, с. 194–195].

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство не решилось провозгласить 8-часовой рабочий день. Однако революционные лозунги воплощались в жизнь без правительственных распоряжений. Начала осуществляться идея рабочего контроля над производством, на многих предприятиях по инициативе созданных фабрично-заводских комитетов устанавливался 8-часовой рабочий день.

Заключение. В советской историографии считалось, что рабочий вопрос, под которым понималась, прежде всего, проблема эксплуатации рабочего класса, был решен в стране после социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

В современной исторической литературе рабочий вопрос интерпретируется шире, чем проблема труда и капитала, рассматривается как вопрос о взаимоотношениях между рабочим классом и обществом. Высказывается мнение, что рабочий вопрос не исчез, он и в наше время является актуальным, но механизмы его проявления претерпели серьезные изменения и что именно с этой точки зрения необходимо подходить к ситуации с рабочим вопросом в странах СНГ. В связи с формированием вновь рыночных трудовых отношений опыт решения рабочего вопроса, накопленный в первые десятилетия XX в., может служить предпосылкой как для дальнейшего совершенствования трудового законодательства, так и для определения путей и средств повышения роли человеческого фактора в развитии современного производства.

Список литературы

1. Розенталь И. С. Рабочий вопрос в дореволюционной России // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 181–195.
2. Озеров И. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы (по неизданным документам). М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. 322 с.
3. Бойко Т. В. Рабочие России и культура. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1997. 158 с.
4. Абезгауз З. Е. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1971. 178 с.
5. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Минск: Госплан БССР, 1926. 238 с.
6. Дубовик А. К. Формирование рынка труда в Беларуси в XIX – начале XX в. // Труд. Профсоюзы. Общество. 2003. № 1. С. 64–69.
7. Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. М.: Вопросы труда, 1926. 284 с.
8. Головач Е. И. Влияние либеральных и правых партий на социальную модернизацию белорусских земель (1905–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Могилев, 2022. 24 с.
9. Забаўскі М. М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай Думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2000. 40 с.

10. Головач Е. И. Рабочий вопрос в Третьей Государственной Думе // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 3. С. 135–143.

11. Фамін В. М. Сацыяльныя мерапрыемствы дзяржаўных органаў па вырашэнні рабочых пытанняў у Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.) // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф.: у 2 ч. Мінск, 2009. Ч. 1. С. 117–123.

12. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 1. Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. Минск: Наука и техника, 1984. 400 с.

References

1. Rozental I. S. The Labor Issue in Pre-Revolutionary Russia. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes], 2007, no 4, pp. 181–195 (In Russian).

2. Ozerov I. *Politika po rabochemu voprosu v Rossii za posledniye gody (po neizdannym dokumentam)* [Policy on the labor question in Russia in recent years (according to unpublished documents)]. Moscow, T-vo I. D. Sytina Publ., 1906. 322 p. (In Russian).

3. Boyko T. V. *Rabochiye Rossii i kul'tura* [Workers of Russia and culture]. Moscow, IRI RAN Publ., 1997. 158 p. (In Russian).

4. Abezgauz Z. E. *Razvitiye promyshlennosti i formirovaniye proletariyata Belorussii vo vtoroy polovine XIX veka* [Development of industry and the formation of the proletariat of Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971. 178 p. (In Russian).

5. Dovnar-Zapolskiy M. V. *Narodnoye khozyaystvo Belorussii. 1861–1914 gg.* [National economy of Belarus. 1861–1914]. Minsk, Gosplan BSSR Publ., 1926. 238 p. (In Russian).

6. Dubovik A. K. Formation of the labor market in Belarus in the 19th – early 20th century. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo* [Labor. Trade Unions. Society], 2003, no 1, pp. 64–69 (In Russian).

7. *Rabochiy vopros v komissii V. N. Kokovtsova v 1905 g.* [Labor question in the commission of V. N. Kokovcov in 1905]. Moscow, Voprosy truda Publ., 1926. 284 p. (In Russian).

8. Golovach E. I. *Vliyaniye liberal'nykh i pravyykh partiy na sotsialnuyu modernizatsiyu belorusskikh zemel' (1905–1914). Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk* [The influence of liberal and right-wing parties on the social modernization of the belarusian lands (1905–1914)]. Abstract of thesis PhD (History)]. Mogilev, 2022. 24 p. (In Russian).

9. Zabavsky N. M. *Gramadska-palitychnaya barats'ba u Belarusi u khodze vybarau i dzeynatsi Rasiyskay Dzyarzhaunay Dumy I–IV sklikannyau (1906–1917 gg.). Avtareferat dysertatsii doktora gistarychnykh navuk* [Social and political struggle in Belarus during the elections and activities of the Russian State Duma of the I–IV convocations (1906–1917). Abstract of thesis DSc (History)]. Minsk, 2000. 40 p. (In Belarusian).

10. Golovach E. I. Labor question in Third State Duma. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Smolensk State University], 2008, no 3, pp. 135–143 (In Russian).

11. Famin V. M. Social events of state bodies to resolve labor problems in Belarus (late 19th – early 20th century). *Aktual'nyya prablemy stanaulennya i razvitstya belaruskay dzyarzhaunastsy. materyyaly resp. navuk.-tearet. kanf.: u 2 ch.* [Actual problems of formation and development of Belarusian statehood. Materials of the republican scientific and theoretical conference]. Minsk, 2009, part 1, pp. 117–123 (In Belarusian).

12. *Istoriya rabocheho klassa Belorusskoy SSR. V 4 t. T. 1. Rabochiy klass Belorussii v period kapitalizma* [History of the working class of the Belarusian SSR. In 4 vol. Vol. 1. Working class of Belarus under capitalism]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1984. 400 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дубовик Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Information about the author

Dubovik Alena Aliksandravna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Поступила 25.02.2023

УДК 94(47+57)

А. К. Дубовик

Белорусский национальный технический университет

**С. Ф. КОВАЛИК: РЕВОЛЮЦИОНЕР-НАРОДНИК, УЧЕНЫЙ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

В статье рассматривается жизненный путь уроженца Могилевской губернии Сергея Филипповича Ковалика (1846–1926) – видного революционера, организатора народнических кружков в царской России, хождения интеллигенции в народ. Отмечается, что, находясь в длительном заключении и ссылке в Восточной Сибири, он занимался исследованием языка и быта населения Якутии, зафиксировал самую низкую температуру в северном полушарии. Показано, что, возвратившись в 1898 г. в Беларусь, Ковалик вначале проживал в имении Блонь Бонч-Осмоловских в Пуховичской волости, позже в Минске, где работал в акцизном управлении. В годы Первой мировой войны служил в Земском союзе, был избран в 1917 г. председателем губернского земельного комитета. После установления Советской власти заведовал пенсионным отделом в Наркомате социального обеспечения БССР. Особое внимание уделено работе кандидата наук С. Ф. Ковалика в декабре 1920 – июне 1922 г. лектором-преподавателем высшей математики в Белорусском государственном политехническом институте. Подчеркивается ценность книги и статей С. Ф. Ковалика по истории революционного движения в России, необходимость сохранения памяти об общественном деятеле и ученом на его Родине – в Беларуси.

Ключевые слова: Ковалик Сергей Филиппович, народничество, народнические кружки, «хождение в народ», анархизм, социалисты-революционеры, Народный комиссариат социального обеспечения, Белорусский государственный политехнический институт.

Для цитирования: Дубовик А. К. С. Ф. Ковалик: революционер-народник, ученый, преподаватель Белорусского политехнического института // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 50–54. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-9.

A. K. Dubovik

Belarusian National Technical University

**S. F. KOVALIK: REVOLUTIONARY-NARODNIK, SCIENTIST,
LECTURER OF THE BELARUSIAN POLYTECHNICAL INSTITUTE**

The article deals with the life path of a native of the Mogilev province Sergey Filippovich Kovalik (1846–1926), who was prominent revolutionary, organizer of narodnik circles in tsarist Russia, going of intelligentsia to the people. It is noted that being in a long imprisonment and exile in Eastern Siberia, he was engaged in the study of the language and life of the population of Yakutia, recorded the lowest temperature in the north hemisphere. It is shown that having returned to Belarus in 1898 Kovalik lived in the Blon estate of Bonch-Osmolovskikh in Pukhovichi volost, then in Minsk, where he worked in the excise department. During the First World War he served in the Zemstvo Union and was elected in 1917 chairman of the provincial land committee. After the establishment of Soviet power he headed the pension department in the People's Commissariat for Social Security of the BSSR. Special attention is paid to the work of candidate of sciences S. F. Kovalik in December 1920 – June 1922 as a lecturer-teacher of higher mathematics in the Belarusian State Polytechnical Institute. The author emphasizes the value of the book and articles of S. F. Kovalik on the history of the revolutionary movement in Russia and the necessity to preserve the memory of a public figure and scientist in his homeland – in Belarus.

Keywords: Kovalik Sergey Filippovich, narodnik movement, narodnik circles, «going to the people», anarchism, socialist revolutionaries, People's Commissariat for Social Security, Belarusian State Polytechnical Institute.

For citation: Dubovik A. K. S. F. Kovalik: revolutionary-narodnik, scientist, lecturer of the Belarusian Polytechnical Institute. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 50–54 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-9.

Введение. Немало уроженцев Беларуси внесли вклад в борьбу за социальную справедливость и счастье народа. К ним относятся и участники народнического движения 1860–1890-х гг.

Действовали они преимущественно не на территории Беларуси, а за ее пределами в сотрудничестве с российскими революционерами. Среди них заслуживает особого внимания личность уроженца

Могилевской губернии, организатора народнических кружков, одного из инициаторов «хождения в народ», общественного деятеля, ученого, старейшего преподавателя Белорусского государственного политехнического института Ковалика С. Ф.

Основная часть. Сергей Филиппович Ковалик родился 13 (25) октября 1846 г. в имении Свадковичи Кричевской волости Чериковского уезда Могилевской губернии. Его отец – дворянин, офицер-казак Полтавской губернии был совладельцем фольварка Свадковичи. Мать умерла, когда Сергею было всего два года. В 1856 г. Сергей Ковалик поступил в среднее военно-учебное заведение для подготовки дворянских детей к военной службе – Брестский кадетский корпус, переведенный ранее, в связи с началом Крымской войны, в Москву, учился в нем семь лет. За это время кадетский корпус сменил дислокацию из Москвы в Вильно, затем был переведен в Санкт-Петербург и преобразован в специальный класс Павловского военного училища. По окончании в 1864 г. военного училища Ковалик, поскольку хотел поступить в университет, был освобожден от военной службы и выпущен с гражданским чином губернского секретаря. В том же году он поступил вольнослушателем в Петербургский университет. В 1865 г. сдал экстерном выпускные экзамены в Могилевской гимназии и перевелся в полноправные студенты, но, испытывая трудности с оплатой за учебу, вновь записался вольнослушателем на математический факультет. В 1868 г. Ковалик перевелся в Киевский университет, физико-математический факультет которого окончил в следующем году с ученой степенью кандидата математических наук [1, с. 96–98].

Получить работу в университете Ковалик не смог и пошел работать надзирателем за акцизными сборами в местечке Старо-Константинове Вольнской губернии. Однако в обстановке взяточничества среди чиновников выдержал только год и бросил эту службу. Некоторое время работал мировым судьей Мглинского земства Черниговской губернии. Увлечшись идеями борьбы за справедливость, он пытался установить связи с революционными организациями России, вступил в кружок Дебогория-Мокриевича, члены которого строили планы по переселению в США и созданию там коммуны; затем поехал в Петербург, где встречался с народником А. В. Долгушиным и обсуждал планы пропаганды среди крестьян [1, с. 98–99; 2, с. 47].

Оставив судейскую должность, Ковалик в 1871 г. участвовал в Петербурге в конкурсе на занятие вакантной должности профессора Института путей сообщений. Успешно прочитал пробную лекцию, но, не рассчитывая на победу

над опытными конкурентами, отозвал свое предложение [1, с. 99]. После этого «полностью ушел в революционное движение», создал в Петербурге свой кружок, в который входили студенты ряда учебных заведений: Института путей сообщений, технологического института, университета и др. [3, с. 63–64]. В конце 1873 г. Ковалик уехал в Швейцарию, где в Цюрихе встречался с идеологами российского революционного народничества П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым. Особенно сблизился он с М. А. Бакуниным, разделяя взгляды идеолога народничества и анархизма, призывавшего пропагандировать в России анархические идеи [1, с. 99].

В начале 1874 г. Ковалик вернулся из-за рубежа в Россию, наладил связь своего кружка с другими народническими кружками Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Совершал многочисленные нелегальные поездки по городам России, в результате которых появились революционные народнические кружки в Одессе, Ярославле, Нижнем Новгороде, Костроме, Казани, Самаре, Саратове и других городах. Стал одним из организаторов среди интеллигенции «хождения в народ», охватившего 37 губерний. В ходе его познакомился в Самарской губернии с народником Н. К. Судзиловским, уроженцем Могилева [3, с. 20]. Однако в июне 1874 г. С. Ковалик был арестован в Самаре вместе с другим участником народнического движения – П. Войнаральским. После ареста они сначала находились в тюрьме в Самаре, затем были переведены в Москву, позже – в Петропавловскую крепость и дом предварительного заключения в Петербурге, откуда дважды пытались бежать [2, с. 48].

В январе 1878 г. на процессе 193 подсудимых Ковалик был отнесен к четырем наиболее виновным и осужден на 10 лет каторги. В этот срок засчитали время, проведенное в предварительном заключении [3, с. 25]. После пребывания в Петропавловской крепости, в Ново-Борисоглебской каторжной тюрьме в Харьковской губернии заключенные в конце 1881 г. прибыли в Забайкалье, в Карийскую каторжную тюрьму, получившую название от реки Кары и известную тяжелыми условиями содержания узников [2, с. 49]. Тем не менее Ковалик не пал духом. Он относился к числу людей физически и морально сильных. Об этом писала в своих воспоминаниях ссыльная А. Капгер: «Были среди нас недоужинные люди; достаточно назвать Ковалика... это был дуб, которого не мог целиком источить никакой червь» [4, с. 20]. Известно, что заключенные выпустили 5 номеров нелегального рукописного журнала «Кара», а Ковалик читал лекции по математике для ссыльных [2, с. 50].

Ковалик выдержал весь срок заключения и в сентябре 1883 г. был направлен на поселение в

Якутию. В ссылке в Верхоянске у него произошла важная перемена: в возрасте 39 лет он женился на приезжей акушерке Ольге Васильевой. Ковалик зарабатывал на жизнь печным, столярным и плотницким ремеслами, занялся изучением якутского языка, жизни и быта якутов. По материалам наблюдений он написал брошюру «Верхоянские якуты». Проявил себя также как квалифицированный метеоролог и агрометеоролог, интересовался вопросами земледелия в северных районах и влиянием климата на сельское хозяйство. Работая на Верхоянской метеорологической станции, он 15 января 1885 г. зафиксировал самую низкую температуру на земном шаре: минус 67,8 градуса по Цельсию, которая долгое время являлась рекордной [4, с. 16, 18, 19].

В 1891 г. из Верхоянска Ковалик с женой переехали в г. Балаганск Иркутской губернии, где прожили около года, там у них родилась дочь. Затем семья Коваликов жила в Олекминске и Иркутске. Сергей Филиппович был сотрудником газеты «Восточное обозрение», издававшейся в Иркутске. В 1893 г. он принимал участие в Сибирской экспедиции по исследованию влияния золотодобывающей промышленности на быт якутов, написал в Олекминске работу о верхоянских якутах и их экономическом положении, опубликованную в 1895 г. в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» [2, с. 51; 4, с. 18].

В 1898 г. пришло долгожданное известие: С. Ф. Ковалику разрешалось жить в европейской части России, но не в столичных (Петербурге и Москве) и университетских городах. Он выбрал Минск. По возвращении в 1898 г. из ссылки в родную Беларусь семья Ковалика вначале жила в имении Блонь в Пуховичской волости Игуменского уезда Минской губернии. Его владельцем был А. О. Бонч-Осмоловский (1857–1930), уроженец Витебска, который за революционную деятельность был исключен из студентов физико-математического факультета Петербургского университета в 1876 г. и сослан под надзор полиции в имение Блонь, принадлежавшее его отцу. Жена Бонч-Осмоловского В. И. Ваховская проходила с Коваликом по одному судебному «процессу 193-х» [1, с. 107]. В Блони Ковалик прожил несколько месяцев, где заканчивал свой научный труд по сибирской экспедиции, а затем стал искать место службы. По протекции брата своей знакомой Е. К. Брешко-Брешковской (уроженки Витебской губернии, позже получившей прозвище «бабушка русской революции»), также проходившей по «процессу 193-х», С. Ф. Ковалик смог устроиться на работу старшим счетоводом, затем бухгалтером при водочной монополии Минского акцизного управления [3, с. 31–32].

Семья проживала в Минске на Юрьевской улице и числилась под надзором полиции, которая часто навевалась с обысками. Поэтому с помощью товарищей Ковалик купил в пяти верстах от города «дачу-хутор», где уже не было такой полицейской опеки [5, с. 123]. Открыто участвовать в революционном движении он не мог, так как полиция следила за ним, действовал осторожно. Тем не менее, по воспоминаниям его дочери Марии, к ним часто на дачу, особенно летом, приходили небольшими группами студенты. Шли беседы, велись споры, обсуждались политические вопросы. Сам Ковалик также посещал дома в городе полковника Черепанова, А. Измайловича, Литературное общество Минска, где собирались либерально или революционно настроенные люди, часто ездил в Блонь к Бонч-Осмоловским. На даче Ковалика не раз укрывались революционеры разных партий: социалисты-революционеры (эсеры), большевики, бундовцы [5, с. 124–125].

В государственном архиве сохранилось прошение Ковалика в адрес управляющего акцизными сборами Минской губернии о выдаче ему «постоянной паспортной книжки» и возврате документов, отобранных полицейскими властями. Один из документов – диплом кандидата математических наук. Судя по всему, Ковалик хотел вернуться к любимому делу. Но царское правительство отказало ему, хотя прошло более 20 лет со времени, когда он был осужден [6, с. 250].

В Минске Ковалик встретил январь 1905 г. – начало первой российской революции, принимал участие в собраниях железнодорожников, в деятельности партии эсеров, ставшей преемницей народнического движения. После поражения революции и наступления реакции, Ковалик в 1910 г. едет с семьей во Францию, где жила его сестра. Там он посещает всемирную выставку в Париже и встречался с политэмигрантами [1, с. 107; 2, с. 51].

Когда началась Первая мировая война, в условиях немецкого наступления в 1915 г., жена и дочь Ковалика уехали к родственникам в Иваново-Вознесенск. Сам он остался в Минске и в феврале 1916 г. перешел на работу в новую организацию военного времени – Минский губернский комисариат Всероссийского земского союза по обеспечению армии. Сюда устраивались прогрессивные люди всех направлений. Здесь он познакомился и наладил хорошие отношения с большевиком Михайловым М. (партийный псевдоним М. В. Фрунзе). В 1917 г. вместе с Фрунзе Ковалик участвовал в создании Крестьянского союза, был избран председателем Минского губернского земельного комитета [1, с. 107–108; 5, с. 125].

С установлением в ноябре 1917 г. Советской власти С. Ф. Ковалик оставался председателем губернского земельного комитета, во время оккупации в 1918 г. немецкими войсками был

членом губернской земской управы. После ухода немцев занял должность заведующего Минским пенсионным отделом Народного комиссариата социального обеспечения. Работу пришлось организовывать в трудных условиях, но ему удалось в сравнительно короткое время поставить на ноги новое учреждение. Во время польской оккупации 1919–1920 гг. Ковалик не работал, так как все учреждения, где он служил ранее, были закрыты, жил на своей даче под Минском [3, с. 33–34].

После восстановления в июле 1920 г. в Минске Советской власти и второго провозглашения БССР С. Ф. Ковалик снова в штате наркомата социального обеспечения. Но вскоре он перешел на работу в Минское политехническое училище, преобразованное, согласно решению Военно-революционного комитета Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) от 10 декабря 1920 г., в Белорусский государственный политехникум, целью которого являлась подготовка инженеров с высшим образованием для отраслей народного хозяйства республики. Для наименования учебного заведения использовались термины «Политехникум» и «Белорусский государственный политехнический институт» (БГПИ) [7, с. 16]. С. Ф. Ковалик, как кандидат математических наук, занял должность лектора-преподавателя высшей математики, аналитической геометрии [8, л. 2, 80–81]. Директором БГПИ являлся ученый-агроном Н. К. Ярошевич, с которым Ковалик был хорошо знаком по работе в губернском земельном комитете. В возрасте 75 лет Ковалик С. Ф. являлся старейшим из 75 преподавателей и сотрудников института. Среди них было немало известных ученых, часть которых приехала из России: профессора Армфельд П. К., Переход В. И. и др., а также преподавали и местные ученые и общественные деятели Сенкевич А. А., Щирин Н. Е., Скандраков С. В. и др. Лекции по высшей математике, кроме Ковалика, читал В. К. Дыдырко, который в 1922 г. стал доцентом БГУ [8, л. 80–81].

С. Ф. Ковалик работал в БГПИ до середины 1922 г. – до реорганизации вуза в Белорусский государственный институт сельского хозяйства. В БГПИ к моменту расформирования насчитывалось 732 студента, в том числе 61 женщина. Их состав по социальному положению выглядел следующим образом: рабочих – 228, крестьян – 247, служащих – 194, лиц интеллигентных профессий – 15 и прочих – 48 [9, с. 87].

Позже в автобиографии, написанной в декабре 1925 г. в Минске, С. Ф. Ковалик отмечал: «В это время никаких руководств по математике в Минске нельзя было найти, поэтому я после каждой лекции выдавал студентам написанную мной самим эту лекцию. Некоторые из студен-

тов списывали потом эту лекцию, так что могли иметь у себя целый курс. Впрочем, с раздачей лекций число слушателей как будто уменьшалось: время тогда было голодное, студенты искали работы, и потому, имея написанную лекцию, они могли переписать ее в свободное время, а пока искать себе оплачиваемого труда» [1, с. 108].

БГПИ был последним местом постоянной работы С. Ф. Ковалика. Ему за революционные заслуги постановлением Совнаркома была назначена персональная пенсия. В 1923 г. он вместе с революционерами-народниками В. Н. Фигнер и М. П. Сажиным лечился в санатории. Ковалик состоял членом Минского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев, был избран его старостой, писал воспоминания, статьи в журнал «Каторга и ссылка» и книгу «Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х», изданную посмертно в 1928 г. [3].

Умер С. Ф. Ковалик 26 апреля 1926 г. в возрасте 79 лет от артериосклероза. Похоронен на центральной аллее Военного кладбища в Минске. К годовщине смерти появилась статья в журнале «Полымя», которая заканчивалась словами: «О нем можно смело сказать, что он был одним из самых честных, самых лучших и преданных народу революционных работников, чей светлый ум и необыкновенная объективность заслужили ему глубокое уважение как со стороны современников, так и последующих поколений» [10, с. 201]. С. Ф. Ковалика называли «дедушкой русской революции», однако такое прозвище получили и некоторые другие революционеры-народники, в частности Петр Кропоткин и Николай Чайковский. Свои статьи в журнал «Былое» в 1906–1907 гг. Ковалик подписывал псевдонимом «Старик».

Дочь Сергея Филипповича Мария (1894–1979) была замужем за известным белорусским экономистом Бонч-Осмоловским Р. А., работавшим в 1923–1930 гг. в Госплане БССР, но посланным в 1930 г. в Казахстан и погибшим в октябре 1938 г. Живя в Ленинграде, она оставила воспоминания об отце, опубликованные в 1969 г. в белорусском журнале «Неман» [5].

Заключение. Сергей Филиппович Ковалик вошел в историю как видный революционер-народник, ученый-исследователь Сибири, кандидат наук, лектор-преподаватель высшей математики в перенце высшего технического образования нашей страны – Белорусском государственном политехническом институте, автор воспоминаний и работ по истории революционного движения в России. Его жизнь и деятельность заслуживают доброй памяти потомков. Необходимо воздать должное, оценить по заслугам видного общественного деятеля на его Родине – в Беларуси.

Список литературы

1. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. энцикл., 1989. 831 с.
2. Воробьев А. Уроженец Могилевщины – один из лидеров российского народничества // *Магілёўшчына*. Вып. 7. Магілёў, 1997. С. 45–54.
3. Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М.: Изд-во политкаторжан, 1928. 194 с.
4. Филиппович Н. Я. Полюс холода. Верхоянская метеорологическая станция и ее история. Л.: Гидрометеоздат, 1972. 72 с.
5. Бонч-Осмоловская М. Сергей Ковалик в Минске // *Неман*. 1969. № 9. С. 123–126.
6. Бравер Я. Сяргей Кавалік // *Польмя*. 1969. № 11. С. 248–250.
7. БНТУ. 100 лет истории / К. И. Баландин [и др.]. Минск: БНТУ, 2020. 244 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 210. Оп. 1. Д. 30.
9. Исторический очерк Белорусского Государственного Политехнического Института // *Народное хозяйство Белоруссии*. 1922. № 3. С. 83–87.
10. Сяргей Кавалік (дзядуля рэвалюцыі) // *Польмя*. 1927. № 4. С. 194–201.

References

1. *Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar' Granat* [Figures of the USSR and the revolutionsry movement in Russia. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1989. 831 p. (In Russian).
2. Vorob'yev A. A native of the Mogilev region – one of the leaders of Russian narodnik movement. *Magilyoushchyna* [The Mogilev region], issue 7. Mogilev, 1997, pp. 45–54 (In Russian).
3. Kovalik S. F. *Revoljutsionnoye dvizheniye semidesyatykh godov i protsess 193-kh* [Revolutionary movement of the seventies and trial of 193 prisoners]. Moscow, Izd-vo politkatorzhan Publ., 1928. 194 p. (In Russian).
4. Filippovich N. Ya. *Polyus kholoda. Verkhoyanskaya meteorologicheskaya stantsiya i yeye istoriya* [Cold Pole. Verkhoyansk meteorological station and its history]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1972. 72 p. (In Russian).
5. Bonch-Osmolovskaya M. Sergey Kovalik in Minsk. *Neman* [Neman], 1969, no 9, pp. 123–126 (In Russian).
6. Braver Ya. Sergey Kovalik. *Polymya* [The Flame], 1969, no 11, pp. 248–250 (In Belarusian).
7. Balandin K. I. *BNTU. 100 let istorii* [BNTU. 100 years of history]. Minsk, BNTU Publ., 2020. 244 p. (In Russian).
8. National archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 210. I. 1. F. 30.
9. Historical outline of the Belarusian State Polytechnical Institute. *Narodnoye khozyaystvo Belorussii* [National economy of Belarus], 1922, no 3, pp. 83–87 (In Russian).
10. Sergey Kovalik (the grandfather of the revolution). *Polymya* [The Flame], 1927, no 4, p. 201 (In Belarusian).

Информация об авторе

Дубовик Александр Константинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: a.k.dubovik@mail.ru

Information about the author

Dubovik Aliaksandr Konstantinovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: a.k.dubovik@mail.ru

Поступила 27.02.2023

УДК 94(476)+94(100)«1914/1917»

Я. А. Бодрыкаў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

САЦЫЯЛЬНАЯ ДАПАМОГА СЕМ'ЯМ МАБІЛІЗАВАНЫХ НИЖНІХ ЧЫНОЎ І РАТНІКАЎ АПАЛЧЭННЯ Ў МІНСКОЙ ГУБЕРНІ ПАДЧАС ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (ЛІПЕНЬ 1914 – САКАВІК 1917 Г.)

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца вызначэнне памераў, метадаў і форм сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў Мінскай губерні з боку дзяржаўных інстытутаў і грамадскіх арганізацый. Тэма не распрацавана ў айчынным гістарыяграфіі і толькі ўскосна закранаецца ў замежных даследаваннях па сацыяльнай палітыцы Расійскай імперыі. У даследаванні звяртаецца ўвага, што дзяржаўнай дапамогі для падтрымання сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння было недастаткова, таму дзяржава актыўна заклікала да ўдзелу грамадскія і прыватныя арганізацыі. Дапамога з боку апошніх істотна зменшылася ўжо з лета – восені 1915 г. па прычыне набліжэння лініі фронту да Мінскай губерні і акупацыі часткі яе павеятаў у верасні 1915 г.

Сістэма сацыяльнай дапамогі ў Мінскай губерні не была цэнтралізаванай і мела вялікую залежнасць ад настрояў і дабрабыту грамадства, якія за перыяд Першай сусветнай вайны толькі пагоршыліся. Кардынальныя змены ў сістэме сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння адбыліся толькі пасля падзей Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. і ўсталявання Часовага ўрада.

Ключавыя словы: мабілізацыя, сацыяльная дапамога, Закон 25 чэрвеня 1912 г., папачыцельства, дабрачыннасць.

Для цытавання: Бодрыкаў Я. А. Сацыяльная дапамога сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў Мінскай губерні падчас Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – сакавік 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 55–61. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-10.

Ya. A. Bodrykau

Belarusian State University

SOCIAL ASSISTANCE TO THE FAMILIES OF MOBILIZED LOWER RANKS AND MILITIA WARRIORS OF MINSK PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (JULY 1914 – MARCH 1917)

The purpose of this research is to determination the dimensions, methods and forms of social assistance to the families of mobilized lower ranks and militia warriors in Minsk province from state institutions and public organizations. The topic is not developed in domestic historiography and is only indirectly involved upon in foreign studies on the social policy of the Russian Empire. The research draws attention to the fact that the state assistance at supporting families of mobilized lower ranks and militia warriors was insufficient, so the state actively called for the participation of public and private organizations. Assistance from the latter has been significantly reduced since the summer–autumn of 1915 due to the approach of the front line to the Minsk province and the occupation of part of its districts in September 1915.

The system of social assistance in the Minsk province was not centralized and was highly dependent on the mood and well-being of society, which only worsened during the First World War. Fundamental changes in the system of social assistance to the families of mobilized lower ranks and militia warriors occurred only after the events of the February Revolution of 1917 and the establishment of the Provisional Government.

Keywords: mobilization, social assistance, the Law of June 25, 1912, guardianship, well-being.

For citation: Bodrykau Ya. A. Social assistance to the families of mobilized lower ranks and militia warriors in Minsk province during the First World War (July 1914 – March 1917). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 55–61 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-10.

Уводзіны. Ваенныя канфлікты другой паловы XIX – пачатку XX ст. патрабавалі ад еўрапейскіх дзяржаў перыядычнага папаўнення рэгулярных армій праз мабілізацыю часткі мужчынска-

га насельніцтва. Гэты працэс спрыяў павелічэнню колькасці войска, аднак негатыўна ўплываў на эканамічны стан большасці сем'яў, якія вымушаны былі адпраўляць сваіх працаздольных

мужчын на вайну. Дапамога з боку дзяржавы і грамадства сем'ям мабілізаваных не толькі дазваляла пазбегнуць масавага збыднення шматлікіх гаспадарак гэтых сем'яў, але і падтрымлівала сацыяльную стабільнасць у дзяржаве, а таксама станюча ўплывала на баявы дух сярод вайскоўцаў. У Расійскай імперыі сацыяльная дапамога сем'ям мабілізаваных салдат упершыню на заканадаўчым узроўні была ўведзена ў 1874 г. Аднак руска-японская вайна 1904–1905 гг. выявіла хібы ў сістэме сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў, таму 25 чэрвеня (8 ліпеня) 1912 г. было прынята новае Палажэнне аб апекаванні ніжніх чыноў і іх сем'яў (вядомае таксама як Закон 25 чэрвеня 1912 г.) [1, с. 30]. Згодна з дакументам, дапамога выдавалася членам сем'яў ніжніх чыноў, якіх прызвалі ў войска пры мабілізацыі; затрыманых у войску больш за тэрмін абавязковай службы з-за мабілізацыі; ратнікаў дзяржаўнага апалчэння, адпраўленых на вайсковую службу, і тых, хто паступаў на службу ў ваенныя дружыны. На безумоўную дапамогу маглі разлічваць толькі афіцыйныя жонкі і «законныя» дзеці (да 17-гадовага ўзросту) мабілізаваных ніжніх чыноў. Разлічваць на дапамогу маглі бацькі, браты і сёстры, дзяды і бабкі мабілізаванага, калі яны «ўтрымліваліся працай апошняга». Жонкі і дзеці ніжніх чыноў, якія згубілі працаздольнасць або загінулі на вайне, атрымлівалі права на пенсію. Дзяржаўная дапамога выдавалася ў грашовым эквіваленце кошту харчовага пайка ў памеры 1 пуда 28 фунтаў мукі (каля 29 кг), 10 фунтаў круп (4,5 кг), 4 фунтаў солі (1,8 кг) і 1 фунта поснага алею (0,45 л) на месяц на чалавека. Дзецям да 5 гадоў такая дапамога выдавалася ў палавінным памеры. Пазашлюбныя дзеці і жонкі, пасынкi, падчарыцы і прыёмныя дзеці не мелі права на дзяржаўную дапамогу, але маглі разлічваць на харчовы паёк з грамадскіх і дабрачынных сродкаў [2, с. 431]. У 1915 г. выйшла новае Палажэнне, згодна з якім сем'і дэзерціраў і вайскоўцаў, якія добраахвотна здаліся ў палон, пазбаўляліся дзяржаўнай дапамогі. Акрамя таго, харчовы паёк не выдаваўся сем'ям ніжніх чыноў, якія яшчэ да вайны былі прызваныя на тэрміновую службу і працягвалі адбываць яе. Аднак сем'ям такіх ніжніх чыноў, якія апынуліся ў гаротным становішчы, маглі аказваць дапамогу дабрачынныя арганізацыі. Дапамога сем'ям мабілізаваных не абмяжоўвалася грашовымі выплатамі на харчаванне ад дзяржавы і мела розныя формы і памеры.

Асноўная частка. Усеагульная мабілізацыя ў Расійскай імперыі пачалася 18 (31) ліпеня 1914 г., за два дні да афіцыйнага абвясчэння Мікалаем II вайны Германскай імперыі [3, с. 17]. З гэтага часу пачалося стварэнне сеткі дзяржаўных орга-

наў і грамадскіх арганізацый дапамогі сем'ям мабілізаваных у Мінскай губерні. Для апекавання над сем'ямі мабілізаваных у сельскай мясцовасці абіраліся валасныя папячыцельствы, а ў выпадку іх адсутнасці гэтыя функцыі ўскладваліся на валаснога старшыню. Згодна з законам ад 25 чэрвеня 1912 г., валасны сход павінен быў абраць не менш чым тры чалавекі (не маладзейшых за 25 гадоў) у склад валаснога папячыцельства. Аднак у некаторых выпадках з-за актыўных сельскагаспадарчых работ, мабілізацыі і малой зацікаўленасці з боку сялян валасныя папячыцельствы не ствараліся [2, с. 437].

Асноўнай задачай валаснога папячыцельства было абследаванне складу і ўмоў жыцця сем'яў мабілізаваных. Кантроль за дзейнасцю валасных папячыцельстваў належаў земскім участковым начальнікам. Валасныя папячыцельствы павінны былі даследаваць сем'і і гаспадаркі ў 2-тыднёвы тэрмін са дня абвясчэння мабілізацыі. Непасрэднае рашэнне аб ўсталяванні канкрэтнай сумы выплат кожнай сям'і на падставе інфармацыі, сабранай на валасным узроўні, прымаў павятовы з'езд, пасля гэтага дадзеныя перадаваліся ў губернскую прысутнасць. Аднак ужо 29 жніўня (11 верасня) 1914 г. выйшаў указ, згодна з якім функцыі павятовых з'ездаў у справе выдачы дзяржаўнай дапамогі пераходзілі да адпаведных павятовых папячыцельстваў ці павятовых земскіх упраў. Непасрэдна сем'ям мабілізаваных у сельскай мясцовасці грошы выдаваліся 4 разы ў год: у сакавіку, чэрвені, верасні і снежні праз валаснога старшыню. Варта адзначыць, што апошнія часам злоўжывалі сваімі абавязкамі і забіралі частку грашовай дапамогі сабе. Такія выпадкі, напрыклад, былі зафіксаваны ў Ігуменскім павеце [1, с. 192].

У гарадах Расійскай імперыі функцыі па зборы інфармацыі аб становішчы сем'яў мабілізаваных ўскладваліся на гарадскія ўправы ці гарадскія стараст, аднак па рашэнні мясцовых уладаў маглі быць створаны і адпаведныя камісіі ці асобныя папячыцельствы. Як і ў сельскай мясцовасці, гэтыя органы павінны былі збіраць інфармацыю пра колькасны і гаспадарчы стан сем'яў мабілізаваных і на працягу вайны сачыць за зменамі па гэтых параметрах. У гарадах грашовыя выплаты адбываліся штомесяц. Нагляд за дзейнасцю ўсіх дзяржаўных органаў па дапамозе сем'ям мабілізаваных у межах кожнай губерні належаў непасрэдна губернатару. Разам з тым нярэдка выдача дапамогі адкладвалася, бо чыноўнікі няправільна тлумачылі закон ад 25 чэрвеня (8 ліпеня) 1912 г. [4, с. 150].

У Мінску функцыі гарадскога папячыцельства належалі Мінскаму гарадскому камітэту грамадскай дапамогі сем'ям ніжніх чыноў запасу

арміі і ратнікаў дзяржаўнага апалчэння, прызваных на дзейную службу. Камітэт быў створаны па ініцыятыве Мінскага гарадскога галавы Хржанстоўскага С. Б. у першыя дні вайны і ўключаў у свой склад вядомых у горадзе грамадскіх і рэлігійных дзеячаў. Першапачаткова арганізацыя збірала грошы на дапамогу выключна праз ахвяраванні. Акрамя таго, дзеячы Камітэта зрабілі абследаванне гарадскіх сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння. Мінская гарадская дума 10 (23) верасня 1914 г. пастанавіла прызначыць Камітэт гарадскім папярэчыцельствам і дэлегавала ў яго склад 5 дэпутатаў [5, с. 1–6].

Згодна з апублікаванай справаздачай, за перыяд дзейнасці ў 1914 г. Камітэтам былі абследаваны ўмовы жыцця 2400 сем'яў, з якіх 1693 (70,54%) атрымалі грашовую дапамогу. Агульная сума грошай, на якую Мінскі камітэт аказаў дапамогу, на 1 (14) студзеня 1915 г. складала 15 182 руб. 10 кап., або амаль 9 руб. у сярэднім на адну сям'ю. Самі прадстаўнікі Камітэта ў сваёй справаздачы адзначалі, што «лічба гэта не можа не ўразіць сваёй нязначнасцю» [5, с. 6–12]. Грашовыя выплаты для сем'яў у іншых частках губерні адрозніваліся не істотна і залежалі ў першую чаргу ад колькасці дзяцей у сям'і і іх узросту. Усяго на снежань 1914 г. у Мінскай губерні налічвалася 6480 сем'яў, якія атрымлівалі харчовую дапамогу [6, арк. 4]. Аднак на працягу вайны гэта лічба паступова мянялася. Пры Мінскім Гарадскім Камітэце былі створаны дзве дапаможныя арганізацыі: Бюро працы і Саюз моладзі. Апошняя займалася зборам ахвяраванняў у выглядзе наяўных грошай, цёплай вопраткі, бялізны, харчавання, кніг і часопісаў не толькі для сем'яў мабілізаваных, але і для саміх франтавікоў, а таксама для бежанцаў. Разам з тым Саюз моладзі арганізоўваў дабрачынныя мерапрыемствы, значная частка даходу з якіх ішла на сацыяльную дапамогу [7, арк. 1–3].

Падобныя да Мінскага гарадскога камітэта папярэчыцельскія арганізацыі ствараліся і ў іншых гарадах губерні, аднак іх праца не была такой актыўнай і заўважнай. Акрамя таго, ужо з вясны лета 1915 г. колькасць ахвяраванняў істотна скарацілася, што звужала і поле дзейнасці адпаведных арганізацый [7, арк. 4].

У жніўні 1914 г. уладамі Мінскай губерні быў устаноўлены памер пайка для сем'яў мабілізаваных у 2 руб. 77 кап. на чалавека, што было крыху больш за сярэднюю суму па Расійскай імперыі [2, с. 456]. Разумеючы неабходнасць не толькі харчовай дапамогі, губернскі земскі сход паставіў дадаткова выдаваць сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння, якія не маюць свайго жылля, па 3 руб. у месяц на арэнду і абагрэў памяшкання. Такая сума першапачаткова дапамагала вырашыць жыллёвае пы-

танне для адзначаных сем'яў, аднак з цягам часу цэны на арэнду і паліва толькі павялічваліся. У лістападзе 1914 г. урад афіцыйна даў дазвол на бясплатную выдачу ламачча і сухастою. Губернскія ўлады выдавалі сем'ям мабілізаваных дрывы. Дадатковыя выплаты па рашэнні губернскага земскага сходу аднаразова выдаваліся сем'ям без уласных палявых гаспадарак; сем'ям, у якіх быў мабілізаваны адзін працаздольны мужчына; а па рашэнні Мінскага павятовага земства таксама 1457 сем'ям на апрацоўку і асемянненне палёў [8, арк. 9–27].

Імкнуліся аказаць дапамогу сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і мясцовыя гарадскія думы, якія займаліся апекай пераважна тых сем'яў, якія не атрымлівалі дзяржаўнай дапамогі. Так, у 1914 г. Мінская гарадская дума асігнавала 310 руб. на 95 сваякоў мабілізаваных (3 руб. 26 кап. на чалавека) у месяц, Бабруйскай гарадскай дума – 138 руб. 50 кап. на 26 сем'яў (5 руб. 32 кап. на сям'ю), Мазырскай гарадскай дума выдавала 7 чалавекам суму ў памеры «харчовай дапамогі» ў межах губерні (2 руб. 77 кап. на чалавека) [8, арк. 25–26 адв.].

Дзяржаўная дапамога выдавалася з разлікам пакрыцця расходаў на харчаванне. У той жа час многія сем'і мелі патрэбу ў дадатковых выплатах для набыцця вопраткі і прадметаў побыту, адпраўкі дзяцей у школу. Акрамя таго, дапамога патрабавалася пазашлюбным жонкам і дзецям мабілізаваных або далёкім сваякам, падтрымка якіх не прадугледжвалася за дзяржаўны кошт. Гэта спрыяла стварэнню на тэрыторыі Мінскай губерні сеткі грамадскіх і царкоўных дабрачынных арганізацый, якія аказвалі дадатковую грашовую дапамогу адзначаным вышэй сваякам мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння.

Летам 1914 г. у Мінскай губерні пачалася праца першых прыходскіх папярэчыцельстваў пад кіраўніцтвам мясцовых святароў Рускай праваслаўнай царквы. Святары стваралі спісы сем'яў мабілізаваных, якім патрабавалася дапамога, пасля гэтага для іх збіраліся ахвяраванні. Больш прадуктыўнай была праца прыходскіх папярэчыцельстваў у сельскай мясцовасці, бо ў вёсках царква адыгрывала больш значную ролю ў сацыяльнай і духоўнай сферах. Аднак дзейнасць многіх прыходскіх папярэчыцельстваў не мела працяглай актыўнасці або ўвогуле была фармальнай. Па меркаванні некаторых відавочцаў, у большасці выпадкаў прыходскія папярэчыцельствы ўяўлялі сабой «ўстановы на паперы» [2, с. 440], што не дазваляе прасачыць рэальную колькасць актыўных прыходскіх папярэчыцельстваў у межах Мінскай губерні. У кожным канкрэтным выпадку дзейнасць такіх аб'яднанняў залежала ад актыўнасці і сумленнасці мясцовага святара, а таксама ахвярнасці яго паствы.

Разам з тым святары розных канфесій у пачатку вайны нярэдка збіралі ахвяраванні, каб пазней перадаць іх іншым папярчальствам ці дзяржаўным установам. Так, напрыклад, у жніўні 1914 г. Мінскі евангелісцка-лютэранскі прыход ахвяраваў на патрэбы сем'яў мабілізаваных 1000 руб. [9, арк. 45].

У гады Першай сусветнай вайны пашырылася дабрачынная дзейнасць прадстаўнікоў манаршага дома Раманавых, якая заключалася як у ахвяраваннях і асабістым удзеле ў дабрачынных мерапрыемствах, так і патранажаў дабрачынных арганізацый. Для дадатковай дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ўжо ў 1914 г. быў створаны Камітэт Вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны, вядомы як Елізавецінскі камітэт. Камітэт размяшчаўся ў Маскве, аднак яго філіялы дзейнічалі ў многіх рэгіёнах Расійскай імперыі, у тым ліку ў Мінскай губерні [8, арк. 2].

Елізавецінскі камітэт стаў адной з галоўных арганізацый для дапамогі сем'ям мабілізаваных, якія не маглі прэтэндаваць на «пайковыя» грошы ад дзяржавы ці атрымлівалі іх у недастатковым памеры. У некаторых выпадках, калі хадайнікі атрымлівалі грошы ад дзяржавы і мелі добрыя матэрыяльныя ўмовы, камітэт адмаўляў у дапамозе. Аднак са справаздачных дакументаў за люты 1915 г. бачна, што з 11 афіцыйных зваротаў да Мінскага аддзялення Камітэта дадатковую дапамогу атрымалі 9 сем'яў [9, арк. 3]. Асаблівае апекаванне ад камітэта атрымлівалі сем'і, у якіх адбываліся надзвычайныя здарэнні. Так, значную фінансавую дапамогу ад Елізавецінскага камітэта ў Мінскай губерні атрымлівалі сем'і мабілізаваных, пацярпелыя ад пажараў. Акрамя таго, Елізавецінскі камітэт выдаткоўваў фінансы на патрэбы іншых дабрачынных арганізацый [6, арк. 3 адв.].

Яшчэ адной дабрачыннай арганізацыяй Першай сусветнай вайны пад патранажам царскай сям'і з'яўляўся Аляксееўскі камітэт. Гэта арганізацыя займалася апекаваннем дзяцей вайскоўцаў, якія загінулі на вайне або згубілі працаздольнасць, а іх маёмасць не магла забяспечыць існаванне сям'і. Дапамога ад Аляксееўскага камітэта для дзяцей адрознівалася ў залежнасці ад месца іх сталага пражывання: 24 руб. у сельскай мясцовасці, ад 24 руб. да 30 руб. у гарадах і 30–42 руб. у гарадах з насельніцтвам больш за 150 тыс. чалавек. Асаблівы статус у Мінскай губерні меў горад Бабруйск, у якім сіраты маглі атрымліваць павышаную грашовую дапамогу. Дадатковую грашовую дапамогу на вопратку і навучальныя прылады атрымлівалі дзеці, якія вучыліся ў пачатковых школах [9, арк. 21–25].

Большасць дабрачынных прыватных ці грамадскіх арганізацый губерні размяшчалася ў

Мінску, бо менавіта гэты горад быў адміністрацыйным, палітычным і эканамічным цэнтрам губерні. Акрамя адзначаных вышэй арганізацый, дапамогу сем'ям мабілізаваных у Мінску аказвалі таксама Мінскае дабрачыннае таварыства імя Гасударыні Імператрыцы Аляксандры Фёдараўны, Мінскі дом працавітасці, мінскія аддзелы дапамогі пацярпелым на вайне салдатам і іх сем'ям і некаторыя іншыя арганізацыі [8, арк. 3 адв.]. Прыватная і грамадская дабрачыннасці ў павятовых гарадах былі развітыя ў меншай ступені, чым у губернскім цэнтры, і залежалі ў першую чаргу ад наяўнасці багатых мецэнатаў.

Так, у жніўні 1914 г. князь А. А. Радзівіл стварыў Нясвіжскі камітэт грамадскай дапамогі хрысціянскім сем'ям і асобам, якія маюць патрэбу ў дапамозе з прычыны вайны. Па стане на лістапад 1914 г., камітэт аказаў дапамогу 92 мясцовым жыхарам, сваякі якіх былі мабілізаваныя ў войска, на агульную суму ў 258 руб. Дапамога выдавалася ў памеры ад 2 руб. да 3 руб. на чалавека [10, арк. 22–23 адв.]. Набліжэнне лініі фронту да Нясвіжа ў 1915 г. прывяло да масавай эвакуацыі мясцовага насельніцтва. Акрамя таго, салдаты Рускай імператарскай арміі займаліся перыядычным рабаваннем княжацкай маёмасці [11, с. 83]. Гэтыя прычыны істотна ўскладнілі працу Нясвіжскага камітэта.

Некаторыя сем'і мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння не ведалі аб магчымасцях дадатковай грашовай дапамогі або не маглі напісаць афіцыйную заяву з-за сваёй непісьменнасці. Гэта патрабавала ад уладаў і грамадскіх арганізацый аказання яшчэ аднаго віду дапамогі – інфармацыйна-юрыдычнай. Ужо ў першыя тыдні вайны ў Мінскай губерні былі створаны «Бюро па хадайніцтве пенсій і дапамогі ніжнім воінскім чынам і іх сем'ям». Такія бюро працавалі па ўсёй губерні пры валасных і павятовых папярчальствах, а ў Мінску пры Грамадскім грамадскім камітэце і аддзяленні Камітэта Вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны. Бюро аказвалі бясплатныя кансультацыі па атрыманні грашовай дапамогі, а таксама дапамагалі ў складанні афіцыйных зваротаў [9, арк. 18].

Яшчэ адным відам дапамогі з боку ўладаў і грамадскасці, уласцівым пераважна сельскай мясцовасці, была працоўная дапамога. Улады імкнуліся заахвоціць сялян да дапамогі ў зборы ўраджаю, засева палёў і дастаўцы дроў для сем'яў мабілізаваных. Акрамя таго, у першыя месяцы патрыятычнага парыву сялянам аказвалі дапамогу нават мясцовыя памешчыкі. Так, у Амелнянскай воласці Ігуменскага павета памешчык Ратынскі асабіста дапамагаў сем'ям мабілізаваных з засевам палёў [12, арк. 12]. Яшчэ адной

формай дапамогі, якая практыкавалася па ўсёй тэрыторыі Расійскай імперыі, стала стварэнне вучнёўскіх дружын з навучэнцаў і выкладчыкаў, якія дапамагалі па гаспадарцы [4, с. 155]. Акрамя таго, яшчэ ў першы год вайны для сельскагаспадарчых патрэб губернскімі ўладамі была створана сістэма перасовачных абозаў з інструментамі, якія выкарыстоўваліся для дапамогі сем'ям мабілізаваных [8, арк. 25].

Актуальнай для многіх сваякоў ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў гарадской мясцовасці была праблема працаўладкавання. У першую чаргу гэта тычылася Мінска. Ужо ў жніўні – верасні 1914 г. пры Мінскім гарадскім камітэце было створана Бюро працы, якое займалася працаўладкаваннем членаў сем'яў ніжніх чыноў, бежанцаў і мясцовых беспрацоўных. Бюро працы брала заказы на пашыў вопраткі і цёплай бялізны, займалася пошукам памяшканняў і працаўнікоў, дапамагала з працаўладкаваннем на заводы і ў пральні лазарэтаў. Усяго, па стане на 1 (14) студзеня 1915 г., у Бюро працы на ўліку былі зарэгістраваныя 2089 чалавек, з якіх 840 з'яўляліся членамі сем'яў вайскоўцаў. На гэты ж час з агульнай колькасці працу атрымалі 1395 чалавек (66,78%) [5, с. 13–16]. Аднак шматтысячныя натоўпы бежанцаў летам-восенню 1915 г. істотна ўскладнілі працу Бюро, а ў далейшым спрыялі павышэнню канкурэнцыі падчас працаўладкавання.

Важным відам дапамогі было апекаванне і выхаванне дзяцей мабілізаваных ніжніх чыноў. Маці дзяцей ніжніх чыноў нярэдка вымушаны былі падпрацоўваць, каб зарабіць дадатковыя грошы. Акрамя таго, існавала нямала дзяцей, для якіх мабілізаваны ў войска мужчына быў адзіным апекуном. Такім чынам, апекаванне дзяцей ніжніх чыноў у значнай ступені залежала ад грамадскіх і прыватных ініцыятыў. Так, у пачатку 1915 г. у Барысаве адкрыўся дзённы прытулак «Яслі» для малалетніх дзяцей мабілізаваных у войска яўрэяў. Прытулак для дзяцей з такой жа назвай існаваў пад патранажам Елізаветцінскага камітэта і ў Мінску. Аказвала дапамогу ў апекаванні над дзецьмі ў Мінску і Дабрачыннае таварыства імя Гасударыні Імператрыцы Аляксандры Фёдараўны. У лютым 1915 г. імператрыца асабіста ахвяравала 1400 руб. на стварэнне і дзейнасць прытулку для дзяцей салдат у Мінскай губерні [9, арк. 22]. Мінскае Свята-Мікалаеўскае праваслаўнае брацтва разам з Мінскім домам працавітасці стварылі прытулак для дзяцей-сірот і збіралі для іх грошы. У Мінскім павеце зямства фінансавала мясцовы павятовы дзіцячы прытулак на 20 чалавек і прытулак Святой Ірыны на 5 чалавек. У Навагрудку да акупацыі над дзецьмі ніжніх чыноў апекаваў Дамскі кружок Навагрудскага камітэта Чырвонага Крыжа [6, арк. 6–7].

Асобна варта адзначыць дзейнасць у сферы адукацыі Мінскага аддзялення Расійскага таварыства абароны жанчын. Арганізацыя прымала для навучання ў свае нядзельную школу і школу шыцця і кройкі на бясплатнай аснове з поўным забеспячэннем дачок ніжніх чыноў і бежанцаў. Аднак невялікае па памерах памяшканне, якое займаў прытулак таварыства, істотна абмяжоўвала дабрачынныя магчымасці арганізацыі [10, арк. 16–17]. Такім чынам, ні ў Расійскай імперыі, ні ў Мінскай губерні не існавала адзінай цэнтралізаванай сістэмы апекавання над дзецьмі-сіротамі ніжніх чыноў.

Памеры сацыяльнай дапамогі ў Мінскай губерні істотна зменшыліся ў сярэдзіне 1915 г. Можна вылучыць некалькі прычын гэтага. У першую чаргу трэба адзначыць шматразовае павелічэнне колькасці бежанцаў і баявыя дзеянні, якія закранулі і непасрэдна Мінскую губерню. Акрамя таго, самі зборшчыкі ўжо з вясны 1915 г. фіксавалі змены адносінаў да збораў на ахвяраванне сярод мясцовага насельніцтва. Колькасць ахвяраванняў істотна зменшылася з-за прычыны зніжэння патрыятычных настрояў сярод насельніцтва, расчараванасці ў ходзе вайны, падзення ўзроўню жыцця і росту цэн. У гэтых умовах многія дабрачынныя грамадскія арганізацыі паступова згортвалі сваю дзейнасць або працягвалі зборы ахвяраванняў з меншым энтузіязмам [7, арк. 1–4]. Адпаведна, узровень жыцця сем'яў мабілізаваных таксама зніжаўся. Апошняе адмоўна ўплывала ў тым ліку і на саміх франтавікоў, якія атрымлівалі трывожныя лісты з дому аб галечы, адсутнасці самага неабходнага і разарэнні гаспадарак. Такая тэндэнцыя захавалася на працягу сярэдзіны 1915 – пачатку 1917 г., пакуль у Расійскай імперыі не адбылася Лютаўская рэвалюцыя.

Заклучэнне. Сістэма сацыяльнай дапамогі сем'ям ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў Расійскай імперыі ў перыяд Першай сусветнай вайны грунтавалася на спалучэнні дзяржаўнай і грамадскай дапамогі. Законам ад 25 чэрвеня (8 ліпеня) 1912 г. сем'ям мабілізаваных дзяржава кампенсавала адсутнасць гаспадароў толькі харчовай дапамогай у грашовым эквіваленце. Пры гэтым такую дапамогу маглі атрымаць толькі «законныя» жонка і дзеці (ва узросце да 17 гадоў) мабілізаванага. Акрамя таго, дзяржава дапамагала інфармацыйна і юрыдычна – праз стварэнне сетак Бюро па хадаініцтве пенсій і дапамогі ніжнім воінскім чынам і іх сем'ям. Астатнія кірункі неабходнай дапамогі, сярод якіх працоўная дапамога і працаўладкаванне, апека і выхаванне дзяцей, ускладваліся пераважна на грамадскія ініцыятывы. Для апекі і выхавання дзяцей ствараліся адпаведныя ўстановы, якія, аднак, колькасна не маглі прыняць усіх

дзяцей, якія мелі ў гэтым патрэбу. Дапамога з працаўладкаваннем была запатрабаваная пераважна ў гарадах, у той час як у сельскай мясцовасці больш распаўсюджанай з'яўлялася працоўная дапамога ў прыватных гаспадарках. Мясцовыя думы і земствы таксама імкнуліся аказаць дапамогу сем'ям, якія не маглі разлічваць на дзяржаўныя субсідыі ці атрымлівалі іх у недастатковым памеры, аднак магчымасці мясцовых органаў былі вельмі абмежаваныя. Акрамя таго, грашовую, харчовую і працоўную дапамогу імкнулася аказаць і духавенства розных канфесій. Трэба адзначыць, што ў Мінскай губерні ў большасці выпадкаў дзяржаўныя ўлады выконвалі свае абавязкі па сацыяльнай дапамозе і нават імкнуліся рабіць звыш таго, ствараючы па магчы-

масці больш спрыяльныя ўмовы для адзначаных сем'яў. Актыўна працавалі ў сферы сацыяльнай дапамогі земствы і думы, грамадскія і прыватныя арганізацыі. Аднак гэтых сродкаў ва ўмовах вайны часта было недастаткова. З цягам часу сітуацыя для сем'яў ніжніх чыноў толькі пагаршалася. Такім чынам, можна прыйсці да высновы, што хібы сістэмы сацыяльнай дапамогі ў Мінскай губерні з'явіліся не па віне мясцовых органаў улады і арганізацый, а з-за недасканалай працы ўсёй дзяржаўнай сістэмы ў сферы сацыяльнай дапамогі насельніцтву. Толькі пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. сістэма сацыяльнай дапамогі адзначаным сем'ям падверглася істотным зменам, якія ўжо не маглі быць падмацаваныя эканамічным патэнцыялам Расійскай дзяржавы

Спіс літаратуры

1. Грудина А. Д. Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2019. 242 с.
2. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конф. памяти В. С. Дякина. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 429–493.
3. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914—1918): сб. док. / сост.: В. В. Врублевский [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко (предс.) [и др.]. Минск: Беларусь, 2014. 355 с.
4. Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
5. Отчет о деятельности Минского городского комитета общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу. Минск: Губернская типография, 1915. 31 с.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Фонд 64. Воп. 1. Спр. 3.
7. НГАБ. Фонд 70. Воп. 1. Спр. 1.
8. НГАБ. Фонд 80. Воп. 1. Спр. 1.
9. НГАБ. Фонд 64. Воп. 1. Спр. 1.
10. НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 8576.
11. Веремейчик А. Е. Несвиж в исторических событиях 1915–1918 гг. // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 лістапада 2018 г. Мінск, 2018. С. 82–87.
12. НГАБ. Фонд 1596. Воп. 6. Спр. 15.

References

1. Grudina A. D. *Gosudarstvennaya pomoshch' sem'yam nizhnikh chinov rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny. Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [State assistance to the families of the lower ranks of the Russian army during the First World War. Dissertation PhD (History)]. Bryansk, 2019. 242 p. (In Russian).
2. Bulgakova L. A. Privileged poor: assistance to soldiers' families during the First World War *Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam. Iz istorii Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konferentsii pamyati V. S. Dyakina* [On the way to revolutionary upheavals. From the history of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: materials of the conference in memory of V. S. Dyakin]. Kishinev, 2001, pp. 429–493 (In Russian).
3. Vrublevsky V.V. *Belarus' v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918): sbornik dokumentov* [Belarus during the First World War (1914–1918): collection of documents]. Minsk, Belarus' Publ., 2014. 352 p. (In Russian).
4. Pushkareva N. L., Shcherbinin, P. P. Organization of charity families of the lower ranks during the First world war. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162 (In Russian).
5. *Otchet o deyatelnosti Minskogo gorodskogo komiteta obshchestvennoy pomoshchi sem'yam nizhnikh chinov zapasa armii i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya, prizvannykh na deystvitel'nyuyu sluzhbu*

[Report on the activities of the Minsk City Committee of Public Assistance to the Families of the Army Reserve Lower Ranks and State Militia Warriors Called to Active Service]. Minsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1915. 31 p. (In Russian).

6. National Historical Archive of Belarus (NHAB). Fund. 64. I. 1. F. 3.

7. NHAB. Fund. 70. I. 1. F. 1.

8. NHAB. Fund. 80. I. 1. F. 1.

9. NHAB. Fund. 64. I. 1. F. 1.

10. NHAB. Fund. 295. I. 1. F. 8576.

11. Veremeychik A. E. Nesvizh in the historical events of 1915–1918 *Farmiravanne belaruskay dzyarzhaunastsi va umovakh geapalitychnykh zrukhou XX st.: materyyaly Mizhnarodnay navukovay kanferentsyi, Minsk, 29–30 listapada 2018 g.* [Formation of Belarusian statehood in the context of geopolitical shifts of the XX century: materials of the international scientific conference, Minsk, November 29–30, 2018]. Minsk, 2018, pp. 82–87 (In Russian).

12. NHAB. Fund. 1596. I. 6. F. 15.

Інфармацыя пра аўтара

Бодрыкаў Яўгеній Аляксандравіч – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, пр-т Незалежнасці, 6, Рэспубліка Беларусь). E-mail: yaugen.bodrykau@yandex.by

Information about the author

Bodrykau Yaugeni Aliksandravich – Master of Historical Sciences, PhD student, the Department of Modern and Contemporary History of Belarus. Belarusian State University (6, Nezalezhnastsi Ave., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yaugen.bodrykau@yandex.by

Паступіў 10.03.2023

УДК 94(470)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В БЕЛАРУСИ В 1917 ГОДУ

Отмечается идеологическая зависимость всех работ советского периода от ленинского теоретического наследия. Обращается внимание на время и предпосылки создания Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Беларуси. Делается акцент на их общественно-политической направленности и конструктивных отношениях с временными и постоянными властями. Проведен подсчет и значение губернских, уездных и волостных Советов.

Охарактеризованы взаимоотношения между рабочими и солдатскими депутатами. Показано отношение рабоче-солдатских и крестьянских организаций к лозунгу «Вся власть Советам!». Особо отмечено, что большевизация Советов в Беларуси происходила уже после Октябрьской революции, когда им были переданы функции органов государственной власти. Сделан вывод о том, что по причине слабости новых Советов до конца 1917 и в начале 1918 года реальная власть в Беларуси принадлежала военно-революционным комитетам.

Ключевые слова: Февральская революция, Беларусь, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Военно-промышленный комитет, Временное правительство, демократический режим, революционная демократия, Октябрьский переворот, большевизация Советов, военно-революционный комитет.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Власть Советов в Беларуси в 1917 году // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 62–65. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-11.

N. Ye. Semenychk

Belarusian State Technological University

THE POWER OF SOVIETS IN BELARUS IN 1917

The ideological dependence of all the works of the Soviet period on the Leninist heritage is noted. Attention to the time and prerequisites for the creation of the Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies in Belarus is drawn. Emphasis on their socio-political orientation and constructive relationships with temporary and permanent authorities is placed. The calculation and significance of the provincial, district and volost Soviets has been carried out.

The relationship between workers' and soldiers' deputies is characterized in Russian. The attitude of worker-soldier and peasant organizations to the slogan "All power to the Soviets!" is shown. It is especially noted that the Bolshevization of the Soviets in Belarus took place already after the October Revolution, when the functions of state authorities were transferred to them. It is concluded that due to the weakness of the new Soviets until the end of 1917 and at the beginning of 1918, the real power in Belarus belonged to the military revolutionary committees.

Keywords: February revolution, Belarus, Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Cities, Zemgor, Military Industrial Committee, Provisional Government, democratic regime, revolutionary democracy, October Revolution, Bolshevization of Soviets, Military Revolutionary Committee.

For situation: Semenychk N. Ye. The power of Soviets in Belarus in 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 62–65 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-11.

Введение. Опубликованные во времена всевластия КПСС монографии, очерки, статьи и другие труды по истории 1917 года в Беларуси в своем большинстве не могут служить научной основой для современного исследования этой проблемы. Дело в том, что авторы, будучи обязанными прежде всего решать идеологические задачи, освещали революционные события в русле ленинского теоретического наследия. Все упомянутые в их трудах общественно-политиче-

ские коллизии изложены, по сути, с точки зрения когда-то правившей партии. В полной мере такой подход свойствен описанию в учебниках по истории Беларуси и интернет-ресурсах деятельности самых массовых организаций Беларуси – Советов рабочих и солдатских депутатов. Их ленинская оценка как «органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [1, с. 72] нацеливала белорусских историков на ее подтверждение путем

привлечения местных материалов. Так, исследователь П. К. Башко заключил, что «застрельщиком организации Советов в Беларуси был рабочий класс во главе с большевиками» [2, с. 218]. Его коллеги были более осторожны на этот счет, но не отрицали факта, будто «решающая роль в создании Советов принадлежала историческому творчеству народных масс» [3, с. 5].

Основная часть. Если отбросить идеологическую шелуху, можно убедиться, что все Советы Беларуси имеют свою историю. Прежде всего, предпосылки их создания были связаны с нахождением в тех или иных населенных пунктах промышленных предприятий, воинских частей, государственных и общественных учреждений, организаций Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ), Земгора, Военно-промышленного комитета (ВПК), транспортных коммуникаций и т. д. Во-вторых, создание Советов зависело от наличия в городах или местечках лиц, имевших опыт политической деятельности и осознававших свою ответственность за судьбы страны. Не случайно поэтому Советы рабочих и солдатских депутатов были сформированы, прежде всего, в крупнейших городах (Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске, Полоцке, Оршае, Рогачеве, Мозыре, Слуцке, Борисове и др.) по инициативе разрозненных членов социалистических партий, служивших в местных гарнизонах и учреждениях ВЗС, ВСГ, Земгора, Красного Креста и других общественных организаций по обслуживанию фронта.

На наш взгляд, нет смысла акцентировать внимание на том, какие Советы возникли раньше: рабочие или солдатские. Куда важнее определить, где они возникли, какие цели поставили перед собой и т. д. Заметим сразу, что все названные организации сразу же делегировали своих представителей во вновь созданные чрезвычайные органы власти – комитеты общественной безопасности, признав тем самым их приоритет в управлении жизнью города или местечка. Не случайно в Беларуси процесс создания Советов прошел бесконфликтно и при участии новых властей. Даже большинство Советов солдатских депутатов (СД) возникло по инициативе командования и возглавлялось офицерами.

Что касается Советов крестьянских депутатов (КД), то их создание было вызвано прямой государственной и общественной необходимостью в сохранении крестьянами и батраками спокойствия, недопущении разрастания захватного движения, обеспечении прежних сельскохозяйственных поставок армии и городу, а также подготовкой к аграрной реформе через созыв Учредительного собрания. Их организаторами являлись гласные обновленных земств, служащие ВЗС и ВСГ, депутаты созданных Советов РиСД и др.

С момента создания все Советы Беларуси сверяли свою деятельность с Петроградским. Заявления последнего о поддержке Временного правительства и упрочении нового строя стали программой деятельности для всех Советов страны. Решениями Всероссийского Совещания Советов РиСД в Петрограде (29 марта – 3 апреля) вместе с конституированием так называемой «революционной демократии» была определена территориальная система Советов в составе областных, губернских, уездных, районных организаций.

В апреле все Советы РиСД, а также крестьянские организации Беларуси получили ряд директив от съезда рабочих и солдатских депутатов Западного фронта (7–17 апреля) как местного центра «революционной демократии», в том числе предписание к объединению.

С мая – июня общепризнанными центрами «революционной демократии» для всей страны, в том числе и Беларуси, стали избранные Всероссийскими съездами Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, их Исполнительные комитеты. Именно эти органы нацеливали организованных трудящихся и солдат на укрепление демократии, подготовку к Учредительному собранию, поддержку Временного правительства, его внутренней и внешней политики и т. д.

По мере демократизации и политизации российского общества Советы вливались в новые органы исполнительной власти. Так, в Минском губернском комиссариате от Минского Совета РиСД и губернского Совета КД было представлено по 4 человека. С участием Советов создавались продовольственные и земельные комитеты, осуществлялась реорганизация дум и земств. Естественно, что авторитет Советов как опоры демократического режима возрастал. Известно, к примеру, что летом по настоянию Советов КД происходила смена непопулярных комиссаров Временного правительства. Так, уже в марте с участием Витебского Совета СД был арестован местный губернский комиссар [4]. В июле после высказанного Могилевским Советом РиСД политического недоверия в адрес губернского комиссара последний был вынужден уйти в отставку [5].

Основная масса крестьянских Советов Беларуси, всего 4 губернских, 26 уездных и около 20 волостных, возникла в апреле – июне. Можно считать, что Советам КД с помощью пропаганды и агитации удалось удержать крестьян от захватного движения и подготовить их к аграрной реформе.

Советы РД в контакте с профсоюзами выступали за введение на предприятиях 8-часового рабочего дня, а также участвовали в создании примирительных камер для решения трудовых конфликтов в интересах городских и местечковых трудящихся. Как отмечалось выше, Советы

РД были представлены в органах государственной и местной (думы и земства) власти, что давало возможность их депутатам в качестве гласных отстаивать социально-экономические интересы рабочих.

По нашим подсчетам, с марта по октябрь 1917 года Советы РиСД с разной степенью участия в них рабочих существовали в 55 населенных пунктах Беларуси. Эти организации в своем большинстве состояли из военнослужащих, прибывших сюда из других регионов России и, как правило, слабо заинтересованных в решении проблем местного населения. Социальное (в основном крестьянское) происхождение солдатских депутатов мало способствовало их сотрудничеству с рабочими. Не последнюю роль в наличии определенной обособленности депутатов играла их национальная и религиозная принадлежность.

В большинстве Советов Беларуси наличие в одном Совете РСиКД было формальным: имея общий исполком, все депутаты были заняты в своих секциях решением корпоративных вопросов. Характерно, что в Витебске оба Совета – солдатский и рабочий до Октябрьского переворота так и не объединились.

Несмотря на создание в мае Северо-Западного исполкома Советов РиСД, реальным центром управления советским движением в Беларуси он не стал. Минский Совет РиСД главным образом ориентировался на военнослужащих и весомым авторитетом у рабочих не пользовался. По этой причине в Минской губернии так и не возник общий исполнительный комитет Советов РиСД.

Совместная деятельность всех Советов РСиКД Беларуси активизировалась по мере общественной необходимости и, как правило, инициировалась центрами «революционной демократии», к примеру, для сбора средств на нужды армии, по случаю выборов городских и земских самоуправлений, для поддержки летнего наступления 18 июня, в целях осуждения попытки большевистского переворота в Петрограде 3–4 июля, для борьбы против Корниловского мятежа, во время предвыборной кампании в Учредительное собрание и др.

Следует отметить, что даже в наиболее опасные для государства и общества дни Советы не брали на себя полномочий власти, оставаясь ядром «революционной демократии» и опорой Временного правительства. Из всего многообразия Советов РСиКД те, которые действовали в Беларуси (за исключением Минского) и проявляли относительное единство в вопросе о государственной власти, считая, что его окончательное решение должно быть возложено на Учредительное собрание. Исключение составляли большевики, которые активно внедряли в сознание солдат идеи свержения кабинета А. Керенского и передачи власти Советам.

С 25 октября 1917 года эти идеи стали осуществляться в ходе восстания в Петрограде, которое завершилось арестом министров Временного правительства и постановлениями II съезда Советов РиСД, в том числе и о переходе власти к Советам – как новым органам государственной власти. Но общественность Беларуси, как и всей России в целом, сочла восстание большевистским переворотом, грозящим гражданской войной, срывом Учредительного собрания и поражением Февральской революции. Как ни парадоксально, но местные Советы отказались признать Советскую власть и вошли в состав Комитетов спасения революции, чтобы совместными усилиями поддержать порядок до окончания политического кризиса в столице. Даже после распада Комитетов спасения переход власти к Советам происходил, как правило, через замену их эсеро-меньшевистско-бундовского руководства и всего депутатского корпуса большевистским и левозеро-вским. С этой же целью большевики в ноябре 1917 года пошли на созыв II съезда Советов РиСД Северо-Западной области, III съезда Советов КД Минской и Виленской губерний, а в декабре – съезда Советов Витебской губернии.

Однако передача власти Советам не являлась самоцелью организаторов переворота. Важнее было, чтобы в этих Советах было их (или сторонников) большинство. Так, после того, как в ночь с 17 на 18 декабря 1917 года делегаты Всебелорусского съезда постановили «немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления края, вступая в деловые отношения с центральной властью...», этот самый массовый со времен Февраля всенародный форум был немедленно разогнан по приказу СНК Западной области и фронта [6, с. 58].

Осуществление такого рода Советской власти происходило с опорой на большевистско-левоэсеро-вские по составу военно-революционные комитеты, располагавшие вооруженными силами.

Заключение. Создание Советов рабочих, солдатских и (особенно) крестьянских депутатов происходило мирным путем, с ведома и при участии органов военной и гражданской власти в целях поддержания порядка и упрочения нового строя. С момента возникновения после Февральской революции и долгое время после Октября они не оспаривали права на власть ни у временных (комитеты общественной безопасности), ни у постоянных государственных (губернские, уездные комиссариаты, волостные комитеты) органов власти и местного самоуправления.

Осознавая зависимость конечных целей своей деятельности от степени активности трудящихся

и солдат, «революционной демократия» сумела создать систему Советов под лозунгами поддержки Временного правительства и упрочения нового строя. Все важнейшие политические события страны (Всероссийские съезды Советов РС и КД, поддержка летнего наступления русской армии, осуждение попытки большевистского переворота 3–4 июля и Корниловского мятежа, Демократическое совещание и др.) прошли при активном участии местных Советов.

С победой Октябрьской революции Советы Беларуси после передачи им функций органов государственной власти под руководством большевиков и левых эсеров как общественно-политические организации трудящихся и солдат прекратили свое существование.

Но даже после «большевизации» Советов их авторитет не достигал до уровня органов власти, какими являлись избранные летом – осенью городские думы и земские собрания. Поэтому до конца 1917 года их (Советов) деятельность на всех уровнях – от волостного до СНК Западной области и фронта осуществлялась в контакте с ВРК. Фактически только в январе 1918 г., после разгона большевиками Учредительного собрания, а также ликвидации (реорганизации) ими дум, земств, земельных и прочих комитетов Временного правительства, руководимые ими же совместно с левыми эсерами Советы Беларуси стали обретать реальные возможности политического, социально-экономического и культурного управления жизнью местного населения.

Список литературы

1. Победа Советской власти в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1967. 508 с.
2. Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.) / под ред. И. М. Игнатенко. Минск: Наука и техника, 1987. 254 с.
3. Нестеренко Е. И., Осмоловский В. П. Советы Белоруссии, окт. 1917 – янв. 1919 г. / под ред. И. М. Игнатенко. Минск: Наука и техника, 1989. 232 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 626. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 41.
5. Молот. 1917. 31 июля.
6. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 50–61.

References

1. *Pobeda sovetской vlasti v Belorussii* [The victory of Soviet power in Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1967. 508 p. (In Russian).
2. Bashko P. K. *Sovety rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov Belorussii (mart – oktyabr' 1917 g.)* [Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of Belarus (March – October 1917)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 254 p. (In Russian).
3. Nesterenko E. I., Osmolovskiy V. P. *Sovety Belorussii, okt. 1917 – yanv. 1919 g.* [Soviets of Belarus, October 1917 – January 1919]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1989. 232 p.
4. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 626. I. 1. F. 1. L. 41.
5. Molot [Hammer], 1917, July, 31 (In Russian).
6. All-Belarusian Congress of 1917: evidence of a contemporary. *Belaruski gistarychny chasopis* [Belarusian historical journal], 1993, no. 4, pp. 51–61 (In Belarusian).

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 10.03.2023

УДК 94(476)

А. Г. Чарняўскі

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

**РОЛЯ АДУКАЦЫІ Ў КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ
БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ МЕНШАСЦІ Ў ЛАТВІІ (1918–1940 ГГ.)**

У дадзеным артыкуле, заснаваным на працах беларускіх і замежных даследчыкаў, архіўных і апублікаваных крыніцах на беларускай, латышскай і іншых мовах, характарызуюцца галоўныя напрамкі і тэндэнцыі развіцця сістэмы адукацыі беларускай меншасці ў Латвіі ў міжваенны перыяд (1918–1940 гг.). Аўтар акрэслівае заканадаўчую базу, на якую абапіралася беларускае школьніцтва, асноўныя перыяды яго развіцця, вызначае галоўныя арганізацыі і ўстановы, якія кардынавалі дзейнасць сістэмы асветы на беларускай мове ў гэтай краіне. У артыкуле вызначаюцца асноўныя тыпы навучальных устаноў, дынаміка іх колькасці, прыведзены асаблівасці дзейнасці найважнейшых устаноў. Таксама аўтар прасачыў уплыў «Беларускага працэсу» 1925 г. ці перавароту К. Улманіса 1934 г. на стан сістэмы беларускай асветы ў Латвіі.

У заключэнні аўтар робіць выснову, што беларусы ў Латвіі ў 1918–1940 гг. здолелі стварыць шматкампанентную сістэму беларускіх навучальных устаноў. Мэтамі гэтых навучальных устаноў былі ўзмацненне беларускай нацыянальнай свядомасці, падрыхтоўка кадраў для культурных і палітычных ініцыятыў беларускай меншасці ў Латвіі.

Ключавыя словы: Латвія, Даўгаўпілс, Рыга, беларуская меншасць, гімназія, адукацыя, міжваенны перыяд, таварыства «Бацькаўшчына».

Для цытавання: Чарняўскі А. Г. Роля адукацыі ў культурна-асветніцкай дзейнасці беларускай нацыянальнай меншасці ў Латвіі (1918–1940) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1. С. 66–72. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-12.

A. Charniauski

Yanka Kupala Grodno State University

**THE ROLE OF EDUCATION IN THE CULTURAL
AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN NATIONAL
MINORITY IN LATVIA (1918–1940)**

This article, based on the works of Belarusian and foreign researchers, archival and published sources in Belarusian, Latvian and other languages, characterizes the main directions and trends of educational activities of the Belarusian minority in Latvia in the interwar period (1918–1940). The author defines the legislative base of Belarusian schooling, the main periods of Belarusian schooling development, the main organizations and institutions that coordinated the activities of the education system in the Belarusian language in this country, defines the main types of educational institutions, their dynamics. The author also outlines the influence of the «Belarusian Process» of 1925 or the K. Ulmanis coup of 1934 on the shape of the Belarusian education system in Latvia.

In the conclusion, the author concludes that Belarusians in Latvia in 1918–1940. managed to create a multi-component system of Belarusian educational institutions. The goals of these educational institutions were to strengthen Belarusian national consciousness, to train workers for cultural and political initiatives of the Belarusian minority in Latvia.

Keywords: Latvia, Daugavpils, Riga, Belarusian minority, gymnasium, education, interwar period, Society «Bats'kaushchyna».

For citation: Charniauski A. The role of education in the cultural and educational activities of the Belarusian national minority in Latvia (1918–1940). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, philosophy.* 2023, no. 1 (269), pp. 66–72 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-12.

Уводзіны. Латвія ў міжваенны перыяд з'яўлялася адным з найважнейшых цэнтраў беларускага нацыянальнага руху. Беларускія актывісты стварылі ў гэтай краіне шэраг культурніцкіх і палітычных арганізацый. У цэнтры ўвагі дзеячаў было распрацоўка шматузроўневай сістэмы асветніцкіх устаноў з беларускай

мовай навучання, у чым яны дасягнулі найбольшага поспеху. Розныя пытанні дадзенай праблематыкі вывучалі такія даследчыкі, як Э. Екабсонс [1], Е. Гжыбоўскі [2], Г. Ведзішчава [3], У. Ляхоўскі [4], В. Коваль [5] і інш. Аднак ў гістарыяграфіі праблема беларускай сістэмы асветы ў Латвіі вывучаецца часцей не цэласна, а

разам з іншымі аспектамі гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Латвіі.

Асноўная частка. 8 снежня 1919 г. Народная Рада Латвіі прыняла законы, якія акрэслівалі агульныя прынцыпы дзейнасці адукацыйных устаноў у рэспубліцы, і ў тым ліку мажлівасці нацыянальных меншасцей па адкрыцці сваіх школ. Паводле іх зместу, дзяржаўным установам і самаўрадам даручалася адкрыццё адпаведнай колькасці прадстаўнікоў нацыянальнай меншасці школьнай сістэмы; у тых мясцовасцях, дзе прадстаўнікоў меншасцей было няшмат, дазвалялася адкрыццё асобных класаў на роднай мове. Доля грашовых сродкаў, якія накіроўваліся на ўтрыманне школ, мусіла адпавядаць адсотку нацыянальнай меншасці ў складзе насельніцтва. Дазвалялася і стварэнне прыватных меншасцёвых навучальных устаноў [6; 7].

Свае школы з'явіліся і ў беларускай меншасці ў Латвіі, колькасць якой, паводле вынікаў перапісу 1920 г., складала 71 630 чалавек [8, с. 212]. У першай палове 1920-х гг. вялікую ролю ў стварэнні сістэмы беларускіх адукацыйных устаноў у Латвіі адыгрывала Беларускае культурна-асветніцкае таварыства «Бацькаўшчына». К. Езавітаў, заснавальнік і адзін з кіраўнікоў арганізацыі, пішучы пра дзейнасць Беларускага аддзела Міністэрства адукацыі, адзначаў: «...[Беларускі аддзел] працаваў у поўным кантакце з гэтым Таварыствам [“Бацькаўшчына”], падтрымоўваў усе пачынанні яго і сам абаніраўся на грамадзкую падтрымку Т-ва “Бацькаўшчына”» [9, с. 71].

Рыхтуючыся да з'яўлення першых беларускіх школ, «Бацькаўшчына» пачала шукаць для іх настаўнікаў. Таварыства рэгістравала настаўнікаў-беларусаў, якія скончылі вучыцельскія семінарыі, васьмь класы жаночых гімназій або здалі ў Расійскай імперыі ці Латвійскай рэспубліцы адпаведныя іспыты і мелі права выкладаць у школе. К. Езавітаў адзначаў, што такіх настаўнікаў знайшлося шмат і ў Дзвінску, і ў іншых частках Латгаліі [10, с. 97–98].

Каб падрыхтаваць зарэгістраваных асобаў да працы, умацаваць іх нацыянальную свядомасць, «Бацькаўшчына» арганізавала ў Дзвінску (Даўгаўпілсе) для іх адмысловыя курсы беларусазнаўства. Праца курсаў распачалася 28 ліпеня 1921 г., яны працягваліся шэсць тыдняў, а выкладалі там К. Езавітаў і запрошаны з Вільні І. Дварчанін. Беларусазнаўчыя курсы атрымалі фінансавую дапамогу ад школьнага дэпартаменту Міністэрства асветы. Навучальная праграма курсаў складалася з заняткаў па гісторыі і геаграфіі Беларусі, беларускай мове і літаратуры і інш. Курсы паспяхова скончылі толькі 20 слухачоў з 73 [10, с. 97–98].

Таварыства «Бацькаўшчына» імкнулася арганізаваць такія самыя курсы і ў Люцынскім (Лудзаўскім) павеце, аднак тут, як адзначаў

К. Езавітаў, «захады (...) па невядомых для нас прычынах ня былі прыняты пад увагу». Таму І. Дварчанін і К. Езавітаў правялі ў Люцыне некалькі лекцый пра беларускі нацыянальны рух для будучых настаўнікаў. К. Езавітаў адзначаў адмоўны ўплыў адсутнасці курсаў у Люцынскім павеце на стан беларускага руху і мясцовых беларускіх школ [10, с. 98].

Дзякуючы намаганням дзеячаў таварыства «Бацькаўшчына» восенню 1921 г. пачалі працу першыя 16 беларускіх школ. Яны адкрыліся ва ўсходніх валасцях Дзвінскага павета – Пустынскай і Прыдруйскай, якія мелі самы значны адсотак беларусаў у этнічным складзе насельніцтва [10, с. 98].

1 кастрычніка 1921 г. пачаў працу Беларускі аддзел Міністэрства адукацыі Латвіі (далей – Беларускі аддзел). Яго функцыямі былі стварэнне новых школ, утрыманне і кантроль за працай школ, падрыхтоўка настаўнікаў, пераклад падручнікаў і распрацоўка школьных праграм, фінансавая падтрымка культурніцкіх ініцыятыў [3, с. 91–94]. Акрамя гэтага, кіраўнік аддзела прадстаўляў перад дзяржаўнымі ўстановамі культурныя патрэбы сваёй нацыянальнай меншасці [7]. Беларускі актывісты дамагаліся з'яўлення свайго аддзела з мая 1921 г. Яны звярталіся ў Міністэрства адукацыі і шукалі дэпутата Сэймы (парламента), які б пагадзіўся стаць пасярэднікам, бо юрыдычна толькі дэпутат парламента мог накіраваць просьбу аб адкрыцці аддзела ў Міністэрства асветы [10, с. 99]. Дапамагчы згадзіўся Яніс Райніс, вядомы латышскі паэт [9, с. 62–63]. У выніку створаны Беларускі аддзел 18 кастрычніка ўзначаліў С. Сахараў [11].

На працягу 1921/1922 навучальнага года колькасць беларускіх школ паступова павялічвалася. Дзякуючы стварэнню новых навучальных устаноў і перадачы Беларускаму аддзелу некаторых рускіх школ, іх лік да канца навучальнага года дасягнуў 46 (каля 3500 вучняў) [8, с. 215].

Варта адзначыць, што беларускія школы ў Латвіі з'явіліся запознена ў параўнанні са школамі іншых меншасцей. Яшчэ з восені 1918 г. тут працавалі літоўскія і польскія школы, дзейнічалі і нямецкія навучальныя ўстановы. Іншыя меншасці ў параўнанні з беларусамі раней пачалі адкрываць гімназіі. Гэта было звязана з тым, што воласці, у якіх жыла большасць беларусаў, былі замацаваныя за Латвіяй толькі ў 1920 г. у выніку падпісання мірнай дамовы з Савецкай Расіяй [12]. Хоць у 1921/1922 навучальным годзе беларусы мелі больш школ, чым палякі, у польскіх школах навучаліся 5456 вучняў (супраць прыблізна 3500 у беларускіх) [8, с. 215].

Функцыю падрыхтоўкі педагагічных фактараў выконвалі Беларускія дзяржаўныя аднагодковыя настаўніцкія курсы. Яны былі закладзеныя 1 снежня 1922 г. К. Езавітавым у Дзвінску

[10, с. 101]. Слухачы у 1923/1924 навучальным годзе вывучалі гісторыю і геаграфію Латвіі і Беларусі, латышскую і беларускую мовы, псіхалогію, філасофію, метадку выкладання і інш. [3, с. 165].

Першай беларускай сярэдняй установай у Латвіі лічыцца Люцынская беларуская гімназія. Яна была заснаваная па ініцыятыве таварыства «Бацькаўшчына». Першапачаткова яна была прыватнай прагімназіяй з 6-гадовым тэрмінам навучання. У ліпені 1923 г. Беларускі аддзел звярнуўся да міністра адукацыі з хадайніцтвам аб яе пераўтварэнні ў паўнаважнасць гімназію. Працэс рэарганізацыі ў красавіку 1923 г. быў даручаны К. Езавітаву [4, с. 361]. Пад яго кіраўніцтвам гімназія стала дзяржаўнай і пачала цалкам фінансавацца ўрадам [10, с. 102]. Школа мела драматычны гурток, хор, тут выдаваўся вучнёўскі часопіс «Ластаўка» [1, с. 61; 9, с. 103], дзейнічала скаўцкая дружына [4, с. 366].

Самай значнай і вядомай беларускай сярэдняй навучальнай установай ў міжваеннай Латвіі была Дзвінская беларуская гімназія. Падрыхтоўку да яе адкрыцця першапачаткова ўзначаліў К. Езавітаў. Таварыства «Бацькаўшчына» сабрала подпісы бацькоў, адшукала для гімназіі будынак у Дзвінску па адрасе вул. Варшаўская, 16. Ініцыятыву падтрымалі дзяржаўныя ўлады: 1 красавіка 1922 г. І. Краскоўскі атрымаў прызначэнне на пасаду дырэктара гімназіі [10, с. 101]. А ў красавіку 1925 г. выканаўцам абавязкаў дырэктара быў С. Сахараў (афіцыйна дырэктарам ён стаў 1 жніўня 1925 г.) [13, 14].

Заняткі ў Дзвінскай беларускай гімназіі пачаліся восенню 1922 г. Гэтая навучальная ўстанова была гуманітарнага тыпу [15, с. 131], але заняткі праводзіліся і па дакладных дысцыплінах [16]. Школа мела свае інтэрнат на 45 вучняў [4, с. 365], бібліятэку, фізічны і хімічны кабінеты, сад, слясарную і ткацкую майстэрні. Істотная ўвага надавалася і мастацкаму выхаванню навучэнцаў: гімназія мела ўласную залу са сцэнай, на якой выступалі сябры драматычнага, балетнага гурткоў, хору і аркестра [10, с. 101; 17, с. 121–124]. У гімназіі сфармаваўся свой скаўцкі атрад [18]. Установа стала адным з цэнтраў грамадскага жыцця беларусаў Латвіі: напрыклад, у яе памяшканнях ў жніўні 1923 г. адбылася Беларуская настаўніцкая канферэнцыя [19].

Таксама ў Дзвінску ў 1922–1924 гг. дзейнічала прыватная беларуская сельскагаспадарчая двухгадовая школа таварыства «Бацькаўшчына» [1, с. 63; 9, с. 69]. Часткова школу фінансавала Міністэрства земляробства – яно выдаткоўвала грошы на настаўніка-агранома і навучальны інвентар. У гэтай навучальнай установе беларускую мову і гісторыю Беларусі выкладала П. Мядзёлка-Грыб, якая таксама была і кіраўніком тэатральна-музычнай дзейнасці навучэнцаў [10, с. 102; 15, с. 132].

Беларусы, якія мелі сярэдняю адукацыю, але не валодалі латышскай мовай і не мелі улас-

ных сродкаў для навучання ў вышэйшых навучальных установах за мяжой, атрымалі магчымасць патрапіць на навучанне ў Чэхаславакію – гэта было плёнам кантактаў таварыства «Бацькаўшчына» з беларускай дыяспарай у гэтай краіне [4, с. 365]. Навучанне ў беларускіх гімназіях, дзе латышская мова з’яўлялася абавязковым прадметам, давала вучням мажлівасць паступіць у вышэйшыя навучальныя ўстановы Латвіі [10, с. 102; 20]. Але беднасць і ім перашкаджала атрымаць вышэйшую адукацыю. У 1925 г. газета «Голас беларуса» так ахарактарызавала становішча беларусаў – студэнтаў Люцынскай гімназіі: «Сродкаў у іх, як і наагул у беларусаў, – няма. Варункі вучэння будуць цяжкія. Але моладзь мае надзею, што “як-колічы выкруціцца”» [20].

На працягу 1921/1922 і 1922/1923 навучальных гадоў колькасць беларускіх школ паступова расла. У 1923 г. першая беларуская школа з’явілася ў Рызе [3, с. 164]. Але падчас 1923/1924 навучальнага года назіралася адваротная тэндэнцыя: колькасць школ зменшылася з 50 да 36. Гэтае змяншэнне было выкліканае рашэннем улад ператварыць школы, у якіх колькасць беларусаў сярод вучняў складала менш за 60%, у нацыянальна мяшаных школы [3, с. 102]. Беларускія дзеячы бачылі ў гэтым працэсе спробу латышызавання беларусаў. К. Езавітаў меркаваў, што гэтыя меры шкодзілі беларускім гімназіям (з-за меншай колькасці патэнцыяльных вучняў у іх) і адмоўна ўплывалі на беларускі рух у Латвіі [9, с. 93–96].

Тэндэнцыю на зніжэнне памераў беларускага школьніцтва замацавалі падзеі, звязаныя з «Беларускім працэсам» 1925 г. Першапачаткова ўлады бачылі ў беларусах супрацьвагу польскаму руху, дзеячы якога ўздымалі пытанне пра далучэнне часткі Ілукстанскага павета да Польшчы. У сярэдзіне 1920-х гг. стаўленне латвійскіх улад да беларускага руху змянілася: у дзеяннях беларусаў пачалі бачыць небяспеку для Латвійскай дзяржавы, што магло прывесці да вышэйзгаданага «Беларускага працэсу» [1, с. 49–53; 21, с. 39].

Так, у 1924 г. шэраг значных беларускіх дзеячаў былі арыштаваныя і абвінавачаныя ў сепаратызме [1, с. 53]. Арышты ўскладнілі працу школ: 13 чэрвеня 1924 г. не змаглі скончыцца выпускныя экзамены ў Дзвінскай беларускай гімназіі [22]. У рамках следства адбыліся вобыскі ў беларускіх гімназіях і некаторых іншых школах [23]. Спынілася дзейнасць таварыства «Бацькаўшчына». Аднак усе абвінавачаныя былі апраўданыя судом 4 красавіка 1925 г. [9, с. 111]. Тым не менш у выніку згаданых падзей былі ліквідаваныя Беларускі аддзел [24], Люцынская беларуская гімназія [25]; настаўнікі І. Краскоўскі, П. Мядзёлка-Грыб, якія не мелі латвійскага грамадзянства, пакінулі краіну [15, с. 133; 26].

Нягледзячы на гэта, пасля «Беларускага працэсу» становішча беларускай школьнай сістэмы паступова стабілізавалася. 28 ліпеня 1926 г. Урад прыняў рашэнне аднавіць Беларускі аддзел: яго часовым кіраўніком стаў Р. Плыгаўка, а з 18 студзеня 1927 г. афіцыйна пасада была даручаная У. Пігулеўскаму [3, с. 99; 27]. З'явіліся новыя арганізацыі асветніцкага напрамку, напрыклад Латвійскае таварыства беларускіх настаўнікаў [28]. Сваю гімназію ў 1929 г. атрымалі беларусы Рыгі [8, с. 216].

На развіццё беларускай сістэмы адукацыі паўплывалі вынікі перапісу насельніцтва 1925 г. Калі ў 1920 г. ў Латвіі было зафіксавана каля 71 630 беларусаў, то ў 1925 г. – толькі 38 010. У адпаведнасці з вынікамі перапісу фарміраваўся бюджэт меншасцёвых аддзелаў Міністэрства адукацыі, таму ў другой палове 1920-х гг. скарацілася дзяржаўнае фінансаванне беларускага школьніцтва [3, с. 98]. Агульная колькасць школ паступова зніжалася: у 1927 г. працавалі 36 пачатковых школ, а ў 1933 г. – 23 пачатковыя школы [8, с. 212, 215]. Знакавай падзеяй стала рашэнне аб закрыцці знакамітай Дзвінскай беларускай гімназіі, якое пачало выконвацца ў другой палове 1932 г. [29, с. 112].

Якасна новы этап у гісторыі беларускай асветы ў Латвіі пачаўся пасля ўсталявання аўтарытарнага рэжыму К. Улманіса ў маі 1934 г. Пасля майскага перавароту ўлады ўзялі курс на цэнтралізацыю кіравання сістэмай асветы нацыянальных меншасцей і паступовае яе згортванне. Так, у 1934 г. быў ліквідаваны Беларускі аддзел, а замест яго была створана рэферэнтура пад кіраўніцтвам П. Журкоўскага [3, с. 96; 30, с. 330]. Значна змяніліся ўмовы адкрыцця і дзейнасці школ меншасцей. Мінімальная колькасць вучняў, для якіх дазвалялася стварэнне нацыянальных школ, узрасла з 30 да 80. Калі адзін з бацькоў вучня быў латышом ці латышкай, вучань не мог наведваць меншасцёвую школу [3, с. 70].

Палякі, літоўцы, эстонцы ў новых умовах маглі разлічваць на дыпламатычную дапамогу сваіх нацыянальных дзяржаў. Напрыклад, Эстонія і Латвія 17 чэрвеня 1934 г. падпісалі канвенцыю, паводле якой абодва бакі гарантавалі спрыяльныя ўмовы для дзейнасці адпаведных меншасцёвых школ (усталявана мінімальная колькасць вучняў школ ў колькасці 15 чалавек) [31]. Аднак беларусы такой дыпламатычнай апекі не мелі. Улічваючы гэта, а таксама ранейшыя канфлікты беларускіх дзеячаў з польскімі, рускімі і латышскімі палітыкамі, тое, што ў дачыненні да беларусаў у мінулы перыяд узніклі падазрэнні ў сепаратызме, слабую нацыянальную свядомасць беларусаў, – чакана, што колькасць беларускіх школ пачала змяншацца. Беларускія школы закрываліся ці пе-

раўтвараліся ў нацыянальна-мяшаныя. Так, у 1935 г. у адну ўстанову былі аб'яднаныя класы беларускай, польскай і рускай гімназій Дзвінска. Урэшце, у 1939/1940 навучальным годзе ва ўсёй Латвіі заставалася адзіная беларуская школа ў Рызе [1, с. 70; 8, с. 214–220].

Заклучэнне. Такім чынам, беларуская меншасць у міжваеннай Латвіі здолела стварыць шматкампанентную сістэму беларускіх навучальных устаноў. Мэтамі гэтых навучальных устаноў былі ўзмацненне беларускай нацыянальнай свядомасці, падрыхтоўка кадраў для культурных і палітычных ініцыятыў беларускай меншасці ў Латвіі. Першыя беларускія школы з'явіліся ў 1921 г. Гэта адбылося дзякуючы дзеячам таварыства «Бацькаўшчына», якое ў першай палове 1920-х гг. адыгрывала галоўную ролю ў развіцці беларускага школьніцтва. Разгортванню сістэмы беларускіх школ спрыяла ліберальнае заканадаўства Латвійскай рэспублікі аб асветніцкіх установах нацыянальных меншасцей, прыхільнае стаўленне дзяржаўных улад да беларусаў, у якіх бачылі супрацьвагу іншым нацыянальным меншасцям. Ускладнялі развіццё беларускага школьніцтва недахоп фінансавання, разнагалосі між беларускімі дзеячамі, канфлікты беларусаў з польскімі, рускімі, латышскімі дзеячамі.

Установай, якая каардынавала працу беларускіх школ, быў Беларускі аддзел Міністэрства адукацыі Латвіі. Беларускі аддзел, як і першыя беларускія школы, з'явіўся запознена ў параўнанні з іншымі аддзеламі буйных нацыянальных меншасцей Латвіі – немцамі, рускімі, яўрэямі, палякамі. Гэта звязана з тым, што пераважная большасць воласцей са значным адсоткам беларусаў юрыдычна былі замацаваныя за Латвіяй толькі ў жніўні 1920 г.

Найбольшага маштабу беларускае школьніцтва дасягнула на пачатку 1923/1924 навучальнага года. Напярэдадні «Беларускага працэсу» 1925 г. з'явілася тэндэнцыя да памяншэння колькасці школ, якая працягнулася і пасля працэсу. Пасля перавароту К. Улманіса 1934 г. сістэма беларускіх школ амаль спыніла сваё існаванне – да лета 1940 г. засталася толькі адна школа.

Большасць навучальных устаноў, створаных беларусамі ў міжваеннай Латвіі, – пачатковыя школы. Іх выпускнікі маглі працягваць навучанне ў трох гімназіях (у Люцыне, Дзвінску і Рызе). Сярод беларускіх школ былі як дзяржаўныя, так і прыватныя навучальныя ўстановы. Пачынаючы з 1921 г. дзеячамі беларускага руху таксама была наладжаная падрыхтоўка педагогічных кадраў для беларускіх асветніцкіх ініцыятыў. Асобным накірункам асветніцкай дзейнасці беларускай меншасці была арганізацыя прафесійнага сельскагаспадарчага навучання.

Спіс літаратуры

1. Екабсонс Э. Беларусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 47–71.
2. Гжыбоўскі Е. Савецкая рэчаіснасць на бачынах беларускай газеты ў Латвіі «Голас беларуса» (1925–1929 гг.) // “Światła masz tyle w sobie...”. Ze studiów wschodniosłowiańskich. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015. S. 207–222.
3. Vēdišceva J. Mazākumtautību pamatizglītība Latvijā (1918-1940). Promocijas darbs pedagogijas doktora zinātniskā grāda iegūšanai. Rīga: Latvijas universitāte, 2010. 218 lpp.
4. Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск: Інбелкульт, 2015. 480 с.
5. Коваль В. У. Музыкае і тэатральнае мастацтва беларускай дыяспары (1918–1939) // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 32–36.
6. Latvijas Tautas Padomē pieņemtie likumi // Valdības Vēstnesis. 1919. Nr. 88. 17 decembrī. Lpp. 1–2.
7. Latvijas Tautas Padomē pieņemtie likumi // Valdības Vēstnesis. 1919. Nr. 89. 18 decembrī. Lpp. 1.
8. Jēkabsons Ē. Polskie, białoruskie i litewskie szkolnictwo na Łotwie w okresie międzywojennym // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Białyostok: Prymat, 2007. S. 211–220.
9. Езавітаў К. Беларусы ў Латвіі // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. № 36. Нью-Ёрк – Менск: Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва, 2013. С. 9-129.
10. Езавітаў К. Беларускае культурна-асветнае таварыства «Бацькаўшчына» ў Латвіі // Крыніца. 1997. № 7. С. 95–104.
11. Valdības darbība. Minisru kabineta sēde 1921. g. 18. oktobrī // Valdības Vēstnesis. 1921. Nr. 237. Lpp. 3.
12. Кастусёнак. Беларусы ў Латвіі // Сын Беларуса. 1924. № 7. С. 2.
13. Iecelšanas // Valdības Vēstnesis. 1925. Nr. 153. Lpp. 2.
14. Pēdejas ziņas. Iecelšanas // Daugavas Vēstnesis. 1925. Nr. 16–17. Lpp. 5.
15. Екабсонс Э. Политика Латвийского государства в отношении белорусов // Латвия – Беларусь: 1918–2018 / редкол. М. Королёв (гл. ред.) [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2018. С. 122–143.
16. Baltkrievu pamatskolu stundu plāni 1925./1926. māc. gadam // Valdības Vēstnesis. 1925. Nr. 183. Lpp. 2.
17. Сахарава В., Сахараў С. Выбраныя творы / уклад., камент. М. Казлоўскага, С. Панізьніка; прадм. М. Казлоўскага. Мінск: Кнігазбор, 2015. 560 с.
18. Беларусы ў Латвіі // Новае жыццё. 1923. № 11. С. 4.
19. Бѣлорусскій учительскій конгрессъ // Сегодня. 1923. № 175. С. 4.
20. Беларускае жыццё // Голас беларуса. 1925. 10 ліпеня. С. 3.
21. Grzybowski J. Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940 // Dzieje kultur czy zarzewie konfliktów? Problematyka mniejszości narodowych i etnicznych w Europie / pod redakcją T. Gajownika [i innych]. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2017. S. 33–48.
22. Арышты беларусаў у Латвіі // Сын беларуса. 1924. № 6. С. 4.
23. Беларускі дзяржаўным архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Ф. 3. Воп. 1. Спр. 256. Л. 39.
24. Iekšzeme // Daugavas Vēstnesis. 1925. № 1. Lpp. 2.
25. Lēmums Nr. A-913 1925. g. 10. julijā // Valdības Vēstnesis. 1925. Nr. 50. Lpp. 1.
26. БДАМЛМ. Ф. 403. Воп. 1. Спр. 43. Л. 4.
27. Беларускі аддзел узнавіў сваю працу // Покліч. 1926. № 3. С. 30–31.
28. Rīgas argabalt. reģistrac. nodaļa... // Valdības Vestnesis. 1925. Nr. 219. Lpp. 5.
29. Крывіцкія руны. Вып. III: Беларускі культурны мацярык у Латвіі / уклад., прадм., камент. М. Казлоўскага, С. Панізьніка. Мінск: Кнігазбор, 2019. 284 с.
30. Крывіцкія руны. Вып. II: Беларускі культурны мацярык у Латвіі / уклад., прадм., камент. М. Казлоўскага, С. Панізьніка. Мінск: Кнігазбор, 2017. 452 с.
31. Likums par Skolu konvenciju starp Latviju un Igauniju // Valdības Vēstnesis. 1934. Nr. 132. Lpp. 1–2.

References

1. Yekabsons E. Belarusians in Latvia in 1918–1940. *Belaruskaya dyaspara yak pasrednitsa u dyyalogu tsyvilizatsyy* [The Belarusian diaspora as an intermediary in the dialogue of civilizations]. Minsk, Bielaruski knihazbor Publ., 2001, pp. 47–71 (In Russian).
2. Grzybowski J. Soviet reality on the pages of the Belarusian newspaper in Latvia “Voice of the Belarusian” (1925–1929). “Światła masz tyle w sobie...”. *Ze studiów wschodniosłowiańskich* [“You have

so much light...”. From East Slavic studies]. Lublin, Wydawnictwo KUL Publ., 2015, pp. 207–222 (In Polish).

3. Vēdiščeva J. *Mazākumtautību pamatizglītība Latvijā (1918–1940). Promocijas darbs pedagogijas doktora zinātniskā grāda iegūšanai* [Primary education of national minorities in Latvia (1918–1940). Doctoral thesis for obtaining the scientific degree of doctor of pedagogy]. Riga, 2010, 218 p. (In Latvian).

4. Lyakhouski U. *Ad gomanautsau da gaysakou. Chynnasts' belaruskikh maladzyovykh arganizatsyy u 2-y palove XIX st. — 1-y palove XX st. (da 1939 g.)* [From Homan to the Haisaks. Activities of Belarusian youth organizations in the 2nd half of the XIX century – 1st half of the XX century (until 1939)]. Smolensk, Inbelkul't Publ., 2015. 480 p. (In Belarusian).

5. Koval V. U. Musical and theatrical art of the Belarusian diaspora (1918–1939). *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2016, no. 5, pp. 32–36 (In Belarusian).

6. Laws adopted by the Council of the People of Latvia. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1919, no. 88, pp. 1–2 (In Latvian).

7. Laws adopted by the Council of the People of Latvia. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1919, no. 89, pp. 1 (In Latvian).

8. Jēkabsons Ē. Polish, Belarusian and Lithuanian education in Latvia in the interwar period. *Rola ošwiaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim* [The role of education and schooling in the process of shaping national identification in the Polish-Lithuanian-Belarusian borderland]. Białystok, Prymat Publ., 2007, pp. 211–220 (In Polish).

9. Yezavitau K. Belarusians in Latvia. *Zapisy belaruskaga instytutu navuki y mastatstva. № 36* [Records of the Belarusian Institute of Science and Art. No. 36]. New York, Minsk, Belaruskii Instytut Navuki y Mastatstva Publ., 2013, pp. 9–129 (In Belarusian).

10. Yezavitau K. Belarusian cultural and educational society ‘Batskaushchyna’ in Latvia. *Krynica* [Source], 1997, no. 7, pp. 95–104 (In Belarusian).

11. Government Action. Cabinet meeting on October 18, 1921. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1921, no. 237, p. 3 (In Latvian).

12. Kastusyonak. Belarusians in Latvia. *Syn Belarusa* [Son of a Belarusian], 1924, no. 7, p. 2 (In Belarusian).

13. Appointments. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1925, no. 153, p. 2 (In Latvian).

14. Latest news. Appointments. *Daugavas Vēstnesis* [Daugava Gazette], 1925, no. 16–17, p. 5 (In Latvian).

15. Yekabsons E. The policy of the Latvian state towards Belarusians. *Latviya – Belarus': 1918–2018* [Latvia – Belarus: 1918–2018]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2018, pp. 122–143 (In Russian).

16. Lesson plans of Belarusian primary schools for the year 1925/1926. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1925, no. 183, p. 2 (In Latvian).

17. Sacharava V., Sacharau S. *Vybranyua tvory* [Selected works]. Minsk, Knigazbor Publ., 2015. 560 p. (In Belarusian).

18. Belarusians in Latvia. *Novaye zhyts'tsyo* [New life], 1923, no. 11, p. 4 (In Belarusian).

19. Belarusian Teachers' Congress. *Segodnya* [Today], 1923, no. 175, p. 4 (In Russian).

20. Belarusian life. *Golas Belarusa* [Voice of a Belarusian], 1925, July 10, p. 3 (In Belarusian).

21. Grzybowski J. Polish-Belarusian relations in Latvia in 1920–1940. *Dzieje kultur czy zarzewie konfliktów? Problematyka mniejszości narodowych i etnicznych w Europie* [The history of cultures or the source of conflicts? The issues of national and ethnic minorities in Europe]. Olsztyn, Wydawnictwo UWM Publ., 2017, pp. 33–48 (In Polish).

22. Arrests of Belarusians in Latvia. *Syn Belarusa* [Son of a Belarusian], 1924, no. 6, p. 4 (In Belarusian).

23. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art. Fund. 3. L. 1. F. 256. P. 39.

24. Interior news. *Daugavas Vēstnesis* [Daugava Gazette], 1925, no. 1, p. 2 (In Latvian).

25. Decision no. A-913 of July 10, 1925. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1925, no. 50, p. 1 (In Latvian).

26. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art. Fund. 403. L. 1. F. 43. P. 4.

27. The Belarusian department renewed its work. *Poklich* [Call], 1926, no. 3, pp. 30–31 (In Belarusian).

28. Registration Department of the Riga District Court. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1925, no. 219, p. 5 (In Latvian).

29. *Kryvitskiya runy. Vyp. III: Belaruskii kul'turny matsyaryk u Latvii* [Kryvičy's runes. Issue III: Belarusian cultural heritage in Latvia]. Minsk, Knihazbor Publ., 2019, 284 p (In Belarusian).

30. *Kryvitskiya runy. Vyp. II: Belaruski kul'turny matsyaryk u Latvii* [Kryvičy's runes. Issue II: Belarusian cultural heritage in Latvia]. Minsk, Knihazbor Publ., 2017, 452 p (In Belarusian).

31. Law on the School Convention between Latvia and Estonia. *Valdības Vēstnesis* [Government Gazette], 1934, no. 132, pp. 1–2 (In Latvian).

Інфармацыя пра аўтара

Чарняўскі Аляксандр Генадзьевіч – аспірант Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (230023, г. Гродна, вул. Ажэшкі, 22, Рэспубліка Беларусь); настаўнік гісторыі ДУА «Сярэдняя школа № 3 г. Скідзеля». E-mail: charniauski.alaksandr1999@gmail.com

Information about the author

Charniauski Aliaksandr Hienadzjevich – PhD student, Yanka Kupala Grodno State University (22, Azheshka str., 230023, Hrodna, Belarus); history teacher at Skidziel School no. 3. E-mail: charniauski.alaksandr1999@gmail.com

Паступіў 28.02.2023

УДК: 94 (476)«1919/1925»+394.2(476)

А. В. Денисов

Белорусский национальный технический университет

**ВОЕННЫЙ ПАРАД И ПОЛИТКАРНАВАЛ. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ
МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ В СТ ОЛИЦЕ БССР В 1919–1925 ГГ.**

В статье на основе широкого круга синхронных источников описываются различные виды проведения новых советских торжеств в Минске с 1919 по 1925 г. Если в начале 1930-х гг. был окончательно сформирован «канон», по которому проводились советские праздники, то в ранний период существования Советского государства шел активный поиск новых форм и направлений организации и проведения главных памятных дат как общегосударственного, так и местного национального масштаба. В БССР предпринимались попытки найти альтернативу массовой демонстрации и военному параду как главной доминанте праздника. Власти уделяли праздникам большое внимание, поскольку они выполняли важную агитационную функцию, наглядно показывали массам правильность выбранного политического курса, являлись средством мобилизации граждан. Для проведения праздника в городской среде организовывались специальные комиссии, которые определяли маршрут передвижения демонстрантов по городу, места празднования, средства и длительность празднования. Среди форм празднования в данный период можно выделить передвижные концерты, вечера памяти, открытие монументов и памятников, военные парады, массовые художественные действия с вовлечением в представление зрителей, детские праздники, факельные шествия и парады аэропланов. К 1925 г. кроме главной демонстрации и военного парада большую роль в праздновании начинает играть политкарнавал – шествие загримированных артистов, выполнявших роль живых символов и сатирических образов, которое заканчивалось большим представлением.

Ключевые слова: массовые праздники, Первомай, парады, демонстрации, агитация и пропаганда в БССР, празднование 11 июля, День освобождения Минска от белополяков, политкарнавал.

Для цитирования: Денисов А. В. Военный парад и политкарнавал. Организация и проведение массовых праздников в столице БССР в 1919–1925 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2023. № 1 (269). С. 73–79. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-13.

A. V. Denisov

Belarusian National Technical University

**MILITARY PARADE AND POLITICAL CARNIVAL. ORGANIZATION AND HOLDING
OF MASS CELEBRATIONS IN THE CAPITAL OF THE BSSR IN 1919–1925**

Based on a wide range of synchronous sources, the article describes various types of holding new Soviet celebrations in Minsk in the period from 1919 to 1925. If in the early 1930s since the «canon of celebrations» was finally formed, according to which Soviet holidays were held, in the early period of the existence of the Soviet state there was an active search for new forms and directions for organizing and holding the main memorable dates, both national and local national scale. In the BSSR, attempts were made to find an alternative to a mass demonstration and a military parade as the main dominant of the holiday. The authorities paid great attention to the holidays, since they performed an important propaganda function, clearly showed the masses the correctness of the chosen political course, and were a means of mobilizing citizens. To hold the holiday in the urban environment, special commissions were organized, which determined the route of movement of the demonstrators around the city, the places of celebration, the means and duration of the celebration. Among the forms of celebration during this period, one can single out traveling concerts, memorial evenings, the opening of monuments and monuments, military parades, mass artistic performances with the involvement of the audience in the performance, children's parties, torchlight processions and parades of airplanes. By 1925, in addition to the main demonstration and military parade, a political carnival began to play an important role in the celebration – a procession of made-up artists who played the role of living symbols and satirical images, which ended with a big performance.

Keywords: mass celebrations, 1 May, parades, demonstrations, agitation and propaganda in the BSSR, July 11 celebration, Day of the liberation of Minsk from the White Poles, political carnival.

For citation: Denisov A. V. Military parade and political carnival. Organization and holding of mass celebrations in the capital of the BSSR in 1919–1925. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 73–79 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-13.

Введение. Празднование годовщин важных политических событий и исторических дат в городском пространстве остается актуальным в настоящее время. В первые годы интенсивного социально-политического, культурного и государственного строительства Советской Беларуси происходила апробация разных форм проведения публичных торжеств главных праздников: 1 Мая, Годовщины Октябрьской революции, освобождения Беларуси от белополяков и др.

Основная часть. Одним из первых массовых советских торжеств в Минске была Первая годовщина создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) 23 февраля 1919 г. Для подготовки к празднованию было создано специальное бюро «по организации дня празднества», а также президиум объединенного хора «по устройству праздника Годовщины Красной армии и «Красного подарка» [1, с. 4]. Последний предпринял попытку объединить все певчие хоры города в один коллектив для исполнения революционных песен и гимнов. В феврале – марте 1919 г. в Минске действовал губернский отдел изобразительных искусств при Народном комиссариате просвещения Лит-Бел ССР, возглавляемый художником Дмитриевым В. В. Силами отдела к Первой годовщине создания РККА центральные улицы Минска были украшены лозунгами, плакатами, флагами, арками и панно.

Над праздничным оформлением города работали художники Цехановский М. М. и Стржеминский В. М. [2, с. 4].

23 февраля 1919 г. в Минске на площади Свободы состоялся торжественный митинг, который сопровождался выступлением руководства ЦК КП(б) Беларуси, парадом частей РККА и демонстрацией трудящихся [3, л. 82]. Под пение объединенного хора и аккомпанемент оркестров в сквере на площади Свободы на месте памятника императору Александру I состоялось открытие статуи красноармейца из дерева и жести по проекту М. М. Цехановского.

Торжественные митинги и собрания прошли во всех главных зданиях города, в театрах и домах культуры были показаны спектакли на революционную тематику. Вечером в городе зажглись праздничные эмблемы с электрической подсветкой. Кроме этого, в Минске находился военно-подвижной фронтальной литературно-инструкторский поезд имени В. И. Ленина, коллектив которого участвовал в праздничных мероприятиях и раздавал агитационную литературу и листовки [4, с. 3].

События советско-польской войны прервали практику революционных праздников, с апреля 1919 по 11 июля 1920 г. Минск был занят польскими частями. Одновременно в Советском государстве в 1920–1921 гг. было решено отказаться от

общегородских процессий в дни праздников из-за падения интереса к ним со стороны общественности. Праздничный митинг и шествие не сильно отличались от собраний и манифестаций, которые в период Февральской и Октябрьской революций были достаточно частым явлением.

Предпринимались попытки введения новых форм участия масс в праздниках и торжествах. Например, 1 мая 1920 г. в крупных городах РСФСР вместо общегородских демонстраций решили провести массовые субботники, а также демонстрацию зрелищ и спектаклей. В качестве яркого примера может служить Первомай в Витебске 1920 г., где силами группы УНОВИС (Утвердители нового искусства) под руководством К. С. Малевича оформили центральные улицы города в супрематистской стилистике [5, с. 77–78].

В 1921 г. в Советском государстве продолжались эксперименты с формами праздничных мероприятий. Минск не остался в стороне, особо красочным было празднование 1 Мая. Организаторы торжеств отказались от общегородской демонстрации как главной части городского праздника, сосредоточившись на митингах, собраниях и художественно-спортивных мероприятиях в различных частях города. Несмотря на подобную децентрализацию и отсутствие главного шествия-парада, празднования в Минске отличались большим масштабом [6, с. 4].

Накануне 30 апреля с песнями по улицам проследовали комсомольцы и военные. Утром 1 мая прошли торжественные митинги, где состоялось чествование героев труда.

Особое внимание было уделено мероприятиям для учеников городских школ и беспризорников: детские игры, спектакли и концерты прошли в Клубе молодежи на ул. Богадельной (совр. ул. Комсомольская), городском велотреке (совр. парк имени М. Горького), Троицкой площади (район совр. Суворовского училища и сквера у Оперного театра), Комаровке и Серебрянке (район совр. ул. Аранской), в городских театрах, клубах и др. Игры сопровождалась раздачей подарков и катанием детей на автомобилях.

Вторым новшеством для городского пространства стали «летучие концерты-митинги»: группы артистов и музыкантов с 12 до 21 ч выступали перед собравшимися горожанами в различных частях города. В репертуаре коллективов были революционные песни, сценки и пьесы. Разыгрывалась агитационная пьеса «Петрушка» авторства С. Я. Маршака.

Во время представлений на Троицкой площади присутствовало большое количество польских военнопленных. Финалом художественной части было массовое театральное действо в 21 час на площадке городского велотрека, организованное драматургами Мировичем Е. А., Литвиновым Л. М.

и Бейтлером (*подробная информация о последнем отсутствует – Д.*), с сожжением деревянной статуи капитала в финале [7, с. 3].

В 19:30 на площади Свободы был торжественно открыт Обелиск имени Минского совета, который представлял собой деревянную трибуну-монумент, украшенную портретами вождей и цитатами из Конституции БССР 1919 г. Проект был разработан художником Ульпи Б. (*подробной информации о последнем нет – Д.*). В присутствии собравшихся состоялось поднятие флага на мачте обелиска.

Вечером 1 мая в Минске в Александровском сквере, городском саду (совр. парк имени М. Горького) и площади Свободы прошли кинематографические сеансы.

2-го мая детские утренники и мероприятия в городе продолжались. Кроме этого, празднование распространилось на городские окрестности: артисты государственного театра провели представления под общим названием «Праздник в деревне» для жителей Лошицы, был организован выезд для комсомольцев, рабочих и солдат на декоративном составе в имение Козырево (район совр. ул. Козыревской).

Празднование годовщины Октябрьской революции имело масштаб камерного мемориального мероприятия. 6 и 7 ноября в закрытых помещениях в присутствии рабочих, курсантов и учащихся состоялась выступления докладчиков и «старых революционеров», которые делились с аудиторией воспоминаниями о былых днях подпольной революционной борьбы, истории революционного движения в России и Беларуси, борьбы на баррикадах, революционных событиях, делали доклады о новой экономической политике.

Подобные собрания прошли во всех театрах и клубах Минска: Городском театре, «Белом зале» (Дом общества любителей изящных искусств, ул. К. Маркса, 17), кинотеатре «Гигант» (район пр. Независимости, 22), здании Внешторга (площадь Свободы, 7), Камерном театре (площадь Свободы, 4), Клубе имени Свердлова (пересечение совр. ул. Кирова и Ленина) и др. Всего в Минске одновременно состоялось более 30 таких вечеров [8, с. 3]. Выступление докладчиков открывалось «Интернационалом» и поминанием павших в борьбе героев, а в финале проходили концерт или спектакль, пение революционных песен, декламация стихов.

Среди проведенных собраний выделялся «Вечер памяти», устроенный 6 ноября для заключенных Минского концентрационного трудового лагеря. Это исправительно-трудовое учреждение было открыто в марте 1921 г. на территории комплекса Доминиканского монастыря по ул. Петропавловской, Крещенской (совр. ул. Интернациональная) и ул. Юрьевской (совр. территория

Дворца Республики). В лагере содержались заключенные, осужденные за экономические преступления, бандитизм и антибольшевистскую деятельность.

В системе первых советских лагерей практиковали различные способы агитационного воздействия. Большевистское руководство ставило перед лагерной администрацией задачи перевоспитания заключенных принудительным трудом на благо социалистического общества. Вечер воспоминаний о революционных событиях завершился спектаклем с участием самих заключенных [9, с. 3].

1922 г. ознаменовал собой возвращение к форме общегородских шествий, демонстрация вновь стала центральным местом советского праздника. С этого момента празднование годовщин и важных дат в Минске приобрело более четкую и постоянную структуру.

Примером может служить 1 Мая 1922 г. Минский исполнительный комитет 28 апреля разослал всем частным домовладельцам, заведующим муниципализированными домами, домовым комитетам предписание: ко дню праздника очистить улицы от мусора, украсить дома красными флагами, а балконы зеленью и флажками, все торговые-промышленные заведения закрыть [10, с. 4]. Над оформлением центральных улиц города работали бригады художников.

Созданная для проведения торжеств комиссия при Центральном бюро ЦК КП(б) Беларуси выбрала местом главного митинга Троицкую площадь, где должны были собраться демонстрации трудящихся и части РККА для торжественного принятия «красной присяги» и парада. Для подготовки к параду при политическом управлении РККА Западного фронта была организована фронтовая комиссия. Силам минского гарнизона было поручено провести расчистку Троицкой площади, украсить здания, занимаемые воинскими частями. Помимо участия в параде кавалерийских и пехотных частей было решено устроить воздушные маневры и инсценировки на аэропланах над городом. На праздник выделялось 2 дня: 30 апреля – «День просвещения»: просветительские мероприятия, собрания, лекции и вечернее празднование; 1 мая – «Первомай»: основные праздничные мероприятия с парадом и демонстрацией. За расстановку колонн демонстрантов и маршрут их передвижения отвечал начальник управления милиции и угрозыска БССР Кроль Е. М. [11. л. 16].

Вечером 30 апреля в Городском театре состоялось торжественное заседание коммунистической организации. С речью выступил секретарь Центрального бюро КП(б) Беларуси Кнорин В. Г. В завершение собравшимся был показан «танец Красной Армии» в исполнении балерины Николаевой А. В.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1922 г. в городе впервые прошло «факельное шествие трех поколений»: пионеров, комсомольцев и коммунистов. Молодые люди прошли с горящими факелами и красными знаменами по ул. Советской (совр. пр. Независимости) до площади Свободы, где их встретили коммунисты и красноармейцы [12, с. 3]. В первой половине XX в. многие социалистические партии и молодежные организации Европы практиковали подобные действия во время праздников.

С этого времени факельные процессии стали проходить при каждом праздновании 1 Мая, 7 ноября и ряда других дат (например, МЮДа – Международного юношеского дня). Перед шествием по распоряжению комиссий Горисполком заготавливал более 100 факелов [13, л. 17].

В первой половине дня на площади Свободы состоялся массовый митинг с участием коммунистов, комсомольских и профсоюзных организаций, на котором выступил председатель ЦИК БССР Червяков А. Г. После этого колонны демонстрантов под звуки оркестра двинулись к Троицкой площади.

Маршрут демонстрации проходил через центральные улицы города: по Губернаторской (ул. Ленина), Советской (совр. пр. Независимости), Пролетарской и Широкой. На Троицкой горе состоялась принесение торжественной присяги красноармейцев – одного из главных военных ритуалов советского времени. После этого состоялся парад частей РККА, который с трибуны приветствовали первые лица государства: Кнорин В. Г., Червяков А. Г., нарком по военным делам БССР Адамович И. А.

После главной демонстрации в городе начались мероприятия в отдельных районах: спортивные состязания на велотреке, митинг и открытие клуба в Нижней Ляховке (совр. район ул. Октябрьской), митинг с концертом в Клубе имени К. Маркса, спектакль для еврейских рабочих в Городском театре и др. На улице Советской у дома ЦК КП(б) Беларуси состоялся митинг и выступление группы артистов. Репертуар пьес и постановок также тщательно отбирался. Преобладала героическая тематика: «Город в кольце» К. С. Минина, «Жан и Мадлен» Октава Мирбо, «Враги» А. М. Горького и т. д. [11, л. 50]

Публикации в прессе, описывающие празднование, обратили внимание на участие в митинге иностранных граждан, в частности представителей от швейцарской организации «Красный Крест».

В газете сообщалось: «В публике, принявшей их за немцев, раздаются возгласы:

– Пришли, голубчики, германско-русский договор подействовал. И незлобной иронией звучат брошенные кем-то слова: «Союзники» [14, с. 3].

Возвращение к общегородским шествиям произошло на фоне Генуэзской конференции, на которой Советское государство стремилось добиться статуса на международном уровне. В передовицах советских газет первомайские праздники и международная политика располагались рядом, а всенародные демонстрации описывались как веское доказательство легитимности власти большевиков, поддерживаемой широкими массами. Присутствие иностранных гостей, дипломатов и журналистов на трибунах, символизирующих собой международное признание, тоже стало одной из отличительных черт праздничных парадов и митингов.

Во второй половине дня проходили гулянья в Городском саду, спортивные состязания и детские игры на велотреке, в 21:00 в клубах и театрах продолжались концерты и киносеансы [15, с. 5].

Празднование очередной годовщины Октябрьской революции проходило по схожему сценарию, под девизом «Праздник Победы». Местами массовых собраний были площадь Парижской коммуны, откуда демонстранты проследовали торжественным маршем к городскому театру, где был открыт памятник Карлу Марксу [16, л. 6].

Техническая комиссия по организации праздника позаботилась об электрической иллюминации центральных зданий города, Александровского и Виленского вокзалов, а также домов по маршрутам шествий вечером 6 и 7 ноября, над городом летали аэропланы с прожекторами. С 1923 г. зрелищные полеты до 25 аэропланов над площадями Парижской коммуны, Свободы и городским велотреком должны были убедить обывателей в мощи советского воздушного флота [16, л. 17].

В 1923 г. произошло еще одно важное событие: постановлением ЦИК Совета БССР 11 июля День освобождения столицы Беларуси от белогвардейско-панской польской армии и власти помещиков и капиталистов был объявлен республиканским праздником. Для празднования 3-й годовщины освобождения была создана специальная организационная комиссия [17, с. 5].

Новый республиканский праздник 10 июля был отмечен собраниями и докладами в клубах и рабочих коллективах. 11 июля в 11 утра на площади Свободы состоялся торжественный парад частей РККА под командованием П. Е. Дыбенко и Я. Ф. Фабрициуса. Затем колонны демонстрантов прошли к зданию Городского театра, где состоялось торжественное заседание Минского горсовета. Вечером проходили народные гулянья, концерты и массовые действия [18, с. 4]

В дальнейшем (1924–1925 гг.) массовые действия, постановки с участием загримированных актеров, живых карикатур и плакатов, сцены на митингах и во время шествий стали приобретать больший размах и получили название «политкарнавала». Среди сюжетов, показываемых публике,

преобладали революционные события, борьба с белополяками, международное положение СССР и экономическое строительство. Среди сюжетов, показываемых публике, преобладали революционные события, борьба с белополяками, международное положение и СССР и экономическое строительство. Коллективы трудящихся помимо флагов несли символы и эмблемы своих предприятий: каравай хлеба, обувь, станки, папиросы, детали машин.

Распространенной темой на политкарнавале была сатира на врагов Советского государства. Во время празднования 7 ноября 1924 г. артисты, объединенные в карикатурные карнавалы группы, изображали живые плакаты и карикатуры: «женщина-кооперация едет верхом на нэпмане», «Франция ведет на поводке несколько сабак разных пород, символизирующих государства «малой Антанты», «загримированные белорус, еврей, поляк и русский, идущие рука об руку», «повозка, запряженная евреем, белорусом и русским, в которой едет польский воевода с плакатом “На Кресах все спокойно”», «китаец подает руку советскому рабочему» и т. д. [19, л. 51–52]. Отдельные сценки и миниатюры во время шествий и митингов готовили зрителей к кульминации – массовому театрализованно-карнавалному действию, воссоздававшему важные события победы большевиков.

Торжества 11 июля 1925 г. прошли под общей концепцией «День Победы» – победы над оккупантами и второго провозглашения Белорусской республики. Помимо торжественного заседания и военного парада на площади Победы, в Городском саду и велотреке состоялись детские праздники и спортивные мероприятия.

Важной частью празднования стало масштабное двухчасовое карнавальное действо, организованное тетральной группой «Синяя блуза», комсомольцами и армейскими частями. Оно разыгрывалось от ул. Урицкого до Красноармейской, от ул. К. Маркса до площади Свободы, по ул. Советской и Ленинской (совр. Ленина) [20, с. 4]. Зрителям была показана инсценировка событий советско-польской войны: захват Минска, самоуправство оккупантов, уличные бои, бегство неприятеля, освобождение города. Действо сопровождалось шумовыми эффектами и музыкой оркестра.

Отличительной чертой театрализованной реконструкции было прямое взаимодействие труппы с публикой и превращение последней в участников перформанса: «Минск во власти белополяков. Трепыхающиеся по воздуху беломалиновые флажки. Разыгрываются сцены грабежа и разгрома. Инсценировка продолжается. Вот группа “польских офицеров” окружила “седобородого с длинной, предлинной бородой еврея” и, несмотря на его

вопли и протесты, отрезает бороду... Польские патрули, разъезжая по улицам, пытаются отобразить “культурное” панское обхождение. “Шпики”, шныряя в толпе, “арестовывают” зрителей и, осыпая их польскими ругательствами, тащат “до посторунка”». Как отмечалось в репортаже, зрители, впечатленные реалистичной игрой, испытывали сильные эмоции, кидались с кулаками на артистов и ликовали во время сцен освобождения [21, с. 4].

Празднование 8-й годовщины Октябрьской революции было запланировано отметить грандиозными акциями, но в связи с траурной неделей по случаю кончины М. В. Фрунзе военный парад на площади Парижской коммюны отменили. Тем не менее демонстранты были построены в 7 колонн, каждая из которых двинулась от места сбора своим маршрутом к площади Свободы, где прошел торжественный митинг. Со специально построенной трибуны руководство БССР, военные чины и иностранные гости приветствовали собравшихся [22, с. 2].

Заключение. Таким образом, в 1919–1925 гг. происходила трансформация способов и подготовки советских праздников. На проведение праздников влияли как общие культурные и идеологические тенденции в Советском государстве, так и локальные особенности. Площади и районы Минска стали своеобразной территорией экспериментов при реализации различных праздничных сценариев.

В 1919 г. близость фронта и война с Польской республикой серьезно ограничили возможность проведения праздников в Минске, главным из которых стала Первая годовщина создания РККА. Достигла преобладания эстетика военного парада, смотра войск и демонстрации силы как сторонникам большевиков, так и их противникам.

1921 г. характеризовался серией экспериментальных сценариев: отказ от единой общегородской демонстрации на 1 Мая и 7 ноября и замена большим количеством локальных мероприятий в разных частях города. В этот недолгий период среди праздничных мероприятий преобладали утренники, детские игры, локальные митинги, летучие концерты, спортивные состязания и театрализованные постановки.

Годовщина Октябрьской революции была встречена «вечерами памяти» и мемориальными церемониями, проведенными в клубах, домах культуры, театрах и даже в исправительных учреждениях. Доклады и воспоминания, которые зачитывались для аудитории и публиковались затем в прессе, были частью политики памяти, которые проводила большевистская власть.

С 1922 г. произошло возрождение общегородской демонстрации как главного события

праздника, в ее основе стояла идея мобилизации и демонстрации сил.

В Минске, где находился крупный гарнизон, праздничные демонстрации начинались с военного парада с новейшей боевой техникой (аэропланами). Планы комиссий по подготовке празднования и публикации в прессе акцентировали внимание на массовости демонстраций и сплоченности их участников.

С этого момента праздничные демонстрации позиционировались как торжества национального государственного характера, обращались к более широкому кругу населения. Этот мотив звучал в описании торжеств 1 Мая и 7 ноября. С 1923 г. национальным праздником для Советской Беларуси стал День освобождения Минска от белополюков 11 июля. С освобождением столицы БССР связывали и важнейший период провозглашения белорусской государственности.

В 1923–1925 гг. во время массовых демонстраций все большее внимание начало уделяться театрализованному постановкам, сценам и образам политической сатиры. В их сюжетах

преобладали темы достижений государственного, культурного и социально-политического строительства в Беларуси, карикатурные образы классовых врагов. Благодаря расцвету самодеятельного искусства, клубным и театральным кружкам в Минске начали проводиться политкарнавалы.

Массовые действия, демонстрирующие сцены из революционных событий и Гражданской войны, проводились с целью выработки у зрителей идеологически правильного взгляда на недалекое прошлое. Несмотря на то, что сюжеты и образы определялись заранее, для артистов при взаимодействии с демонстрантами и зрителями оставалось поле для импровизации.

Во все периоды при подготовке к праздникам большое внимание уделялось художественному оформлению городского пространства: украшению зданий и улиц флагами, арками, плакатами и транспарантами; созданию трибун, памятников и монументов; иллюминации домов; фейерверкам; художественному оформлению грузовиков с демонстрантами.

Список литературы

1. Звезда. 1919. 19 февраля. С. 4.
2. Искусство коммуны. 1919. 23 марта. С. 4.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16.
4. Звезда. 1919. 25 февраля. С. 3.
5. Шатских А. Витебск. Жизнь искусства, 1917–1922. М.: Языки русской культуры, 2001. 258 с.
6. Звезда. 1921. 28 апреля. С. 4.
7. Звезда. 1921. 5 мая. С. 3.
8. Звезда. 1921. 6 ноября. С. 3.
9. Звезда. 1921. 9 ноября. С. 3.
10. Звезда. 1922. 28 апреля. С. 4.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 935.
12. Звезда. 1922. 3 мая. С. 3.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 942.
14. Звезда. 1922. 3 мая. С. 3.
15. Звезда. 1923. 29 апреля. С. 5.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 942.
17. Звезда. 1923. 9 ноября. С. 4.
18. Звезда. 1923. 10 июля. С. 5.
19. НАРБ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 22.
20. Звезда. 1925. 10 июля. С. 4.
21. Звезда. 1925. 14 июля. С. 4.
22. Звезда. 1925. 5 ноября. С. 2.

Referenses

1. *Zvyazda* [Zviyazda], 1919, February 19, p. 4 (In Russian).
2. *Iskusstvo kommuny* [The art of the commune], 1919, March 23, p. 4 (In Russian).
3. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund. 4p. I. 1. F. 16.
4. *Zvyazda* [Zviyazda], 1919, February 25, p. 3 (In Russian).
5. Shatskikh A. *Vitebsk. Zhizn'iskusstva, 1917–1922* [Vitebsk. Life of Art, 1917–1922]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. 258 p. (In Russian).
6. *Zvyazda* [Zviyazda], 1921, April 28, p. 4 (In Russian).
7. *Zvyazda* [Zviyazda], 1921, May 5, p. 3 (In Russian).
8. *Zvyazda* [Zviyazda], 1921, November 6, p. 3 (In Russian).

9. *Zvyazda* [Zviazda], 1921, November 9, p. 3 (In Russian).
10. *Zvyazda* [Zviazda], 1922, April 28, p. 4 (In Russian).
11. NARB. Fund. 4p. I. 1. F. 935.
12. *Zvyazda* [Zviazda], 1922, May 3, p. 3 (In Russian).
13. NARB. Fund. 4p. I. 1. F. 942.
14. *Zvyazda* [Zviazda], 1922, May. 3, p. 3 (In Russian).
15. *Zvyazda* [Zviazda], 1923, April 29, p. 5 (In Russian).
16. NARB. Fund. 4p. I. 1. F. 942.
17. *Zvyazda* [Zviazda], 1923, November 9, p. 4 (In Russian).
18. *Zvyazda* [Zviazda], 1923, July 10, p. 5 (In Russian).
19. NARB. Fund. 307. I. 1. F. 22.
20. *Zvyazda* [Zviazda], 1925, July 10, p. 4 (In Russian).
21. *Zvyazda* [Zviazda], 1925, July 14, p. 4 (In Russian).
22. *Zvyazda* [Zviazda], 1925, November 5, p. 2 (In Russian).

Информация об авторе

Денисов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Социальное управление». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65. Республика Беларусь). E-mail: dzianisau.1982@gmail.com

Information about the author

Denisov Anton Vladimirovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). Email: dzianisau.1982@gmail.com

Поступила 02.03.2023

УДК 355.233.233.1:378

М. К. Клишко

Белорусский национальный технический университет

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ И ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА МИНГУБВОЕНКОМАТА В 1920 Г.

В статье исследуется проведенная Минским губернским военным комиссариатом (Мингубвоенкомат) агитационно-пропагандистская политико-просветительская работа в июле – августе 1920 г. Анализируется алгоритм создания агиттроек. На основе архивных материалов рассматривается их работа, результатом которой стала успешно проведенная мобилизация, возросший интерес населения к политике, проводимой большевиками. Делается вывод о том, что агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа Мингубвоенкомата стала важным фактором укрепления советской власти, а агиттройка – успешной формой ее проведения.

Ключевые слова: Красная Армия, губвоенкомат, агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа, агиттройка, дезертирство, мобилизация.

Для цитирования: Клишко М. К. Агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа Мингубвоенкомата в 1920 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 80–85. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-14.

M. K. Klimko

Belarusian National Technical University

THE AGITATIONAL-PROPAGANDA AND POLITICAL-EDUCATIONAL WORK OF THE MINSK PROVINCIAL MILITARY COMMISSARIAT IN 1920

The article investigates the agitational-propaganda and political-educational work carried out by the Minsk Provincial Military Commissariat in July – August 1920. The algorithm for creating the agitational troyka is analyzed. The work of agitational troykas, which resulted in the successful mobilization, an increased interest of the population in the politics pursued by the Bolsheviks, is considered on the basis of archival materials. It is concluded that the agitational-propaganda and political-educational work of Minsk Provincial Military Commissariat has become an important factor in strengthening Soviet power, and agitational troyka are the successful form of its conducting.

Keywords: Red Army, Gubernia Military Commissariat, agitation and propaganda and political and educational work, agitation, desertion, mobilization.

For citation: Klimko M. K. The agitational-propaganda and political-educational work of the Minsk Provincial Military Commissariat in 1920. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 80–85 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-14.

Введение. В 1920 г., после освобождения Беларуси от польской оккупации, создание и укрепление авторитета советской власти и Красной Армии в восприятии населения Беларуси было той задачей, за своевременным решением которой стояла возможность осуществления результативной борьбы с бандитизмом и дальнейшего укрепления советской власти, так как только принимаемыми жесткими мерами ответственности в долгосрочной перспективе данные вопросы не могли быть решены. Учитывая неграмотность и непросвещенность населения в вопросах политики, лидеры большевиков первоочередными задачами обозначали ликвидацию неграмотности и проведение активной агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы. Создание агиттроек из представителей военных, партийных организаций и союза молодежи стало той формой проведения агитационно-пропагандистской и политико-просветительской

работы среди красноармейцев и населения, которая позволила большевикам, с очевидной поддержкой населения, успешно формировать новую государственную систему.

В отечественной историографии, диссертациях, статьях и монографиях исследованы различные аспекты польско-советской войны. Так, А. Н. Чернякевичем проанализирована политика Польши на оккупированных территориях Беларуси [1], А. П. Грицкевичем уделено внимание политическим процессам [2], А. Н. Куксой раскрыта деятельность общественных организаций, политических партий и госструктур [3, 4], Н. Е. Мусиной проанализирована проводимая государственная молодежная политика [5], В. В. Даниловичем исследована роль молодежи, общественных организаций и СМИ в агитационно-пропагандистской работе [6], А. А. Райченком освещена реализация идеи белорусской государственности [7]. Таким образом, вопрос проводимой военными

структурами агитационной, пропагандистской и просветительской работы не стал отдельным предметом исследования. Между тем изучение осуществляемой Мингубвоенкоматом агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы позволяет более детально раскрыть роль военных структур в укреплении советской власти в 1920 г. на территории Беларуси.

Основная часть. 11 июля 1920 г. был освобожден от польской оккупации г. Минск. 14 июля 1920 г. в Минск прибыл и начал свою деятельность под руководством И. А. Адамовича Минский губернский военный комиссариат. Принимая во внимание «исключительные условия», в которых находилась после польской оккупации Минская губерния, И. А. Адамович обращал самое серьезное внимание на политико-просветительскую работу среди красноармейцев и местного населения. Для установления «тесной и постоянной связи» между комиссариатами, партийными организациями и союзами коммунистической молодежи предписал приказом № 5 от 21.07.1920, Политпросветотделу Губвоенкомиссариата «создать во всех уездах при Военкомиссариатах Чрезвычайные Агитационные Тройки из представителей Уездвоенкомиссариата (Пом. Уездвоенкома), Укомпарта и Союза Коммунистической молодежи, для коих выработать и срочно разослать подробные инструкции» [8, л. 87].

Одновременно с Мингубвоенкоматом начали свою работу Минский губполитпросвет, которая координировалась политико-просветительским управлением Западного окружного комиссариата по военным делам. Так, 21 июля 1920 г. Минскому губполитпросветотделу поступила телеграмма с пометкой «В.СРОЧНО» за № 2340/5928, в которой выражалось предположение о том, что в связи с опубликованием ноты Английского правительства боевой энтузиазм красноармейцев «может ослабеть» и это может «послужить выгодой мировой контр-революции, ибо Английское правительство преследует цель не миролюбия и справедливости, как это оно трубит в своей ноте, а цель поддержки падающей от ударов Красной Армии панской шляхетской Польши» [9, л. 10]. Поэтому губполитпросветотделам предписывалось срочно развивать сильную агитацию с проведением митингов среди красноармейцев и населения во всех городах и волостях. Для осуществления агитации политико-просветительским управлением Западного окружного комиссариата по военным делам были предложены двенадцать тезисов, в которых разъяснялась текущая политическая ситуация и обозначались задачи. Информация, представленная в тезисах, излагалась максимально просто, с учетом того, что доносить ее предполагалось к сведению неграмотных, в большинстве своем, людей. Например,

12-й тезис: «Советское правительство, как блюститель интересов жизни и крови рабочих и крестьян, отвергая Английского правительства тонкую удочку – в своем воззвании дает отчет о своих деяниях русскому и украинскому народу и шлет во всеулышание заявление: “Будьте на страже, красноармейцы, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки. С удвоенной силой сожжем в руках наш революционный меч. На борьбу для ограждения, утверждения и процветания нашей Социалистической Республики. Вперед против буржуазии и шляхетских насильников Польши. Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!”» [9, л. 11]. В дальнейшем, с опорой на указанные тезисы, Губполитпросветотдел провел масштабную агитационную и просветительскую работу.

Для налаживания успешной работы Минский Губернский Революционный Комитет по г. Минску приказом № 10 от 23.07.1920 предписал гражданскому населению и учреждениям г. Минска в пятидневный срок зарегистрировать в «экспедиции политпросветотдела Минского Губвоенкомиссариата» имеющиеся музыкальные инструменты, ноты и граммофоны и указал возможные меры наказания: своевременно незарегистрированные музыкальные инструменты будут конфискованы, а владельцы привлечены к ответственности «по всей строгости военного времени» [10, л. 54].

В это же время посредством собеседований и митингов агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа была проведена во вновь сформированном Карполку с красноармейцами и пленными немцами, производившими уборку помещений Караульного полка, по вопросам текущих событий. Были освещены такие темы: «Что такое Советская власть и за что она борется», «Что из себя представляет партия коммунистов», «К чему ведут власть пролетариата и советского правительства», «Почему Советская власть борется с Польшей» и «Кто затеял эту войну». В большинстве случаев митинги заканчивались пением «Интернационала» и принятием резолюций, в которых участники давали «честное слово перед вождями пролетариата всемерно и всемерно бороться за интересы рабочих и крестьян всего мира» или «бороться до победного конца, пока не будет разбита польская шляхта и уничтожен буржуазный строй», «смыть грязное пятно буржуазного строя хищников и золотопогонников Польской Шляхты» [9, л. 14]. Таким образом, во время проведения собеседований и митингов, посредством совместного пения и принятия резолюций происходило эмоциональное и идейное единение участников вокруг идей мировой пролетарской революции и власти Советов.

Уездвоенкоматы, на основании телеграммы окрвоенкомзапа от 15.07.1920 № 2078, «немедленно приступили» к формированию пересыльных пунктов, на которых сразу же была начата агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа [8, л. 90]. Так, агитатором организационно-осведомительного отделения были устроены с дезертирами и арестованными митинги и собеседования на темы: «Необходимость войны с панской Польшей» и «Борьба с дезертирством». А для большего подъема воинственного духа среди населения данным отделом губполитпросвета было «выпущено на русском и местном белорусском языках», расклеено по городу и разослано по уездам обращение к рабочим и крестьянам освобожденной Беларуси с призывом «Все на фронт и все для фронта» [9, л. 14]. Таким образом, агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работой, проводимой под руководством Мингубвоенкомата и губполитпросвета, охватывались красноармейцы, дезертиры, пленные немцы, рабочие и крестьяне.

Важное значение в деле организации агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы имел циркуляр № 123 от 28 июля 1920 г. за подписью начальников политико-просветительского отдела губвоенкомата и организационно-осведомительного отдела Минского губполитпросвета. Циркуляр был направлен Барановичскому, Бобруйскому, Борисовскому, Вилейскому, Дисненскому, Ингуменскому, Минскому, Мозырскому, Новогрудскому, Пинскому и Слуцкому уездвоенкоматам. В нем было предложено срочно, строго руководствуясь планом, организовать «тройки». В Приложении циркуляра содержался развернутый план «Агитационной кампании в связи с предстоящей мобилизацией добровольцев». План раскрывал цель агитационной кампании: «1. Мобилизация должна пройти успешно. 2. На фронт должны пойти люди, вполне осознающие свою задачу на этом фронте», и перечислял средства агитационной кампании. Так, в Минске из представителей губполитпросвета, губкомпарта и губкомсомола предписывалось организовать «тройку», ведающую всей работой предстоящей агитационной кампании в губернском масштабе. Планировалось, что «Губтройка» подберет соответствующую литературу, выработает план, инструкции и тезисы по данной работе и разошлет их по уездам. В каждом уезде должна быть образована аналогичная тройка из представителей политпросвета, «компарта» и комсомола, при этом тройки пользовались правом кооптации. Уездным тройкам предписывалось «проявить максимум своей инициативы, вовлечь в предстоящую работу все политические и культурные организации и учреждения,

партийные организации, Отнаробы, Союз Молодежи, Просветсоюзы, Работников Просвещения и Социалистической культуры и т. д.» [9, л. 10].

Тройки должны были немедленно приступить к проведению агитационной кампании по всему уезду. Для этой цели, до наступления самой мобилизации, партийные агитаторы обязаны были провести целый ряд митингов по волостям, деревням и т. д. и привлечь к этой работе волкомьячки. Во время мобилизации уездная тройка должна была организовать не только ежедневные популярные доклады, митинги, лекции по заданному вопросу, но и проводы и встречи групп мобилизованных. На станции железной дороги мобилизованных должны были провожать и встречать «оркестры музыки», а также тройкам следовало устраивать летучие митинги, раздавать литературу. Станции отправления, агитпункты и «питательные пункты» во время отправления мобилизованных предписывалось украсить флагами, зеленью и обеспечить литературой. Также с группами мобилизованных, отправляемых к месту своего назначения, тройка обязана была командировать партийных агитаторов, которые сопровождали эти группы и вели агитационную работу во время их пути. Так, например, 2 сентября 1920 г., согласно приказу № 113 по Управлению Мингубкомиссариата по военным делам, в распоряжение пересыльного пункта Минуездвоенкомата для сопровождения мобилизованных в г. Борисов были направлены состоящие в резерве политработников при политпросветотделе т. Казак К. и Бондаревич П. [11, л. 147].

Содержание тезисов агитационной работы троек было следующим: «1) Широкое ознакомление с Польшей и польской политикой, как реакционной силой истории. 2) Чем грозит победа Польши. 3) Необходимость скорее разбить Польшу. 4) Роль Красной Армии, как освободительницы трудящихся и носительницы коммунистической культуры / сравнить поведение польской и Красной Армии: при отступлении красноармейцы не мародерствуют, не грабят, помогают крестьянам в сельских работах /. 5) Перспективы победы над Польшей / Мирное строительство Советской Республики, торговля с Атлантой, Советская Польша – шаг к мировой революции /. Линия поведения красноармейцев в тылу и на фронте: красноармеец должен быть сознательным воином II Интернационала. 6) Объединение всех честных граждан России под знаменем борьбы с Польшей (мобилизация коммунистов, добровольцев, перелом в отношении Советской власти в среде бывших генералов, офицеров, интеллигенции)» [9, л. 9–10].

Таким образом, в Плане «Агитационной кампании в связи с предстоящей мобилизацией добровольцев» указывались цель, средства

и механизм проведения агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы, а содержание тезисов охватывало максимальный спектр вопросов текущих событий, что в дальнейшем позволило провести успешно не только локальные, но и массовые митинги. Так, 5 августа 1920 г. при пересыльном пункте Минского уездвоенкома уездной агиттройкой был устроен митинг, на котором присутствовало около 600 человек «призываемых добровольцев из крестьян и рабочих Литбел». На митинге выступили представители от губкомпарта, губполитпросветотдела, губкомсомола, Минского уездвоенкома. Главным образом освещались вопросы на темы: «Текущий момент», «Война и мир с Польшей». После митинга была вынесена и принята единогласно резолюция, в которой «рабочие и крестьяне Свободной Белоруссии, пришедшие добровольно стать в ряды доблестной Красной Армии на борьбу с буржуазией как Польши, так и всего мира» давали клятву «крепко держать винтовку в своих руках, нанося беспощадные удары за ударом, все еще неумолкающей своре Атланты» до тех пор, пока не будет «совершенно добыта буржуазная Польша, а с ней и другие защитники интересов мирового капитала» [9, л. 30].

23 августа 1920 г. на «площади Троицкой горы» под руководством председателя комячейки Минского губернского конского запаса т. Мороза был устроен «летучий митинг» для приезжих крестьян и красноармейцев Минского гарнизона. В митинге участвовало около 2500 человек. Для проведения митинга политпросвет Мингубвоенкомата задействовал два грузовых автомобиля как передвижную трибуну. Центропечать и «компарт» политпросветотдела Мингубвоенкомата, по обращению организационно-осведомительного отделения, предоставили листовки, плакаты и другую агитационную литературу для «разбрасывания на митинге». Митинг был проведен с 19:30 до 22:00 и закрыт под звуки «Интернационала», после чего «последовало концертное отделение». Первым на митинге с речью о международном положении выступил «председатель партии» т. Каган. Далее митинг продолжил т. Васильев на тему «Текущий момент» и подробно «обрисовал картину нашего положения на Западном фронте, которая дала возможность всем присутствующим понять о польской шляхте, царствующей в Белоруссии». Представитель от политуправления Запфронта т. Дерес раскрыл в своем выступлении, как должны в настоящее время рабочие и крестьяне строить социалистическое государство. Представитель от политпросвета, начальник гарнизонного политпросвета, т. Михайлов выступил с докладом на тему «Роль международной буржуазии», в котором указал на то, как «междуна-

родная буржуазия и ее агенты натравливают незнательных красноармейцев и гражданское население друг на друга, народ на народ, отчего и происходит много недоразумений в нашей Российской Социалистической Федеративной Советской Республике», и как необходимо искоренять всех правителей буржуазии» [9, л. 82–83, 89].

Пример подготовленной агиттройкой наглядной агитации – листовка «К добровольцам». Текст листовки раскрывал текущий момент: «Польская шляхта уже бежит», нужно «только ее уничтожить», «стереть с лица земли», но рабочие и крестьяне России устали – «Красная Армия освободила Минск, Вильно, Гродно, Белосток и Брест-Литовск»; обозначил задачи: необходимо, чтобы «все честные граждане Белоруссии помогли им доконать польского шляхтича», ведь «рабочие и крестьяне Белоруссии не были призваны в Красную Армию. Они спокойно сидели дома», поэтому «не по приказу, не по принуждению, а добровольно» должны явиться, «чтобы стать под ружье»; оценивал и задавал стандарты поведения: «кто не с нами, тот дезертир, изменник трудящемуся народу и прислужник польских помещиков и капиталистов, кто с нами, тот верный сын трудового народа», «добровольцы Красной Армии – это новое почетное звание для трудящихся Белоруссии» [10, л. 33].

Агитационно-просветительская и политико-просветительская работа строилась не только посредством проведения собраний, митингов, концертов, использовалось и обязательное ознакомление войсковых частей и учреждений Минского губернского комиссариата по военным делам с приказами армий Западного фронта. Так, например, 13 августа 1920 г. приказом № 22 Минского губернского комиссариата для сведения и руководства утверждался приказ армиям Западного фронта № 1230, подписанный командующим армиями Западного фронта Тухачевским М. Н., Членами Реввоенсовета фронта Смилгой И. Т., Уншлихтом И. С., начальником Генерального штаба Шварцем Н. Н., в котором командирам и комиссарам необходимо было принять все меры к тому, чтобы «вполне понятная ненависть солдат Красной Армии к польским белогвардейцам ни в коей мере не распространялась на пленных». Указывалось, что пленные должны направляться в тыл «в той одежде, в какой застало их пленение», а красноармейцы должны твердо усвоить, что пленный польский солдат уже не враг, а в большинстве случаев мобилизованный рабочий или крестьянин Польши. Поэтому «не оскорблять его нужно, а раскрывать ему глаза на весь позор нападения польских помещиков и буржуазии на русский народ. Быть беспощадным в бою – рыцарем по отношению к побежденным – вот девиз борцов революции».

Важно отметить, что данным приказом предписывалось «широко ознакомить сражающихся против нас польских солдат» [12, л. 48].

Одновременно с пониманием важности агитационной работы и принятием мер по эффективному ее проведению, возможностями военных структур и силами Красной Армии для лидеров большевиков было очевидно, что для укрепления советской власти и имиджа армии необходима и подготовка красных командиров, и создание широкой агитационно-пропагандистской структуры, которая охватывала бы население всех возрастов. Важная роль в этом была отведена Комиссариату просвещения, Коммунистическому союзу молодежи, Всесоюзной пионерской организации, октябрятам.

Заключение. Агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа была той

важной составляющей идеологической работы, которая действительно распространяла формулировки, установки советской власти и обеспечивала большевикам поддержку и опору населения. Агитационные тройки стали той эффективной формой взаимодействия военных партийных и общественных организаций, работа которых способствовала успешному проведению мобилизации в ряды Красной Армии и увеличению интереса к власти большевиков среди населения. Таким образом, во второй половине 1920 г. закладывались основы массовой агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы, которая, раскрывая суть происходящих событий, распространяя взгляды и идеи большевиков, в дальнейшем привела к единению населения Беларуси.

Список литературы

1. Чернякевич А. Н. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февр. 1919 – март 1921 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2001. 20 с.
2. Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 494 с.
3. Кукса А. Н. На пути самоопределения народов Беларуси и Украины в 1917–1918 гг. Минск: БНТУ, 2012. 342 с.
4. Кукса А. Н. Советская модель государственности в истории Беларуси и Украины в 1919–1922 гг. Минск: БНТУ, 2012. 351 с.
5. Мусина Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы: монография. Витебск: ВГМУ, 2015. 146 с.
6. Данилович В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2020. 730 с.
7. Райченко А. А. Проблемы белорусской государственности в условиях Советско-польской войны 1919–1921 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2019. № 1 (221). С. 43–47.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 32. Оп. 2. Д. 17.
9. НАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2.
10. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1420.
11. НАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4.
12. НАРБ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 18.

References

1. *Chernyakevich A. N. Politika Pol'shi na okkupirovannoy territorii Belarusi v period pol'sko-sovetskoy voyny (fevr. 1919 – mart 1921 g.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Polish policy in the occupied territory of Belarus during the Polish-Soviet war (February 1919 – March 1921). Abstract of thesis PhD (History)]: 07.00.02. Minsk, 2001. 20 p. (In Russian).
2. *Gritskевич A. P. Zapadnyy front RSFSR. 1918–1920. Bor'ba mezhdru Rossiey i Pol'shey za Belorussiyu* [Western front of the RSFSR. 1918–1920. The struggle between Russia and Poland for Belarus]. Minsk, Harvest Publ., 2010. 494 p. (In Russian).
3. *Kuksa A. N. Na puti samoopredeleniya narodov Belarusi i Ukrainy v 1917–1918 gg.* [On the way of self-determination of the peoples of Belarus and Ukraine in 1917–1918]. Minsk, BNTU Publ., 2012. 342 p. (In Russian).
4. *Kuksa A. N. Sovetskaya model' gosudarstvennosti v istorii Belarusi i Ukrainy v 1919 – 1922 gg.* [Soviet model of statehood in the history of Belarus and Ukraine in 1919–1922]. Minsk, BNTU Publ., 2012. 351 p. (In Russian).
5. *Musina N. E. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v BSSR v 1920-e gody: monografiya* [State youth policy in the BSSR in the 1920s: monograph]. Vitebsk, VGMU Publ., 2015. 146 p. (In Russian).
6. *Danilovich V. V. Moladz' u gramadska-palitychnym, satsyyal'na-ekanamichnym i kul'turnym budavnitstve Savetskay Belarusi (1921–1939 gg.)* [Youth in the Gramadyansk-Palitychny, Satsyalna-Ekanamichny and Cultural Life of Savetskaya Belarus (1921–1939)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 730 p. (In Belarussian).

7. Raichonak A. A. The problem of the Belarusian statehood in the conditions of the Soviet-Polish war of 1919–1921. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 6, History, Philosophy, 2019, no. 1 (221), pp. 43–47 (In Russian).

8. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 32. I. 2. F. 17.

9. NARB. Fund 32. I. 1. F. 2.

10. NARB. Fund 101. I. 1. F. 1420.

11. NARB. Fund 32. I. 1. F. 4.

12. NARB. Fund 32. I. 2. F. 18.

Информация об авторе

Климко Марина Константиновна – старший преподаватель кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: kmkminsk@mail.ru

Information about the author

Klimko Marina Konstantinovna – Senior Lecturer, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220013, Republic of Belarus). E-mail: kmkminsk@mail.ru

Поступила 23.02.2023

УДК 94(476)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный архив научно-технической документации

**РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**

Развитие высшего образования Беларуси неразрывно связано с Беларуским государственным университетом. Его деятельность широко освещена в многочисленных научных и научно-популярных изданиях. Вместе с тем история становления и развития рабочего факультета не попала в поле зрения белорусских исследователей. Статья посвящена вопросам, связанным с деятельностью рабочего факультета Беларуского государственного университета. На основании анализа архивных источников автор делает акцент на сложностях, с которыми столкнулись преподаватели в учебных аудиториях, приводит детальный перечень изучаемых предметов и аудиторной нагрузки, рассматривает социальный и национальный состав слушателей факультета. Сделан вывод, что рабочий факультет не был частью системы высшего образования. Это была переходная ступень, позволявшая реализовать право на образование гражданам молодого советского государства и минимизировать образовательный разрыв, возникший среди молодежи в первые десятилетия XX в. Закрытие рабочего факультета в 1939 г. явилось логическим завершением развития системы среднеспециального образования Беларуси.

Ключевые слова: рабочий факультет, университет, образование, студенты, методы обучения.

Для цитирования: Мосейчук Л. И. Рабочий факультет Беларуского государственного университета: становление и развитие // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 86–90. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-15.

L. I. Maseichuk

Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation

**WORKING FACULTY OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY:
FORMATION AND DEVELOPMENT**

The development of higher education in Belarus is inextricably linked with the Belarusian State University. His activities are widely covered in numerous scientific and popular science publications. At the same time, the history of the formation and development of the working faculty did not fall into the field of view of Belarusian researchers. The article is devoted to issues related to the activities of the working faculty of the Belarusian State University. Based on the analysis of archival sources, the author focuses on the difficulties faced by teachers in classrooms, provides a detailed list of subjects studied and classroom load, considers the social and national composition of faculty students. It is concluded that the working faculty was not part of the higher education system. This was a transitional step that allowed citizens of the young Soviet state to realize the right to education and minimize the educational gap that arose among young people in the first decades of the 20th century. The closure of the working faculty in 1939 was the logical conclusion of the development of the system of secondary specialized education in Belarus.

Keywords: working faculty, university, students, education, teaching methods.

For citation: Maseichuk L. I. Working faculty of Belarusian State University: formation and development. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 86–90 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-15.

Введение. 17 сентября 1920 г. Советом Народных Комиссаров (далее – СНК) РСФСР был принят декрет «О рабочих факультетах». Решение об открытии рабочего факультета Беларуского государственного университета (далее – БГУ) в 1921 г. было частью общегосударственной образовательной политики, продиктованной необходимостью развития научно-производственного сектора экономики.

Историографический анализ показал, что из всех факультетов, работавших в БГУ в 1920-х–

1930-х гг., в наименьшей степени изучена деятельность рабочего факультета. Вместе с тем архивные источники позволяют детально исследовать работу данного факультета.

Наибольший интерес в этом плане представляют материалы Национального архива Республики Беларусь, собранные в фонде № 206 «Рабочий факультет (рабфак) при Беларуском государственном университете (БГУ)» и фонде № 42 «Народный комиссариат просвещения БССР». Они содержат такие виды документов, как приказы

и распоряжения заведующего рабфаком БГУ по основной деятельности, протоколы и выписки из протоколов заседаний правления БГУ, предметных и приемных комиссий, финансовые планы и учебные программы, отчеты, сведения о работе рабфака и выполнении учебных планов, журналы и ведомости успеваемости студентов.

Основная часть. Активная подготовительная работа по созданию рабочего факультета БГУ велась всю зиму 1921 г. С 20 апреля 1921 г., после назначения В. П. Тепина (1921–1925) на должность заведующего рабфаком, начался прием слушателей [1, л. 19]. Курировал работу факультета председатель Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) БССР Е. К. Успенский.

Рабочий факультет БГУ начал свою деятельность в июне 1921 г., за несколько месяцев до официального открытия университета.

Правила приема, зачисления и обучения были четко прописаны в декрете «О рабочих факультетах» и общих «Правилах приема на рабочие факультеты».

На рабочий факультет БГУ, без вступительных экзаменов и с минимальной общеобразовательной подготовкой, принимались «рабочие и крестьяне в возрасте от 18 лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волостными, уездными и губернскими исполкомами» [2, л. 392].

Обучение осуществлялось на дневном и вечернем отделении. На дневном отделении рабочего факультета был установлен трехлетний срок обучения, на вечернем – четырехлетний. Обучение на дневном отделении рабочего факультета было приравнено к работе на производстве (срок обучения засчитывался в трудовой стаж), его слушатели обеспечивались государственными стипендиями. После окончания рабочего факультета выпускников рабфака принимали в высшие учебные заведения без экзаменов.

Все слушатели рабочего факультета с момента зачисления находились на учете Президиума рабочего факультета. Отчислиться с рабочего факультета слушатель мог только с разрешения Президиума рабочего факультета и делегировавшей его организации [2, л. 392 об.].

Поступающие должны были предоставить в университет командировку от учреждения, которое его делегировало, удостоверение личности, справку с указанием специальности и продолжительности трудового стажа.

В 1921/1922 учебном году на рабочем факультете обучалось 306 слушателей и работало 27 преподавателей. Слушатели были поделены на 11 групп. Распределение по группам осуществлялось на основании данных собеседования,

а также анкетирования, проводимого учебной коллегией рабочего факультета [2, л. 33].

1 июля 1922 г. на рабочем факультете числилось 264 студента, из них: белорусов – 93, евреев – 168, украинцев – 3. Социальное обеспечение получали 50 человек. В общежитии проживало 128 человек [2, л. 221 об.].

Летом 1922 г. на факультет было зачислено еще 155 человек. Общее число студентов в 1922/1923 учебному году составило 419 человек. Преподавателей – 26.

Руководящими органами рабфака являлись Президиум, Совет и Предметные комиссии: физико-математическая, по русскому языку и литературе, по естествознанию и общественным наукам [3, с. 332]. На протяжении 1921–1924 гг. Президиум факультета состоял из заведующего В. П. Тепина, его заместителя В. И. Корсака и одного представителя от студентов. Учебной частью заведовал Г. Э. Земель.

Как показывают статистические данные, отток студентов был низким. Так, за 1921/1922 учебный год по «личным причинам» было отчислено всего 42 человека.

В 1924 г. на Всероссийском совещании заведующих рабфаками в г. Москве были выработаны общие «Правила приема на рабочие факультеты». 18 февраля 1924 г. Правила были утверждены СНК РСФСР [4, л. 123].

С этого времени на рабочий факультет БГУ принимались лица не моложе 18 и не старше 30 лет. Соискатели должны были знать «четыре арифметических действия над целым числом», уметь «удовлетворительно выражать свои мысли в письменной и устной форме» и «обладать общим политическим развитием в объеме элементарной программы по политграмоте» [2, л. 387].

Устанавливался не только социальный, но и трудовой ценз. На рабочие факультеты принимались слушатели, принадлежащие по своему социальному происхождению к рабочим и крестьянам, проработавшие непосредственно перед поступлением на рабфак в качестве наемных рабочих физического труда в промышленности, транспортных и сельскохозяйственных предприятиях в возрасте: от 18 до 20 лет – не менее трех лет, от 20 до 25 лет – не менее четырех лет, от 25 до 30 лет – не менее шести лет [2, л. 387].

Время службы в Красной Армии засчитывалось как рабочий стаж [2, л. 387].

Члены РКП из рабочих и крестьян, не работавшие непосредственно перед поступлением на рабфак на предприятиях, принимались на рабфак при наличии партстажа в возрасте: от 18 до 20 лет – двух лет, от 20 до 25 лет – трех лет, от 25 до 30 лет – четырех лет.

Члены РКСМ из рабочих и крестьян, не работавшие непосредственно перед поступлением

на рабфак на предприятиях, принимались на рабфак при наличии стажа в комсомоле в возрасте: от 18 до 20 лет – не менее трех лет, от 20 до 23 лет – не менее четырех лет.

Срок приема документов устанавливался с 10-го по 20-е августа. Начало занятий – 1-го сентября [2, л. 387].

Сохранялось разделение факультета на дневное и вечернее отделения. Все поступающие должны были пройти медицинское освидетельствование.

Согласно инструкции Отдела рабфаков Главпрофобра, для проверки общеобразовательной и политической подготовки присланных кандидатов на рабочем факультете БГУ ежегодно организовывалась Проверочная комиссия, в компетенцию которой входило право зачисления или отказа в зачислении [2, л. 387 об.].

Финансировался рабфак частично Отделом рабфаков РСФСР, а частично Правлением БГУ из средств, выделенных университету.

С 1 июня 1921 г. по 1 сентября 1922 г. рабфак получил, в дензнаках 1922 года, из Главпрофобра – 1 265 957 руб., и средств БГУ – 723 106 руб. общая сумма составила – 1 989 063 руб.

Из этих сумм на зарплату преподавателям было потрачено – 961 460 руб., на стипендии студентам – 430 708 руб. На хозяйственные расходы было выделено 37 883 руб. На закупку мебели потрачено – 149 000 руб., на топливо – 140 000, ремонт общежития – 200 000, закупку оборудования для кабинета истории и естествознания – 50 000, на учебные пособия – 20 000. Всего было потрачено 1 989 051 руб. [3, с. 333–334].

В первый год существования рабфака занятия на факультете велись в небольших группах. При распределении слушателей по группам учитывался не только образовательный уровень, но и их профессия (характер занятий). Все это должно было помочь рабочей молодежи быстрее адаптироваться в новой для учебной среде и продуктивно «использовать <...> имеющиеся в их распоряжении практические знания, опыт и навыки» на семинарских занятиях, а преподавателям «индивидуализировать методы работы с группой» и обеспечить лучшее изложение материала, при этом найдя подход к каждому слушателю [2, л. 221]. Впоследствии от такого распределения отказались, поскольку нехватка педагогов и внедрение новых образовательных методик привели к распространению бригадно-лабораторного метода, основанного на самостоятельном изучении обучающимися большей части учебных материалов [5, л. 3].

В 1932/1933 учебном году БГУ вновь перешел на привычную лекционно-семинарскую систему обучения и работу по единым учебным программам.

В учебные программы рабочего факультета БГУ входили история, культура, литература и география Беларуси. Хотелось бы подчеркнуть, что данные предметы никогда не исчезали из учебно-программного расписания рабфака вплоть до его закрытия.

Национальный состав слушателей также внес свои коррективы в учебные программы рабочего факультета БГУ. Для слушателей еврейской национальности была создана группа, где кроме общих для всех учащихся предметов, они изучали еврейский язык (идиш), еврейскую литературу и историю. Такое обучение стало возможным после открытия 30 декабря 1921 г. еврейской секции БГУ [6, л. 108а].

В 1922/1923 учебном году на рабочем факультете изучались на первом курсе: математика – 8 ч в неделю, русский язык и история литературы – 6 ч, история культуры – 3 ч, политическая экономия – 1 ч, география – 2 ч, естествознание – 4 ч, графическая грамота (черчение) – 2 ч.

На втором курсе к вышеперечисленным предметам добавлялось 4 ч физики.

На третьем курсе черчение и общая география не изучались. На математику отводилось 8 ч в неделю, русский язык и историю литературы – 6 ч, историю культуры – 4 ч, политическую экономию – 2 ч, экономическую географию – 2 ч, естествознание – 4 ч, Конституцию РСФСР – 1 ч, исторический материализм – 1 ч [3, с. 333].

Последний курс рабочего факультета был разделен на три специальных отделения – техническое, биологическое и общественно-экономическое [3, с. 333].

С 1923 г. слушателям рабфака, которые не справлялись с образовательной программой, пропускали занятия и имели академическую задолженность, вместо свидетельства об окончании выдавалась «справка о прослушивании курса» [7, л. 16]. Получение такой справки лишало выпускника права зачисления в высшее учебное заведение без экзаменов.

К 1927/1928 учебному году рабочий факультет БГУ функционировал по четко установленному учебному плану.

Первый курс делился на четыре группы (четвертая была еврейской, и в ней студенты, кроме обязательных для всех предметов, изучали еврейский язык – 8 ч в неделю).

Студенты рабфака первого курса изучали: белорусский язык – 8 ч (студенты еврейской группы – 6 ч), русский язык – 6 ч, политграмотность – 4 ч, математику – 8 ч, черчение – 2 ч, природоведение – 6 ч (еврейская группа – 5 ч), всеобщая география – 5 ч, географию Беларуси – 2 ч, немецкий язык – 2 ч, военную подготовку – 2 ч. Всего на учебные дисциплины выделялось 45 ч в неделю (студенты еврейской группы занимались – 50 ч).

На втором курсе студенты всех четырех групп изучали: белорусский язык – 6 ч, русский язык – 6 ч, ленинизм – 4 ч, историю классовой борьбы – 4 ч, математику – 11 ч, физику – 6 ч, природоведение – 7 ч, экономическую географию – 4 ч, немецкий язык – 2 ч, военную подготовку – 2 ч. Всего на занятия отводилось 52 ч в неделю.

На третьем курсе слушатели выбирали специализацию и делились на группы. По одной группе набирали на гуманитарное и биологическое направления и две группы – с техническим уклоном.

Аудиторная нагрузка варьировалась от 46 до 54 ч в неделю в зависимости от направления, выбранного студентом, – гуманитарного, биологического или технического. В гуманитарном классе на русский и белорусский языки отводилось по 6 ч на каждую дисциплину, по 5 ч – на политическую экономию и историю классовой борьбы, 10 ч – на математику, 8 ч – на физику, 4 ч – на химию, 2 ч – на немецкий язык и 2 ч – на военную подготовку.

По биологическому профилю учебные часы распределялись следующим образом: русский и белорусский языки – по 6 ч, политическая экономика – 4 ч, история классовой борьбы – 4 ч, математика – 10 ч, физика – 8 ч, химия – 7 ч, немецкий язык – 2 ч.

Обучающиеся по техническому направлению также изучали русский и белорусский языки – 6 ч в неделю, политическую экономию и историю классовой борьбы – 4 ч, 12 ч выделялось на изучение математики, 6 ч отводилось на черчение, 8 ч – на физику, 6 ч – на химию и 2 ч – на немецкий язык [6, л. 65].

На рабфаке работали университетские преподаватели.

В 1922/1923 учебном году русский язык и литературу преподавали К. О. Фалькович, Г. Э. Земель, А. И. Зельцер, С. И. Шабад, Л. И. Гецов, В. П. Тепин, Е. А. Гурвич; математику – К. М. Годыцкий-Цвирко, Б. М. Слепян, М. Я. Вагер, В. И. Корсак; ботанику – И. В. Попов; зоологию – Е. М. Зубкович; естествознание – М. И. Пинус; физику – М. Я. Пелен и С. М. Лившиц; историю культуры – М. Я. Кливанский; еврейский язык и еврейскую историю – И. И. Гольдберг; историю народного хозяйства России и Западной Европы – И. В. Герчиков; политическую экономию – Л. И. Каган; английский язык – Л. Я. Сыркина [2, л. 365–367].

С 1926/1927 учебного года слушатели рабфака могли пользоваться кабинетами, созданными в БГУ. На факультете права и хозяйства – кабинетом марксизма и ленинизма, на педагогическом факультете – кабинетами всеобщей и русской истории, белорусской истории, белорусской литературы, белорусского языка, краеведения, литературы и искусства, математики и астрономии,

еврееведения, а также кабинетами ботаники, зоологии, кристаллографии и метеорологии. Общим для всех – военным кабинетом [8, л. 45–45 об.].

Жизнью студентов руководили: избираемый путем открытого голосования Студенческий комитет из 9 человек, а также материально-хозяйственная и культурно-просветительская комиссии рабочего факультета, в которые входили представители администрации и преподаватели факультета.

Наибольшей популярностью среди рабфаковцев пользовался кружок пения (руководитель – Ф. Г. Левченко) и драматический кружок под руководством белорусского актера В. И. Владомирского [2, л. 366 об.].

Активное развитие на рабфаке общественной жизни позволяло быстро интегрировать слушателей в общественную жизнь университета. Рабфаковцы издавали также еженедельную стенгазету «Красная Смена» [3, с. 334].

В сентябре 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О рабфаках», в котором, отмечая положительные итоги их деятельности, призвал Совнарком и Наркомпрос РСФСР принять «необходимые меры к укреплению сети рабфаков и к дальнейшему улучшению постановки в них учебного дела» [9].

5 августа 1938 г. рабочий факультет перешел под юрисдикцию Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) БССР. Но к этому времени острая необходимость в рабочих факультетах уже отпала, поскольку система общего и специального среднего образования в Белорусской Республике была налажена. Рабочий факультет был упразднен в 1939 г.

Вывод. Таким образом, рабочий факультет являлся частью БГУ, что позволяло использовать в учебной работе оборудование, лаборатории и специализированные кабинеты вуза; решало проблему преподавательских кадров.

Для эффективной деятельности рабфака преподавателям БГУ пришлось решить ряд образовательных задач: разработать учебные программы, составить учебные планы, определить максимальную аудиторную нагрузку для слушателей. Для интеграции обучающихся в общественную жизнь университета были открыты секции и кружки по интересам.

Рабочий факультет не был частью системы высшего образования. Это была переходная ступень, позволявшая реализовать право на образование гражданам молодого советского государства и минимизировать образовательный разрыв, возникший среди молодежи в первые десятилетия XX в.

Закрытие рабочего факультета в 1939 г. явилось логическим завершением развития системы школьного и среднеспециального образования Беларуси.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 205. Оп. 3. Д. 8062.
2. НАРБ. Фонд 42. Оп. 1. Д. 213.
3. Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1922–1923 акад. год // Труды БГУ. 1923. № 4–5. С. 231–281.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 166.
5. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1869.
6. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56.
7. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1229.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 237.
9. Законы о вузах и техникумах. 1930–1938 гг. // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13995> (дата обращения: 23.01.2023).

References

1. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 205. I. 3. F. 8062.
2. NARB. Fund 42. I. 1. F. 213.
3. Katsenbogin S. Z. *Belarusskiy Gosudarstvennyy Universitet za 1922–1923 akad. god* [Belarusian State University for the 1922–1923 acad. years]. *Trudy BSU* [Proceedings of BSU], 1923, no. 4–5, pp. 231–281 (In Russian).
4. NARB. Fund 205. I. 1. F. 166.
5. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1869.
6. NARB. Fund 705. I. 1. F. 56.
7. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1229.
8. NARB. Fund 205. I. 1. F. 237.
9. Laws on universities and technical schools. 1930–1938 гг. *Musey istorii im. P. A. Stolypina* [Museum of the History of Russian Reforms. P. A. Stolypin]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13995> (accessed 23.01.2023) (In Russian).

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, заведующий отделом информации и использования документов. Белорусский архив научно-технической документации (220030, г. Минск, ул. Кирилла и Мефодия, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Ludmila Ivanovna – PhD (History), Head of the Department of Information and use of Documents. Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation (4, Cyril and Methodius str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 24.02.2023

УДК 325.2:34(476=71)

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПРАВОВЫЯ АСПЕКТЫ ЭМІГРАЦЫІ БЕЛАРУСАЎ У КАНАДУ (1921–1939 ГГ.)

У даследаванні вывучаны юрыдычныя аспекты станаўлення і развіцця эміграцыйнай хвалі з тэрыторыі Заходняй Беларусі ў Канаду. Прааналізаваны маштабы беларускай эміграцыі ў Канаду за міжваенны перыяд, калі Заходняя Беларусь была часткай Польшчы. У артыкуле разгледжаны польскія эміграцыйныя дзяржаўныя органы, якія стымулявалі міжконтынальную эміграцыю з мэтай эфектыўнай паланізацыі беларускага насельніцтва. У 1926 г. былі падпісаны канадска-польскія «чыгуначныя пагадненні», якія пашыралі магчымасці рэкрутацыі з тэрыторыі Польшчы. Адборам эмігрантаў у Польшчы займаліся чыгуначныя кампаніі «Canadian National Railways» і «Canadian Pacific Railways» на аснове нарматыўных міжуродавых дакументаў. Значная ўвага ў даследаванні нададзена пытанню эміграцыйнай палітыкі Канады, якая перыядычна прыпыняла дзеянне «чыгуначных пагадненняў», што абмяжоўвала магчымасці перасялення ў дамініён.

Ключавыя словы: беларуская эміграцыя, беларуская дыяспара, Канада, прававая адаптацыя, польская эміграцыйная палітыка.

Для цытавання: Коваль В. У. Правовыя аспекты эміграцыі беларусаў у Канаду (1921–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 91–94. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-16.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

LEGAL ASPECTS OF THE BELARUSIAN EMIGRATION TO CANADA (1921–1939)

This article examines the legal aspects of the formation and development of the emigration wave from Western Belarus to Canada. The intensity of the Belarusian emigration to Canada during the interwar period was analyzed, when the territory of Western Belarus was a part of Poland. The article presents the policies of the Polish emigration authorities, which stimulated the intercontinental Belarusian emigration for the effectual polonization of the Belarusian population. The Canadian-Polish «railway agreements» were signed in 1926. According to the agreements, the possibilities for recruiting emigrants from Poland were expanded. The recruitment of emigrants in Poland was carried out by the Canadian railway companies «Canadian National Railways» and «Canadian Pacific Railways», which was recorded in regulatory intergovernmental documents. Particular attention is paid to the Canadian emigration policy, when the «railway agreements» were periodically suspended by the Canadian authorities. Restrictions on the possibilities of agreements limited the possibility of resettlement in the dominion.

Keywords: Belarusian emigration, Belarusian diaspora, Canada, legal adaptation, Polish immigration policy.

For citation: Koval V. U. Legal aspects of the Belarusian emigration to Canada (1921–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 91–94 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-16.

Уводзіны. У міжваенны перыяд Канада стала адным з галоўных цэнтраў беларускай міжконтынальнай эміграцыі. У тэме даследавання перасяленчых працэсаў у дамініён застаецца шмат нявывучаных пытанняў і фактаў. Асобныя аспекты праблемы ў сваіх работах раскрывалі польскія гісторыкі. Пераважную частку эміграцыйнай хвалі беларусаў у Канаду склалі жыхары Заходняй Беларусі, якая з 1921 г. па 1939 г. уваходзіла ў склад Другой Рэчы Паспалітай. Даследаванне прававых аспектаў эміграцыйных працэсаў дазваляе ўзважана ацаніць палітычныя і эканамічныя мэты дзяржаўнай палітыкі прымаючага грамадства, патлумачыць выбар эмігрантаў, раскрыць складанасці адаптацыйных працэсаў.

Асноўная частка. Канадскі ўрад заўсёды пільна кантраляваў рэкрутацыю эмігрантаў, падзяляючы іх на «прыярытэтных» і «непрыярытэтных». З 1920-х гг. была ўведзена практыка шырокай падтрымкі перасяленцаў, што было адлюстравана ў канадскім эміграцыйным заканадаўстве [1, с. 6]. Для «прыярытэтных» груп эмігрантаў ствараліся льготныя ўмовы перасялення, афармляліся спецыяльныя крэдытныя праграмы для выплат асноўных сум за зямельны надзел. Улады дамініёна лічылі прыярытэтнымі для перасялення грамадзян Вялікабрытаніі, Францыі, Бельгіі і г. д.

Маштабы беларускай эміграцыйнай хвалі ў Канаду складана ацаніць дакладна, бо жыхары Заходняй Беларусі мелі польскі замежны пашпарт

і вымушаны былі афармляць канадскую візу. Прыблізная колькасць беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд складала каля 11 000, калі за асноўную гістарычную крыніцу ўзяць дакументы польскай статыстыкі [2, л. 140], у якіх аналізуюцца лічбы перасяленцаў у дамініён з Беластоцкага, Віленскага, Палескага і Навагрудскага ваяводстваў.

Пікавыя лічбы эміграцыі ў Канаду польская статыстыка зафіксавала з 1926 па 1931 г., калі з усёй тэрыторыі Другой Рэчы Паспалітай выехала 35 400 чалавек і ў 1937–1938 гг., калі колькасць усіх эмігрантаў складала 10 200 чалавек [2, л. 139]. Патлумачыць спрыяльную кан'юнктуру для эміграцыі можна ў першую чаргу палітыкай дзяржавы-рэцыпіента. З 1926 г. пачалі дзейнічаць новыя заканадаўчыя акты («чыгуначныя пагадненні»), якія спрашчалі працэс афармлення перасялення ў дамініён. З 1926 г. канадскія кампаніі ў Польшчы разгарнулі шырокую агітацыю і пачалі рэкрутацыю эмігрантаў. Сусветны эканамічны крызіс вымусіў улады прыпыніць пашырэнне маштабаў эміграцыі. Другі пік тлумачыцца эканамічным напружаннем перадваенных гадоў і імклівым развіццём індустрыяльных раёнаў Канады, куды таксама накіроўвалі эмігрантаў.

Заканадаўства дзяржавы-рэцыпіента заўсёды было добрым механізмам як для стрымлівання эміграцыйных працэсаў, так і для пашырэння агульнай эміграцыйнай хвалі. У сярэдзіне 1920-х гг. канадскі ўрад палічыў, што недахоп сельскагаспадарчых рабочых прасцей за ўсё кампенсаваць эмігрантамі. 15 лістапада 1925 г. урад Канады падпісаў пагадненні з канадскімі чыгуначнымі кампаніямі «Canadian National Railways» (CNR) і «Canadian Pacific Railways» (CPR) аб дазволе рэкрутацыі эмігрантаў з Еўропы [3, с. 163]. Дакументы пашыралі магчымасці арганізацыі эміграцыі з ліку «непрыярытэтных» краін, што дазваляла праводзіць шырокую працу ў Польшчы.

Канадскія чыгуначныя кампаніі валодалі значнымі надзеямі зямлі ўздоўж чыгуначнага палатна, таму яны адразу ж прапаноўвалі эмігрантам набыць пэўныя сельскагаспадарчыя ўгоддзі. Рэклама прыносіла значныя прыбыткі, паспяхова агенты за сваю выніковую працу маглі разлічваць на прэміраванне. Сярэдняя ўзнагарода за кожных 50 чалавек, накіраваных у дамініён, складала 150 амерыканскіх долараў, альбо даравалася бясплатная карабельная карта ў Канаду (з бясплатным зваротным квіткам) [3, с. 164]. Эканамічнае стымуляванне агентаў дало добрыя вынікі, яны рабілі такую рэкламу жыцця ў Канадзе, што колькасць жадаючых эміграваць у 2–3 разы была большай за рэальныя магчымасці працадаўцаў.

Наступным крокам легалізацыі эканамічнай эміграцыйнай хвалі сталі юрыдычныя акты,

распрацаваныя ўрадамі Канады і Польшчы. У сакавіку 1926 г. былі падпісаны міжурадавыя «чыгуначныя пагадненні» аб рэкрутацыі эмігрантаў, што абумовіла пачатак масавай эміграцыі з Другой Рэчы Паспалітай у Канаду [4, с. 138]. Дадатковым фактарам, які аказваў уплыў на пашырэнне маштабаў перасялення ў дамініён, сталі эміграцыйныя квоты, уведзеныя ў ЗША, якія значна абмежавалі магчымасці эміграцыі ў Злучаныя Штаты Амерыкі. Некаторыя беларусы разглядалі Канаду патэнцыяльнай краінай Паўночнай Амерыкі, якая пашырала магчымасці ўезду ў ЗША, абыходзячы ўсталяваныя квоты для польскіх грамадзян.

Як ужо адзначалася, асноўнымі канадскімі кампаніямі сталі чыгуначныя прадстаўніцтвы «Canadian National Railways» і «Canadian Pacific Railways». Дзяржаўныя органы пераклалі асноўную адказнасць за адбор эмігрантаў на буйныя камерцыйныя арганізацыі. З боку польскіх дзяржаўных органаў асноўны кантроль за рэкрутацыяй эмігрантаў быў ускладзены на Эміграцыйнае ўпраўленне, якое мела разгалінаваную сетку экспазітур.

Канадскія ўлады пакідалі за сабой права прыпыняць дзейнасць «чыгуначных пагадненняў», што нярэдка прыводзіла да банкруцтва сем'яў эмігрантаў, якія прадавалі ўсю сваю маёмасць і чакалі дазволу на выезд. Абавязковай умовай перасялення ў дамініён была акрэсленая сума грошай, якую называлі «landing money». Памеры сумы для сем'яў у розныя гады складалі ад 350 да 500 канадскіх долараў і 25–38 канадскіх долараў для індывідуальных эмігрантаў [4, с. 138]. Газета «Беларуская крыніца» размясціла матэрыял пра крытычную сітуацыю прыпынення «чыгуначных пагадненняў»: «У першых днях марта ўрадовыя бюры пасрэдніцтва працы будуць прымаць заявы кандыдатаў на выезд у Канаду. У першую чаргу будуць магчы выехаць тыя, якія ў мінулым годзе атрымалі дазвол на выезд, але не выехалі дзеля ўтрымання эміграцыі. Кожны эмігрант павінен мець на дарогу 185 даляраў» [5, с. 3]. Абвестка пазначала канкрэтную суму 185 канадскіх долараў у 1934 г. («landing money»), якую эмігрантам неабходна было прад'явіць пры перасяленні ў Канаду. Мінімальныя сумы мяняліся ў розныя гады, бо значная частка сялян проста іх не паспявала сабраць.

Працэдура афармлення дакументаў на выезд у Канаду для беларускіх сялян была складанай, што стварала ўмовы для шматлікіх ашуканстваў. З пашырэннем маштабаў эміграцыі міністэрства фінансаў Польшчы ў 1925 г. прыняло рашэнне выдаваць бясплатныя замежныя пашпарты [6, с. 110], якія можна было атрымаць толькі з дазволу Эміграцыйнага ўпраўлення ў выпадку перасялення ў Канаду. Для запаўнення бланкаў

на пашпарт грамадзяне прадстаўлялі свае фотаздымкі. У замежны пашпарт кожны эмігрант павінен быў атрымаць канадскую візу, яе выдавалі толькі тым асобам, якія змаглі пераканаць чыноўнікаў у гарантаванай дапамозе з боку сям'і ці занаёмых у выпадку складанай матэрыяльнай сітуацыі.

Аналізам маштабаў эміграцыйных патокаў у Другой Рэчы Паспалітай займаліся міністэрства замежных спраў і міністэрства працы і сацыяльнай абароны. Урад Польшчы 1 красавіка 1920 г. прыняў рашэнне стварыць асобнае Эміграцыйнае упраўленне пры міністэрстве працы і сацыяльнай абароны [7, с. 47]. На новы дзяржаўны орган былі ўскладзены абавязкі распрацоўкі заканадаўчых эміграцыйных актаў. Задачами ўпраўлення было інфармаванне грамадства пра ўмовы эміграцыі, падтрымка перасяленцаў у працэсе іх прававой і сацыяльнай адаптацыі, выяўленне спрыяльнай кан'юнктуры для эміграцыі. Значную ўвагу польскі дзяржаўны апарат надаваў пытанням рээміграцыі, хаця ў выпадках міжкантынентальнай эміграцыйнай хвалі падобныя меры не заўсёды былі эфектыўнымі.

З пашырэннем маштабаў перасялення ў сярэдзіне 1920-х гг. узнікла патрэба ў праграмах дзяржаўнай крэдытнай падтрымкі для эмігрантаў і іх сем'яў, а таксама ў юрыдычнай дапамозе пры афармленні дакументаў. Сусветны эканамічны крызіс вымусіў польскі ўрад стварыць Эміграцыйны синдкят. Таварыства з абмежаванай адказнасцю было арганізавана ў студзені 1930 г. з устаўным капіталам 858 тыс. злотых (600 тыс. злотых былі дзяржаўным капіталам, а астатнія грошы ў синдкят уклалі карабельныя лініі) [7, с. 49]. Праз Эміграцыйны синдкят дзяржаўныя структуры намагаліся кантраляваць прыбыткі замежных кампаній ад продажу карабельных квіткаў. Для ўрада было важна спыніць нелегальную рэкрутацыю, якую праводзілі замежныя карабельныя лініі. Адной з асноўных крыніц прыбыткаў таварыства сталі выплаты замежных кампаній за арганізацыю эміграцыі для кожнай асобы, бо синдкят дапамагаў у афармленні візы, транспарту багажу, набыцці карабельных карт і г. д.

У 1930-я гг. частка функцый Эміграцыйнага ўпраўлення была перададзена Эміграцыйнаму синдкату, які больш паспяхова кантраляваў нелегальныя схемы і ашуканствы эмігрантаў. Синдкят аказваў дапамогу ў рэкрутацыі асоб, арганізацыі падарожжа, інфармаваў насельніцтва пра магчымасці замежных заробкаў.

Працэс першапачатковай адаптацыі эмігрантаў у Канадзе быў звязаны з пэўнымі абавязкамі

перад суайчыннікамі, бо ў калоніях дзейнічалі цэлыя праграмы ўзаемадапамогі. Эмігрантамі збіраліся пэўныя сумы для новых членаў калоніі для разбудовы гаспадаркі і падтрымкі ў першыя месяцы жыцця за мяжой.

Польскія дзяржаўныя органы пільна кантралявалі эміграцыйныя працэсы, якія лічылі добрым механізмам для вырашэння праблемы нацыянальных меншасцей, таму праз стымуляцыю эміграцыі няпольскіх элементаў імкнуліся да апалячвання «крэсаў усходніх». Адбывалася мэтанакіраваная інтэнсіфікацыя міжкантынентальнай эміграцыі ў ваяводствах Заходняй Беларусі, што дазваляла паменшыць колькасць аўтэhtonнага насельніцтва. Разам з тым улады абмяжоўвалі сезонную еўрапейскую эміграцыю беларусаў, каб знізіць канкурэнцыю для палякаў і даць магчымасць сялянам на этнічна польскіх тэрыторыях зарабіць грошай за мяжой. З мэтай кантролю за эміграцыйнымі працэсамі была ўведзена забарона для замежных прадстаўніцтваў на агітацыйную дзейнасць. Выключэнне ў агітацыйна-прапагандысцкай рабоце зрабілі для адзінкавых замежных прадстаўніцтваў, сярод якіх былі канадскія чыгуначныя кампаніі «Canadian National Railways» і «Canadian Pacific Railways» [8, с. 345]. У перанаселеных і безземельных беларускіх вёсках такая агітацыя часам стварала «ліхаманкавую» рэакцыю моладзі.

Сельскагаспадарчыя работнікі ў Канадзе па ўзросце былі дастаткова маладымі людзьмі. Юрыдычна быў замацаваны цэнз узросту для галавы сям'і, на заканадаўчым узроўні было прапісана, што гаспадар не павінен быць старэйшым за 50 гадоў [9, с. 51]. Адмежаванні ўзросту стваралі ўмовы дзейнасці і развіцця сельскагаспадарчай калоніі, дзе працавалі асобы прыблізна аднаго пакалення. Жанчыны ў працэсе афармлення дакументаў на візу павінны былі прадставіць пасведчанне аб маральнасці, а мужчыны – ваенны білет. Выбіраліся асобы прыблізна аднолькавай кваліфікацыі з пэўным узроўнем выхавання, што дапамагала эмігрантам у працэсе сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі.

Заклучэнне. Такім чынам, польская дзяржаўная палітыка інтэнсіфікацыі міжкантынентальнай эміграцыі беларускага насельніцтва павінна была спрыяць працэсу паланізацыі ў Заходняй Беларусі. Рэкрутацыя эмігрантаў у беларускіх ваяводствах Польшчы праводзілася на аснове «чыгучачных пагадненняў» камерцыйнымі прадстаўніцтвамі канадскіх кампаній «Canadian National Railways» і «Canadian Pacific Railways». У працэсе адбору эмігрантаў улічваюся стан здароўя, кваліфікацыя, выхаванне, узрост асоб.

Спіс літаратуры

1. Reczyńska A. Soroka T. Polska emigracja do Kanady na przełomie wieków XX i XXI w kontekście kanadyjskiej polityki migracyjnej // Studia Migracyjne. 2013. Vol. 38. S. 5–18.

2. Archiwum Akt Nowych (AAN) w Warszawie. Zespół Ministerstwa Spraw Zewnętrznych. Sygn. 9886. S. 139–140.
3. Дзира О. Друга хвиля еміграції українців до Канади: причини, характер и склад // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. 2015. Вип. 24. С. 157–175.
4. Brożek A. Polityka imigracyjna w państwach docelowych emigracji polskiej (1850–1939) // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. S. 120–140.
5. Emigracja do Kanady // Białoruskaja Krynica. 1934. № 18. С. 3.
6. Reczyńska A. Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. Wrocław [etc.]: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986. 223 s.
7. Łazor J. Polityka migracyjna Drugiej Rzeczypospolitej – próba syntezy. Warszawa, 2015. URL: <http://hdl.handle.net/20.500.12182/578> (дата звароту: 02.03.2023).
8. Janowska H. Emigracja z Polski w latach 1918–1939 // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. S. 326–450.
9. Matejka J. Kanadyjska polityka imigracyjna w stosunku do Polaków w latach 1896–1939 // Studia Polonijne. 1979. T. 3. S. 23–60.

References

1. Rechynska A. Soroka T. Polish emigration to Canada at the turn of the XX and XXI centuries in the context of Canadian immigration police. *Studia Migracyjne* [Migration Studies], 2013, no. 38, pp. 5–18 (In Polish).
2. Archives of Modern Records in Warsaw. Fund of the Ministry of Foreign Affairs. I. 9886. L. 139–140.
3. Dzira O. The second wave of emigration of the Ukrainians to Canada: causes, features, composition. *Mizhnarodni zvyazky Ukrainy; naukovi poshuki i znakhidki* [International relations of Ukraine: scientific searches and discoveries], 2015, no. 24, pp. 157–175 (In Ukrainian).
4. Brozek A. The immigration policy in the target countries of Polish emigration (1850–1939). *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)* [The emigration from Polish territories during the modern and contemporary times (since 18th century until 20th century)]. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1984, pp. 120–140 (In Polish).
5. Emigration to Canada. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1934, no. 18, p. 3 (In Belarusian).
6. Rechynska A. *Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym* [The emigration from Poland to Canada during the interwar period]. Wrocław [etc.], Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1986. 223 p. (In Polish).
7. Łazor J. Emigration policy of Second Polish-Lithuanian Commonwealth – synthesis attempt. Warsaw, 2015. Available at: <http://hdl.handle.net/20.500.12182/578> (accessed 02.03.2023) (In Polish).
8. Janowska H. Emigration from Poland in the years 1918–1939. *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)* [The emigration from Polish territories during the modern and contemporary times (since 18th century until 20th century)]. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1984. pp. 326–450 (In Polish).
9. Matejka J. Canadian immigration policy towards the Polish in 1896–1939. *Studia Polonijne* [Polish Studies], 1979, vol. 3, pp. 23–60 (In Polish).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 13.03.2023

УДК 94(476)

А. К. Гецевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**БЕСПРОЦЕНТНЫЕ КРЕДИТНЫЕ КАССЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 ГГ.)**

В статье рассматривается деятельность еврейских и польских беспроцентных кредитных касс в межвоенный период на территории Западной Беларуси. Изучение данной проблемы дает возможность более полно и глубоко исследовать развитие кредитно-банковской системы западнобелорусского региона, показать роль микрофинансовых учреждений в экономической жизни белорусского общества. На конкретных примерах автор показывает, что деятельность польских беспроцентных касс фактически финансировалась правительством страны, а деятельность еврейских касс – американскими неправительственными организациями. Анализируются статические данные о количестве еврейских и польских касс беспроцентного кредита, их вклад в развитие производства, торговли, социального обеспечения населения. Подчеркивается определенный успех данного типа кредитно-банковских учреждений в западнобелорусском регионе. Основные положения и выводы базируются на анализе нормативно-правовых актов, данных статистики, материалов периодической печати.

Ключевые слова: Западная Беларусь, кредитные кассы, займ, беспроцентный займ, поляки, евреи.

Для цитирования: Гецевич А. К. Беспроцентные кредитные кассы на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 95–99. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-17.

A. K. Getsevich

Yanka Kupala Grodno State University

**INTEREST-FREE CREDIT BUREAUS ON THE TERRITORY
OF WESTERN BELARUS (1921–1939)**

The article examines the activities of Jewish and Polish interest-free credit bureaus in the interwar period on the territory of Western Belarus. The study of this problem makes it possible to more fully and deeply explore the development of the credit and banking system of the West Belarusian region, to show the role of microfinance institutions in the economic life of the Belarusian society. Using concrete examples, the author shows that the activities of Polish interest-free cash registers were actually financed by the government of the country, and the activities of Jewish cash registers were financed by American non-governmental organizations. Static data on the number of Jewish and Polish cash registers of interest-free loans, their contribution to the development of production, trade, and social security of the population are analyzed. A certain success of this type of credit and banking institutions in the West Belarusian region is emphasized. The main provisions and conclusions are based on the analysis of normative legal acts, statistical data, periodical materials.

Keywords: Western Belarus, credit funds, loan, interest-free loan, Poles, Jews.

For citation: Getsevich A. K. Interest-free credit bureaus on the territory of Western Belarus (1921–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 95–99 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-17.

Введение. На протяжении 1920–1930 гг. население западнобелорусского региона находилось в ситуации постоянного финансового кризиса, который усугублялся последствиями мировой, гражданской и польско-советской войн, гиперинфляционными процессами, последствиями мирового финансового кризиса 1929–1933 гг. Все это в короткий срок породило громадное отставание северо-восточных воеводств второй Польской республики от центральных и западных регионов страны в экономическом, транспортно-логистическом развитии, жизни всего западнобелорусского

общества. Кризисы перепроизводства, нехватка земли вызвали рост безработицы, массовой эмиграции, снижение и без того невысокого уровня социальной обеспеченности населения.

Вместе с тем в регионе начали активно развиваться новые формы взаимопомощи – беспроцентные кредитные кассы. В 1920–1930-х гг. они развивались исключительно в еврейской общности, а во второй половине 1930-х можно было наблюдать появление и христианских беспроцентных касс.

Принцип построения деятельности беспроцентной кассы был достаточно прост. Участники

кассы, обычно жители одного населенного пункта, формировали капитал кассы и ежемесячно отчисляли туда небольшую сумму. Размер вступительного взноса для членов касс, как правило, равнялся 1 злотому, а сумма ежемесячного пополнения – от 10 грошей до 50 грошей (наиболее распространенный размер ежемесячного взноса).

Ежемесячные поступления от членов составляли основу прироста капитала в кассах.

Вторым источником для формирования кредитных ресурсов кассы являлись пожертвования. Данная форма взносов в кассу была особенно характерна в период избирательных кампаний для поднятия авторитета того или иного политика, общественного деятеля, крупного еврейского предпринимателя. Нередко жертвователями выступали иностранцы, особенно американские, благотворительные организации и частные лица. Их взносы свидетельствовали о доверии к кассам беспроцентного кредита со стороны благотворителей. К примеру, для того чтобы получить финансовую поддержку от благотворителей, касса должна была в течение нескольких месяцев перед получением кредита проводить самостоятельную кредитную деятельность за счет своего капитала либо средств собранных среди местного населения. Важным фактором привлечения средств являлся и уровень административных расходов кассы – они должны были быть минимальными.

Третьим источником поступления средств для беспроцентных касс были субсидии от органов местного самоуправления. Как известно, средства, которые кассы предоставляли своим членам, шли на развитие ремесленной деятельности и торговли в регионе. Поэтому местные власти были заинтересованы в развитии данных направлений. При этом обе стороны оставались удовлетворены такого рода сотрудничеством, поскольку местная власть выделяла лишь часть средств на реализацию проектов поддержки (в основной массе от 500 до 5000 злотых), а остальное выделялось беспроцентной кассой. Таким образом, местная власть решала вопросы экономического развития и снижения безработицы, повышала собственный авторитет, затрачивая при этом гораздо меньше средств.

Последним источником финансирования, который внедрялся в конце 1930-х гг. преимущественно в христианских беспроцентных кассах, стали кредитные ресурсы крупных государственных банков, прежде всего Государственного сельскохозяйственного банка и Банка национального хозяйства.

Кассы выдавали ссуды ремесленникам, мелким промышленникам и владельцам торговых организаций на коммерческие нужды. Займы выдавались без процентов сроком от трех месяцев до одного года.

Отличительной особенностью беспроцентных касс являлось то, что их участники не отвечали по долгам кассы своими долями, как это было в случаях кооперативных касс, поскольку формально не вносили никаких долей в кассу. Кассы не брали никаких письменных обязательств со своих членов [1, с. 5–6].

Еврейские беспроцентные кассы. Первыми на территории западнобелорусского региона возникли еврейские беспроцентные кассы. Инфляция и финансовый кризис конца 1925 – начала 1926 г. в Польше еще больше ухудшили положение еврейской общественности. Для обедневших еврейских ремесленников жизненно необходимыми были кредиты без процентов и залогов. Наиболее распространенной и традиционной формой еврейской благотворительности было предоставление денежных займов мелким ремесленникам и купцам. В межвоенной Польше такие услуги оказывали беспроцентные кредитные кассы «Gemilus Chesed».

В 1920–1930-е гг. финансовую помощь кредитным учреждениям второй Польской республики оказывали Американский объединенный еврейский комитет (American Jewish Joint Distribution Committee) («Джойнт») и Еврейское колониционное общество, которые ради координации деятельности в Польше учредили совместную организацию. В 1926 г. в Варшаве «Джойнтом» было образовано Центральное Общество поддержки беспроцентного кредита (Central Organization for the Support of Interest-Free Credit, «СЕКАВЕ»). К концу 1926 г. под руководством «СЕКАВЕ» действовало 226 региональных отделений и организаций [2, с. 85].

От Виленского и Новогрудского воеводств в «СЕКАВЕ» входил Краевой еврейский комитет «КРО» (с представительством в Вильно). За первый год работы больше всего беспроцентных касс на территории восточных воеводств второй Польской республики было создано в Виленском и Новогрудском воеводствах (68 касс на 1 января 1927 г.), а также в Белостокском, Полесском и Волыньском воеводствах (49 касс). С 1928 г. открытие касс происходило в основном в центральных и юго-восточных воеводствах и не зарегистрировано в Виленском и Новогрудском воеводствах. Замедление процесса образования касс было обусловлено уменьшением финансовой поддержки «Джойнта» в связи с мировым экономическим кризисом. В то же время количество еврейских беспроцентных касс в посткризисные годы (с 1934 по 1939) увеличилось с 698 до 960, в том числе до 256 – в западнобелорусском регионе [3, с. 304].

Как считает белорусская исследовательница Пашкович Е. И., «большое количество касс беспроцентного кредита и пользователей их услуг

может послужить показателем обнищания еврейского населения. Две трети населения большинства местечек обращались в кассы за кредитами, а в некоторых городках этот показатель доходил до 90%, и это при том, что величина кредита в редких случаях превышала 100 злотых» [3, с. 305].

Анализ финансовых отчетов 169 касс в Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах за 1930 г. показывает, что наибольшую статью доходной части составляли субсидии, полученные от «Джойнт» – 1 055 749 злотых (60,2%), собственный капитал составлял 602 576 злотых (34,36%), частные вклады – 95 411 злотых (5,54%). Поддержка касс местной еврейской общественностью зависела от материального благополучия и степени состоятельности ее представителей. Наименьшее количество средств имели кассы в Новогрудском и Полесском воеводствах. В 1930 г. кассы беспроцентного кредита в Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах выдали кредитов на общую сумму 1 659 096 злотых [4, с. 30].

Согласно уставу, в задачи Краевого еврейского комитета «ИКОРО», кроме основания и контроля за деятельностью касс «Gemilus Chesed», входило выполнение социальной опеки: оказание помощи бездомным, вдовам, эмигрантам, открытие для них пунктов питания, доставка одежды и средств отопления, учреждение и финансирование детских приютов, летних лагерей, оказание врачебной, правовой помощи, поддержка ремесла и профессионального образования, учреждение библиотек, проведение лекций, статистических исследований с целью изучения социальной, культурной и хозяйственной жизни еврейского населения, выявления лиц, требующих поддержки. Общество «СЕКАВЕ» помимо предоставления беспроцентных кредитов занималось доставкой посылок с одеждой от родственников из-за рубежа для обедневшего населения Польши без учета вероисповедания.

Польские власти способствовали развитию еврейских касс беспроцентного кредита. Общество «СЕКАВЕ» получало от Министерства труда и социального обеспечения ежегодную субсидию в размере 100 000 злотых. Министерство внутренних дел требовало от местной администрации оказывать денежную помощь беспроцентным еврейским кассам. Кроме того, они были освобождены от почтовых и судебных налогов. Министерство коммуникации предоставляло скидку в 80% на проезд для служащих беспроцентных касс. Выделялись средства на поддержку беспроцентных касс и по линии Министерства религиозных конфессий и общественного просвещения Польши.

Таким образом, предоставление беспроцентных денежных кредитов было традиционной и

наиболее распространенной формой еврейской благотворительности. Почти во всех населенных пунктах, где проживали евреи, существовали беспроцентные кассы «Gemilus Chesed». В межвоенный период кассы превратились из традиционных благотворительных обществ в достаточно сильные экономические финансовые учреждения [3, с. 306–307].

Христианские беспроцентные кассы. В 1935 году во второй Польской республике функционировали только 799 еврейских касс беспроцентного кредита. Христианские кассы беспроцентного кредита начали действовать на территории Польши начиная с 1936 г. и являлись, по сути, копиями еврейских касс беспроцентного кредита. Первоначально христианские кассы стали появляться при союзах ремесленников с целью помощи мелкотоварному производству и ремеслу в пополнении оборотных средств, поскольку государственные и частные банки не были заинтересованы в работе с ними.

Создание беспроцентных касс стало хорошей альтернативой для получения дешевых кредитов среди жителей деревень и местечек в 1930-х гг. Вместе с тем данные кассы не выдавали оборотных кредитов (от урожая до урожая) для крестьян, а были нацелены, прежде всего, на поддержку тех, кто начинал сельскохозяйственное производство, переезжал в другую сельскую местность из густонаселенных крестьянских деревень, осваивал новые территории в определенных правительством регионах [5, с. 1].

Христианские кассы выдавали кредиты для населения польской национальности на целый спектр направлений: пополнение оборотных средств, поддержка торговли, ремесла, рукоделия. Члены христианских касс были обязаны оплачивать входной взнос (обычно в размере 1 злотого), а также ежемесячные взносы в размере 0,5 злотого. Взносы для членов кассы, получивших помощь, обычно удваивались.

Оборотный капитал беспроцентной кассы состоял из членских взносов, пожертвований, субвенций, а также целевой помощи от государственных банков (под конкретные программы).

Организатором сети таких учреждений фактически выступил Государственный сельскохозяйственный банк, который выделил на эти цели 1 млн злотых. Помощь в деятельности беспроцентных крестьянских касс оказывалась со стороны коммунальных сберегательных касс поватов, в которых они функционировали. Христианские беспроцентные кассы могли выделять достаточно крупные кредиты (по меркам деревни – несколько сот злотых) под векселя, однако подать заявку на кредит могли и крестьяне, которые не имели достаточного обеспечения кредита и не смогли получить его в банке [5, с. 1].

Средняя сумма оборотного капитала кассы составляла 3100 злотых (по состоянию на 1939 г.). При этом 54% этой суммы составляли взносы и пожертвования, 32% – поддержка государства (в основном через субвенции), 14% – поддержка местных органов власти [6, с. 3]. Фактически получается, что если в еврейских беспроцентных кассах основным кредитором было американское благотворительное общество, то для христианских касс эту функцию выполняло государство, которое через госбанки дотировало христианские кассы беспроцентного кредита.

Во второй Польской республике христианские беспроцентные кассы были объединены в 4 союза: Объединение беспроцентных касс (г. Торунь), Договор беспроцентных касс (г. Вильно), Объединение Христианских беспроцентных касс (г. Варшава), Польская Центральная касса беспроцентного кредита (г. Варшава).

Крупнейшим союзом на 31 декабря 1937 года являлось Объединение Христианских беспроцентных касс, куда входили 212 касс (данные представляли 132 кассы). Объединение выдавало входившим в него первичным организациям беспроцентные кредиты в сумме от 500 до 2000 злотых.

Согласно отчетам 132 касс:

- численность членов – 12 796 (в среднем на 1 кассу – 97 человек);
- собственные средства – 182 889 злотых (в среднем на 1 кассу – 1390 злотых);
- привлеченные средства – 98 296 злотых (в среднем на 1 кассу – 740 злотых);
- квота выделенных кредитов в течение года – 397 152 злотых (в среднем на 1 кассу – 3000 злотых).

Благодаря средствам кассы было запущено 1109 новых ремесленных мастерских и торговых площадок [7, с. 2].

Большая часть западнобелорусских христианских беспроцентных касс входила в состав Польской Центральной кассы беспроцентного кредита. В частности, по состоянию на 01.04.1937

в Белостокском воеводстве существовали 4 христианские кассы, входившие в данное объединение, в Виленском – 8, в Новогрудском – 4 [1, с. 21].

К 1 апреля 1939 г. под эгидой Польской Центральной кассы беспроцентного кредита действовало 709 (по состоянию на 1 декабря 1938 г. – 611) касс беспроцентного кредита, в том числе в Белостокском воеводстве – 27, Виленском – 46, Новогрудском – 16, Полесском – 15 [8, с. 158].

Заключение. К сожалению, начало Второй мировой войны и последовавшие социально-экономические изменения не позволяют нам оценить эффективность деятельности христианских беспроцентных касс в западнобелорусском регионе в полной мере.

Развитие еврейских и христианских беспроцентных касс и успешные результаты их деятельности, несомненно, свидетельствовали о жизнеспособности идеи беспроцентного кредита. Она находила положительный отклик в польском обществе, улучшала климат в системе социальных отношений. Очевидно, что без внешней поддержки (со стороны благотворительных фондов или государственного бюджета) говорить об экономической эффективности данного типа кредитно-финансовых учреждений не приходится.

Вместе с тем сама модель беспроцентных касс показала возможность максимального сокращения затрат на управление кассой, надзор и контроль за деятельностью учреждения.

Кроме того, в практике была реализована новая экономическая идея, основанная на том, что беспроцентные кассы стали триггером в развитии регионального предпринимательства, поскольку не несли за собой непомерных процентных нагрузок, снижали финансовые риски в случаях неудачи при создании предприятия, развивали принципы взаимопомощи и коллективной солидарности, снижали социальное напряжение в обществе.

Список литературы

1. Polskie Kasy Bezprocentowe. Warszawa: Wydawnictwa Polskiej Centralnej Kasy Kredytu Bezprocentowego w Warszawie, 1937. 65 с.
2. Morawski W. Słownik historyczny bankowości polskiej do roku 1939. Warszawa: Muza, 1998. 207 s.
3. Пашкович А. І. Дзейнасць кас беспрацэнтнага крэдыту на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг. // Белорусско-еврейский диалог в контексте мировой культуры: материалы I Междунар. науч. конф., Минск, 28–30 апреля 2008 г. Минск: БГУ, 2011. С. 303–309.
4. Prowalski A. Spółdzielczość żydowska w Polsce. Warszawa, 1933. 54 с.
5. Bank rolny organizuje kasy bezprocentowe dla rolników // Codzienna gazeta handlowa. 1938. N 297. S. 1.
6. Chrześcijańskie kasy bezprocentowe // Warszawski Dziennik Narodowy. 1939. N 147A. S. 3.
7. Działalność chrześcijańskich kas bezprocentowych // Warszawski Dziennik Narodowy. 1938. N 51. S. 2.
8. Kasy bezprocentowe // Oszczędność. 1939. N 8. S. 158.

References

1. *Polškiye Kasy Bezprocentowe* [Polish Interest-Free Bureaus]. Warsaw, Wydawnictwa Polskiej Centralnej Kasy Kredytu Bezprocentowego w Warszawie Publ., 1937. 65 p. (In Polish).
2. Morawski W. *Słownik historyczny bankowości polskiej do roku 1939* [Historical Dictionary of Polish banking until 1939]. Warsaw, Muza Publ., 1998. 207 p. (In Polish).
3. Pashkovich A. I. Activity of cash registers of interest-free loans on the territory of Western Belarus in the 1920s–1930s. *Belorussko-yevreyskiy dialog v kontekste mirovoy kul'tury: materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Minsk, 28–30 aprelya 2008 g.* [Belarusian-Jewish dialogue in the context of world culture: Materials of the I International Scientific Conference, Minsk, April 28–30, 2008]. Minsk, 2011, pp. 303–309 (In Belarusian).
4. Prowalski A. *Spółdzielczość żydowska w Polsce* [Jewish cooperatives in Poland]. Warsaw, 1933. 54 p. (In Polish).
5. Agricultural Bank organizes interest-free bureaus for farmers. *Codzienna gazeta handlowa* [Daily trade newspaper], 1938, no 297, p. 1 (In Polish).
6. Christian interest-free cash bureaus. *Warszawski Dziennik Narodowy* [Warsaw National Journal], 1939, no 147A, p. 3 (In Polish).
7. Activities of Christian interest-free bureaus. *Warszawski Dziennik Narodowy* [Warsaw National Journal], 1938, no 51, p. 2 (In Polish).
8. Interest-free bureaus. *Oszczędność* [Savings], 1939, no. 8, p. 158 (In Polish).

Информация об авторе

Гецевич Андрей Казимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, Республика Беларусь). E-mail: a.gecevich@grsu.by

Information about the author

Getsevich Andrey Kazimirovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Disciplines. Yanka Kupala Grodno State University (22, Ozheshko str., Grodno, 230023, Republic of Belarus). E-mail: a.gecevich@grsu.by

Поступила 01.03.20223

УДК 908, 94 (476)

И. Д. Матяс

Белорусский национальный технический университет

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В. М. ИГНАТОВСКОГО В 20-Х ГГ. XX ВЕКА**

В статье исследуется общественно-политическая деятельность историка, первого президента Академии наук Беларуси В. М. Игнатовского, в 20-х гг. прошлого века возглавлявшего Наркомат просвещения БССР. На посту наркома просвещения, в роли ученого-исследователя, преподавателя, автора книг и учебников и, будучи директором Института Белорусской Культуры, а потом и первым президентом Академии наук Беларуси, Всеволод Макарович многое сделал для культурно-национального возрождения Беларуси в 20-х гг. XX столетия. Его имя тесно связано с политикой белорусизации в нашей стране в начале прошлого века, когда Наркомат просвещения принимал решения об использовании белорусского языка в культурно-просветительских учреждениях страны, издании учебников на белорусском языке, организации обучения на родном языке в белорусских и других национальных школах, подготовке учителей для работы в национальных школах. Исследование основано на архивных материалах, документах того времени, научных статьях, которые позволяют привести конкретные примеры деятельности Игнатовского в этот период, оценить его вклад в развитие образования, науки и культуры Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, В.М. Игнатовский, история Беларуси, политика белорусизации, краеведение, Инбелкульт, БГУ.

Для цитирования: Матяс И. Д., Общественно-политическая деятельность В. М. Игнатовского в 20-х гг. XX века // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 100–105. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-18.

I. D. Matsias

Belarusian National Technical University

**SOCIO-POLITICAL ACTIVITY
V. M. IGNATOVSKY IN THE 20S OF THE 20th CENTURY**

The article examines the socio-political activities of the historian, the first president of the Academy of Sciences of the Republic of Belarus V. M. Ignatovsky, in the 20s of the last century, who headed the People's Commissariat of Education of the BSSR. As People's Commissar of Education, as a research scientist, teacher, author of books and textbooks, and as director of the Institute of Belarusian Culture, and then the first president of the Academy of Sciences of Belarus, Vsevolod Makarovich did a lot for the cultural and national revival of Belarus in the 20s of the 20 century. His name is closely connected with the belarusization policy in our country at the beginning of the last century, when the People's Commissariat of Education made decisions on the use of the Belarusian language in the country's cultural and educational institutions, the publication of textbooks in the Belarusian language, the organization of education in the native language in Belarusian and other national schools, training teachers to work in national schools. The study is based on archival materials, documents of that time, scientific articles that allow us to give specific examples of Ignatovsky's activities during this period, to evaluate his contribution to the development of education, science and culture in Belarus.

Key words: Belarus, V. M. Ignatovsky, history of Belarus, Belarusianization policy, local history, Inbelkult, Belarusian State University.

For citation: Matsias I. D. Socio-political activity V. M. Ignatovsky in the 20s of the 20th century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, № 1 (269), pp. 100–105 (In Russian).* DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-18.

Введение. Имя Всеволода Макаровича Игнатовского неразрывно связано с историей Беларуси, с началом ее культурно-национального возрождения в 20-х гг. прошлого века. Игнатовский – один из первых белорусских историков. Его работы по истории Беларуси, написанные живым языком, в 20-х гг. XX века являлись основными учебниками в вузах республики по курсу бело-

русской истории. Значительное место в жизни Всеволода Макаровича занимала педагогическая деятельность.

Будучи наркомом просвещения в 1921–1926 гг., Игнатовский занимался организацией школьной работы: подготовкой учителей, налаживанием издания учебников, введением в БССР обязательного начального образования.

В 1926 г. Всеволод Макарович стал директором Института Белорусской культуры, а в 1928 – первым президентом Академии наук Беларуси, реорганизованной из Инбелкульты.

Основная часть. В 20-х гг. Игнатовский активно участвовал в общественной жизни Беларуси в качестве члена ЦК КП(б)Б, а с 1924 г. – члена Бюро ЦК КП(б)Б.

Систему государственных органов в молодой Белорусской республике с конца июля до декабря 1920 г. возглавлял Военно-революционный комитет, председателем которого был Червяков А. В его состав наряду с А. Вайнштейном, У. Кнориным и И. Адамовичем входил и Игнатовский [1, л. 19].

Вначале Игнатовский был заведующим отделом земледелия, занимался организацией сельскохозяйственных артелей и изучал отношение к этому сельчан. На II Всебелорусском съезде Советов в середине декабря 1920 г. Всеволод Макарович был назначен наркомом просвещения. Активность по национально-культурному возрождению Беларуси началась еще в ноябре – тогда Наркомат образования издал приказ об использовании белорусского языка в культурно-просветительских учреждениях Беларуси, об издании книг и учебников на белорусском языке [2, л. 20].

Несмотря на то, что в 1920 г. белорусский язык стал государственным, до претворения в жизнь этого решения было далеко. Даже коренное население Беларуси забыло родной язык. И хотя жители белорусских глубинок сберегали свои диалекты, в городах в основном разговаривали по-русски. Научного белорусского языка и вовсе не было.

Вторая сессия ЦИК Советов Беларуси подтвердила декрет о равноправии в качестве государственного белорусского, русского, еврейского и польского языков. На этой сессии нарком просвещения было дано предписание делать все возможное для усиления работы на языке большинства селян Беларуси. В первую очередь планировалось приступить к переводу школ, в которых учились дети белорусов, на белорусский язык обучения. Этот период совпал с началом эвакуации учителей с их семьями в Беларусь [3, л. 2].

В феврале 1921 г. при Народном комиссариате просвещения при непосредственном участии Игнатовского начала работу Научно-терминологическая комиссия, в состав которой вошло 18 человек. Тогда же возникла идея основать Институт по изучению Беларуси, ее истории, этнографии и культуры, но из-за отсутствия соответствующего количества квалифицированных специалистов, денег, материальной базы реализована она не была.

На повестке дня оставался нерешенным и вопрос об открытии в Минске университета, кото-

рый обсуждался еще в период немецкой оккупации. С проектом положения и статуса университета выступали профессор Довнар-Запольский М. и академик Карский Е. В феврале 1919 г. Президиум ЦИК Советов Беларуси признал желательным открытие в Минске государственного университета, но работа по реализации этой идеи была остановлена летом 1919 г. польской оккупацией. Оккупационная власть к идее университета в Минске относилась негативно. В это время белорусские культурные силы объединялись вокруг педагогического института, где в период польской оккупации уже читались лекции на белорусском языке.

В июле 1920 г., после установления в Минске Советской власти, деятельность университетской комиссии возобновилась. И уже 2 июля 1920 г. Правлением комиссии Наркомата просвещения ССРБ было назначено Правление Белорусского государственного университета, в состав которого вошли: профессор Пичета В., Игнатовский В., заместитель наркома просвещения Фрумкин М. и профессор Турук Ф. Пятое место члена правления, предназначенное для представителя от студентов, временно осталось вакантным [4, л. 19].

30 октября этого же года университет начал свою работу. В этот день в газете «Звезда» было опубликовано интервью с Игнатовским, где он отмечал, что «на протяжении всей истории Белоруссии – Белорусский университет – первый университет, обслуживающий специально местные интересы и нужды... Все науки будут проходить в плоскости белорусских культурных запросов и изучения особенностей края» [5]. Говорил Игнатовский в интервью и о классовых интересах, отмечая, что присутствие среди слушателей большого количества коммунистов разовьет работу партии и обеспечит «коммунистическое влияние университета на окружающую жизнь». Вера в коммунизм была искренней и сильной. Белорусские патриоты-коммунисты были уверены, что, опираясь на советскую власть, возродить белорусскую государственность можно быстрее, чем на основе других политических концепций.

Со дня его основания Игнатовский работал в БГУ и в качестве преподавателя, читал студентам лекции по истории Беларуси и белорусской культуры. Некоторое время был деканом педагогического факультета, председателем президиума факультета общественных наук, на котором организовали 4 исторические кафедры.

Университет сразу же стал центром белорусской образовательной и научной работы. В БГУ приглашались ведущие специалисты из других научных учреждений. Лекции в университете читали профессор Соловьев И. из Москвы, профессор Ивановский В. из Самары, профессор Дьяков У. и профессор Кончаловский Д.

из Московского университета. Историю средних веков студентам преподавал А. Ясинский – почетный член Пражской Академии наук, В. Перцев читал новейшую историю Западной Европы, профессор Карский Е. – историю старобелорусского языка, профессор Янчук Н. – этнографию. Белорусский университет начинался с известных имен, с профессионалов, у которых было огромное желание помочь развить культуру советской Беларуси.

Правда, связь студентов со «старой профессурой» не всегда была тесной. Ластовский В., приехав в Минск в 1926 г. на Академическую конференцию, писал: «...сярод студэнцтва сустраў я дужа цікавыя элеметы. Большасць беларускага студэнцтва добра гаварыць беларускай мовай, але між імі, здаецца, не надта вялікі працэнт будучых дзеячоў народнага адраджэння. Прычына ў тым, што студэнцтва знаходзіцца ў вельмі цяжкіх матэрыяльных варунках і не мае сыццлага кантакту з прафесурай. Гэта ўнутранная разгалосіца між універсітэцкай моладдзю і іх духоўнымі павадырамі не карысна ўплывае на кшталтаванне маладых характараў моладзі. Зразумела, сільныя адзінкі выдуць з гэтка гарна непашкоджана, але слабэйшыя могуць даць кантынген вучоных рамеснікаў, умыслова яловых і духоўна бязплодных...» [6].

Но главное, БГУ давал специалистов, очень нужных молодой республике для развития образования, экономики, медицины, культуры. В 1926 г. Беларусь получила первых выпускников национального университета: 130 юристов, 125 экономистов, 274 педагога и 198 врачей [7, л. 23]. Эти результаты перекрывали определенные проблемы, которые были неизбежны на начальном этапе.

Распространение белорусского языка встречало и сопротивление. В городах в основном жило русскоязычное население, да и крестьянам долгое время вбивали, что язык белорусский – «мужицкий» и использовать его нельзя.

Осенью 1921 г. в Беларуси среди соответствующих работников прошла дискуссия по белорусскому вопросу. Игнатовский писал: «Было пастаўлена беларускае пытанне таму, што беларусы складаюць этнаграфічную большасць на Беларусі і складаюцца амаль-што выключна з сялян. Апошні факт робіць асабліва важным беларускае пытанне, ставячы яго ў сувязь з сялянскім пытаннем і з пастаноўкай партыйнай і савецкай працы на вёсцы» [8].

Результатом дискуссии стали тезисы по белорусскому вопросу, где отмечалось, что крестьянам нужно нести просвещение, связанное с их бытом и доносить его на понятном им белорусском языке. Стоит отметить, что уже тогда шел разговор о том, что необходимо остерегаться

как великодержавного уклона, так и уклона в сторону мелкобуржуазного демократического национализма при решении национального вопроса [9].

В декабре 1921 г. на III Всебелорусском съезде Советов Беларуси Всеволод Макарович выступил с докладом на тему «Народная асвета на Беларусі», текст которого был опубликован в газете «Звязда». Он говорил, что около 300 человек – белорусов, поляков, евреев вернулись в Беларусь для национально-культурной работы. И не в первый раз подчеркивал, что главная задача Госиздательства – учебники, и что БССР получает помощь в решении этой задачи: Украина и Германия тоже издают учебники для Беларуси [10].

В 1921 г. встал вопрос экономического объединения белорусских губерний, которые остались за пределами политической Беларуси того времени (некоторые поветы Смоленской губернии, Витебской и Гомельской губерний). Поэтому этот год, как писал Игнатовский, стал годом решения текущих вопросов. Тогда же при Наркомате образования был организован Белорусский отдел, перед которым были поставлены следующие задачи:

- 1) осуществлять общее руководство по возрождению и расширению белорусской культуры;
- 2) заниматься подготовкой квалифицированных сотрудников для белорусских культурно-просветительских учреждений;
- 3) заботиться о подготовке и издании учебников для школ.

Белорусский язык как учебный предмет вводился во всех школах. Основой школьной системы стала семилетка. Были организованы курсы белорусоведения для учителей. Весной 1922 г. впервые состоялся выпуск учителей в минском педагогическом техникуме.

В 1922 г. Игнатовский пишет несколько статей, посвященных политике Наркомата просвещения в сфере народного образования, отмечая ее успехи и недостатки в этом вопросе. «Наша праца пачалася пры неспрыяльных прыкметах. Вакол назіраліся альбо адмоўныя, або недаверлівыя адносіны да навучання на беларускай мове. Не былі свабодны ад гэтага і настаўнікі ў масе, якія, здаецца, лепей за іншых павінны былі ведаць першы пункт праграмы адзінай працоўнай школы аб тым, што навучанне павінна вестіся, па чыста педагогічных умовах, на роднай мове. Наркамасветы, паставішы сваёй задачай няўхільнае імкненне да беларусізацыі школы, асцярожна падышоў да гэтай задачы... Утвараліся курсы, на якіх рыхтаваліся настаўнікі, каторыя вучаць на акрэсленай тэрыторыі, сярод акрэсленага асяродзя», – отмечал Игнатовский [11].

Всеволод Макарович много говорил об издании учебников, отмечая, что Госиздательство начало работу по изданию белорусских учебников. Помогали с изданием учебников зарубежное белорусское издательство, вначале в Литве, а позднее – в Берлине. Успешно работало кооперативное минское издательство «Адраджэнне» [11].

Несмотря на то, что вопрос подготовки учителей для белорусских и других национальных школ решался достаточно успешно, сложностей было много. Временами энтузиазм подменял знания и специальную подготовку учителей. Курсы чаще всего были короткими, за время их работы не всегда получалось дать учителям соответствующую подготовку.

Тяжело было возрождать образование и потому, что оплата работы служащих культурно-просветительской сферы была намного меньше в сравнении с работниками других ведомств.

В статье «Школа и просвещение» Игнатовский писал: «Врагом школы стала бедность. Сразу стал остро вопрос о громадных экономических средствах для школы, ведь новая школа поставила своей задачей обслуживать трудовые массы. Просвещение, безусловно, стоит того, чтобы на него затратить хотя бы даже и последнюю копейку... Пришел и еще один экономический враг. Имя ему – голод. Создалось положение, когда, спасая физическое существование трудящихся, государство потеряло всякую возможность дать на просвещение хотя бы половину того, что давало раньше» [12].

Будучи идейным коммунистом, Всеволод Макарович предлагал, чтобы родившийся нэпмен (у него «спекулянт і буржуа»), платил за обучение своих детей и платил больше, чем требуется на обучение его детей. «Излишки мы сможем устроить лучше, чем он», – был убежден Игнатовский [12].

Новая экономическая политика дала возможность довольно свободно развиваться школе, но ее материальное положение оставалось бедственным. Значительную помощь образованию оказали различные зарубежные благотворительные организации. Но в 1923 г. эти организации были закрыты. «Страта была даволі важнай», – считал Балицкий. [13, л. 39].

Несмотря на трудности, дело двигалось. В своем докладе на 3-й сессии белорусского ЦИК Игнатовский подчеркивал, что зима 1923 г. была первой, когда ощущалось руководство Наркомпросвета, когда занятия шли по установленной программе, без перерывов. «Галоўная наша заслуга ў тым, што зараз мы ведаем ужо, чаго жадаем», – удовлетворенно говорил Всеволод Макарович [14].

Не однажды поднимался вопрос и о правильном белорусском языке, языке науки и культуры.

В марте 2023 г., выступая на VII съезде (XII конференции) КП(б)Б, Игнатовский отметил, что «няма адзінай беларускай мовы, а ёсць дзве мовы, але тая мова, якая не выкладаецца – не абавязкова мова абыдзенная. Мова літаратурная набліжаецца да мовы народнай па меры карыстання гэтай мовай масамі» [15, л. 197].

Говорил он и о том, что, прежде всего, пользоваться белорусским языком должны руководители, к которым люди обращаются, идут решать свои проблемы, «бо мужык – вялікі практык, і калі ён бачыць, што ў партыйных і савецкіх органах беларуская мова не ўжываецца, ён гавора, што яму гэтай мовы не трэба» [15, л. 197].

VII съезд принял резолюцию по национальному вопросу, в которой говорилось о том, что особое внимание партия должна уделить вопросам развития школ, прессы, театров, клубов и в целом культурно-просветительских учреждений на родном языке (белорусском, еврейском, русском, польском) [16, с. 96].

Летом 1923 г. В. М. Игнатовский вошел в комиссию по изучению деятельности КП(б)Б по национальному вопросу и подготовке проекта практических мероприятий для дальнейшей работы. Этим же летом было принято совместное постановление ЦИК СССР и ЦИК БССР об амнистии всем участникам антисоветских формирований 1918–1920 гг., выходцам из рабочих слоев, белорусским политическим и культурным деятелям, бывшим участникам белорусских национальных, антисоветских организаций, членам так называемых белорусских национальных правительств: Высшей белорусской рады, Наивысшей рады, правительства БНР и др., высшим членам партии белорусских эсеров, которые не принимали участия в вооруженной борьбе с советской властью [17, л. 92, 93]. В постановлении подчеркивалось, что эта амнистия имеет целью «даць магчымасць усім сумленным людзям загладзіць своё былое шчырым раскайваннем і самаадданай працай на карысць працоўных» [17, л. 87]

Стоит думать, что это была принципиальная линия, нацеленная на то, чтобы все, в том числе и те, кто не признал несколько лет назад новую власть, могли работать ради блага народа Беларуси, ее науки, образования, культуры, экономики. Былое политическое разногласие не должно было вызвать недоверие к этим людям. Действительно, в те годы все имели возможность принимать участие в культурном развитии страны. Новая власть пошла на сотрудничество с той частью белорусской интеллигенции, которая находилась за пределами республики.

В июле 1924 г., после 2-й сессии ЦИК БССР белорусизация стала официальной государственной политикой. На сессии было принято

постановление «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенню нацыянальнай палітыкі». Наркомпросвету было поручено в 1924–1925 гг.: ввести белорусский язык в качестве обязательного во всех школах; при приеме в вузы и техникумы требовать знания белорусского языка [18, л. 172–174]. Нельзя не согласиться со словами белорусских ученых И. Игнатенко и А. Кароля, что «беларусізацыя стала вызначальнай рысай усяго грамадскага развіцця БССР другой паловы 20-х гадоў, якая змяніла і палітычную, і маральна-псіхалагічную атмасферу ў рэспубліцы» [19].

Ради национально-культурного возрождения Беларуси работали тысячи людей: государственные и общественные деятели, ученые, педагоги и студенты, писатели и артисты. Не все они были белорусами по национальности. Среди них были русские, поляки, евреи, украинцы. Но все они считали Беларусь своей страной. Что касается национального состава республики в то время, согласно переписи 1926 г., белорусы составляли 80,6%, евреи – 8,2%, русские – 7,7%, поляки – 2%, украинцы – 0,7%, латыши – 0,3%, литовцы, немцы, татары – 0,1%, остальные –

0,2% [20]. Позднее Игнатовский очень точно отметил: «Тэрмін “беларусізацыя”, хаця і не зусім дасканалы, але ж разуменне яго ясна..., разуменне тэрытарыяльнае» [21, л. 183].

1924–1928 годы были годами практической реализации политики беларусізацыі. Решались проблемы распространения в массах знания белорусского языка, владения им, знаний по истории, географии, культуре Беларуси. Велась подготовка специалистов для работы в государственных и хозяйственных учреждениях.

Заключение. В. М. Игнатовский был одним из творцов и руководителей политики беларусізацыі. Вместе со своими друзьями и единомышленниками А. Червяковым, А. Адамовичем, Д. Жилуновичем, А. Балицким, Я. Коласом и Я. Купалой, Д. Прищеповым и многими другими он создавал новую Беларусь. Как никто другой он понимал, что именно в этот исторический период развития Беларуси стране нужна интеллигенция, доказывал, что создавать новую социалистическую культуру могут и должны не только пролетарии по происхождению, но и все, заинтересованные в этом люди.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 109.
2. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 76.
3. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 62.
4. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 109.
5. Белорусский университет и белорусская культура. Беседа с наркомом просвещения Беларуси т. Игнатовским // Звезда. 1921. 30 октября.
6. Ласоўскі В. Ураджанні ад паездкі у Беларускаю Радавую Сацыялістычную Рэспубліку // Маладосць. 1991. № 1. С. 102.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 313.
8. Ігнатоўскі У. М. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне // Нацыянальнае пытанне і Камуністычная партыя: зб. артыкулаў, прамоў і пастаноў. Мінск, 1924. С. 7.
9. Известия ЦК КПБ. 1921. № 14.
10. Ігнатоўскі У. М. Народная асвета на Беларусі // Звезда. 1921. 18 снежня.
11. Ігнатоўскі У. М. Год працы ў беларускай школе // Звезда. 1922. 13 чэрвеня.
12. Игнатовский В. М. Школа и просвещение // Звезда. 1922. 23 сакавіка.
13. НАРБ. Ф. 31. Оп. 10. Д. 10.
14. Звезда. 1923. 31 ліпеня.
15. НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 21.
16. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. Минск, 1973. Т. 1. 359 с.
17. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555
18. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 277
19. Ігнаценка І., Кароль А. Усевалад Ігнатоўскі і яго час. Мінск: Голас Радзімы, 1991. 124 с.
20. Кароль А. С. Беларусізацыя: 20–30 гг. // Страницы истории компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты. Минск: Университетское, 1990. С. 138.
21. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1251.

References

1. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 478. I. 1. F. 4.
2. NARB. Fund 101. I. 1. F. 76.
3. NARB. Fund 42. I. 1. F. 62.
4. NARB. Fund 42. I. 1. F. 109.

5. Belarusian University and Belarusian culture. Conversation with the People's Commissar of Education of Belarus Comrade Ignatovsky. *Zvezda* [Zviezda]. 1921. October 30.
6. Lasouski V. Results from a trip to the Belarusian Socialist Republic. *Maladosts'* [Maladość], 1991, no. 1, p. 102 (In Belarusian).
7. NARB. Fund 205. I. 1. F. 313.
8. Ignatovsky U. M. The Communist Party of Belarus and the Belarusian Question. *Natsyyanal'naye pytanne i Kamunistychnaya partyya: zbornik artykulay, pramou i pastanovau* [The National Question and the Communist Party: Collection of articles, speeches and resolutions]. Minsk, 1924, p. 7 (In Belarusian).
9. *Izvestiya TsK KPB* [News of the Central Committee of the CPB], 1921, no. 14 (In Russian).
10. Ignatouski U. M. People's light in Belarus. *Zvyazda* [Zviazda], 1921. 18 December (In Belarusian).
11. Ignatouski U. M. The Year of the Father in the Belarusian School. *Zvyazda* [Zviazda], 1922, 13 June (In Belarusian).
12. Ignatouski V. M. School and education. *Zvyazda* [Zviazda], 1922, March 23 (In Russian).
13. NARB. Fund 31. I. 10. F. 10.
14. *Zvyazda* [Zviazda], 1923. July 31.
15. NARB. Fund 4. I. 2. F. 21.
16. *Kamunisticheskaya partiya Belarusi v rezolutsiyakh i resheniyakh s'ezdov i plenumov TsK. V 6 t. T. 1* [The Communist Party of Belarus in the resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee. In 6 vol. Vol. 1]. Minsk, 1973. 359 p. (In Russian).
17. NARB. Fund 4. I. 1. F. 555
18. NARB. Fund 6. I. 1. F. 277
19. Ignatsenka I., Karol A. *Usevalad Ignatouski i yago chas* [Vsevolad Ignatovsky and his time]. Minsk, Golas Radzimy Publ., 1991. 124 p. (In Belarusian).
20. Karol A. S. Belarusianization: 20–30 years *Stranitsy istorii kompartii Belorussii: suzhdeniya, argumenty, fakty* [Pages of the history of the Belarusian Communist Party: judgments, arguments, facts]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1990, p. 138 (In Russian).
21. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1251.

Информация об авторе

Матяс Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т. Независимости, 65. Республика Беларусь). E-mail: idm07m@gmail.com

Information about the Author

Matsias Iryna Dmitrievna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavimosti Ave, 220013, Minsk, Republic of Belarus) E-mail: idm07m@gmail.com

Поступила 15.03.2023

УДК 323.1(476)+94(476)«1933/1939»

М. К. Альховік

Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА Ў БССР У ГАЛІНЕ ДРУКУ (1933–1939 ГГ.)

У артыкуле на аснове шырокага комплексу архіўных дакументаў раскрыты асаблівасці савецкай нацыянальнай палітыкі ў галіне друку ў Беларускай ССР у сярэдзіне – канцы 1930-х гг. Аўтар падкрэслівае, што змены ў выдавецкай дзейнасці адбыліся пасля прыняцця ў 1933–1934 гг. пастановаў ЦК УКП(б) па нацыянальным пытанні, якія былі расцэнены многімі мясцовымі работнікамі як накіраваныя на пашырэнне сферы ўжытку рускай мовы і спыненне абслугоўвання беларускага, польскага, яўрэйскага і іншага насельніцтва на роднай мове. З сярэдзіны 1930-х гг. назіралася тэндэнцыя змяншэння долі кніг, газет і часопісаў на беларускай мове, а таксама на мовах нацыянальных меншасцяў (за выключэннем рускай). Адначасова кіраўніцтва БССР узяло курс на паступовае павелічэнне выпуску друкаванай прадукцыі на рускай мове ў мэтах яе далейшага распаўсюджвання сярод працоўнага насельніцтва розных нацыянальнасцяў. Аўтар прыйшоў да высновы аб тым, што ў канцы 1930-х гг. улады БССР адмовіліся ад выдання кніг, газет і часопісаў на польскай, латышскай, літоўскай і іншых мовах. Выпуск літаратуры на мове ідыш быў абмежаваны.

Ключавыя словы: нацыянальная палітыка, нацыянальныя меншасці, беларускі друк, нацыянальны друк, БССР.

Для цытавання: Альховік М. К. Нацыянальная палітыка ў БССР у галіне друку (1933–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 106–109. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-19.

M. K. Alkhovik

Belarusian State Medical University

NATIONAL POLICY IN THE BSSR IN THE FIELD OF PRESS (1933–1939)

The article, based on a wide range of archival documents, reveals the features of the Soviet national policy in the field of press in the Byelorussian SSR in the mid-late 1930s. The author emphasizes that changes in publishing activities occurred after the adoption in 1933–1934 of the resolutions of the CC of the VKP(b) on the national issue, which were considered by many local workers to be aimed at expanding the scope of the use of the Russian language and ending the service of Belarusian, Polish, Hebrew and other peoples in their native languages. Since the mid-1930s, there was a tendency to decrease the proportion of books, newspapers and magazines in the Belarusian language, and the languages of national minorities (with the exception of Russian). At the same time, the leadership of the BSSR took a course to gradually increase the output of printed materials in Russian in order to further distribute it among the working population of different nationalities. The author concludes that at the end of the 1930s the BSSR authorities refused to publish books, newspapers and magazines in Polish, Latvian, Lithuanian and other languages. The release of literature in Yiddish was limited.

Keywords: national policy, national minorities, Belarusian press, national press, BSSR.

For citation: Alkhovik M. K. National policy in the BSSR in the field of press (1933–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 106–109 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-19.

Уводзіны. З першай паловы 1920-х гг. нацыянальная палітыка ў БССР у сферы друку была накіравана на пастаянны рост тыражоў друкаванай прадукцыі як на беларускай мове, так і на мовах нацыянальных меншасцяў (ідыш, польскай, рускай, латышскай, літоўскай, нямецкай і інш.). Кнігі і перыядычныя выданні разглядаліся ў якасці аднаго з галоўных сродкаў масавай інфармацыі і прапаганды, важным інструментам кіраўніцтва працэсамі сацыялістычнага будаўніцтва.

У аічыннай гістарыяграфіі адзначаецца, што ў сярэдзіне – канцы 1930-х гг. друк Беларускай

ССР развіваўся ў кантэксце рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, накіраванай на цэнтралізацыю і ўніфікацыю нацыянальнай сферы жыцця грамадства [1, с. 63–64]. Разам з тым цэласная карціна рэалізацыі новага нацыянальнага курсу ў сферы выдавецтва ў акрэслены перыяд адсутнічае. У гэтай сувязі з гэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне асаблівасцяў савецкай нацыянальнай палітыкі ў галіне друку БССР у 1933–1939 гг.

Асноўная частка. У адпаведнасці з пастановамі ЦК УКП(б) «Аб сельскагаспадарчых нарыхтоўках у Беларусі» ад 19 снежня 1932 г.,

«Аб скрыўленні нацыянальнай палітыкі УКП(б) у Беларусі» ад 2 сакавіка 1933 г. і «Аб рабоце ЦК КП(б)Б і СНК БССР» ад 26 ліпеня 1934 г. у БССР быў абвешчаны курс на пераадоленне наступстваў «гвалтоўнай беларусізацыі» і «перагібаў» у рабоце сярод нацыянальных меншасцяў. Рашэнні саюзнага кіраўніцтва былі расцэнены многімі мясцовымі работнікамі як накіраваныя на пашырэнне сферы ўжытку рускай мовы і спыненне абслугоўвання беларускага, польскага, яўрэйскага і іншага насельніцтва на роднай мове. Так, у 1933 г. начальнік агітацыйна-прапагандысцкага аддзела гарадскога савета Гомеля Шапіра адмовіўся распаўсюджаць літаратуру сярод гомельскіх рабочых, матывуючы гэта тым, што «рабочыя не ведаюць беларускую мову» [2, арк. 85]. Адначасова ў сярэдзіне 1930-х гг. асобныя партыйна-савецкія дзеячы правялі шэраг агітацыйна-прапагандысцкіх акцый у падтрымку «бальшавіцкай беларусізацыі». Так, 5–10 мая 1935 г. пад лозунгам барацьбы за бальшавіцкую беларусізацыю прайшла пяцідзёнка друку [3, арк. 191, 193].

І тым не менш у сярэдзіне 1930-х гг. выявілася тэндэнцыя змяншэння ўдзельнай вагі беларускіх кніг, газет і часопісаў. Масавыя пераклад і выданне класікаў рускай літаратуры прывялі да ігнаравання арыгінальных твораў беларускай літаратуры. Так, калі ў 1931 г. кніжная прадукцыя на беларускай мове складала 1301 друк. адз., то ў 1939 г. – 392 (у т. л. перакладная – 205). Колькасць газет, якія выдаваліся на беларускай мове, зменшылася з 313 у 1934 г. да 149 у 1938 г. У 1939 г. на беларускай мове выходзіла 8 часопісаў (у 1932 г. – 24 часопісы, а таксама 3 часопісы друкаваліся часткова на беларускай мове). Выпуск і попыт на беларускую літаратуру катастрафічна ўпаў, кнігагандлёвыя арганізацыі адмовіліся ад яе прапаганды. Так, у 1938/1939–1939/1940 гг. кнігарні Магілёва рэалізавалі 38 985 экз. «Кароткага курса гісторыі УКП(б)», у тым ліку 13 100 экз. на беларускай мове. Першы сакратар ЦК КП(б)Б Панамарэнка П. К. у лісце да І. В. Сталіна ад 21 лістапада 1938 г. сцвярджаў, што «ў горадзе і вёсцы рускія кнігі бяруць нарахват, а беларускія... ляжаць на паліцах» [4, арк. 18–29].

У 1933 г. пачаўся перавод перыядычных зборнікаў навуковых работ, газет ВНУ, прадпрыемстваў і іншых устаноў на рускую мову. Так, 16 ліпеня 1938 г. выйшла пастанова Бюро ЦК КП(б)Б аб выданні органа палітаддзела Днепра-Дзвінскага рачнога параходства газеты «Белорусский фарватер» на рускай мове, «бо выданне газеты на рускай і беларускай мовах не толькі ўскладняе тэхніку выпуску газеты, але не мэтазгодна, бо яна абслугоўвае воднікаў трох саюзных рэспублік». Абласныя і раённыя газеты БССР выдаваліся на беларускай мове. 12 кастрычніка 1938 г. І. В. Сталін на пасяджэнні

Палітбюро ЦК УКП(б) заявіў, што раённыя газеты павінны выходзіць на мове саюзнай рэспублікі. У СССР абласныя газеты на рускай мове друкаваліся толькі ў абласных цэнтрах з вялікім працэнтам рускага насельніцтва [5, арк. 20].

Пад кіраўніцтвам ЦК КП(б)Б выдавецтва і кнігагандлёвыя арганізацыі БССР каардынавалі работу па ўзмацненні пазіцый друкаванай прадукцыі на рускай мове. Калі ў 1933–1935 гг. мастацкая і дзіцячая літаратура з РСФСР у асноўным трапляла ў г. зв. раёны групы «А» (22 населеныя пункты і раёны БССР са значнай доляй рускага насельніцтва: Церахоўка, Ветка, Гомель і інш.), то ў канцы 1935 г. Беларускае дзяржаўнае выдавецтва (ДВБ) перайшло да масавага выпуску рускай літаратуры для гарадскога і сельскага насельніцтва БССР. Калі ў 1932 г. кніжная прадукцыя на рускай мове ў БССР складала 25 друк. адз., то ў 1939 г. – 340 друк. адз. У прынятай пад уплывам Мінскага ГК КП(б)Б пастанове Бюро ЦК КП(б)Б «Аб рабоце Белдзяржвыдата» ад 19 кастрычніка 1936 г. звязаныя з арыштаваным ваенным дзеячам Г. Д. Гаём, дырэктар ДВБ Браўковіч Ф. Я. і работнік ДВБ Іванькоўскі былі абвінавачаны ў «антыдзяржаўнай рабоце» і «ігнараванні выпуску літаратуры на рускай мове, што не знаходзіла адлюстравання ні ў планах выдавецтва, ні ў фактычна выпушчанай літаратуры». Выданне вялікімі тыражамі кніг на нярускіх мовах было асуджана як марнатраўства [6, арк. 55].

У 1932 г. на рускай мове выдавалася 6 газет, часткова на рускай мове – 13. Да 1939 г. колькасць рускіх газет павялічылася да 59. Па прапанове ЦК УКП(б) 23 верасня 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б перайменавала газету «Рабочий» у «Советскую Белоруссию». Выданне пачало выходзіць штодня, тыраж павялічыўся на 20 тыс. экз., тэматыка пашырылася. Газета пазіцыянавалася як выданне для працоўных мас БССР, а не толькі рускага пралетарыату. У 1938 г. газета «Літаратура і мастацтва» падпала пад рэзкую крытыку за адмову друкаваць вершы на рускай мове, якія не мелі мастацкай вартасці [7, арк. 213].

16 лютага 1938 г. Аргбюро ЦК УКП(б) ухваліла прапанову сакратара ЦК УЛКСМ Багачава С. Я. аб паляпшэнні палітыка-выхаваўчай работы сярод моладзі, «асабліва карэннай нацыянальнасці», шляхам выдання рускіх камсамольскіх газет у рэспубліках і нацыянальных абласцях. 3 красавіка 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б прыняло рашэнне аб выданні органа ЦК ЛКСМБ газеты «Сталинская молодежь» з перыядычнасцю 15 нумароў на месяц і тыражом у 15 тыс. экз. 2 снежня 1938 г. тыраж «Сталинской молодежи» павялічыўся да 25 тыс. экз., «Советской Белоруссии» – да 90 тыс. экз. [8, арк. 39].

У 1933–1934 гг. выявілася тэндэнцыя зніжэння ліку і тыражоў друкаваных выданняў на ідыш, польскай і іншых мовах. Так, калі ў 1932 г. на ідыш выйшла 137 кніг, то ў 1933 г. – 76; 1934 – 74; 1936 – 51; 1937 – 16; 1939 г. – 41. У 1934–1938 гг. былі ліквідаваны спецыяльныя старонкі ў беларускіх раённых і нізавых газетах на ідыш, польскай, латышскай, літоўскай і нямецкай мовах. У 1935 г. былі агучаны прапановы перавесці літоўскую газету «Raudonasis Artojas» у Ленінград і Маскву. 25 снежня 1935 г. Бюро Дзяржынскага РК КП(б)Б спыніла выданне польскай раённай газеты «Szturmowiec Dzierżyńszczyzny». 4 студзеня 1936 г. выйшаў апошні нумар яўрэйскай газеты «Дэр Юнгер Арбайтэр». У 1936 г. Адзел друку і выдавецтваў ЦК КП(б)Б прапанаваў спыніць выданне польскай літаратуры з-за «малалікасці» і палітычнай ненадзейнасці пісьменнікаў. У 1936/1937 Беларускае дзяржаўнае выдавецтва выканала выдавецкі план на 77,5%, а план па літаратуры нацыянальных меншасцяў – на 30–45% [9, арк. 318].

Адначасова ў 1933–1937 г. улады БССР яшчэ прымалі асобныя захады па забеспячэнні нятытульнага насельніцтва друкаванай прадукцыяй на роднай мове, паколькі саюзныя ўлады вагаліся ў выбары генеральнай стратэгіі адносна нацыянальных меншасцяў. Так, у сакавіку 1936 г. Беларускае дзяржаўнае выдавецтва накіравала кітайскую літаратуру ў кітайскі інтэрнацыянальны калгас імя Гікалы, асірыйскія кнігі – у Гомель, латышскія – у Віцебск і Ліэзна, польскія, кітайскія, яўрэйскія, нямецкія і англійскія – у іншыя гарады БССР. 9 ліпеня 1936 г. ЦК УКП(б) адмяніў рашэнне Бюро ЦК КП(б)Б ад 29 мая 1936 г. аб прыпыненні выхаду літоўскай газеты «Raundonasis Artojas» і польскай газеты «Orka» [10, арк. 8].

З прыняццем пастановы ЦК УКП(б) «Аб кіраўніцтве ЦК КП(б) Беларусі» ад 27 ліпеня 1937 г. улады БССР канчаткова адмовіліся ад абслугоўвання нацыянальных меншасцяў на роднай мове. У жніўні 1937 г. ліквідацыя польскага і літоўскага сектараў ДВБ абгрунтавалася «малалікасцю» і «засмечанасцю» кадраў паэтаў і пісьменнікаў. 28 ліпеня і 22 жніўня 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б выдала пастановы аб спыненні выхаду газет «Orka» і «Raudonasis Artojas» і пераглядзе архіва газет супрацоўнікамі НКУС БССР.

У другой палове 1937 г. быў спынены выхад бюлетэня Яўрэйскага сектара АН БССР «На фронце навукі» і «Лінгвістычнага зборніка» на ідыш. 14 чэрвеня 1938 г. выйшаў апошні нумар яўрэйскай піянерскай газеты «Дэр юнгер ленец». Выдавецтвы РСФСР друкавалі асірыйскую і цыганскую літаратуру да канца 1938 г. [11, арк. 91 зв.].

Фармальнай прычынай ліквідацыі газет і часопісаў на мовах нацыянальных меншасцяў называлася змяншэнне колькасці падпісчыкаў, паступленне ў рэдакцыю часткі матэрыялаў на беларускай і рускай мовах, распаўсюджванне сярод беларускіх сялян, ідэалагічныя памылкі супрацоўнікаў, выкарыстанне прымусу пры распаўсюджванні. У пачатку 1939 г. асобныя савецкія работнікі прапанавалі выдаваць яўрэйскую мастацкую літаратуру толькі ў перакладах на рускую і ўкраінскую мовы. 7 сакавіка 1939 г. СНК БССР абмежаваў абавязкі Рэдакцыі яўрэйскай літаратуры БДВ выданнем арыгінальнай і перакладной мастацкай літаратуры. Штомесячныя яўрэйскія часопісы «Штэрн» і штодзённая яўрэйская газета «Акцябер» выходзілі ў Мінску да 1941 г. [12, арк. 36].

Заклучэнне. Змены ў выдавецкай дзейнасці адбыліся пасля прыняцця ў 1933–1934 гг. пастановаў ЦК УКП(б) па нацыянальным пытанні, якія былі расцэнены многімі мясцовымі работнікамі як накіраваныя на пашырэнне сферы ўжытку рускай мовы і спыненне абслугоўвання беларускага, польскага, яўрэйскага і іншага насельніцтва на роднай мове. У 1933–1934 гг. вызначылася тэндэнцыя да змяншэння ўдзельнай вагі друкаваных выданняў на беларускай мове. Адначасова кіраўніцтвам БССР быў узяты курс на павелічэнне выпуску друкаванай прадукцыі на рускай мове і яе далейшае распаўсюджванне сярод працоўных БССР. Выданне кніг, газет і часопісаў на мовах іншых нацыянальных меншасцяў было абмежавана. З прыняццем пастановы ЦК УКП(б) «Аб кіраўніцтве ЦК КП(б) Беларусі» ад 27 ліпеня 1937 г. улады БССР адмовіліся ад выдання літаратуры на польскай, літоўскай, латышскай і іншых мовах. Адначасова захоўвалася магчымасць выдання на ідыш арыгінальнай і перакладной мастацкай літаратуры, часопіса «Штэрн» і газеты «Акцябер».

Спіс літаратуры

1. Сумко А. В. Перыядызацыя дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР (1919–1941) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2010. № 7. С. 61–64.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 4-п. Воп. 1. Спр. 5068.
3. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7736.
4. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13201.
5. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12433.
6. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10702.
7. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12972.

8. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12488.
9. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10928.
10. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9163.
11. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11005.
12. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 8945.

References

1. Sumko A. V. Periodization of state policy in the book publishing business of the BSSR (1919–1941). *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Polotsk State University. Series A, Humanities], 2010, no. 7, pp. 61–64 (In Belarusian).
2. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4p. I. 1. F. 5068.
3. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 7736.
4. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 13201.
5. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 12433.
6. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 10702.
7. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 12972.
8. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 12488.
9. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 10928.
10. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 9163.
11. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 11005.
12. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 8945.

Інфармацыя пра аўтара

Альховік Мікалай Канстанцінавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт (220083, г. Мінск, пр-т Дзяржынскага, 83, Рэспубліка Беларусь). E-mail: alch0109@gmail.com

Information about the author

Alkhovik Mikalay Kanstantsinovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Philosophy and Political Science. Belarusian State Medical University (83, Dziarzhynskaga Ave., 220083, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: alch0109@gmail.com

Паступіў 24.02.2023

УДК 94(476)

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры

**АДНАЎЛЕННЕ ЗАВОЧНАЙ ПЕДАГАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ БЕЛАРУСІ
Ў ПАСЛЯКУПАЦЫЙНЫЯ І ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ**

У паслякупацыйныя і першыя пасляваенныя гады ў Беларусі ва ўмовах інтэнсіўнага росту сеткі школьных устаноў выключна востра паўстала пытанне забеспячэння іх педагагічнымі кадрамі. Каб падрыхтаваць неабходную колькасць настаўнікаў для ўсіх ступеняў агульнаадукацыйнай школы рэспублікі на дзённых аддзяленнях педагагічных, настаўніцкіх інстытутаў і педагагічных вучылішчаў, неабходны былі значныя грашовыя сродкі і матэрыяльныя рэсурсы, а галоўнае – даволі працяглы тэрмін на падрыхтоўку. У складаных сацыяльна-эканамічных умовах было прынята рашэнне аб аднаўленні ў даваенныя гады сістэмы завочнай педагагічнай адукацыі, якая ў першую чаргу павінна была ахапіць ужо працуючых у школе настаўнікаў. У дадзеным артыкуле на аснове вывучэння архіўных крыніц прадстаўлены рэтраспектыўны аналіз і ацэнка працэсу аднаўлення і развіцця завочнай сістэмы падрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі педагагічных кадраў рэспублікі ў паслякупацыйныя і першыя пасляваенныя гады.

Ключавыя словы: завочная педагагічная адукацыя, педагагічныя кадры, педагагічныя інстытуты, настаўніцкія інстытуты, педагагічныя вучылішчы, вучэбна-матэрыяльная база, кантынгент.

Для цытавання: Андарала І. А. Аднаўленне завочнай педагагічнай адукацыі Беларусі ў паслякупацыйныя і першыя пасляваенныя гады // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 110–114. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-20.

I. A. Andarala

Belarusian State University of Physical Culture

**RESTORATION OF CORRESPONDENCE PEDAGOGICAL EDUCATION
OF BELARUS IN THE POST-OCCUPATION AND FIRST POST-WAR YEARS**

In the post-occupation and first post-war years in Belarus, in the context of the intensive growth of the network of school institutions, the issue of providing them with pedagogical personnel arose extremely acutely. In order to prepare the necessary number of teachers for all levels of the general education school of the republic at the full-time departments of pedagogical and teachers' institutes and pedagogical schools, significant funds and material resources were needed, and most importantly – a sufficiently long period of preparation. In difficult socio-economic conditions, it was decided to restore the system of distance teacher education that existed in the pre-war years, which, first of all, was supposed to cover teachers already working in the school. In this article, based on the study of archival sources, a retrospective analysis and assessment of the process of restoring the correspondence system of training and advanced training of pedagogical personnel of the republic in the post-occupation and first post-war years is presented.

Key words: correspondence pedagogical education, pedagogical personnel, pedagogical institutes, teachers institutes, pedagogical schools, educational and material base, contingent of students.

For citation: Andarala I. A. Restoration of correspondence pedagogical education of Belarus in the post-occupation and first post-war years. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy* 2023, no. 1 (269), pp. 110–114 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-20.

Уводзіны. На працягу многіх дзесяцігоддзяў у структуры вышэйшай педагагічнай школы Беларусі значнае месца займала завочная падрыхтоўка педагагічных кадраў. За дзевяноста гадоў існавання нацыянальнай завочнай педагагічнай адукацыі адбыліся вялікія змены ў яе колькасных і якасных характарыстыках, змяніліся задачы і функцыі. Сучасныя тэндэнцыі ў развіцці грамадства, рэфармаванне адукацыйнай сферы рэспублікі патрабуюць далейшага абнаўлення арганізацыі і зместу завочнай педагагічнай адукацыі. Істотнае значэнне для яе паспяховай мадэрнізацыі

мае назапашаны гісторыка-педагагічны вопыт нацыянальнай завочнай педагагічнай школы. Усебаковае навуковае вывучэнне, глыбокі аналіз і тэарэтычнае пераасэнсаванне папярэдніх здабыткаў і пралікаў дазволіць знайсці эфектыўныя шляхі яе ўдасканалення на сучасным этапе развіцця сістэмы адукацыі Беларусі.

Асобныя аспекты развіцця завочнай педагагічнай адукацыі рэспублікі ў савецкі перыяд знайшлі адлюстраванне ў публікацыях беларускіх вучоных Гнеўкі Н. Г., Грыгор'евай А. М., Жарскага М. В., Льюшына І. М., Клімашонка В. В., Качан Г. А.,

Мінкевіча М. Г. і інш. Тым не менш гісторыя яе станаўлення і развіцця застаюцца не да канца даследаванымі і недастаткова асветленымі ў навуковай літаратуры. У прыватнасці, гэта тычыцца аднаўлення завочнай педагагічнай адукацыі ў паслякупайыйныя і першыя пасляваенныя гады.

Асноўная частка. Сваю гісторыю нацыянальна-завочная педагагічная адукацыя пачынае з 21 лютага 1932 г., калі Народным Камісарам асветы рэспублікі было зацверджана «Палажэнне аб завочных сектарах пры ВНУ, педтэхнікумах, рабфаках сістэмы Наркамасветы» [1, с. 5]. Першыя завочныя сектары пачалі сваю дзейнасць ужо ў 1932/33 вучэбным годзе пры Мінскім вышэйшым педагагічным інстытуце і Магілёўскім педагагічным інстытуце. У наступным 1933/34 вучэбным годзе завочныя сектары былі створаны пры ўсіх педагагічных, настаўніцкіх інстытутах і 12 педагагічных тэхнікумах. Аднак станаўленне завочнай педагагічнай адукацыі адбывалася вельмі складана і марудна. Так, на завочнае аддзяленне самага буйнога ў рэспубліцы Мінскага вышэйшага педагагічнага інстытута з 1932 па 1937 г. уключна былі прыняты 2472 чалавекі, а закончыў яго за гэты час з дыпломам настаўніка толькі 141 чалавек. Усе завочныя аддзяленні педагагічных, настаўніцкіх інстытутаў і педагагічных вучылішчаў у 1938 г. выпусцілі ўсяго 196 настаўнікаў пры плане 1387 [2, с. 87].

У 1938/39 вучэбным годзе колькасць студэнтаў і навучэнцаў на завочных аддзяленнях педагагічных устаноў узрасла да 18 297 чалавек. На працягу 1939 і 1940 гг. завочныя аддзяленні педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў закончылі 1479 чалавек, педагагічных вучылішчаў – 1940 чалавек [2, с. 88].

Паступальнае развіццё завочнай педагагічнай адукацыі спынілі Вялікая Айчынная вайна і акупацыя тэрыторыі рэспублікі.

Хуткі рост сеткі агульнаадукацыйных школ, які адбываўся па меры вызвалення тэрыторыі Беларусі ад захопнікаў, выключна абвастрыў праблему педагагічных кадраў. У сувязі з гэтым у чэрвені 1944 г. Наркам асветы Уралава Е. І. звярнулася да Старшыні СНК БССР Панамарэнкі П. К. з просьбай аб аднаўленні дзейнасці завочных аддзяленняў пры ўсіх тыпах вучэбных педагагічных устаноў рэспублікі [3, л. 107]. 9 кастрычніка 1944 г. СНК БССР прыняў пастанову за № 655 «Аб аднаўленні сеткі завочнай педагагічнай адукацыі» [3, арк. 246]. У адпаведнасці з гэтай пастановай пры ўсіх педагагічных, настаўніцкіх інстытутах і педагагічных вучылішчах рэспублікі з 1944/45 вучэбнага года аднаўлялася дзейнасць завочных аддзяленняў.

Для настаўнікаў, якія атрымлівалі адукацыю завочна, прадугледжваўся шэраг істотных ільгот. У прыватнасці, настаўнікам-завочнікам кампенсаваліся затраты за праезд на сесію і назад; тыя

з іх, хто паспяхова вучыўся, вызваліліся ад аплаты за навучанне [3, арк. 246].

З мэтай рэалізацыі вышэйназванай пастановы СНК БССР Народны Камісар асветы рэспублікі выдаў загад № 161 ад 18 лістапада 1944 г. [4, л. 203], які патрабаваў «настаўнікаў, якія ўхіляліся ад завочнага навучання і не выконвалі вучэбных заданняў пэўнай вучэбнай установы без уважлівых прычын, вызваляць ад работы ў школе або пераводзіць на работу ў ніжэйшыя класы» [4, арк. 204–205].

У 1944/45 вучэбным годзе завочныя аддзяленні пачалі функцыянаваць пры 5 педагагічных, 8 настаўніцкіх інстытутах і 22 педагагічных вучылішчах. План прыёму на завочныя аддзяленні пры педагагічных і настаўніцкіх інстытутах склаў адпаведна 1650 і 1650 чалавек, пры педагагічных вучылішчах – 5930 чалавек [5, арк. 269].

Аднак, нягледзячы на значную растлумачальную і агітацыйную работу, план прыёму на завочную падрыхтоўку настаўніцкіх кадраў выканаць поўнасцю не ўдалося. У педагагічных і настаўніцкіх інстытутах былі залічаны 3274 студэнты з запланаваных 3300. На зімовую сесію з’явілася толькі 2227 чалавек [5, арк. 46]. На завочныя аддзяленні педагагічных вучылішчаў атрымалася залічыць 4590 навучэнцаў пры плане 5930 [6, арк. 224].

Вынікі першай сесіі студэнтаў-завочнікаў выклікалі вялікую занепакоенасць у Наркамасветы рэспублікі. Стан завочнага навучання ў інстытутах стаў прадметам абмеркавання на нарадзе, праведзенай ім з дырэктарамі педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў, прарэктарамі па завочным навучанні, якая адбылася 27 сакавіка 1945 г. [5, арк. 45].

Для таго каб арганізавана правесці летнюю экзаменацыйную сесію студэнтаў-завочнікаў і ўступную кампанію 1945/46 вучэбнага года, Наркамасветы 5 мая 1945 г. выдаў загад № 97, у якім устанавіў канкрэтныя тэрміны правядзення летняй сесіі, уступных экзаменаў для абітурыентаў, якія паступалі на завочныя аддзяленні [5, арк. 52].

Усяго на 1 верасня 1945 г. у школах Беларусі працавалі 45 332 настаўнікі [7]. Аднак становішча з камплектаваннем школ кваліфікаванымі настаўнікамі заставалася выключна складаным. У сувязі з гэтым на пачатак 1945/46 вучэбнага года завочнае навучанне было арганізавана пры ўсіх педагагічных, настаўніцкіх інстытутах і педагагічных вучылішчах. Аднак, як адзначалася ў загадзе Наркамасветы рэспублікі № 214 ад 28 лістапада 1945 г. «Аб мерапрыемствах па ўмацаванні завочнага навучання ў рэспубліцы» [5, арк. 174], пастанова СНК БССР ад 9 кастрычніка 1944 г. «Аб аднаўленні сеткі завочнай педагагічнай адукацыі» [3, арк. 246] і загад Наркамасветы ад 25 красавіка 1944 г. «Аб стане завочнага навучання пры вышэйшых педагагічных вучэбных

уствновах» [5, арк. 46] аказаліся «ў значнай ступені не выкананымі» [5, л. 174]. Так, навучаннем у педагагічных і настаўніцкіх інстытутах было ахопена 3758 чалавек з 5403 улічаных настаўнікаў, якія не мелі педагагічнай адукацыі, у педагагічных вучылішчах – 4590 чалавек з 10 416. [5, арк. 174]. Каб выканаць план прыёму на завочныя аддзяленні педагагічных вучылішчаў, Наркамсветы вымушаны быў прадоўжыць прыём заяў да 1 студзеня 1945 г. [5, арк. 178].

Загад патрабаваў ад загадчыкаў раённых і абласных аддзелаў адукацыі скласці да 1 снежня 1945 г. персанальныя спісы настаўнікаў, якія падлягалі завочнаму навучанню, з указаннем тэрмінаў заканчэння вучэбнай установы кожным настаўнікам. Ставілася задача ахапіць завочным навучаннем усіх настаўнікаў, якія не мелі спецыяльнай адукацыі і забяспечыць яўку залічаных студэнтаў-завочнікаў старшых курсаў на зімовую сесію. У адпаведнасці з загадам кожны студэнт-завочнік быў абавязаны зрабіць справаздачу аб выкананні вучэбнага плана папярэдняга вучэбнага года і першага семестра бягучага года.

Загадчыкі аддзелаў народнай адукацыі абавязаны былі персанальна, не радзей чым адзін раз на квартал правяраць выкананне кожным завочнікам вучэбных заданняў. Прадпісвалася: настаўнікаў, якія не мелі вышэйшай адукацыі і ўхіляліся ад завочнай вучобы ў педагагічных і настаўніцкіх інстытутах, пераводзіць для працы ў пачатковыя класы.

Загад абавязваў загадчыкаў аддзелаў адукацыі, дырэктараў школ стварыць настаўнікам-завочнікам усе ўмовы для паспяховага выканання імі вучэбных заданняў, прадаставіць ім чатыры вольныя вечары на тыдзень, забяспечыць газай [5, арк. 174].

Прыняты 18 сакавіка 1946 г. «Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі СССР на 1946–1950 гг.» вызначыў перспектывы развіцця асветы краіны ў другой палове 40-х гадоў [8, с. 75–77]. Яны прадугледжвалі завяршэнне пераходу да ўсеагульнай абавязковай пачатковай адукацыі, пачатак пераходу да ўсеагульнай абавязковай сямігадовай адукацыі, забеспячэнне ўсеагульнай абавязковай адукацыі дзяцей з сямігадовага ўзросту.

Выкананне Беларуссю задач, вызначаных планам у галіне школьнай адукацыі, абумовіла істотны рост колькасці пачатковых і асабліва сямігадовых і сярэдніх школ, кантынгенту навучэнцаў у іх. Адкрыццё новых школ і класакамплектаў яшчэ больш абвастрыла праблему няхваткі кваліфікаваных настаўнікаў, асабліва настаўнікаў з вышэйшай адукацыяй. Падрыхтаваць неабходную колькасць дыпламаваных педагогаў з вышэйшай адукацыяй у кароткія тэрміны на стацыянарных аддзяленнях педагагічных навучальных устаноў

было немагчыма. У гэтых умовах завочная падрыхтоўка настаўнікаў набывала важнае дзяржаўнае значэнне.

Каб умацаваць арганізацыйныя асновы сістэмы завочнай адукацыі, Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР 20 красавіка 1946 г. зацвердзіла «Палажэнне аб завочным аддзяленні пры педагагічным (настаўніцкім) інстытуце» [8, с. 14].

Кіруючыся «Палажэннем аб завочным аддзяленні пры педагагічным (настаўніцкім) інстытуце», Міністэрства асветы БССР зацвердзіла штатны расклад завочных аддзяленняў педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў рэспублікі на 1946/47 вучэбны год. Ён прадугледжваў істотнае павелічэнне колькасці штатных адзінак і ўвядзенне новых пасад: дэкана факультэта, бібліятэкара, загадчыка кансультацыйнага пункта. Агульная колькасць штатных адзінак на завочных аддзяленнях інстытутаў павялічылася з 22 у 1945/46 вучэбным годзе да 56 у 1946/47 вучэбным годзе.

У гэтым жа годзе ўпершыню на дзяржаўным узроўні была зроблена спроба рэалізацыі ідэі бесперапыннай педагагічнай адукацыі. Гэтаму садзейнічаў загад Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР № 554 ад 11 кастрычніка 1946 г. «Аб прыёме на завочныя аддзяленні педагагічных інстытутаў асоб, якія закончылі настаўніцкія інстытуты» [9, арк. 336]. Дадзены загад быў прадубліраваны і Міністэрствам асветы БССР № 116 ад 26 кастрычніка 1946 г. [9, арк. 342]. У адпаведнасці з загадам, выпускнікі настаўніцкіх інстытутаў атрымалі права без уступных экзаменаў быць залічанымі на старшыя курсы адпаведных факультэтаў педагагічных інстытутаў. Такім чынам, завочныя аддзяленні педагагічных інстытутаў, акрамя функцыі падрыхтоўкі педагагічных кадраў, выконвалі функцыю павышэння кваліфікацыі настаўнікаў, што мелі адукацыю ў аб'ёме настаўніцкага інстытута.

План прыёму на завочныя аддзяленні педагагічных навучальных устаноў рэспублікі на 1946/47 вучэбны год быў значна павялічаны. Так, на першы курс педагагічных інстытутаў планавалася залічыць 800, настаўніцкіх інстытутаў – 1400 чалавек. Аднак, як паказала практыка, нягледзячы на намаганні інстытутаў і вучылішчаў, абласных і раённых аддзелаў адукацыі, план прыёму на завочныя аддзяленні, як і ў папярэднія гады, аказаўся істотна недавыкананым. Пры агульным плане прыёму 5025 чалавек на першыя курсы завочных аддзяленняў было залічана толькі 2739, або 54,5% ад плана, у тым ліку ў педагагічныя вучылішчы 45% [10, арк. 249].

Акрамя невыканання плана прыёму, у тым жа 1946/47 вучэбным годзе прадоўжылася практыка адсеву значнай колькасці студэнтаў-завочнікаў. Асноўнай прычынай, як і ў папярэдні год,

была няяўка на сесіі. З 4373 студэнтаў завочных аддзяленняў педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў на працягу вучэбнага года быў адлічаны 871 чалавек, або 19% [10, арк. 251].

Як сведчаць архіўныя матэрыялы, план прыёму студэнтаў-завочнікаў у педагагічныя навучальныя ўстановы рэспублікі на наступны 1947/48 вучэбны год у параўнанні з папярэднім аказаўся значна заніжаным. Гэта можна тлумачыць толькі жаданнем Міністэрства асветы любым спосабам дабіцца выканання планавых заданняў па прыёме на завочныя аддзяленні.

Такая палітыка ў адносінах да завочнай падрыхтоўкі педагагічных кадраў не толькі не садзейнічала ліквідацыі дэфіцыту ў настаўніках, а, наадварот, павялічвала яго. Па дадзеных праверкі, праведзенай Міністэрствам народнага кантролю БССР, на пачатак 1947/48 вучэбнага года ў школах Беларусі меўся недакамплект 8116 настаўнікаў [10, арк. 249].

Заклучэнне. У паслякупацыйныя і першыя пасляваенныя гады падрыхтоўка настаўніцкіх кадраў і павышэнне іх прафесійнай кваліфікацыі з'яўляліся найважнейшай умовай паспяховага

аднаўлення школьнай адукацыі Беларусі. Істотны ўклад, на думку кіраўніцтва рэспублікі, у ліквідацыю вострага дэфіцыту педагагічных кадраў для агульнаадукацыйных школ павінна была ўнесці завочная падрыхтоўка настаўнікаў. Менавіта таму было прынята некалькі партыйна-ўрадавых пастановаў, рэалізацыя якіх дазволіла ў сціслыя тэрміны не толькі аднавіць дзейнасць даваенных завочных аддзяленняў педагагічных, настаўніцкіх інстытутаў і педагагічных вучылішчаў, але і стварыць новыя. Аднак, як сведчаць архіўныя крыніцы, арганізацыйная і агітацыйная работа, праведзеная сярод настаўнікаў, якія не мелі адпаведнай педагагічнай адукацыі, не дала станоўчых вынікаў. Планы прыёму на завочныя аддзяленні педагагічных навучальных устаноў пастаянна не выконваліся. Настаўнікі-завочнікі, нягледзячы на шэраг істотных для іх ільгот, вельмі пасіўна адносіліся да вучобы. Гэта праяўлялася ў незадавальняючай яўцы на сесіі і нізкай вучэбнай паспяховасці. Такі стан завочнай падрыхтоўкі настаўнікаў фактычна не аказваў істотнага ўплыву на вырашэнне праблемы падрыхтоўкі педагагічных кадраў для школьнай адукацыі рэспублікі.

Спіс літаратуры

1. Зборнік матэрыялаў па педагагічным завочным навучанні ў БССР. Мінск: Вучпедсектар ДВБ. Друк. імя Сталіна, 1932. – 28 с.
2. Дрозд Л. Н. Развитие средней общеобразовательной школы в Белоруссии 1917–1941 / науч. ред. А. А. Гримоть. Минск: Нар. асвета, 1986. 160 с.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Воп. 4. Спр. 266.
4. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 32.
5. НАРБ. Ф. 42. Воп. 4. Спр. 262.
6. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 21.
7. Ільюшын І. М., Умрэйка С. А. Народная адукацыя ў Беларускай ССР. Мінск: Вучэб.-пед. выд-ва МА БССР, 1957. 357 с.
8. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. // Советская педагогика: Прил. Вып. 1; сост. Н. И. Болдырев. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 320 с.
9. НАРБ. Ф. 42. Воп. 4. Спр. 259.
10. НАРБ. Ф. 42. Воп. 4. Спр. 298.

References

1. *Zbornik materyyalau pa pedagogichnym zavochnym navuchanni u BSSR* [Collection of materials for pedagogical education in the BSSR]. Minsk, Vuchpedsektar DVB. Druk. imya Stalina Publ., 1932. 28 p. (In Belarusian).
2. Drozd L. N. *Razvitiye sredney obshcheobrazovatel'noy shkoly Belorussii 1917–1941* [The development of a secondary school in Belarus 1917–1941]. Science ed. A. A. Grimot. Minsk, Nar. asveta Publ., 1986. 160 p. (In Russian).
3. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 42. I. 4. F. 266.
4. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 32.
5. NARB. Fund 42. I. 4. F. 262.
6. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 21.
7. Ilyushin I. M., Umreyka S. A. *Narodnaya asveta u Belaruskay SSR* [National education in the Belarusian SSR]. Minsk, Vuch.-ped. vyd-va MA BSSR Publ., 1957. 357 p. (In Belarusian).
8. Directives of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and Decrees of the Soviet Government on Public Education: Sat. doc. for 1917–1947. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogy]. App. Issue 1; comp. N. I. Boldyrev. Moscow; Leningrad, APN RSFSR Publ., 1947. 320 p. (In Russian).

9. NARB. Fund 42. I. 4. F. 259.

10. NARB. Fund 42. I. 4. F. 298.

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры менеджменту турызму і гасціннасці. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры (220020, г. Мінск, пр-т Пераможцаў, 105, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Andarala Igar Alyksandravich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Assistant Professor the Department of Tourism and Hospitality Management. Belarusian State University of Physical Culture (105, Pobediteley Ave., 220020, Minsk, Republic Belarus). E-mail: aia1106@mail.ru

Паступіў 06.03.2023

УДК 331.108:63(476)«1970/1980»

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР
(1970 – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)**

В статье анализируются результаты государственно-партийной кадровой политики на селе в период разворачивания научно-технической революции и попыток реформирования советской плановой системы хозяйствования. Рассмотрены основные направления перестройки образовательного пространства и процесса обучения в сельскохозяйственных вузах, техникумах и профтехучилищах с учетом ведущих направлений интенсификации производства, преемственности ступеней профессионального образования, расширением спектра технических специальностей, появлением новых массовых рабочих профессий и изменением квалификационных требований к выпускникам. Уделено значительное внимание вопросам создания возможности повышения уровня квалификации и управленческой культуры руководителям хозяйств и специалистам среднего звена. Отражены моменты развития такого звена системы подготовки и переподготовки кадров рабочих механизаторских профессий для села, как курсовая сеть колхозов, совхозов и райсельхозтехник. С позиции необходимости формирования новой технологической и хозяйственной культуры рассмотрено развертывание экономического и технического всеобщего обучения населения. Определены его положительные аспекты и нецелесообразные моменты. Затронута проблема закрепления квалифицированных кадров на селе и примеры ее положительного решения в условиях социально-культурного переустройства сельского быта. Акцентируется внимание на значимости проблемы для рассматриваемого периода.

Ключевые слова: руководители, специалисты, квалификация, экономический всеобщ, технический всеобщ, средние сельские профессионально-технические училища, курсы, закрепление.

Для цитирования: Якуш Н. М. Кадровое обеспечение сельского хозяйства Белорусской ССР (1970 – середина 1980-х гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 115–120. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-21.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**STAFFING FOR AGRICULTURE OF THE BELARUSIAN SSR
(1970 – MID 1980S)**

The article analyzes the results of the state-party personnel policy in the countryside during the unfolding of the scientific and technological revolution and attempts to reform the Soviet planned economic system. The main directions of the restructuring of the educational space and the learning process in agricultural universities, technical schools and vocational schools are considered, taking into account the leading directions of production intensification, continuity of vocational education levels, expanding the range of technical specialties, the emergence of new mass working professions and changing qualification requirements for graduates. Considerable attention has been paid to the issues of creating opportunities for improving the level of qualifications and managerial culture for managers of farms and mid-level specialists. The moments of development of such a link in the system of training and retraining of workers in machine-operating professions for the village as the course network of collective farms are reflected. State farms and district agricultural technician. From the standpoint of the need to form a new technological and economic culture, the development of economic and technical universal education of the population is considered. Its positive aspects and inappropriate moments are determined. The problem of retaining qualified personnel in the countryside and examples of its positive solution in the context of the socio-cultural reorganization of rural life are touched upon. Attention is focused on the significance of the problem for the period under review.

Keywords: managers, specialists, qualification, economic general education, technical general education, secondary rural vocational schools, courses, reinforcement.

For citation: Yakush N. M. Staffing for agriculture of the Belarusian SSR (1970 – mid 1980s). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 115–120 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-21.

Введение. В годы девятой и десятой советских пятилеток сельское хозяйство БССР претерпело существенные изменения, обусловленные активным развитием концентрации, специализации, промышленной кооперации в земледелии и животноводстве, а также ростом технической и энергетической оснащенности производственной базы. Перед сельскохозяйственными органами республики остро вставал вопрос о подготовке кадров новых компетенций, повышении квалификации руководящих работников и специалистов колхозов и совхозов, обеспечении аграрного производства механизаторскими кадрами массовых профессий. Решение данного вопроса предполагало реализацию комплекса мер по совершенствованию системы среднего специального и высшего сельскохозяйственного образования, грамотной расстановке и целенаправленному использованию подготовленных специалистов, улучшению социально-культурной сферы села.

Основная часть. Партийная организация и советские органы республики уделяли данным вопросам первостепенное внимание и держали на постоянном контроле. Основные приоритеты и направления аграрной кадровой политики были определены в решениях XXVII (1971 г.), XXVIII (1976 г.), XXIX (1981 г.) съездов Коммунистической партии Беларуси. К началу исследуемого периода в республике вопрос качественного и количественного состава кадров сельскохозяйственного производства представлял довольно острую проблему. Так, колхозам и совхозам в 1972 г. требовалось свыше 100 тыс. высококвалифицированных специалистов, а работало в хозяйствах лишь 34 тыс. Ощущалась заметная диспропорция между темпами увеличения машинно-тракторного парка и численным увеличением механизаторских кадров. За семь предыдущих лет (1965–1971 гг.) количество тракторов в колхозно-совхозном производстве увеличилось на 55%, а число трактористов-машинистов – на 38% [1]. Расчеты показывали, что к 1975 г. в сельском хозяйстве республики должно было трудиться более 250 тыс. механизаторов, то есть количество их нужно было увеличить по сравнению с 1970 г. более чем на 100 тыс. человек [2].

Подготовку кадров высшего и среднего звена, а также рабочих массовых технических профессий для белорусского села осуществляли 4 вуза, 20 сельскохозяйственных техникумов, 55 сельских профессионально-технических училищ. В течение 1970 – середина 1980-х гг. происходили существенные изменения организации образовательного пространства и учебно-воспитательного процесса высшего образования, которые можно проследить на примере старейшего учебного

заведения страны – Белорусской сельскохозяйственной академии. Помимо работы по повышению уровня успеваемости студентов, выступающей объективным отражением уровня квалификации будущих агрономов, агрохимиков, бухгалтеров и экономистов, коллектив академии существенно укрепил материально-техническую базу обучения, создал новые кафедры, внедрил программное обучение, улучшил качество профессиональной подготовки через организацию производственной практики в передовых хозяйствах республики и стран социалистического лагеря. По таким же направлениям совершенствование качества профессиональной подготовки велось в Белорусском институте механизации сельского хозяйства и Гродненском сельскохозяйственном институте, которые не только увеличили выпуск специалистов высшей квалификации, но и заметно расширили спектр профессиональной специализации.

Исключительно важная роль в государственной кадровой политике отводилась пополнению аграрного сектора экономики специалистами средней квалификации. Тенденция развития сельского хозяйства требовали укрепления кадров среднего звена не просто специалистами, а специалистами-организаторами, которые могли бы сразу возглавить такие звенья производства, как бригада, отделение, участок. Решения этой задачи во многом способствовало открытие с начала 1970-х гг. при 14 сельскохозяйственных техникумах и совхозах-техникумах республики специальных отделений по подготовке руководящих кадров. Начиная с 1971 г. на эти отделения стали принимать помощников бригадиров, начальников механизированных отрядов, звеньевых, имеющих среднее образование квалифицированных рабочих из числа механизаторов и растениеводов со стажем работы не менее трех лет. С учетом роста потребности в кадрах среднего звена Министерство сельского хозяйства республики повысило с 1973/1974 учебного года план приема на специальные отделения сельскохозяйственных техникумов в два раза. Это позволило только за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.), в сравнении с восьмой (1966–1970 гг.), увеличить подготовку специалистов средней квалификации для сельского хозяйства Белорусской ССР более чем в 2 раза. При этом по специальности агрономы – в 3,8 раза, механики и специалисты по бухгалтерскому учету – в 1,8 раза [3, с. 62].

Перспективы дальнейшего развития агропромышленного комплекса республики требовали подготовки сельскохозяйственных рабочих новых профессий высокой технической грамотности и квалификации, расширения их агро- и зоотехнического кругозора на базе среднего

образования. В итоге существенные изменения претерпевала система сельского профессионально-технического образования. В изучаемые годы реализовывалась впечатляющая программа количественного и качественного роста сети сельских ПТУ, их рационального размещения с перспективой создания высокооснащенного технически сельского среднего профессионально-технического училища (ССПТУ) в каждом сельском административном районе.

Модернизация системы профессионально-технического образования разворачивалась на плановой основе. Перспективные планы предусматривали техническое переоснащение действующих СПТУ и строительство новых зданий в комплексе с учебными корпусами, мастерскими, общежитиями, общественно-бытовыми блоками, спортивными комплексами, гаражами и навесами для хранения сельскохозяйственной техники, животноводческими помещениями и жилыми домами для преподавателей и мастеров производственного обучения. На эти цели только в годы десятой пятилетки (1976–1980) в республике было выделено 91,7 млн руб. капитальных вложений [4]. Материально-техническое укрепление базы и совершенствование учебно-воспитательного процесса в СПТУ проводилось с учетом углубления политехнизации сельской общеобразовательной школы, соединения обучения с производительным общественно-полезным трудом и передовыми аграрными практиками, усвоения научных основ интенсификации сельскохозяйственного производства. Наиболее перспективной формой подготовки рабочих кадров новых сельскохозяйственных профессий, а также профессий, совмещенных и сложных, оказались СПТУ, которые определяли вектор качественных изменений в системе сельского профессионально-технического образования. В 1971 г. в Белорусской ССР действовало 8 ССПТУ, в 1975 – 29, в 1983 – 65 из 70 СПТУ в целом, а в 1984 г. все училища были преобразованы в средние и включены в агропромышленные объединения [5].

Совершенствование системы высшего, среднего специального и профессионально-технического сельскохозяйственного образования позволило заложить организационные и социальные основы для формирования на селе технической интеллигенции, появления руководителей с новым уровнем управленческой культуры, обеспечения производства механизаторами широкого профиля. В рассматриваемый период неуклонно возрастал квалификационный уровень сельских кадров. К примеру, количество специалистов и руководителей хозяйств с высшим образованием увеличилась с 18,3 тыс. человек в 1970 г. до 25,7 – в 1975, а специальная подготовка

руководителей бригад и животноводческих ферм за этот период выросла с 24 до 60%. Наблюдалась тенденция к сокращению среди специалистов сельского хозяйства практиков: если в 1970 г. их насчитывалось 20,6 тыс. человек, то к концу девятой пятилетки – 18,1 тыс. [6, с. 174]. Перечень рабочих профессий расширился и включал механизаторов-полеводов и животноводов, механизаторов мелиоративных работ, сельских строителей, слесарей-ремонтников сельскохозяйственной техники, мастеров-наладчиков машинно-тракторного парка, электромонтеров сельской электрификации и связи, киномехаников, операторов машинного доения, слесарей контрольно-измерительных приборов и автоматики.

Одним из направлений партийно-государственной политики на селе в исследуемые годы стало создание системы постоянного повышения квалификационного уровня работающих кадров. Настоящей школой изучения новейших достижений науки и передового опыта стали республиканские семинары по сельскому хозяйству, которые проводились ежегодно поочередно во всех областях Беларуси. На семинарах в присутствии руководителей всех районов осуществлялся анализ и давалась критическая оценка работы кадров данной области по проблемам интенсификации и качественного роста производительности труда сельских тружеников, предлагались к внедрению наиболее эффективные приемы и методы организации производственных процессов. Предложения и выводы семинаров излагались в специальных постановлениях ЦК КПБ и Совета Министров БССР и являлись обязательными для внедрения во всех колхозах и совхозах.

Важной формой повышения профессиональных знаний руководителей и специалистов хозяйств, их системного информирования о новейших достижениях сельскохозяйственной науки и прогрессивной практики являлись факультеты и школы повышения квалификации, а также отделения подготовки руководящих кадров, организованные при высших и средних сельскохозяйственных учебных заведениях республики. Особая значимость этой формы обучения подтверждается тем фактом, что подбор слушателей на факультеты и отделения повышения квалификации проводился райкомами КПБ, а персональные их списки утверждались на бюро областных комитетов партии. Пример хорошо налаженной работы по переподготовке и повышению квалификации руководителей и специалистов отраслей сельского хозяйства продемонстрировала Гродненская область. Большая часть руководящих работников и специалистов среднего звена повышали свой профессионализм на двухнедельных семинарах факультета

повышения квалификации (ФПК) Гродненского сельскохозяйственного института. Преподавание теоретического курса велось с привлечением видных ученых, руководящих работников области, руководителей и специалистов передовых колхозов и совхозов. При этом значительная часть занятий проводилась непосредственно в лучших хозяйствах области и научно-исследовательских учреждениях. Слушатели факультета повышения квалификации в период учебы посещали ВДНХ, выезжали с экскурсиями в научно-исследовательские учреждения прибалтийских республик, где с ними делились опытом ведущие ученые и специалисты лучших сельхозпредприятий Литвы и Латвии. Также грамотно была организована работа по повышению уровня экономической грамотности и культуры управления на ФПК в Белорусском институте механизации сельского хозяйства. Только за 1971–1975 гг. на факультетах повышения квалификации и подготовки руководителей кадров прошли обучение более 1700 председателей колхозов и директоров совхозов, около 600 специалистов с высшим образованием [7]. В дальнейшем подобная система работы с квалификационным уровнем подготовки приобрела устойчивые организационные и учебно-методические формы и прочно закрепились в сфере сельскохозяйственного высшего образования.

Значительную роль в вопросах повышения деловой компетентности кадров сельского хозяйства играли областные школы повышения квалификации, школы практического обучения, основ экономики и управления производством, которые создавались на базе высокопроизводительных хозяйств БССР, а также районные, колхозные и совхозные университеты сельскохозяйственных знаний.

В целях реформирования механизмов хозяйствования и внедрения в производство элементов хозяйственного расчета партийно-советским руководством республики была предпринята попытка организовать всеобщее экономическое образование трудящихся. В 1971/1972 учебном году в хозяйствах республики стали массово организовываться школы экономических знаний. Тематика занятий в этих школах была непосредственно увязана с практическими вопросами распределения доходов, совершенствования оплаты и повышения производительности труда, роста рентабельности и укрепления хозрасчета. В 1972/1973 учебном году в системе экономического обучения занималось 242 725 человек, через два года – уже более 500 тыс. сельских тружеников. К концу 1975 г. экономическим всеобучем были охвачены все руководители хозяйств и подразделений, 50% специалистов, 30% рабочих совхозов и колхозников [8, с. 24].

Задача укрепления сельскохозяйственного производства достаточным количеством квалифицированных кадров массовых рабочих профессий в исследуемый период решалась также с опорой на курсовое обучение тружеников села на производстве. В течение 1970-х – середине 1980-х гг. была создана разветвленная сеть учебно-курсовых комбинатов системы Госкомсельхозтехники БССР, учебных классов и кабинетов в колхозах и совхозах, создан республиканский учебно-методический совет, осуществлявший централизованное руководство подготовкой и переподготовкой сельскохозяйственных рабочих. Достаточно успешная модернизация учебно-технической базы, внедрение эффективных форм подготовки механизаторов для работы на новой технике и изучения ими новых технологий позволили расширить масштабы и улучшить качество подготовки и переподготовки кадров массовых профессий, подтвердили жизнестойкость и целесообразность курсовой формы обучения. Будучи максимально приближенными к месту жительства, курсы предоставляли возможность охвата учебной работой всех желающих и регулярного повышения квалификации работающих, выступали элементом процесса налаживания непрерывного образования. Однако управление системой курсового обучения в рассматриваемые годы демонстрировало ведомственную разобщенность между ее звеньями, что приводило к несогласованности планов подготовки рабочих кадров для села в их количественном соотношении, а также по специальностям. Это особенно заметно проявлялось в учебной сети колхозов и совхозов, через которую хозяйства решали преимущественно свои острые кадровые проблемы. В целом учебный процесс в курсовой системе в хозяйствах осуществлялся по многочисленным программам без должного учета технического и общеобразовательного уровня обучаемых.

Вопросы обеспечения аграрного производства Белорусской ССР квалифицированными кадрами в исследуемый период должны были решаться с учетом обострения проблемы оттока сельского населения в город. Например, если в 1960 г. на каждую тысячу сельских жителей республики приходилось 18,1 переселений в города, то в 1970 – 29,6. В города переселялось в основном молодое трудоспособное население. Миграционные процессы усиливали как естественные причины, вызванные научно-технической модернизацией, так и социальное отставание деревни, просчеты в организации и оплате труда колхозников и рабочих совхозов. Недостаток рабочих рук мог быть восполнен только опережающим ростом производительности труда, в том числе за счет потенциала

новых технических знаний и умений. Это определило разворачивание всеобщего технического обучения населения.

Начиная с 1960-х годов в республике получили распространение школы механизаторского всеобуча, которые в основном решали задачу восполнения недостающих механизаторских кадров в периоды напряженных сельскохозяйственных работ. Но вследствие слабости учебно-производственной базы, организационных трудностей, неэффективности механизмов контроля всеобуча, его масштабы к началу исследуемого периода несколько сократились. Активное возвращение к массовому техническому всеобучу было продиктовано как создавшимся дефицитом механизаторских кадров, так и качественно новым уровнем материально-технической базы сельского хозяйства, ростом энергооборуженности труда. Под лозунгом «Живешь на селе – владей техникой» по всей республике было развернуто движение по овладению населением специальностями трактористов-машинистов. Для занятий в районах использовали базу хозяйств, сельских общеобразовательных школ, СПТУ, средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений. К преподавательской работе привлекали наиболее квалифицированных специалистов, преподавателей сельских профтехучилищ, передовиков и новаторов производства. В 1976–1980 гг. в подготовке резерва технических кадров села приняли участие предприятия промышленности, строительства, сферы обслуживания населения. Наиболее активно работали в этом направлении Витебская и Гродненская области. По данным Министерства сельского хозяйства, только за годы десятой пятилетки в кружках механизаторского всеобуча республики прошли подготовку 57,3 тыс. человек.

В определенной мере всеобуч обеспечивал резерв кадров для работы на сельскохозяйственной технике в напряженные периоды полевых работ и, бесспорно, поднимал уровень профессионализации населения деревни. Но стремление вовлечения в механизаторское обучение широкого круга интеллигенции и служащих села и города было неоправданно и нецелесообразно с экономической точки зрения. Часто это приводило лишь к отвлечению большого числа людей от их непосредственных дел, потере ими рабочего времени. Реальный резерв кадров, получивших специальность в кружках механизаторского всеобуча в исследуемом периоде, составлял 18,3 тыс. человек из числа слесарей-ремонтников сельскохозяйственной техники и рабочих машиностроительных предприятий городов.

Как показывал опыт лучших хозяйств, ключевым фактором закрепления квалифицированных кадров и создания стабильных трудовых

коллективов являлось социальное и культурное переустройство деревни. В 1970–1980-х гг. в республике была реализована довольно масштабная программа комплексного строительства на селе объектов жилищного, коммунального и культурно-бытового назначения, расширения масштабов индивидуальной застройки. Только за десятилетку в сельской местности было построено 111 тыс. квартир общей площадью 6 млн м², 209 комбинатов бытового обслуживания, 345 общеобразовательных школ на 176,3 тыс. ученических мест, детских дошкольных учреждений на 40,4 тыс. мест, клубов и домов на 43,6 тыс. мест, автоматизировано телефонных станций емкостью 791 тыс. номеров, проложено 5,3 тыс. км дорог с твердым покрытием, газифицировано 436,6 тыс. квартир [9, с. 47]. В одиннадцатой пятилетке на селе было построено около 6 млн м² жилья, проложено 9,4 тыс. км дорог с твердым покрытием, продолжилось инженерное обустройство населенных пунктов [10]. С учетом опыта экспериментально-показательного строительства, которое с начала 1970-х велось в нескольких хозяйствах республики и демонстрировало наилучшие планировочные варианты переустройства деревень, значительное количество населенных пунктов республики было преобразовано в красивые благоустроенные поселки. На Всесоюзном смотре застройки и благоустройства сельских поселков 129 белорусских сел были удостоены наград Выставки достижений народного хозяйства СССР. Лучшими стали поселки Снов и Новополесский Минской области, Мышковичи – Могилевской, Копти – Витебской, Малеч – Брестской. Колхозы и совхозы с высоким уровнем жилищно-бытового строительства, развитой социальной инфраструктурой и сферой культуры успешно решали вопросы кадрового обеспечения. Об этом убедительно свидетельствовали примеры колхозов «Оснежицкий» Пинского района, имени Тимирязева – Копыльского, имени Куйбышева – Кировского, «Чырвоная змена» – Любанского, «Заветы Ленина» – Малоритского и другие, где не только сложились стабильные трудовые коллективы, но и был достаточно высоким удельный вес молодых людей. К сожалению, такие примеры отмечались лишь в разрезе экономически сильных хозяйств, финансовое состояние которых и многолетняя практика договорных отношений с государственными предприятиями позволяли расширять строительство непроизводственных объектов. В целом же тенденция оттока из деревни молодежи, превышающего экономически целесообразные масштабы, до конца преодолена не была.

Заключение. Сельское хозяйство современной Беларуси гарантирует продовольственный

суверенитет и экспортные поступления государственного бюджета. Но только треть плодородия наших почв сформированы природой, а две трети созданы человеком, теми кадрами, которые были связаны с сельскохозяйственной наукой, прогрессивными технологиями в земледелии и животноводстве, техническим развитием деревни. Период 1970–1980-х годов был тем временем, когда социально-демографическая ситуация и необходимость формирования контингента квалифицированных кадров, обеспечивающих научно-технический процесс в сель-

скохозяйственном производстве, представляли сложную проблему. Исследование показывает, что в это время проделана значимая работа по перестройке всей республиканской системы сельскохозяйственного образования, подъему общеобразовательного уровня населения, повышению квалификации кадров. Изучение положительных результатов, а также допущенных ошибок и просчетов представляет не только исторический интерес, но и возможность использования прошлого опыта в современной кадровой политике на селе.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 81. Д. 2431. Л. 206, 207.
2. Звезда. 1970. 24 ліпеня.
3. Чумаченко В. П. Развитие сельскохозяйственного образования в Белоруссии. Минск: Ураджай, 1975. 64 с.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 125. Д. 64. Л. 82.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 73. Д. 51. Л. 79.
6. Полуян И. В. Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики. Минск: Наука и техника, 1978. 222 с.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 66. Д. 28. Л. 18.
8. Коммунист Белоруссии. 1976. № 4.
9. Коммунист Белоруссии. 1983. № 11.
10. Знамя юности. 1986. 31 января.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 81. F. 2431. L. 206, 207.
2. *Zvyazda* [*Zviyazda*], 1970, July 24 (In Belarusian).
3. Chumachenko V. P. *Razvitiye sel'skokhozyaystvennogo obrazovaniya v Belorussii* [Development of agricultural education in Belarus]. Minsk, Uradzhay Publ., 1975. 64 p. (In Russian).
4. NARB. Fund 4. I. 125. F. 64. L. 82.
5. NARB. Fund 4. I. 73. F. 51. L. 79.
6. Poluyan I. V. *Tekhnicheskiye kadry belorusskoy derevni i razvitiye sel'skogo khozyaystva respubliki* [Technical personnel of the Belarusian village and the development of agriculture in the republic]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 222 p. (In Russian).
7. NARB. Fund 4. I. 66. F. 28. L. 18.
8. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1976, no. 4 (In Russian).
9. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1983, no. 11 (In Russian).
10. *Znamya yunosti* [Banner of Youth], 1986, January 31 (In Russian).

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzeshda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 10.03.2023

УДК 341.123

А. В. Селиванов

Белорусский государственный университет

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ ООН В РЕЗОЛЮЦИЯХ
ПО ВОПРОСАМ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В XXI В.**

В публикации проводится краткий анализ деятельности Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам вынужденной миграции и беженцев в новом веке. Автор выделил в решениях Генеральной Ассамблеи ООН по рассматриваемой проблематике несколько направлений и три этапа: начиная от снятия временных ограничений деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), через реагирование на решение проблем вынужденной миграции к началу пандемии *COVID-19*, повлиявшей на все миграционные процессы на планете. Автор отмечает, что международному сообществу следует заниматься предотвращением новых потоков беженцев, а в рассмотренный период подобная деятельность была недостаточной.

Ключевые слова: Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, беженцы, вынужденная миграция, Генеральная Ассамблея, Международная организация по миграции, резолюция, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Для цитирования: Селиванов А. В. Генеральная Ассамблея ООН в резолюциях по вопросам вынужденной миграции в XXI в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 121–125. DOI: 10.52065/2520-6886-2023-269-1-22.

A. V. Selivanov

Belarusian State University

**RESOLUTIONS ON FORCED MIGRATION
OF THE UN GENERAL ASSEMBLY IN THE 21ST CENTURY**

The publication provides a brief analysis of the UN General Assembly activities on forced migration and refugee issues in the new century. The author emphasised some directions and three stages in the decision-making process of the UN General Assembly on these issues: starting from the removal of the temporal limitation for the UNHCR activity, through responding to the solution of the problems of forced migration to the beginning of the *COVID-19* pandemic (which affected all migration processes). The author underlines that the international community must spend more attention for prevention to creation of new forced migration flows: during the reviewing period under review, it turned out quite badly.

Keywords: United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, refugees, forced migration, General Assembly, International Organization for Migration, resolution, United Nations High Commissioner for Refugees.

For citation: Selivanov A. V. Resolutions on forced migration of the UN General Assembly in the 21st century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 121–125 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6886-2023-269-1-22.

Введение. Проблематика вынужденной миграции является актуальной: в данном контексте интерес может быть вызван как решением проблем данной категории лиц, так и попытками предотвращения массовых перемещений населения. В решении данных проблем важна роль международных организаций. Основной скрипкой в оркестре подобных структур является Организация Объединенных Наций. Известно, что всемирной международной организацией вопрос о беженцах еще после Второй мировой войны был признан одним из самых существенных на мировой арене. Автором неоднократно отмечалось, что можно проследить эволюцию деятельности ООН по решению вопросов миграции и беженцев: речь шла именно о резолюциях Генеральной

Ассамблеи, которая принимает основополагающие решения, отражающие мнение международного сообщества по той или иной проблеме. Так, была освещена деятельность Генеральной Ассамблеи по вопросам миграции через анализ ее резолюций [1], а также роль данного главного органа в решении проблемы беженцев в прошедшем веке [2]. В данной статье автор поставил цель проанализировать решения Генеральной Ассамблеи по вопросам вынужденной миграции в XXI в. и дать их характеристику.

Для изучения резолюций автором использовалась цифровая библиотека Организации Объединенных Наций [3]. Отметим, что для удобства автор не приводит в статье конкретные Интернет-адреса документов ООН, а только дает их

условные обозначения. При необходимости, найти данные документы будет просто: достаточно ввести условное обозначение в поисковую строку по ссылке [3]. Следует обратить внимание, что автор активно работал со списками резолюций на Интернет-сайте организации (раздел «Генеральная Ассамблея») на английском и русском языках. Нужно отметить, что русскоязычный сайт содержит значительное количество технических погрешностей. Начав использовать данный ресурс, автор отметил, что он не очень удачно структурирован, что создает значительные проблемы для исследователей [4]. В результате пришлось перейти на англоязычную страницу с списком резолюций [5].

Среди русскоязычных исследований подобного рода работ обнаружено не было. По теме данной статьи автор изучил схожую исследовательскую работу профессора М. МакБрайда, посвященную резолюциям Генеральной Ассамблеи. В данном материале акцент сделан на документах о деятельности УВКБ ООН. Кроме того, работа датирована декабрем 2009 г. [6].

В качестве нижней хронологической границы данной статьи взят 2001 г. – как начало нового этапа в работе Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, отметившего свой пятидесятилетний юбилей. Кроме того, 8 сентября 2000 г. Генеральной Ассамблеей была принята Декларация тысячелетия, в которой одной из рубрик была обозначена «Защита уязвимых». В данном пункте продекларирована решимость «укреплять международное сотрудничество, включая совместное несение бремени гуманитарной помощи странам, принимающим беженцев, и ее координацию, и помогать всем беженцам и перемещенным лицам на добровольной основе возвращаться в свои дома в условиях безопасности и достоинства и беспрепятственно реинтегрироваться в свои общества» (*A/RES/55/2*, п. 26). Верхняя рамка – начало 2020 г., когда по всему миру началась пандемия *COVID-19*.

Автор попытался охарактеризовать роль и значение Генеральной Ассамблеи ООН в вопросе решения проблем вынужденной миграции, выбрав из значительного количества резолюций 175, в названиях которых непосредственно упоминалась рассматриваемая проблематика [3].

Основная часть. Отметим, что для решения проблем вынужденной миграции и беженцев в настоящее время в рамках Организации Объединенных Наций работают Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН, создано в 1950 г.) (*A/RES/428(V)*), Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) (*A/RES/302(IV)*), а также Международная орга-

низация по миграции, ставшая специализированным учреждением ООН в 2016 г. [7].

Приступая к рассмотрению резолюций, необходимо принять во внимание следующее. Международная организация по миграции, имея статус специального учреждения ООН, не отчитывается перед Генеральной Ассамблеей.

Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) занимается исключительно вопросами палестинских беженцев.

При этом следует обратить внимание, что из 175 резолюций по вопросам вынужденной миграции 83 касаются именно проблемы палестинских беженцев и деятельности БАПОР. Так, есть ряд стандартных названий резолюций, которые повторяются из года в год («Помощь палестинским беженцам», «Лица, перемещенные в результате военных действий в июне 1967 года и последующих военных действий», «Операции Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ», «Имущество палестинских беженцев и получаемые за счет него доходы») [4, 5].

Безусловно, рассматривая проблему вынужденной миграции в целом, нельзя не касаться резолюций Генеральной Ассамблеи, направленных на деятельность УВКБ ООН.

Так, например, Верховный комиссар ООН по делам беженцев ежегодно отчитывается Генеральной Ассамблее о своей деятельности. По результатам данного отчета ассамблея принимает соответствующую резолюцию. Помимо этого, с 56-й по 74-ю сессию (2001–2019 гг.) было принято 17 резолюций, касающихся увеличения состава исполнительного комитета УВКБ ООН. Сайт УВКБ ООН свидетельствует, что с 2001 по 2019 г. состав исполкома увеличился на 50 и в 2019 г. составил 106 членов (в настоящее время уже 107) [8].

Африка с 1960-х гг. является континентом, где не прекращаются конфликты, вызванные процессом деколонизации. В наступившем столетии Генеральной Ассамблеей регулярно рассматривались проблемы, имеющие отношение к данной части света и принимались резолюции «Помощь беженцам, возвращенцам и перемещенным лицам в Африке». Помимо этого, в 2002 г. принята резолюция «Расследование случаев сексуальной эксплуатации беженцев работниками по оказанию помощи в Западной Африке» (*A/RES/57/306*) по докладу Управления служб внутреннего надзора о расследовании таких случаев.

Кроме того, один раз в два года принимались резолюции, касающиеся защиты и помощи внутренне перемещенным лицам (с 1996 г.). Интересно выглядит серия резолюций «Новый

международный гуманитарный порядок» (первая из них была принята еще в 1981 г. (*A/RES/36/136*)). В новом столетии они принимались на 57, 59, 61 и 63-й сессиях и в рамках проблематики вынужденной миграции касались соблюдения норм международного права беженцев. Для полноценного понимания сути упомянутых в данном параграфе документов и их проблематики данный вопрос требует дополнительной проработки.

В 2001 и 2003 гг. были приняты резолюции «Последующая деятельность по итогам Региональной конференции для рассмотрения проблем беженцев, перемещенных лиц, других форм недобровольного переселения и возвращенцев в странах Содружества Независимых Государств и соответствующих соседних государствах» (*A/RES/56/134, A/RES/58/154*). При этом в последней было отмечено, что ассамблея «постановляет продолжить рассмотрение этого вопроса на своей шестидесятой сессии». Отдельной резолюции на упомянутой сессии принято не было. При этом в резолюции, посвященной докладу Верховного комиссара по делам беженцев, отмечено, что Генеральная Ассамблея «приветствует успешное завершение последующей деятельности в связи с Женевской конференцией 1996 года по проблемам беженцев и перемещенных лиц и вопросам миграции и убежища в странах Содружества Независимых Государств и призывает государства, Управление Верховного комиссара и другие соответствующие заинтересованные стороны продолжать сотрудничество на основе достигнутых на сегодняшний день успехов в рамках указанного конференционного процесса» (*A/RES/60/129*). Таким образом, была признана успешность процесса решения проблем вынужденной миграции и беженцев на пространстве СНГ, формально начатого на конференции в Женеве 30–31 мая 1996 г.

В 2003 г. помимо последней резолюции ассамблеи по миграционной проблематике на пространстве СНГ происходили не только позитивные процессы. К сожалению, к таковым следует отнести принятие резолюции, в пункте 9 которой было отменено «временное ограничение в отношении продолжения деятельности Управления Верховного комиссара и продолжить деятельность Управления до разрешения проблемы беженцев» (*A/RES/58/153*). Напомним, деятельность УВКБ ООН была рассчитана на три года (*A/RES/428(V)*), затем 23 октября 1953 г. мандат УВКБ ООН был продлен на пять лет (*A/RES/727(VIII)*). В дальнейшем он каждые пять лет также продлевался. Интересно, что последняя резолюция по данному вопросу была принята 18 декабря 2002 г. (*A/RES/57/186*).

В списке резолюций по вопросам вынужденной миграции 2003 г. также можно выделить

как последний, когда была принята тематическая резолюция, касающаяся помощи несопровождаемым несовершеннолетним беженцам (*A/RES/58/150*). Они регулярно принимались, начиная с 1994 г. (*A/RES/49/172*).

Таким образом, можно рассматривать 2003 г. как завершение определенного периода деятельности ООН по решению вопросов вынужденной миграции и беженцев.

В одной из предыдущих статей автор сделал вывод, что Генеральная Ассамблея практически полностью отказалась от обсуждения проблематики беженцев на страновом уровне (де-факто передав ее УВКБ ООН), перейдя на региональный и тематический. При этом начиная с 2008 г. Генеральная Ассамблея ежегодно обсуждала положение внутренне перемещенных лиц и беженцев из Абхазии и Южной Осетии, что на общем фоне выглядит несколько непонятным. Ведь помимо проблемы африканских и палестинских беженцев, которые считаются проблемами глобального характера, вопросы вынужденных мигрантов на страновом уровне Генеральной Ассамблеи не обсуждаются и резолюции не принимаются. Сопереживая беженцам и понимая всю важность и необходимость решения их вопросов, все же следует сделать вывод, что данная проблема выведена из гуманитарной в политическую плоскость на высоком международном форуме.

Обратим также внимание, что анализ проблематики вынужденной миграции в рамках ежегодной резолюции «Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев» дает возможность рассмотреть эволюцию деятельности ООН в сфере международной защиты лиц, находящихся в ведении данной структуры. Так, в рамках Глобальных консультаций 2001–2002 гг., проводимых Управлением, была принята направленная на достижение следующих целей: «1) поддержка выполнения Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.; 2) защита беженцев в более широких пределах перемещения; 3) более справедливое разделение издержек и обязанностей и создание возможностей приема и защиты беженцев; 4) более эффективное решение вопросов, связанных с безопасностью; 5) расширение поиска стабильных решений; 6) удовлетворение потребностей в защите беженцев и детей-беженцев» (*A/RES/57/187, A/57/12/Add.1*). Отметим, что многие дальнейшие инициативы Верховного комиссара были поддержаны Генеральной Ассамблеей, что видно из резолюций. Так, по результатам Глобальных консультаций в 2003 г. появилась инициатива «Конвенция плюс» (*A/RES/58/151, A/58/12*), которую поддержала Генеральная Ассамблея. В резолюции 64/127 18 декабря 2009 г. были отмечены «важное значение обсуждения

и уточнения государствами и Управлением Верховного комиссара роли Управления в случае смешанных миграционных потоков для более эффективного удовлетворения потребностей в защите в контексте смешанных миграционных потоков» и «готовность Верховного комиссара оказывать в соответствии со своим мандатом помощь государствам в выполнении их обязанностей по защите в этой связи». Это говорит об эволюции деятельности как ООН в целом в решении проблемы вынужденной миграции, так и о роли Верховного комиссара, который пытался разделять миграционные потоки для оказания точечной целевой помощи различным категориям мигрантов.

Помимо этого, в резолюциях Генеральной Ассамблеи первого десятилетия XXI в. обращается внимание на успехи, достигнутые в Латинской Америке и Африке, а также на проблемы, которые создают беженцы и перемещенные лица из Ирака.

Важно, что в резолюции 69/152, принятой 18 декабря 2014 г., Генеральная Ассамблея отметила обеспокоенность тем фактом, что «количество людей, которые стали вынужденно переселенными вследствие конфликтов, преследований, насилия и других причин, включая терроризм, достигло самого высокого уровня после Второй мировой войны».

Ключевым в решении вопросов вынужденной миграции и беженцев стали 2015 и 2016 гг., когда был инициирован и проведен ряд мероприятий. Генеральная Ассамблея ООН 22 декабря 2015 г. приняла решение созвать 19 сентября 2016 г. пленарное заседание высокого уровня Генеральной Ассамблеи для решения проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов, был подготовлен проект итогового документа (*A/RES/70/290*, *A/RES/70/302*), который был рассмотрен на Пленарном заседании высокого уровня 71-й сессии Генеральной Ассамблеи и принят без голосования в виде резолюции 71/1 «Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах» (19 сентября 2016 г.), где обозначен «Комплекс мер в отношении беженцев».

В дальнейших резолюциях с названием «Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев» Генеральная Ассамблея отмечала усилия, прилагаемые странами в целях реализации

этого комплекса мер в отношении беженцев, а также призывала «Управление Верховного комиссара по-прежнему выступать в роли катализатора, который мобилизует международное сообщество на оказание помощи» (напр., *A/RES/72/150*).

Помимо упомянутых, следует обратить внимание не то, что и в ряде других резолюций Генеральная Ассамблея касалась проблематики вынужденной миграции (например, серия документов по Мьянме)

Заключение. Таким образом, в деятельности Генеральной Ассамблеи ООН по решению вопросов вынужденной миграции следует выделить несколько групп резолюций, которые можно разбить по определенным темам. Так, отдельной группой стали резолюции по палестинским беженцам и деятельности БАПОР. Еще в группу входят резолюции, касающиеся деятельности ООН в мире по решению проблем вынужденной миграции и беженцев. Среди них – резолюции, касающиеся деятельности УВКБ ООН, расширения его Исполнительного комитета, проблематика беженцев и вынужденных переселенцев в Африке, вопросы внутренних перемещенных лиц – это документы, которые принимались ежегодно или раз в два года. В свою очередь, можно выделить и ситуативные резолюции, касающиеся отдельных тем или регионов.

Кроме того, анализ резолюций позволяет показать эволюцию роли Генеральной Ассамблеи в решении проблем вынужденной миграции и беженцев. Так, в 2003 г. закончился один важный период и начался новый, границей между ними стало решение Генеральной Ассамблеи о снятии временных ограничений на деятельность УВКБ ООН до полного решения проблемы беженцев. 2015 г. стал новым рубежом для Организации Объединенных Наций, которая обратила пристальное внимание на новые миграционные потоки, результатом чего явилось принятие Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах. Думается, следующий этап начался в 2020 г. с появлением пандемии *COVID-19*, оказавшей влияние на все без исключения миграционные процессы. Завершая, отметим, что международному сообществу следует заниматься предотвращением новых потоков вынужденной миграции, а в новом веке подобная деятельность была недостаточной.

Список литературы

1. Селиванов А. В. Эволюция деятельности Генеральной Ассамблеи ООН в сфере миграции в конце XX – начале XXI в.: анализ резолюций // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 1 (257). С. 92–97.
2. Селиванов А. В. Краткий анализ резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам беженцев в XX в. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2022. Вып. 10. С. 57–70. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-57-70>.

3. Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 05.01.2023).
4. Резолюции: Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (дата обращения: 05.01.2023).
5. UN General Assembly Resolutions Tables. URL: <https://research.un.org/en/docs/ga/quick> (дата обращения: 05.01.2023).
6. McBride M. Anatomy of a Resolution: the General Assembly in UNHCR history: New Issues in Refugee Research: UNHCR Research Paper N 182, Dec. 2009. URL: <https://www.refworld.org/publisher,UNHCR,RESEARCH,,4c23257a0,0.html> (дата обращения: 10.01.2023).
7. В Нью-Йорке состоялась официальная церемония подписания соглашения между ООН и Международной организацией по миграции. URL: <https://news.un.org/ru/story/2016/09/1291601> (дата обращения: 05.01.2023).
8. ExCom membership by date of admission of members. URL: <https://www.unhcr.org/excom/announce/40112e984/excom-membership-date-admission-members.html> (дата обращения: 05.01.2023).

References

1. Selivanov A. The Evolution of the UN General Assembly Activities in Migration Sphere in the Late 20th – early 21st Centuries: Analysis of Resolutions. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 6, History, Philosophy, 2022, no. 1 (257), pp. 92–97 (In Russian).
2. Selivanov A. Brief Analysis of the Resolutions on Refugees on the UN General Assembly in the 20th Century. *Aktualn'nyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy i global'nogo razvitiya: sbornik nauchnykh statey* [Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers], 2022, vol. 10, pp. 57–70. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-57-70> (In Russian).
3. Digital Library of the United Nations. Available at: <https://digitallibrary.un.org/> (accessed 05.01.2023) (In Russian).
4. Resolutions: General Assembly of the United Nations. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (accessed 05.01.2023) (In Russian).
5. UN General Assembly Resolutions Tables. Available at: <https://research.un.org/en/docs/ga/quick> (accessed 05.01.2023).
6. McBride, M. Anatomy of a Resolution: the General Assembly in UNHCR history: New Issues in Refugee Research: UNHCR Research Paper N 182, Dec. 2009. Available at: <https://www.refworld.org/publisher,UNHCR,RESEARCH,,4c23257a0,0.html> (accessed 10.01.2023).
7. The Official Signing Ceremony of the Agreement between the UN and the International Organization for Migration Took Place in New York. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2016/09/1291601> (accessed 05.01.2023) (In Russian).
8. ExCom membership by date of admission of members. Available at: <https://www.unhcr.org/excom/announce/40112e984/excom-membership-date-admission-members.html> (accessed 05.01.2023).

Информация об авторе

Селиванов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: selivanych@bsu.by

Information about the author

Selivanov Andrey – PhD (History), Associate Professor, Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Doctorant of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 2200306, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: selivanych@bsu.by

Поступила 20.03.2023

УДК 327:930(4)

Л. Ч. Дрожжа

Дзяржаўная ўстанова «Беларускі навукова-даследчы цэнтр электроннай дакументацыі»
Дэпартамент па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь

АКТУАЛЬНЫЯ НАПРАМКІ РАЗВІЦЦЯ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ПРАБЛЕМАТЫКІ Ў СУЧАСНАЙ ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Прадметам даследавання з’яўляюцца актуальныя напрамкі развіцця заходнебеларускай праблематыкі польскімі гісторыкамі на сучасным этапе. Па выніках гэтых даследаванняў аўтар вызначае трэці, сучасны перыяд, які ахоплівае канец 1980-х – 2000-я гг., і складаецца з двух этапаў. Першы этап ахоплівае канец 1980-х – канец 1990-х гг., характарызуецца спробай аб’ектыўна ацаніць польскімі даследчыкамі існаванне беларусаў як нацыі ў Польшчы ў міжваенныя гады. Другі этап трэцяга перыяду ў польскай гістарыяграфіі заходнебеларускай праблематыкі можна лічыць з пачатку 2000-х г., і ён доўжыцца па сённяшнія дні. Трэці перыяд характарызуецца кардынальнымі зменамі ў сучасных гістарычных даследаваннях, дзякуючы выкарыстанню ІТ-тэхналогій, і зменамі інструментаў і метадыкі гістарычных даследаванняў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, польская гістарыяграфія, перыядызацыя, сучасны этап перыядызацыі, заходнебеларуская праблематыка.

Для цытавання: Дрожжа Л. Ч. Актуальныя напрамкі развіцця заходнебеларускай праблематыкі ў сучаснай польскай гістарыяграфіі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 126–131. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-23.

L. Ch. Drozhzha

Belarusian Research Center for Electronic Documentation of the Department for
Archives and Records Management of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus

CURRENT DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF WESTERN BELARUSIAN ISSUES IN MODERN POLISH HISTORIOGRAPHY

The subject of the study is the current directions of the development of Western Belarusian issues by Polish historians at the current stage. Based on the results of these studies, the author defines the third modern period, which covers the end of the 1980s – 2000s, and consists of two stages. The first stage covers the end of the 1980s – the end of the 1990s, characterized by an attempt by Polish researchers to objectively assess the existence of Belarusians as a nation in Poland in the interwar years. The second stage of the third period in the Polish historiography of West Belarusian issues can be considered from the beginning of the 2000s, and it lasts until today. The third period is characterized by radical changes in modern historical research, thanks to the use of IT technologies and changes in tools and methods of historical research.

Keywords: historiography, Polish historiography, periodization, modern stage of periodization, Western Belarusian problems.

For citation: Drozhzha L. Ch. Current directions of the development of Western Belarusian issues in modern Polish historiography. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 126–131 (In Belarusian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-23.

Уводзіны. На сучасным этапе дастаткова актуальным сярод навуковага грамадства Польшчы з’яўляецца вывучэнне развіцця заходнебеларускай праблематыкі польскімі гісторыкамі. Па выніках вывучэння гэтых даследаванняў аўтар вызначае трэці, сучасны перыяд, які пачынаецца з канца 1980-х г. і доўжыцца на працягу 2000-х г. На думку аўтара, трэці перыяд складаецца з двух этапаў.

Асноўная частка. Першы этап трэцяга перыяду, які ахоплівае канец 1980-х – канец 1990-х гг., характарызуецца спробай аб’ектыўнай ацэнкі польскімі даследчыкамі («аб’ектывістамі» і «рэвізіяністамі») нацыянальнага стану беларусаў

у Польшчы ў міжваенныя гады. Зрабіць гэта імкнуліся Я. Мірановіч у манаграфіі [1], К. Гамулка ў публікацыі [2], Е. Тамашэўскі ў артыкуле [3], В. Рачкоўскі [4], Р. Вапінскі [5, 6], Я. Е. Мілеўскі [7], П. Эберхард [8] і інш.

У гэты час з’явіліся працы, якія больш выразна падкрэслівалі дасягненні польскай міжваеннай эканомікі, але нават прадстаўнікам «традыцыйнай» школы гісторыкаў-«аб’ектывістаў» не ўдалося паказаць польскую міжваенную гаспадарку як досыць паспяховую. У дадзенай сітуацыі запатрабаванымі застаюцца манаграфіі Я. Жарноўскага [9], А. Хайноўскага і З. Ландау [10, 11].

Неабходна адзначыць, што трэці перыяд характарызуецца кардынальнымі зменамі ў сучасных гістарычных даследаваннях, дзякуючы выкарыстанню ІТ-тэхналогій, і зменамі інструментаў і метадыкі ў гістарычных даследаваннях на мяжы стагоддзяў. Другі этап трэцяга перыяду ў польскай гістарыяграфіі заходнебеларускай праблематыкі можна лічыць з пачатку 2000-х г., і ён доўжыцца па сённяшнія дні.

У 2000-я гг. акрамя аглядных даследаванняў пачынаюць з'яўляцца працы па гістарыяграфіі асобных пытанняў заходнебеларускай рэчаіснасці. Нягледзячы на добрую распрацаванасць напрыканцы другога перыяду ў 1980-я гг., польскія гісторыкі вывучаюць праблемы, якія характарызуюць сацыяльна-эканамічнае развіццё Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. на прыкладзе асобных ваяводстваў, гарадоў і мястэчак. Цікавыя даследаванні асобных раёнаў і мястэчак Беластоцкага ваяводства праведзены Я. Е. Мілеўскім [7], З. Тамчонкам [12], Б. Чарнецкім [13].

Становішча сельскай гаспадаркі ў міжваенны перыяд адлюстравана ў працы В. Вяржбінца [14]. Ваеннае асідніцтва і яго роля ў развіцці аграрнага сектара эканомікі падрабязна прааналізавана ў манаграфіі І. Стобняк-Смагаржэўскай [15]. Эканамічная дзейнасць польскіх таварыстваў і саюзаў адлюстравана ў манаграфіі М. Качпаржэка [16].

На мяжы стагоддзяў пашыраецца зацікаўленасць польскіх і літоўскіх калег у вывучэнні навуковых прац беларускіх гісторыкаў. Так, у Беластоку ў 2003 г. выходзіць зборнік навуковых артыкулаў «Гісторыкі польскія, літоўскія і беларускія аб праблемах ХХ стагоддзя: Гістарыяграфія польская, літоўская і беларуская пасля 1989 г.». У ім змешчаны артыкул беластоцкага гісторыка А. Смалярчыка па пытаннях польска-беларускай гістарыяграфіі стану міжваеннай адукацыйнай палітыкі на «крэсах усходніх» [17].

У пачатку 2000-х г. тэма беларускага пытання ў планах кіраўніцтва Польшчы ў міжваенныя гады застаецца актуальнай у польскай гістарыяграфіі. Прыцягвае ўвагу абагульняючае даследаванне Я. Мірановіча «Беларусы ў Польшчы (1918 – 1949)» [1]. Яго калега Я. Чыквін у сваёй манаграфіі лічыць беларускае насельніцтва ў складзе нацыянальных меншасцей ІІ Рэчы Паспалітай як найбольш прыгнечанае і пазбаўленае правоў на самавызначэнне [18].

Неабходна адзначыць, што на сучасным этапе польская навуковая грамадскасць імкнецца разглядаць праблему становішча беларусаў у складзе ўсходніх ваяводстваў міжваеннай Польшчы больш станоўча. Адносіны палякаў і беларусаў у міжваенныя гады гісторыкі Жаляндойскі Ц. [19] і Сляшыньскі В. [20, 21] разглядаюць як адну з актуальных праблем, якая сёння ўплывае на адносіны беларусаў і палякаў. Ц. Жаляндойскі

адзначае, што праблемы ў беларуска-польскіх адносінах у ІІ Рэчы Паспалітай у міжваенны перыяд былі абумоўлены памылковай палітыкай польскіх улад, накіраванай выключна на асіміляцыю шматмільённай масы беларусаў. Такім чынам, гісторык падкрэслівае, што ў міжваенныя гады адбылося паглыбленне канфлікту паміж палякамі і беларусамі, які негатыўна паўплываў на эскапацыю вырожасці ў гады Другой сусветнай вайны [19, s. 115–119].

Неабходна адзначыць, што істотным крытэрыем для характарыстыкі разглядаемай намі польскай гістарыяграфіі з'яўляецца аўтарская пазіцыя, якая падзяляе польскіх гісторыкаў на два лагеры. Адно, напрыклад, К. Гамулка, Я. Мірановіч, Я. Чыквін, В. Сляшыньскі і іншыя разглядаюць беларусаў, у першую чаргу, як грамадзян ІІ Рэчы Паспалітай, як нацыянальную меншасць, прадстаўнікі якой так ці інакш апынуліся ў гэтай краіне. І дзяржава ў адносінах да іх павінна была праводзіць збалансаваную і найбольш станоўчую для яе нацыянальную палітыку – дастаткова лаяльную, каб не перашкаджаць развіццю і пазбегнуць незадавальнення, і дастаткова паслядоўную, каб абмежаваць сепаратызм.

Другія даследчыкі, напрыклад, Мілеўскі Я. Е., Хайноўскі А., Жаляндойскі Ц. і іншыя, становяцца на пазіцыі беларусаў як загадзя прыгнечанага народа ва ўмовах рэалізацыі дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі «паланізацыі» і «акаталічвання» нацыянальных меншасцей Польшчы.

У залежнасці ад занятай пазіцыі польскія гісторыкі па-рознаму ацэньваюць выніковасць і добразычлівасць палітыкі ўрада ў адносінах да нацыянальных меншасцей. Большасць даследчыкаў мяркуюць, што урад міжваеннай Польшчы не хацеў і не імкнуўся задаволіць нацыянальныя і сацыяльна-культурныя памкненні беларусаў. Напрыклад, К. Гамулка адзначае шматгадовую асіміляцыю беларусаў польскай дзяржавай, якая дасягнула ў гэтых працэсах прыкметных вынікаў [2, с. 119]. Гісторык Хайноўскі А. характарызуе нацыянальную палітыку кіруючых колаў Польшчы ў цэлым як няўдалую [10].

Канфесійная сітуацыя ў Заходняй Беларусі знайшла сваё адлюстраванне ў шматлікіх працах польскіх аўтараў у першым этапе трэцяга перыяду вывучэння заходнебеларускай праблематыкі ў канцы 1980-х – 1990-я гг. Па-першае, гэта абагульняючыя працы па гісторыі касцёла і праваслаўнай царквы ў Польшчы, у якіх міжваенны перыяд вылучаны ў асобны раздзел. У працах Т. Владарчыка [22], В. Мысляка [23], М. Папержыньскай-Турэк [24] і іншых разглядаюцца становішча праваслаўных беларусаў з Заходняй Беларусі і спроба іх «акаталічвання» з боку польскага касцёла. Па-другое, гэта даследаванні гісторыкаў Вілка С. [25], Мораза М. [26], Мруза М. [27],

прывечанья ўзаемаадносінам дзяржаўнай улады і касцёла ў II Рэчы Паспалітай. Аўтары імкнуча высветліць, ці спрыяла канфесійная палітыка інтэграцыйным працэсам на ўсходзе краіны, ці, наадварот, узмацняла сепаратызм беларусаў.

У канцы 1990-х – 2000-я гг. з’яўляюцца працы польскіх даследчыкаў, у якіх вывучаецца роля яўрэяў у сацыяльна-эканамічным развіцці II Рэчы Паспалітай становіцца. Гэтая праблема-тыка з’яўляецца актуальным напрамкам даследаванняў для польскіх і польска-яўрэйскіх гісторыкаў у 2000-я – 2010-я гг. дзякуючы грантавай сістэме фінансавання гістарычнай навукі.

Значны ўнёсак у праблематыку вывучэння сацыяльна-эканамічнага становішча беларусаў у міжваеннай Польшчы быў зроблены ў першым перыядзе трэцяга этапа у польскай гістарыяграфіі заходнебеларускай праблематыкі дзякуючы абмеркаванню вышэйзгаданых праблем на старонках «Беларускіх гістарычных сшыткаў» (Беласток). Асобна неабходна ўгадаць навуковую спадчыну Беларускага гістарычнага таварыства, прац вядомых гісторыкаў: Мірановіча Я. [28], Мілеўскага Я. Е. [7], Туронка Ю. [29], Латышонка А. [30], Сляшыньскага В. [20, 21], Смалярчыка Б. [17], Мораза М. [27], Тамчонка Е. [12], Чыквіна А. [18] і іншых., якія на працягу больш за два дзесяцігоддзі арганізуюць працу па правядзенні навукова-практычных мерапрыемстваў для вывучэння сацыяльна-эканамічных, этнаканфесійных і культурна-асветніцкіх аспектаў становішча беларусаў у міжваеннай Польшчы.

Між іншым, на нашу думку, грамадска-палітычнае і этнаканфесійнае жыццё беларускага насельніцтва ўсходніх ваяводстваў II Рэчы Паспалітай, звязанае з палітыкай «паланізацыі» і «какаталічвання», а таксама абарона канстытуцыйных правоў насельніцтва мясцовымі прадстаўнікамі дэпутатаў Сейма, агітацыйна-прапагандысцкая дзейнасць палітычных партый, патрыятычная

дзейнасць працоўных, сялянскіх і маладзёжных рухаў з’яўляюцца дамінуючымі тэмамі даследаванняў сярод польскіх гісторыкаў у XXI ст.

Неабходна адзначыць, што ў сучаснай польскай гістарыяграфіі правамерна вызначыць рэгіянальны кірунак вывучэння заходнебеларускага пытання гісторыкамі Беластоцкага ўніверсітэта і фарміравання польскай навуковай школы заходнебеларускай праблематыкі. У сваіх даследаваннях гісторыкі робяць акцэнт на вывучэнні сталінскіх рэпрэсій супраць жыхароў паўночнаўсходніх павеатаў Беластоцкага ваяводства (палякаў, беларусаў, яўрэяў) па класавай прыкмеце пасля аб’яднання з БССР. У даследаваннях П. Эберхарда [8], К. Гамулкі [2, 31], Я. Мірановіча [1, 28], М. Гнатоўскага [32], Я. Е. Мілеўскага [33], М. Вяржбіцкага [34], Ю. Туронка [29], А. Латышонка [30], А. Садоўскага [35], В. Сляшыньскага [20, 21] і іншых па пытаннях міжваеннай гісторыі Беларусі зроблена выснова, што Польшча, як і СССР, не мелі намеру задаволіць нацыянальныя памкненні беларусаў, а змагаліся супраць беларускага нацыяналізму.

Вывады. У якасці падсумавання магчыма падкрэсліць, што у пачатку XXI ст. польскія вучоныя вядуць плённую даследчыцкую працу па вывучэнні ўмоў фарміравання і накірунках развіцця польскай эканомікі з канстатацыяй таго, што паўночнаўсходнія ваяводства пасля далучэння да польскай рэспублікі знаходзіліся на дастаткова нізкім эканамічным развіцці ў параўнанні з заходнімі і цэнтральнымі ваяводствамі II Рэчы Паспалітай. Адсюль, на думку польскіх даследчыкаў, незацікаўленаць польскага ўрада ў паспяховым развіцці сваіх усходніх ускраін. Такім чынам, палітыка польскага ўрада была не столькі эксплуататарскай, сколькі палітыкай уніфікацыі – гэта значыць палітыкай прыстасавання да асаблівасцей развіцця агульнапольскай эканомікі ўсіх яе рэгіянальных частак.

Спіс літаратуры

1. Мірановіч Яўген. Беларусы ў Польшчы (1918–1949). Вільня; Беласток: Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. 191 с.
2. Gomółka K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. N 2 (4). S. 106–120.
3. Tomaszewski J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa: Wyd-wa Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. 319 s.
4. Roczowski W. Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918–1939. Warszawa: PWN, 1989. 346 s.
5. Wapiński R. Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: PWN, 1991. 412 s.
6. Wapiński R. Polska i małe ojczyzny Polaków: Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. 420 s.
7. Milewski J. Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym. Białystok: Prymat, 1999. 137 s.
8. Eberhardt P. Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa: Editions Spotkania, 1994. 181 s.
9. Żarnowski J. Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: PWN, 1973. 434 s.
10. Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1979. 464 s.

11. Landau Z. Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939. Warszawa: Książka i wiedza, 1981. 327 s.
12. Tomczonek Z. Badania nad Kresami Północno-Wschodnimi Drugiej Rzeczypospolitej w polskiej historiografii // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok: Prymat, 2003. S. 16–26.
13. Czarniecki B. Rola historycznego rynku miejskiego we współczesnym funkcjonowaniu i strukturze małych miast Białostoczczyzny // Małe Miasta: historia i współczesność: praca zbiorowa pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego. Supraśl: Współczesna Oficyna Supraska, 2001. S. 79–95.
14. Wierzbiniak W. Organizacja ziemiaństwa żydowskiego w II Rzeczypospolitej // Przegląd Historyczno Archiwalny. 2002. T. 11. S. 233–245.
15. Stobniak-Smogorzewska J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945. Warszawa, RYTM, 2003. 420 s.
16. Kacprzek M. Towarzystwo rozwoju Ziemi Wschodnich w latach 1933–1939. Łódź: Ibidem, 2005. 158 s.
17. Smolarczyk, A. Dzieje szkolnictwa na ziemiach północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej w historiografii polskiej i białoruskiej // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok: Prymat, 2003. S. 36–43.
18. Czykwin E. Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygnatyzowana. Białystok: Trans Humana, 2000. 248 s.
19. Żołędowski C. Białorusini i Litwini w Polsce, Polacy na Białorusi i Litwie: Uwarunkowania współczesnych stosunków między większością i mniejszościami narodowymi. Warszawa: ASPRA-JR, 2003. 360 s.
20. Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza RYTM, 2007. 400 s.
21. Śleszyński W. Życie na Kresach. Województwa wschodnie II Rzeczypospolitej (1919-1939). Białystok: Muzeum Pamięci Sybiru, 2020. 362 s.
22. Włodarczyk T. Konkordaty: Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX w. Warszawa: PWN, 1986. 658.
23. Mysłek W. Przedmurze (Szkice z dziejów Kościoła Katolickiego w II Rzeczypospolitej). Warszawa: Wydawnictwo Spółdzielcze, 1987. 251 s.
24. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. Warszawa: PWN, 1989. 481 s.
25. Wilk St. Episkopat Kościoła Katolickiego w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1992. 418 s.
26. Moroz M. «Krynica»: Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2001. 230 s.
27. Mróz M. Katolicyzm na pograniczu: Kościół katolicki wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Polsce w latach 1918–1925. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 2001. 311 s.
28. Mironowicz E. Białoruska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej w historiografii polskiej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. N 2 (4). S. 176–180.
29. Turonek J. Książka białoruska w II Rzeczypospolitej 1921–1939. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. 80 s.
30. Łatyszczonok O. Białoruski ruch narodowy a protestantyzm w II Rzeczypospolitej // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach Północno-Wschodnich i Litwa Wschodnia w latach 1939–1941 (Materiały z konferencji naukowej, 24 – 26 listopada 1993, Warszawa). Warszawa: IPN, 1995. S. 33–40.
31. Gomółka K. Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia. Gdańsk, 1992. N 31. S. 168–182.
32. Gnatowski M. Polacy – Sowieci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941: w 2 t. Łomża: Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrów, 2005. T. 1. 256 s.
33. Milewski J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskiej w Polsce w okresie międzywojennym // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Białystok: Dział Wydaw. Filii UW, 1995. S. 361–371.
34. Wierzbicki M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa: Fronda, 2007. 424 s.
35. Sadowski A. Narody wielkie i małe. Białorusini w Polsce. Kraków: Instytut Religioznawstwa UJ, 1991. 304 s.

References

1. Mironovich Evgeny. *Belarusy u Pol'shchy (1918–1949)* [Belarusians in Poland (1918–1949)]. Vilnius, Białystok, Instytut belarystyki, Belaruskaye histarychnaye tavarystva Publ., 2010. 191 p. (In Belarusian).
2. Gomółka K. The policy of Polish governments towards the Belarusian minority in the years 1918–1939. *Białoruskie Zeszyty Historyczne* [Belarusian Historical Journal], 1995, no 2 (4), pp. 106–120 (In Polish).

3. Tomaszewski J. *Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939* [An outline of the history of Jews in Poland in the years 1918–1939]. Warsaw, Wyd-wa Uniwersytety Warszawskiego Publ., 2001. 319 p. (In Polish).
4. Roczkowski W. *Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918–1939* [The economic role of larger private landed property in Poland, 1918–1939]. Warsaw, PWN Publ., 1989. 346 p. (In Polish).
5. Wapiński R. *Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej* [Generations of the of the Second Polish Republic]. Warsaw, PWN Publ., 1991. 412 p. (In Polish).
6. Wapiński R. *Polska i małe ojczyzny Polaków: Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej* [Poland and the small homelands of Polands: From the history of the formation of national consciousness in the 19th and 20th centuries to the outbreak of World War II]. Wrocław; Warsaw; Krakow, 1994. 420 p. (In Polish).
7. Milewski J. *Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym* [From the history of the Białystok Voivodship in the interwar period]. Białystok, Prymat Publ., 1999. 137 p. (In Polish).
8. Eberhardt P. *Przemiany narodowościowe na Białorusi* [National changes in Belarus]. Warsaw, Editions Spotkania Publ., 1994. 181 p. (In Polish).
9. Żarnowski J. *Spółczesność Drugiej Rzeczypospolitej* [The society of the Second Polish Republic]. Warsaw, PWN Publ., 1973. 434 p. (In Polish).
10. Chojnowski A. *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*. [Concepts of nationality policy of Polish governments in the years 1921–1939]. Wrocław, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Publ., 1979. 464 p. (In Polish).
11. Landau Z. *Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939* [An outline of Poland's economic history 1918–1939]. Warsaw, Książka i wiedza Publ., 1981. 327 p. (In Polish).
12. Tomczonek Z. Research on the North-Eastern Borderlands of the Second Polish Republic in Polish historiography. *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku* [History of education in the north-eastern lands of the Second Republic in Polish and Belarusian historiography to 1989]. Białystok, Prymat Publ., 2003, pp. 16–26 (In Polish).
13. Czarnecki B. The role of the historic town square in the contemporary functioning and structure of small towns in the Białystok region. *Małe Miasta: historia i współczesność: praca zbiorowa pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego*. Suprasl, Współczesna Oficyna Supraska Publ., 2001, pp. 79–95 (In Polish).
14. Wierzbiniak W. The organization of the Jewish landed gentry in the Second Polish Republic. *Przegląd Historyczno Archiwalny*, 2002, vol. 11. pp. 233–245 (In Polish).
15. Stobniak-Smogorzewska J. *Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945* [Borderland military settlement 1920–1945]. Warsaw, RYT Publ., 2003. 420 p. (In Polish).
16. Kacprzek M. *Towarzystwo rozwoju Ziem Wschodnich w latach 1933–1939* [Society for the Development of the Eastern Territories in 1933–1939]. Łódź, 2005. 158 p. (In Polish).
17. Smolarczyk A. History of education in the north-eastern lands of the Second Republic in Polish and Belarusian historiography. *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku* [History of education in the north-eastern lands of the Second Republic in Polish and Belarusian historiography to 1989]. Białystok, Prymat Publ., 2003. pp. 36–43. (In Polish).
18. Czykwin E. *Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana* [The Belarusian national minority as a stigmatized group]. Białystok, Trans Humana Publ., 2000. 248 p. (In Polish).
19. Żołędowski C. *Białorusini i Litwini w Polsce, Polacy na Białorusi i Litwie: Uwarunkowania współczesnych stosunków między większością i mniejszościami narodowymi* [Belarusians and Lithuanians in Poland, Poles in Belarus and Lithuania: conditions of contemporary relations between the majority and national minorities]. Warsaw, ASPRA-JR Publ., 2003. 360 p. (In Polish).
20. Śleszyński W. *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej* [Internal security in the policy of the Polish state in the north-eastern territories of the Second Polish Republic]. Warsaw, Instytut Studiów Politycznych PAN, RYTM Publ., 2007. 400 p. (In Polish).
21. Śleszyński W. *Życie na Kresach. Województwa wschodnie II Rzeczypospolitej (1919–1939)* [Life on Kresy. Eastern voivodeships of the Second Polish Republic (1919–1939)]. Białystok: Muzeum Pamięci Sybiru Publ., 2020. 427 p. (In Polish).
22. Włodarczyk T. *Konkordaty: Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX wieku* [Concordats: Outline of history with particular emphasis on the 20th century]. Warsaw, PWN Publ., 1986. 658 p. (In Polish).
23. Mysiek W. *Przedmurze (Szkiecy z dziejów Kościoła Katolickiego w II Rzeczypospolitej)* [Przedmurze (Sketches from the history of the Catholic Church in the Second Polish Republic)]. Warsaw, Wydawnictwo Spółdzielcze Publ., 1987. 251 p. (In Polish).

24. Papierzyńska-Turek M. *Między tradycją a rzeczywistością* [Between tradition and reality]. Warsaw, PWN Publ., 1989. 481 p. (In Polish).
25. Wilk St. *Episkopat Kościoła Katolickiego w Polsce w latach 1918–1939* [The Episcopate of the Catholic Church in Poland in the years 1918–1939]. Warsaw, 1992. 418 p. (In Polish).
26. Moroz M. “Krynica”: *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu* [“Krynica”: Ideology and leaders of Belarusian Catholicism]. Białystok, Białoruskie Towarzystwo Historyczne Publ., 2001. 230 p. (In Polish).
27. Mróz M. *Katolicyzm na pograniczu: Kościół katolicki wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Polsce w latach 1918–1925* [Catholicism on the border: the Catholic Church in the face of the Ukrainian and Belarusian question in Poland, 1918–1925]. Torun, Adam Marszałek Publ., 2001. 311p. (In Polish).
28. Mironowicz E. The Belarusian national minority in the Second Republic in Polish historiography. *Białoruskie Zeszyty Historyczne* [Belorussian Historical Book], 1995, no 2 (4), pp. 176–180 (In Polish).
29. Turonek J. *Książka białoruska w II Rzeczypospolitej 1921–1939* [Book of Belarus in the second Polish Republic 1921–1939]. Warsaw, Sławistyczny ośrodek wydawniczy Publ., 2000. 80 p. (In Polish).
30. Lатышанек О. The Belarusian national movement and Protestantism in the Second Polish Republic Rzeczypospolita. *Spoleczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach Połnocno-Wschodnich i Litwa Wschodnia w latach 1939–1941* [Society of Belarus, Lithuania and Poland in the north-eastern lands and Eastern Lithuania in the years 1939–1941]. Warsaw, WPN Publ., 1995, pp. 33–40 (In Polish).
31. Gomółka K. Belarusians in the Second Republic. *Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia*. Publ., Gdańsk, 1992, no 31, pp. 168–182 (In Polish).
32. Gnatowski M. *Polacy – Sowietci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941: w 2 t.* [Poles-Soviets – Jews in the Łomża region in the years 1939–1941: in 2 vol.]. Lomza, Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrow Publ., 2005, vol. 1. 256 p. (In Polish).
33. Milewski J. J. Polish authorities and political groups in relation to the Belarusian question in Poland in the interwar period. *Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej*. Białystok, Dział Wydaw. Filii UW Publ., 1995, pp. 361–371 (In Polish).
34. Wierzbicki M. *Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941* [Poles and Belarusians in the Soviet Union. Polish-Belarusian relations in the north-eastern lands of the Second Republic. 1939–1941]. Warsaw, Fronda Publ., 2007. 424 p. (In Polish).
35. Sadowski A. *Narody wielkie i małe. Białorusini w Polsce* [Nations great and small. Belarusians in Poland]. Krakow, Instytut Religioznawstwa UJ Publ., 1991. 304 p. (In Polish).

Інфармацыя пра аўтара

Дрожжа Людміла Чэславаўна – магістр гісторыі, старшы навуковы супрацоўнік дзяржаўнай установы «Беларускі навукова-даследчы цэнтр электроннай дакументацыі» Дэпартамента па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (220084, г. Мінск, вул. Ф. Скарыны, 51, корп. 2, Рэспубліка Беларусь). E-mail: l_drojja@tut.by

Information about the author

Drozhzha Liudmila Cheslvauna – Master of History, Senior Researcher at the Belarusian Research Center for Electronic Documentation of the Department for Archives and Records Management of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus (51/2 F. Skorina str., 220084, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: l_drojja@tut.by

Пасмыніў 12.02.2023

УДК 331.5.024.54

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются исторические аспекты развития и становления понятия «трудовые ресурсы», как основного фактора формирования производства и эффективности системы управления. Трансформация и эволюция понятия «трудовые ресурсы» характеризуют изменения не только производственного процесса. Оно тесно связано с государственным устройством, историческими факторами, которые оказывают непосредственное влияние на развитие государства и особенности формирования экономических отношений и укладов.

В статье также проводится анализ понятия «человеческий капитал» как аналог понятию «трудовые ресурсы». Однако отмечается, данные понятия несут в себе значительные отличия. Помимо экономической характеристики, «человеческий капитал» несет в себе социальные и психологические аспекты. Кроме основной характеристики как главного элемента экономического роста, человеческий капитал является основой благосостояния человека, приобретения и повышения им определенного социального статуса, а также основным стимулом самореализации.

Ключевые слова: труд, население, трудовые отношения, трудовые ресурсы, человеческий капитал, экономический рост, эффективность производства.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Трудовые ресурсы: история становления и развития // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2023. № 1 (269). С. 132–135. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-24.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

LABOR RESOURCES: HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The article discusses the historical aspects of the development and formation of the concept of "labor resources" as the main factor in the development of production and the effectiveness of the management system. The transformation and evolution of the concept of "labor resources" characterizes changes not only in the production process. It is directly related to the state structure, historical factors that have a direct impact on the development of the state and the features of the formation of economic relations and structures.

The article also analyzes the concept of "human capital" as an analogue of the concept of "labor resources". However, it is noted that these concepts carry significant differences. In addition to the economic characteristics, "human capital" carries social and psychological aspects. In addition to the main characteristic as the main element of economic growth, human capital is the basis of human well-being, the acquisition and improvement of a certain social status, as well as the main incentive for self-realization.

Keywords: electoral poll, electoral forecast, electorate, public opinion poll, statistical modeling, market forecast, polling experiment.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Labor resources: history of formation and development. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 132–135 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-24.

Введение. Проблематика процессов труда и трудовых отношений давно является объектом исследования не только представителей экономической сферы. Свой интерес к этой области проявляет социология, менеджмент и т. д. Причем проблематика данного вопроса уходит далеко в прошлое в области своих изысканий.

Нельзя не отметить, что вопросы труда, трудовых отношений всегда представляли научный интерес для исследователей. Трудовые ресурсы являются одним из факторов и элементов экономического роста, эффективности государ-

ственного устройства. Социально-экономическая трансформация, переход на новый уровень производственных отношений влечет за собой и изменения в самой системе трудовых отношений, самого процесса труда.

Термин «трудовые ресурсы» в научную терминологию ввел С. Г. Струмилин, выдающийся советский экономист. Впервые термин был сформулирован еще в 20-х гг. XX в. Согласно теории С. Г. Струмилины, трудовые ресурсы – это планово-учетная категория, характеризующая часть населения, которая находится в трудоспособном

возрасте. В качестве финансово-экономической категории это понятие охарактеризовало часть населения, обладающего необходимым физическим развитием, умственными способностями и знаниями, т. е. «совокупную производственную силу труда всех трудоспособных членов общества» [1, с. 32].

Основная часть. Трудовые ресурсы – это население страны, которое имеет возможность и способно трудиться. Точнее, это трудоспособная часть населения страны, которая благодаря своим физическим и интеллектуальным способностям участвует в производстве материальных и духовных благ и услуг. Данное определение первоначально трактовалось как статистическое, характеризующее обеспеченность производственной сферы необходимыми элементами трудовой деятельности, и применялось для статистического и демографического учета.

Сегодня к данному определению можно добавить количественные, качественные и структурные характеристики. Это такие показатели, как численность работников, образовательный уровень (доля работников с высшим, средним и средним специальным образованием), половозрастная структура работников, стаж работы, квалификация и т. д.

Сегодня понятие «трудовые ресурсы» – основополагающее определение при характеристике производственной и экономической жизни страны. Трудовые ресурсы являются одним из основных факторов производства. Экономический рост и экономическая эффективность неразрывно связаны с использованием трудовых ресурсов, их эффективности, показателей их количества и качества.

Истоки изучения трудовой деятельности человека относятся к концу XIX в. Они связаны с именем Фредерика У. Тейлора, американского инженера, основоположника теории научной организации труда как самостоятельной научной дисциплины. Им были проведены исследования, а в дальнейшем – разработаны методы максимального получения прибыли при максимальном повышении интенсивности труда. Эти методы определяли самый рациональный и эффективный способ выполнения данного вида работы. В основе его теории находятся принципы рациональной организации труда и управления. При этом человек рассматривался как материал и ресурс социальный, а также единственно возможный объект управления. Данная теория нашла свое продолжение в период существования СССР. Она известна под названием «Научная организация труда» и «Техническое нормирование труда».

Последователями Фредерика У. Тейлора были Френк и Лилиан Гилбрет, Гарри Эмерсон.

Ф. и Л. Гилберт занимались изучением вопросов повышения производительности труда без увеличения физических нагрузок. Доказали, что любая работа состоит из движений, которые впоследствии разделили на так называемые «микродвижения». Исследуя и изучая их, предложили либо усовершенствовать данные движения, либо их устранить. Также обратили внимание на условия трудовой деятельности, которые способствовали бы высокой производительности труда («изучение проблем усталости»). Определили взаимосвязь эффективности производственных процессов с системой управления и планирования. Обозначили необходимость вовлеченности работников в производственный процесс, обосновали взаимосвязь успешности предприятия и работников. Отмечали, что организация устойчива и благополучна в том случае, когда она проявляет заботу о благополучии ее членов [2].

Г. Эмерсон в работе «Эффективность как основа производственной деятельности и заработной платы» обосновал свою систему эффективности управления и оплаты труда.

Труд, трудовая деятельность всегда представляли активный интерес для исследователей. Но лишь в 20-х гг. XX в. в научную терминологию было введено понятие «трудовые ресурсы». С. Г. Струмилин сформулировал основные характеристики данного понятия, а также определил дальнейший механизм и процесс управления кадрами. Согласно концепции С. Г. Струмилина, «основной фонд, питающий собой всякое народное хозяйство, – это живая рабочая сила данной страны или народа. Всякое сокращение или расширение этого фонда оказывает громадное влияние на общий темп хозяйственного развития [1]. Струмилин доказал и показал экономическую эффективность профессионального образования, хотел найти взаимосвязь между временем обучения и профессиональной квалификацией, возрастом, стажем и уровнем образования.

Взяв за основу сравнение создаваемой и потребляемой рабочими стоимости, С. Г. Струмилин предложил вариант перспективного трудового баланса России с 1922 г. по 1941 г., который современные ученые определяют как стоимостную оценку человеческого капитала государства того периода.

«Перспективный трудовой баланс России» С. Г. Струмилин оценивал следующим образом: «приход» – это численность работников (48 млн в 1921 г. и 72,5 млн в 1941 г.), умноженная на производительность труда – по сути аналог нынешнего ВВП, и «расход» – это число едоков (134 и 177,1 млн чел.), умноженное на стоимость содержания одного человека. То есть

трудоустройстве у Струмилина был балансом доходов и расходов народного хозяйства и населения [3, с. 37].

Сегодня наблюдаются разноплановые подходы к трактовке данного понятия. Например, П. Э. Шлендер подходит к определению трудовых ресурсов как к среднему между «трудовым потенциалом» и «совокупной рабочей силой». Он считает, что «трудовые ресурсы – это трудоспособная часть населения, которая, обладая физическими или интеллектуальными возможностями, способна производить материальные блага и оказывать услуги» [4].

В современной научной литературе достаточно часто используется понятие «человеческий капитал». Зачастую данный термин применялся как синоним «трудовым ресурсам». Особенно активно это внедряется в зарубежных источниках. Но если трудовые ресурсы рассматриваются с точки зрения производственного процесса, эффективности производства и участия в данном процессе человека с его физическими и интеллектуальными способностями, то человеческий капитал – это еще и непосредственное участие в данном процессе общества, семьи и государства.

Человеческий капитал также является фактором экономического роста и эффективности производства. Однако помимо экономической характеристики, он несет в себе социальные и психологические аспекты. Именно человеческий капитал представляется фактором реализации знаний и умений человека, его самореализацией. Можно сказать, что данная категория выступает одной из характеристик социального статуса человека. Именно «человеческий капитал» является показателем, соединяющим в себе знания, умения, способности, навыки и их разнообразные комбинации.

Как область научного знания категория «человеческий капитал» начала активно использоваться в 20-х гг. XX в. Однако еще в XVII в. У. Петти определил значимость образования и обучения в увеличении национального богатства и экономическом развитии общества. Его последователем явился А. Смит, который также считал образование одним из важнейших факторов экономического богатства государства и выступал за его доступность. Однако в силу особенностей исторического и экономического развития общества данный фактор не был принят во внимание и лишь во второй половине

XIX – начале XX в., когда произошли значительные изменения не только производства и производственных отношений (промышленные революции, введение всеобщего избирательного права и т. д.), но и всей системы государственного управления, вопросы значения роли и места человека в производстве приняли новый формат.

Преобразования, которые имели место быть затронули не только производство и производственный процесс. Они имели немаловажное значение для всей системы социально-экономических отношений, для государства в целом.

В 20-х гг. XX в. активно распространялись идеи «Школы человеческих отношений», согласно которым основой всех отношений (производственных, социальных, управленческих и т. д.) является человек.

Однако впервые этот термин использовал американский экономист Джейкоб Минсер в 1958 г., затем Теодор Шульц в 1961 г. [5]. Гэри Беккер развил эту идею с 1964 г. [6], обосновав эффективность вложений в человеческий капитал и сформулировав экономический подход к человеческому поведению.

Таким образом, в основе теоретических основ и трудовых ресурсов и концепции «человеческий капитал» лежат идеи неокейнсианской и неоклассической теории, базирующиеся на идеях значения работника как основополагающего фактора в производстве и производственной деятельности, а уровень профессионального мастерства в основе конкурентоспособности предприятия.

Заключение. Сегодня данные, которые применяются для характеристики этих понятий и категорий, используются учеными для оценки таких показателей, как трудовые ресурсы, накопление капитала, оценки инновационного развития экономики, т. е. результата технических нововведений и уровня научно-технического прогресса.

Но нельзя не принимать во внимание, что категории «человеческий капитал» и «трудовые ресурсы» неразрывны. Человеческий капитал – это один из факторов и элементов государственного и исторического развития. А трудовые ресурсы являются его необходимым элементом, который представляет собой трудоспособное население с определенными физическими и интеллектуальными способностями, дающими возможность для функционирования и развития «человеческого капитала».

Список литературы

1. Струмилин, С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хозяйственное строительство. 1922. Вып. 2. С. 32–46.
2. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1997. 704 с. URL: <http://mybook.ru/author/majkl-albert/osnovy-menedzhmenta/read>. (дата обращения: 02.02.2023).
3. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат, 1957. 735 с.

4. Шлендер П. Э. Экономика труда / под общ. ред. П. Э. Шлендера, Ю. П. Кокина. М.: Юрист, 2010. 686 с. URL: <http://altairbook.com/books/207446289-ekonomika-truda.html> (дата обращения 29.01.2023).
5. Shultz T. Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1–17. URL: <https://www.ssc.wisc.edu/~walker/wp/wp-content/uploads/2012/04/schultz61.pdf> (дата обращения 29.01.2023).
6. Becker Gary S. Human Capital. URL: https://www.academia.edu/35396287/HUMAN_CAPITAL_A_Theoretical_and_Empirical_Analysis_with_Special_Reference_to_Education_THIRD_EDITION (дата обращения: 02.02.2023).

References

1. Strumilin S. G. *Hozyaystvennoye stroitel'stvo* [Economic construction], 1922, no. 2, pp. 32–46. (In Russian).
2. Meskon M. H., Al'bert M., Hedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow, Delo Publ., 1997. 704 p. Available at: <http://mybook.ru/author/majkl-albert/osnovy-menedzhmenta/read> (accessed 02.02.2023) (In Russian).
3. Strumilin S. G. *Problemy ekonomiki truda* [Problems of labor economics]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 735 p. (In Russian).
4. Shlender P. E. *Ekonomika truda* [Labor economics]. Moscow, Yurist Publ., 2010. 686 p. (In Russian).
5. Shultz T. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 1, pp. 1–17. Available at: <https://www.ssc.wisc.edu/~walker/wp/wp-content/uploads/2012/04/schultz61.pdf> (accessed 29.01.2023).
6. Becker Gary S. Human Capital. Available at: https://www.academia.edu/35396287/HUMAN_CAPITAL_A_Theoretical_and_Empirical_Analysis_with_Special_Reference_to_Education_THIRD_EDITION (accessed 02.02.2023).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Поступила 27.02.2023

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 140.8

П. А. Водопьянов

Белорусский государственный технологический университет

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье раскрыта роль мировоззренческих ценностей в достижении мотивов и целей человеческой деятельности, обозначена значимость мировоззренческих универсалий в формировании целостной картины мира, проанализированы типы и формы взаимодействия общества и биосферы, уделено внимание обоснованию новых мировоззренческих ориентаций для преодоления кризисных явлений в условиях экстремальной экологической ситуации.

Раскрыты направления достижения безопасного будущего на основе изменения антропоцентристской ориентации за счет принятия мер по стабилизации численности населения с учетом ограниченности жизненного пространства и природно-ресурсного потенциала, внедрения природоподобных технологий и формирования биоатропоцентристской парадигмы мышления.

Ключевые слова: мировоззренческие универсалии и ценности, стабильное будущее, формы взаимодействия общества и биосферы, антропоцентризм, биоантропоцентризм, численность народонаселения, природоподобные технологии.

Для цитирования: Водопьянов П. А. Мировоззренческие ценности достижения безопасного будущего в условиях глобальной нестабильности // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 136–141. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-25.

P. A. Vodop'yanov

Belarusian State Technological University

WORLDVIEW VALUES OF ACHIEVING A SECURE FUTURE IN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

The article reveals the role of worldview values in achieving the motives and goals of human activity, identifies the importance of worldview universals in the formation of a holistic picture of the world, analyzes the types and forms of interaction between society and the biosphere, pays attention to the justification of new worldview orientations to overcome crisis phenomena in an extreme environmental situation.

The directions of achieving a stable future on the basis of changing the anthropocentric orientation, by taking measures to stabilize the population, taking into account the limited living space and natural resource potential, the introduction of nature-like technologies and the formation of a bioatropocentric paradigm of thinking are revealed.

Keywords: worldview universals and values, stable future, forms of interaction between society and the biosphere, anthropocentrism, bioanthropocentrism, population size, nature-like technologies.

For citation: Vodop'yanov P. A. Worldview values of achieving a secure future in conditions of global instability. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 136–141 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-25.

Введение. Достижение безопасного будущего в условиях глобальной нестабильности непосредственно связано с мировоззренчес-

кими универсалиями, определяющими целостную картину мира объективной реальности как важнейшего условия определения путей

дальнейшего развития общества, поскольку любые изменения в его жизни осуществляются под влиянием мировоззренческих ценностей, в соответствии с которыми происходят определенные виды деятельности.

Основная часть. Мировоззренческие ценности как категория культуры выступают как мировоззренческие универсалии, выражающие способ представлений об окружающем мире, его понимание человеком. К таким универсалиям относятся категории, отражающие наиболее общие признаки объектов, а также характеризующие человека как субъекта деятельности, его отношение к другим людям, обществу в целом и соответственно его ценностям [1, с. 174].

Мировоззренческие универсалии направлены на отражение целостной картины мира, в соответствии с которой создаются способы поведения и деятельности.

На основе такого рода универсалий формируется мировоззрение нового типа, которое предполагает изменение ценностей, направленных на соответствующий тип деятельности, постановку присущих ему целей, соответствующий способ производства, применяемые технологии и на характер отношения к природе. В основе постановки целей лежат мотивы, определяющие поведение социальных групп и членов общества, ориентированных на достижение результатов их деятельности.

На каждом этапе человеческой деятельности можно проследить различные типы и формы отношения человека к природе и соответствующие формы их взаимодействия.

В античной культуре четко обнаруживается идея гармонии человека и природы, человек представлялся как особая выделенная часть Космоса, выступающего как мера всех вещей, а стремление человека к самовыражению, к активной деятельности являлось условием воспроизводства его социальных отношений и связей.

В глубоком Средневековье доминирующей тенденцией явилось возвышение человека как субъекта деятельности, как созданного по образу и подобию Бога, поскольку последний как создание божественного способен осуществлять действия сообразно своим потребностям и интересам.

Эта тенденция вседозволенности человеческой деятельности получила практическое закрепление в философии Нового времени. С этого момента начинается период господства человека над природой, которое получило свое закрепление в достижениях современной научно-технической революции, приведшей к глобальным экологическим угрозам.

В современных условиях перестройка регулятивов человеческой деятельности начинается с критики доминирующих мировоззренческих ориентаций, которые доказали непригодность сложившимся социально-экономическим условиям развития.

По этой причине особое значение приобретают поиск и обоснование новых мировоззренческих ориентаций, определяющих способы и направления человеческой деятельности в условиях глобальной экологической нестабильности.

Такого рода нестабильность общества обусловлена экстремальной экологической ситуацией, угрозой недостатка жизненного пространства и природных ресурсов, пропастью между бедными и богатыми, противостоянием между различными странами мирового сообщества, недостатком продовольствия, девальвацией общечеловеческих ценностей и многими другими негативными явлениями.

К сожалению, сложившийся сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, хотя и представляет собой объективное явление, однако именно он привел к глобальному экологическому кризису, преодоление которого вызывает необходимость выбора путей достижения стабильного будущего.

В настоящее время можно обозначить два основных варианта достижения этой цели.

Первый вариант предполагает следование по сложившемуся пути развития на основе сохранения потребительского вектора социально-экономического развития, что неизбежно приведет к обострению и без того сложных глобальных проблем, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Второй вариант предполагает изменение сложившегося вектора на основе изменения ценностных ориентаций по отношению человека к природе и выбора новой стратегии развития. Такой вариант открывает возможность преодоления кризисных явлений в случае принятия неотложных мер по их предотвращению, поскольку еще не утрачены возможности природных экосистем восстановления нарушенных процессов. Для достижения этого необходимо изменение сложившихся стереотипов мышления по отношению к природе на основе формирования новых ценностных ориентаций.

Необходимость выбора новых ценностных ориентаций обусловлена глобальными угрозами, стоящими перед человечеством, такими как изменение климатических условий, утрата биологического разнообразия, истощение природных ресурсов, нарастающее загрязнение окружающей среды, появление пандемических болезней. По этой причине возникает необходимость

определения основных направлений социально-экономического развития в соответствии с задачей сохранения окружающей среды и природно-ресурсного потенциала. Достижение этой цели возможно при условии согласования закономерностей социально-экономического с законами биосферы на основе изменения сложившихся мировоззренческих установок по отношению человека к природе.

С формированием новых мировоззренческих ориентаций связано достижение стабильного социально-экономического развития, главной задачей которого выступает сохранение благоприятной окружающей среды и рациональное использование природно-ресурсного потенциала. Это требование было обозначено в стратегии устойчивого развития, в которой даны рекомендации по ограничению экономического роста промышленно развитых стран. Однако дальнейшее развитие общества не привело к изменению мировоззренческих ориентаций, а напротив, сопровождалось наращиванием потребления, усилением межнациональных конфликтов на международной арене, нарастанием военных действий во многих регионах мира и другими негативными последствиями.

Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для достижения безопасного будущего и связаны с господством антропоцентристской ориентации по отношению к природе, утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека.

Помимо этого, все более широкое распространение в современных условиях приобретает экономический кризис, во многом обусловленный нынешней постиндустриальной стадией развития общества, которая, по мнению ряда ученых, определяется как высшая стадия эволюции современной западной цивилизации, определяющей перспективы развития цивилизации.

Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет переходит от преимущественного производства товаров к производству услуг. Отличительными признаками данного общества являются информация и знания, научные разработки.

Для того чтобы избежать экономических потрясений и угроз, необходим переход к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации, которая представляет собой совокупность автоматизированных или электронных производительных сил, направленных на совершенствование производства. Становление неоиндустриализма непосредственно свя-

зано с разработкой и внедрением в сферу производства природоподобных технологий, и прежде всего нано-био-инфо-когнитивно-социальных технологий [2, с. 112–129], направленных на их совместимость с природными процессами, поскольку в процессе исторического развития человек создал чуждую для себя среду обитания – техносферу, которая разрушает естественную среду и от которой зависит здоровье человека.

Создание и внедрение природоподобных технологий, основанных на технологиях, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот, – одно из важнейших условий достижения безопасного будущего человека.

Создание новых технологий как необходимого условия сохранения окружающей среды – в настоящее время задача достаточно сложная, однако с их помощью можно значительно уменьшить индустриальный пресс на биосферу. Новые технологии должны быть ориентированы на копирование природных процессов с использованием преимуществ, достигнутых в сфере технического творчества. Дальнейшее развитие науки позволило на основе ее достижений создавать материалы, не существующие в природе. По сути – это все искусственно созданные материалы на основе достижений химии, физики и других наук, которые представляют опасность для нормальной жизнедеятельности людей.

Нанотехнологии уже в настоящее время широко применяются в области охраны окружающей среды при создании микроорганизмов-деструкторов, разлагающих вредные вещества, например, при разливах нефти в Мировом океане, создании очистных сооружений для улучшения качества фильтров и др.

Применение нанороботов позволило диагностировать многие заболевания, очищать организм от болезнетворных микробов и др.

Однако создание нанотехнологий сопряжено с целым рядом опасностей для человека. В частности, созданные наночастицы из-за своих малых размеров могут проникать в легкие человека, а также в его кровь, что представляет опасность для здоровья.

Особую опасность имеет и нравственное содержание применения нанотехнологий и биотехнологий, которое заключается в колоссальной ответственности в изменении биологической природы человека, опасности конструирования человека нового типа и изменения его телесности и психологического

состояния, что может повлиять на структуру общества в целом.

Опасность биотехнологических исследований состоит и в том, что в процессе изменения природы человека и создания новых форм жизни могут возникнуть такие ее новые формы, которые, не имея конкурентов в борьбе за существование, могут привести к гибели самого человека. Поэтому при проведении такого рода исследований необходимо учитывать социальные, этические и правовые аспекты, на основании которых можно предотвратить реальные угрозы для будущего человечества.

Важную роль в достижении безопасного будущего играет регулирование численности народонаселения в современном мире, поскольку она обостряет и усугубляет все остальные глобальные проблемы. При этом в разных регионах планеты темпы роста населения неодинаковы и зависят от совокупности социальных, экономических и культурных факторов.

Высокие темпы роста населения влекут за собой интенсивное потребление природных ресурсов, переработка которых приводит к нарастанию загрязнения окружающей среды. По этой причине в настоящее время человечество оказалось в тисках жесткого экологического кризиса, который стремительно распространяется по всему земному шару, охватывая все новые сферы и регионы. Именно поэтому регулирование численности народонаселения является одной из важнейших проблем современной демографической политики, от успешного решения которого зависит дальнейшая судьба цивилизации и преодоление кризисных явлений в жизни современного общества.

В первую очередь, это касается принятия мер по достижению стабилизации численности населения планеты, которое крайне неоднородно. В развитых странах наблюдается низкая рождаемость, низкая смертность, высокая продолжительность жизни, что создает реальную угрозу для этих стран в воспроизводстве населения. По имеющимся данным, уровень рождаемости в странах Западной Европы составляет 1,23 (1–2 ребенка на семью), что свидетельствует о том, что воспроизводство коренного населения уже в настоящее время находится перед угрозой исчезновения. Сохранение численности населения в этих странах поддерживается в основном за счет мигрантов, количество которых составляет 30–35%.

Противоположная демографическая ситуация наблюдается в развивающихся странах, в которых за счет заимствования успехов в области науки и медицины западных стран началась

снижаться детская смертность и увеличилась средняя продолжительность жизни.

В результате отмеченных тенденций в настоящее время прирост населения в развитых странах составляет 1%, в то время как в развивающихся странах – четверо из пяти жителей планеты представлены этими странами. В целом, в настоящее время основными направлениями роста численности служат высокая рождаемость и низкая смертность в развивающихся странах и низкая рождаемость и низкая смертность, характерная для развитых стран.

В современных условиях, когда численность населения достигла 8 млрд человек, возврат к традиционным методам развития невозможен, поскольку удовлетворение потребностей людей без достижений научно-технической революции нереально, и поэтому возникает необходимость использовать знания законов эволюции биосферы с целью создания биогеоценозов в измененной среде, способных осуществлять свои восстановительные функции. Речь идет о создании биогеоценозов, обладающих достаточной продуктивностью без утраты плодородия используемых территорий.

Вместе с тем достижение этой цели связано с необходимостью обеспечения продовольствием бедных стран, а также с тем, что биосфера находится в состоянии развития, причем направленность последнего не может быть предсказана заранее. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что по мере исторического развития изменяются и сами законы эволюции биосферы, в особенности под влиянием человеческой деятельности.

Несмотря на отмеченные трудности, к настоящему времени накоплен значительный опыт, позволяющий наметить некоторые меры по управлению биосферой, в частности на пути разработки искусственных биогеоценозов, обладающих интересующими человека свойствами. Это позволяет создать определенную новую среду для обитания растений и животных. По сути, вся селекционная практика подчинена этой задаче – созданию благоприятных условий и новых форм жизни, т. е. новых растений и животных с заранее заданными свойствами. Если в природных условиях эволюция происходит под влиянием естественного отбора, то в селекционной практике последний уступает место искусственному отбору. «Разница между искусственным и естественным отбором состоит главным образом в том, что последний всегда направлен к достижению наилучших условий для жизни данного вида организмов, а искусственный отбор направлен к достижению максимальной продуктивности соответственно требованиям человека,

хотя бы это происходило и вопреки интересам самих организмов» [3, с. 257]. Данное различие во многом определяет характер протекания эволюционного процесса в условиях современной научно-технической революции. Изменение среды обитания живых существ определяет темпы и формы эволюционных преобразований. Под влиянием человеческой деятельности характер протекания эволюционного процесса существенно изменяется, происходят быстрые эволюционные преобразования отдельных видов. В особенности это касается низших форм жизни – вирусов и микроорганизмов, скорость эволюции которых осуществляется особо быстрыми темпами. Это приводит к утрате взаимной приспособленности низших и высших форм жизни, что послужило причиной возникновения пандемических болезней, в том числе и коронавируса. Поэтому скорость преобразования возбудителей болезней пандемического характера происходит значительно быстрее, чем возможности ученых по предотвращению этих заболеваний. Это ставит перед человеком задачу разработки методов управления микроэволюционным процессом. Решение этой задачи предполагает выяснение экологической структуры популяции, необратимое преобразование генетического состава которой представляет элементарное эволюционное событие. Структура популяции зависит от распределения животных по территории, от соотношения разных возрастных групп, численности животных и других факторов. Изменение экологической структуры неизбежно ведет к изменению ее генетического состава. Зная структуру популяции, изменяя ее соответствующим образом, можно направить ход микроэволюции в нужном направлении.

Задача управления биосферой сводится к познанию ее основных закономерностей, выяснение которых зависит от структуры популяции,

оказывающей влияние на эффективность действия эволюционных факторов: мутационного процесса, популяционных волн, изоляции и естественного отбора. Мутационный процесс и популяционные волны – поставщики эволюционного материала, изоляция определяет становление внутри и межпопуляционных дифференцировок, а естественный отбор является творческим, направляющим эволюцию фактором.

Овладение законами эволюции биосферы является одним из важнейших условий достижения оптимальных форм взаимодействия общества и природы, от успешного решения этой задачи зависит достижение безопасного будущего.

Заключение. Одной из важнейших задач современной науки является обоснование способов приспособления жизни к глобальным переменам. Достижение этой цели связано с соблюдением таких основополагающих принципов, как уважение и забота о всем сущем на Земле, сохранение жизнеспособности и разнообразия экосистем, развитие в пределах емкости экосистем, предотвращение истощения природных ресурсов, повышение качества жизни, изменение сознания человека и стереотипов его поведения, поощрение социальной заинтересованности общества в сохранении среды обитания и достижение единства на мировом уровне.

Практическая реализация этих принципов возможна на основе мировоззренческих ориентиров, которые определяют деятельность людей и выдвигают новые ценностные ориентации для определенных перспектив дальнейшего развития общества. Поэтому переустройство общества, трансформация состояния преобразований в нем тесно связаны с критическим анализом существующих мировоззренческих ориентаций, которые доказали свою несостоятельность и оказались непригодными для нормальной жизнедеятельности людей.

Список литературы

1. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего: избр. социал.-филос. публицистика. М.: ИФРАН, 1996. 174 с.
2. Ефременко Д. В., Гиряева В. Н., Евсеева Я. В. NBIC конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV. № 4. С. 112–129.
3. Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. Л.: Наука, 1969. 257 с.

References

1. Stepin V. S. *Epokha peremen i stsenarii budushchego: izbr. sotsial.-filos. publitsistika* [The Era of Change and future scenarios]. Moscow, IFRAN Publ., 1996. 174 p. (In Russian).
2. Efremenko D. V., Giryayeva V. N., Evseeva Ya. V. NBIC convergence as a problem of social and humanitarian knowledge. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2012. vol. XXXIV, no. 4, pp. 112–129 (In Russian).
3. Shmal'gauzen I. I. *Problemy darvinizma* [Problems of Darwinism]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 257 p. (In Russian).

Информация об авторе

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the author

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 12.05.2023

УДК 140.8:177

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

КОНСОЛИДАЦИЯ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ГЕНЕРИРОВАНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема формирования содержания и развертывания позитивной активности мировоззрения, направленного на генерирование безопасности современного общества. Предлагается подход, согласно которому мировоззрение может выполнять созидательную роль в достижении стабильного состояния общества, «конструировать» его единство, если оно включает в качестве обязательных знания, ценностные ориентации, убеждения, волевые компоненты и другие необходимые элементы синтеза продуктивного ответа на вызов, на разрешение составляющих его содержание множественных противоречий (проблем социальной реальности). Актуальная значимость мировоззренческой составляющей социальных изменений и безопасности связывается в работе с применением регулятивных функций структурных элементов мировоззрения в «настройке» безопасного соотношения прогрессивных и регрессивных тенденций в структуре процессов развития. Эти задачи могут успешно решаться на основе базовых ценностей народа, аккумулируемых его культурно-генетическим кодом. Вызов, противоречия, принцип развития, культурно-генетический код являются мировоззренческими факторами консолидации знаний, которые выступают необходимой предпосылкой формирования «повестки» сохранения способности общества к саморазвитию, а следовательно, и достижению безопасности. В разработке тематики статьи использованы труды А. Тойнби, В. С. Степина, А. Швейцера, К. Лоренца, Д. Белла, Е. М. Бабосова. Раскрыты некоторые особенности достижения консолидации и безопасности общества в Республике Беларусь.

Ключевые слова: мировоззрение, консолидация, фактор, общество, вызов, кризис, противоречие, саморазвитие, безопасность.

Для цитирования: Бурак П. М. Консолидация мировоззренческих факторов в генерировании безопасности общества // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 142–149. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-26.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

CONSOLIDATION OF WORLD VIEW FACTORS IN THE GENERATION OF SOCIETY SAFETY

The article deals with the problem of forming the content and deployment of the positive activity of the worldview aimed at generating the security of modern society. An approach is proposed according to which a worldview can play a creative role in achieving a stable state of society, “construct” its unity if it includes as mandatory knowledge, value orientations, beliefs, volitional components and other necessary elements for the synthesis of a productive response to a challenge, to resolution of the multiple contradictions that make up its content (problems of social reality). The actual significance of the ideological component of social change and security is associated in the work with the use of the regulatory functions of the structural elements of the worldview in “tuning” the safe ratio of progressive and regressive trends in the structure of development processes. These tasks can be successfully solved on the basis of the basic values of the people, accumulated by its cultural and genetic code. Challenge, contradictions, the principle of development, cultural and genetic code are ideological factors of the consolidation of knowledge, which are a necessary prerequisite for the formation of an “agenda” to preserve the ability of society to self-development, and, consequently, to achieve security. In developing the subject of the article, the works of A. Toynbee, V. S. Stepin, A. Schweitzer, K. Lorenz, D. Bell, E. M. Babosov were used. Some features of achieving the consolidation and security of society in the Republic of Belarus are revealed.

Keywords: worldview, consolidation, factor, society, challenge, crisis, contradiction, self-development, security.

For citation: Burak P. M. Consolidation of world view factors in the generation of society safety. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 142–149 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-26.

Введение. Нарастание социальной, экономической, политической, военной, экологической нестабильности, рассогласование интересов субъектов различных изменений в современном мире вызывает перманентную обеспокоенность и опасения многих государств и народов за свою безопасность и перспективы сохранения. Негативные проявления тенденций дестабилизации движимых противопоставлением узконациональных и групповых интересов другим субъектам мирового сообщества в целях достижения доминирующего статуса при одновременном свертывании волевых усилий по обеспечению приемлемого для всех народов и государств упорядочения отношений и ценностей панорамно отражаются в масштабах локальной, региональной и глобальной коммуникации в терминах «кризисы», «риски», «угрозы», «вызовы» и др. Соответствующая тематика все интенсивнее входит в содержание деятельности и обуславливает поиск наиболее безопасных и продуктивных путей осмысления и решения проблем государственными деятелями, политиками, экономистами, экологами, учеными, философами и др., чьи сферы ответственности составляют основу реализации разнообразных проектов сохранения стабильности в обществе и государстве. В контексте нестабильной ситуации в современном мире и в соответствии с поисками продуктивных решений достижения устойчивого социального развития в представленной статье предпринята попытка осмысления явлений социального характера, которые рассматриваются в качестве факторов, обуславливающих актуальные направления формирования мировоззрения, и объединение которых в трансформации мировоззренческих структур должно способствовать генерированию безопасности общества.

Основная часть. Тематика достижения стабильности, сохранения, выживания должна стать основанием целенаправленного формирования актуального мировоззрения на всех уровнях организации общества и государства как единой системы жизнеобеспечения и развития всего социума в условиях непрекращающихся волн разнообразных вызовов. Поскольку Республика Беларусь как часть структуры современного миропорядка подвергается испытаниям отношений дестабилизирующего воздействия, для общества является существенным и жизненно необходимым формирование продуктивного мировоззренческого ответа на вызовы разрушительной нестабильности и обеспечение социокультурных условий продолжения продуктивных, гуманистических проектов на основе сохранения способности саморазвития. Это есть одно из важнейших оснований

относительно автономного, независимого, суверенного существования на пути исторически избранных ценностей самоидентификации при активном установлении и осуществлении равноправного, справедливого сотрудничества с другими народами и государствами. Целенаправленно формируемое мировоззрение всех слоев белорусского общества должно обозначать понятную всем или большинству граждан «дорогу жизни» с расстановкой на ней соответствующих маркеров – приоритетов знаний, убеждений, ценностных ориентаций, идеалов осевой направленности на достижение стабильности, безопасности, сохранение собственного права на идентичность и способ саморазвития. На белорусское общество оказывают ограничивающее воздействие санкционные вызовы, предпринимаемые исходя из субъективно-группового понимания мироустройства и его развития со стороны государственных и политических элит других стран, исторически породивших техногенную цивилизацию. В данном случае санкционные вызовы, в соответствии с классификацией английского историка А. Тойнби, можно отнести к внешним вызовам ущемления или давления [1, с. 164–171]. Экономическое проявление подобных вызовов заключается в особенностях в том, чтобы сделать систему производства и потребления (в диалектическом понимании это один из важнейших внутренних источников саморазвития любого общества) неспособной эффективно развиваться, а следовательно, обеспечивать миллионы людей производительным трудом, зарплатой, материальными благами, а также произведенными продуктами разнообразного характера в достаточном объеме для удовлетворения потребностей народа и его сохранения. Иными словами, сущность внешнего вызова ущемления состоит в том, чтобы свернуть и значительно уменьшить масштабы или даже остановить функционирование развития отмеченной системы и тем самым вызвать массовое недовольство граждан, их обнищание и внутренний протест со всеми негативными проявлениями. Условием осуществления «проекта» санкционного вызова является создание препятствий для внешней торговли и прекращение обмена вещественными, энергетическими и информационными ресурсами с другими странами. Согласно гуманистическому пониманию концепции открытой системы (любое общество в современном мире таковым и является) обязательным условием его саморазвития становится развертывание продуктивных, взаимовыгодных отношений с другими странами, которые и являются поставщиками и потребителями разнообразных ресурсов, не производимых или производимых

в недостаточном объеме сотрудничающими субъектами различных государств. Поэтому вызов санкций своими мерами осуществляет попытку снизить, прервать, ликвидировать внешнеэкономические, социальные, политические и иные обменные каналы обеспечения ресурсами для саморазвития и тем самым изолировать социальную систему, сделать ее «закрытой» от всего остального мира. А так называемые «закрытые» системы не способны к саморазвитию, но управляемо или спонтанно могут разрушаться. В этой связи главная проблема, порождаемая внутренними или внешними, социальными или природными вызовами, оказывающими решающее воздействие на механизмы воспроизводства общества как целостной системы, на ее безопасность, фактически заключается в продуктивном генерировании и аккумуляции разнообразных возможностей, средств и направлений сохранения и дальнейшего совершенствования способности социальной системы к относительно автономному адаптивному, самопостроению (самоорганизации) и саморазвитию. Во взаимосвязанном социальном и социоприродном мире нет и не может быть систем абсолютно самодостаточных, не осуществляющих никаких обменных процессов с другими системами. Вместе с тем всегда существовали и существуют системы с различной степенью самодостаточности и различным уровнем развития механизмов освоения внутренних и внешних ресурсов и связей для обеспечения преимуществ либо собственного развития, либо формирующих механизмы связей более-менее равноправного распределения ресурсов для согласованного и консолидированного расширения и совершенствования взаимосвязанных способностей саморазвития. В реальной действительности существуют различные вариации соотношения этих двух тенденций сохранения способностей и совершенствования (или угасания) механизмов саморазвития современных обществ. Однако в целом содержание и направленность обеих тенденций саморазвития современных обществ выражают исторически сложившиеся тенденции формирования и противоборства внутрисоциальных, межгосударственных и социоприродных механизмов отношений. Несмотря на различные модификации и, порой, «мимикрию» притязаний некой исключительности субъективного понимания собственного предназначения обретает новые формы принцип разделения и властвования с опорой на мягкое и жесткое противостояние организации взаимодействия генерирующих стратегию формирования механизмов взаимозависимого саморазвития обществ и внутрисоциальных отношений на

основе единого гуманистического принципа объединения и созидания во благо всех сотрудничающих сторон. Соответственно формируются два типа содержания и направленности ценностных ориентаций мировоззрения. Только продуктивные внешние и внутренние связи в их единстве и взаимозависимости всегда являлись, являются и могут быть в перспективе основополагающим условием формирования того или иного общества как гуманистически саморазвивающегося.

В настоящее время между группами обществ и государств, исповедующих отмеченные принципы социальной организации и формирования механизмов отношений в современном мире во взаимосвязи с собственным развитием и в контексте понимания сохранения способности саморазвития на перспективу, складывается деструктивная тенденция свертывания диалога и расширения противостояния во всех основных сферах жизни обществ и государств, соответственно умножаются и расширяются границы противоречий (увеличивается пул неразрешаемых проблем), что свидетельствует об интенсификации и масштабировании нового межцивилизационного вызова будущему человечества. Данный вызов является следствием формирования и расширения сфер различий складывающихся в течение многих веков мировоззренческих ценностей, знаний, убеждений, идеалов и волевой направленности деятельности по консолидации активности социальных субъектов на основе подчинения организации их сотрудничества в первую очередь выгоде сильнейшего партнера и постоянно воспроизводимого на протяжении длительной истории ценностей гуманистического мировоззрения и идеала, основанного на равноправном сотрудничестве и саморазвитии для блага всех и каждого в их единстве и взаимной поддержке. Идея выгоды, не только превращенная в креативную сущность экономизма подчинения интересам сильнейшего, но «заручившаяся» поддержкой ее продукта – общества массового потребления, смогла нивелировать ценность целостной естественной природы и снизить барьер духовной культуры человека такого общества с перспективой уже продолжающегося ее снижения как автоматизированной функции сохранения и воспроизводства такого общества. Подобное снижение роли защитной функции духовной культуры от деградации человека как инструмента потребления и утрата им своей лидирующей роли в креативном служении по активному формированию культурного кода сохранения способности саморазвития происходит не только в какой-то определенной цивилизации, но в масштабах человечества в целом. Все это обуславливает чрезвычайно

сложный характер стихийного расширения глобального вызова современной социальной истории. Вероятно, должен совершиться переход от мировоззрения узкоутилитарного идеала антропоцентризма в знаниях, убеждениях, ценностных ориентациях, волевых интенциях по аттрактору «все для блага человека» к гораздо более масштабному и перспективному интеллектуальному, духовному и трудовому проекту нового глобального, гуманистического, социоприродного проекта антропоцентризма. Сущность нового антропоцентризма, образно выражаясь, представляет новую вершину саморазвития человечества, которое может сохраниться, если ему удастся духовно и интеллектуально возвыситься до понимания необходимости прежде всего собственной ответственности за сохранение естественной природы, включая и себя как ее часть, развить глобальную солидарность в статусе приоритета возвышения духовной культуры на гуманистических основаниях сотрудничества и организации креативной совместной деятельности по сопряженному саморазвитию общества и природы.

Неоднозначный характер вызова заключается в определенном единстве возможностей разрушения и созидания. Как отмечал А. Тойнби, вызов создает стимул для преодоления разрушительной угрозы кризиса при условии, если он оценивается в качестве фактора мобилизации творческого потенциала государственных деятелей и множества ответственных граждан в поисках перехода на новые направления и контакты взаимодействия с иными субъектами сотрудничества с целью взаимовыгодного обмена вещественными, энергетическими, информационными ресурсами и сохранения общества в ее развитии. Таким образом, вызов, как угроза безопасности или даже существованию общества, может быть трансформирован в фактор консолидации знаний, убеждений, ценностных ориентаций и других мировоззренческих структур в единстве организационной, творческой, духовной и иных направлений и видов деятельности социальных групп, организаций и личностей. В Республике Беларусь, подвергающейся санкционным вызовам, именно подобного рода проект и осуществляется. Таким образом, путь целенаправленной актуализации и формирования активного гуманистического мировоззрения у представителей различных слоев нашего общества должен включать фактор вызова, знания причин его возникновения, его сущности, его воздействия на жизнеспособность общества, всего населения и каждого человека. При этом важнейшим мировоззренческим фактором продуктивного ответа на санкционные вызовы, фактически направленные на дестабилизацию

общества в целом, является консолидация, единение общества, начиная от тружеников полей, заводов и фабрик, торговых организаций и других активных групп населения вплоть до высших должностных лиц, во всех сферах жизни общества и государства по сохранению системы производства и потребления как материальной основы выживания людей. Убежденность в сохранении системы потребления и производства имеет ярко выраженную ценностную ориентацию, осуществляющуюся посредством деятельности по сохранению народа и государства, служит выражением гуманистически понимаемой идентичности, в основе которого фактически лежит принцип единства воли на благо всех слоев общества. Принципиальным для формирования оптимистического мировоззрения, направленного на достижение безопасности общества, является решение задачи разъяснения и усвоения объективного понимания сущности принципа развития. В обыденных представлениях определенной части населения из различных социальных групп сложилась стихийно воспроизводящаяся «измерение» развития как процесса восхождения от низшего к высшему, от простого к сложному, от худшей к лучшей жизни. Подобная односторонность понимания фундаментального принципа, выражающего одно из атрибутивных свойств нашего мироздания и поэтому являющегося важнейшим методом познания реальных процессов изменений в неживой, живой природе и социальной организации жизни людей, дезориентирует сознание и приводит к неверным оценкам и выводам. На деле результаты изучения любых частей нашего мира подтверждают истину о диалектической противоречивости принципов развития, выражающейся в нерасторжимой связи прогресса и регресса, усложнения и упрощения, негэнтропии и энтропии и т. п. Любой вызов, включая и санкционный, по сути дела, представляет собой угрозу разрушения или дестабилизации той или иной социальной системы. Сдвиг соотношения прогресса и регресса в сторону опережающего роста явлений дестабилизации в структуре материального, духовного производства, в системе управления, в сознании людей, в их коммуникации и в других сферах деятельности должен заранее просчитываться и оцениваться. Поэтому обыденно-конвергентное представление о развитии социальной действительности, основанное на субъективно-прагматизированном ожидании только «лучшего и лучшего...» в повседневной жизненной практике материального характера и легитимизируемое популистскими мнениями о возможностях беспрепятственного существования как где-то «там», способно трансформироваться и многообразно превращается в

свою противоположность. Сущность противоположности, генерируемой расслабляющей энергией (накоплением или ростом энтропии в процессах и структурах духовной и материальной жизни), состоит в утрате воли к жизни как активной целенаправленной собранности, целостности, готовности различных социальных субъектов учиться решению и решать различные проблемы рациональной и перспективной организации бытия. Непредвзятое, целостное понимание диалектически противоречивого характера развития как саморазвития общества в целом является весьма важным мировоззренческим фактором, выражающим в адекватном знании реальную действительность неразрывной связи прогрессивных и регрессивных процессов, которое позволяет отрешиться от неоправданно завышенных ожиданий и иллюзий о существовании беспроблемных социальных зон едва ли не автоматического достижения возжеленного благополучия. Напротив, чем амбициознее социальный проект, тем больше количество и масштабнее встречные проблемы, а также выше и сложнее запрос на способности решать пул проблем в их взаимосвязи, значительнее консолидирующее воздействие принципа развития в организации совокупной деятельности различных специалистов, их знаний, ценностных ориентаций, в селекции убеждений, направленных на достижение общей цели проекта. Практическое осуществление общего проекта делает принцип развития соответствующей деятельности фактором превращения труда определенного множества людей, организуемых и объединяемых на основе общей цели, в сотрудничество, их знаний в целостное, согласованное, совместное знание, или в со-знание, убеждений о жизненно важной роли труда каждого в гласную взаимную поддержку, т. е. в доминанту согласия в решении общих задач проекта. Одновременно происходит актуализация, транслирование и акцентировка в совместной деятельности позитивных ценностей личностных качеств, определяющих характер и направленность активности для достижения общей цели условного проекта. К такого рода ценностям относятся: ответственность, обязательность продуктивного трудового участия, заинтересованность в положительном кооперативном результате как условия личностного приоритета самосохранения, взаимозависимость в осуществлении трудовой деятельности как способ самоопределения в принадлежности к более общему, значимому целому и утверждения личностной необходимости и значимости для сохранения и развития более общей социальной системы, и другие ценностные установки позитивных сопряженных изменений человека и

общества. В представленном сюжете на примере осуществления условного социального проекта выявляется консолидирующая роль принципа развития в интегрировании мировоззренческих структур в организации совместной деятельности людей. Реализация проекта по созданию какой-либо жизнеспособной социальной системы есть построение ее как открытой, способной активно воздействовать на окружающую среду, разупорядочивать («взламывать») ее в той или иной степени, производить и обмениваться с нею веществом, энергией и информацией. Поэтому консолидирующая роль принципа развития как фактора синтезирования и направленности мировоззренческих регулятивов взаимосвязей упорядочивающих и разупорядочивающих процессов в структуре развития должна заключаться в формировании целостности различных по содержанию и направленности функций структурных элементов мировоззрения. Принцип развития не единственный консолидирующий фактор мировоззрения, обуславливающий содержание, направленность и взаимосвязь его элементов. В соответствии с тематикой статьи необходимо руководствоваться реально существующей взаимосвязью основополагающих тенденций социальных изменений, обуславливающих понимание современного состояния общества, и при этом рассматривать такого рода тенденции в качестве явлений или факторов (мировоззренческих факторов), детерминирующих содержание и направленность мировоззрения, его регулятивные и иные функции. Принцип консолидации мировоззренческих факторов во взаимосвязанное, целостное знание формирует предпосылки генерирования мировоззренческих оснований достижения безопасности общества.

Особо актуальную мировоззренческую роль в регулировании международной коммуникации должны осуществлять социальные субъекты, владеющие научными знаниями о противоречивых тенденциях развития современной цивилизации, о признаках глобального вызова ее сохранению – угрозе обострения глобальных кризисов, переломе в развитии, сопровождающихся разрушением прежней системы безопасности, необходимости изменения стратегии развития и системы ценностей. На этом фоне В. С. Степин обосновал продуктивную роль философской деятельности в аккумуляции базисных ценностей социальной жизни и выработке ядра новых мировоззренческих ориентаций для формирования нового типа культуры, которая будет служить основанием самоорганизации общества как динамически устойчивой, открытой, саморазвивающейся системы. Базисные ценности культуры представлены ее

категориями, мировоззренческими универсалиями (это понятия: природа, пространство, время, человек, справедливость, свобода, труд и др.), совокупность которых образует специфический культурно-генетический код, или информационную память, социальной системы, в которой запечатлен предшествующий опыт взаимодействия системы с ее средой, воздействующий на текущее поведение системы и обуславливающий способы дальнейшего (будущего) взаимодействия с ней. Наличие культурно-генетического кода социальной системы, отражающего в мировоззренческих универсалиях целостный образ человеческого жизненного мира, приоритеты ценностных ориентаций культуры, является важнейшим механизмом селекции, воспроизводства, активизации и обновления тех знаний, ценностных ориентаций, верований, целевых установок, образцов поведения и деятельности, которые будут регулировать отношения в обществе, межчеловеческую коммуникацию, осуществление сопряженной, взаимосвязанной деятельности в сохранении человека и общества как саморазвивающихся систем [2]. Фактически В. С. Степин представил культурно-генетический код общества как консолидирующий механизм мировоззренческих универсалий и одновременно как фактор саморазвития общества и человека, генерирующий условия их безопасного существования. Тема сохранения гуманистического характера культурно-генетического кода народа, включая историческую память, сохранения его самого весьма актуальна для Республики Беларусь, ее безопасности, способности саморазвития, миролюбивого, созидательного вектора, суверенного права на осуществление собственного выбора пути развития.

Более основательное углубление в проблематику статьи с целью понимания необходимости и возможностей, актуализации содержания, регулятивных и опережающих коррекций мировоззренческих функций в развитии общества подвигает к более детальному рассмотрению структуры явления вызова в процессах развития, который в терминологическом обозначении стал весьма распространенным в различных информационных материалах.

Вызов представляет собой совокупное множество взаимосвязанных противоречий развития общества, неравновесность которого в целом сдвигается в сторону роста энтропии или тенденции деградации превышающих допустимый порог сохранения безопасного уровня развития соотношения процессов прогресса и регресса. Подобная конфигурация противоположных процессов становится заметной в различных социальных противоречиях

(проблемах), и они превращаются в неконтролируемую лавину хаотических изменений (если проблемы не решаются) с синергетическим эффектом саморазрушения системы. Этот эффект удивляет особенностями некоторых разновидностей культурного драйва, выходящего за пределы рационального понимания или даже интуитивного оправдания в некоторых странах современного мира.

На основе анализа размышлений А. Швейцера [3] о причинах и характерных проявлениях кризиса культуры (что фактически и есть вызов ее деградации) становится ясно, что данный кризис, стимулирующий необходимость формирования оптимистического мировоззрения и его конституализацию как важнейшего фактора развития духовной культуры для стабилизации общества (ответ на вызов), представляет собой сложное явление взаимосвязанных противоречий (проблем) различных областей и направлений человеческой деятельности. В кратком изложении, опираясь на труды А. Швейцера, определенную часть противоречий, совокупное действие которых и образует вызов деградации культуры западного общества, можно охарактеризовать следующим образом: это противоречия между высоким уровнем материальных достижений и низким уровнем развития, деградацией духовной жизни, соответствующей культуры; между потребностью признания первостепенной ценности человека и деградацией гуманности, скатыванием на путь антигуманизма; между необходимостью регулирования, согласованного, гармоничного соразвития материальной и духовной культуры и реальным разрывом и противопоставлением отделенности их единству, целостности культуры; между высоким уровнем совершенствования организационных принципов любого процесса и дезорганизованностью духовной жизни человека, угасанием самостоятельности мышления, творчества и свободы, утратой веры в истину; между сверхзанятостью, перенапряжением, превращением человека в человеческий материал, утратой целостности личности человека и необходимостью его формирования как главного творца, носителя и деятельного субъекта гуманистической культуры по преодолению кризиса культуры разрушения общества. Это также противоречие между набирающим силу пессимистическим мировоззрением, основанным на неверии в жизне- и мироутверждение, и потребностью в оптимистическом мировоззрении, основанном на гуманистических традициях жизне- и мироутверждения.

В отличие от вызова, который угрожает социальной системе утратой способности саморазвития, ответ на вызов, напротив, есть путь восстановления, роста возможностей, совер-

шенствования способностей саморазвития, сохранения безопасности той или иной социальной системы либо отдельного человека. Существуют вызовы различных масштабов, уровней и сложности.

К. Лоренц характеризует восемь взаимосвязанных глобальных процессов деградации в современных обществах (называя их смертными грехами цивилизованного человечества), которые создают угрозу гибели и нынешней культуре, и всему «человеческому виду» [4]. Анализ их причин показывает, что все «грехи», содержание которых раскрывает К. Лоренц, являются результатом складывающегося общего глобального противоречия между необходимостью и достаточностью рациональной организации и контролирования различных направлений жизнедеятельности людей для обеспечения целостности и безопасности общества и ростом спонтанных тенденций стихийного некорректируемого развития разрушительного характера. Общество не приобрело иммунитет самосохранения, не обрело механизмов, знаний и позитивной воли для безопасного и перспективного регулирования соотношения позитивных и регрессивных тенденций разрешения глобальных противоречий человеческого развития.

Один из создателей концепции постиндустриального общества Д. Белл зафиксировал масштабную тенденцию нарастания массы противоречий и нестыковок на современном этапе развития человечества. В этой связи он назвал «...наше время “эпохой разобщенности”» и сделал вывод о том, что «мы все больше и больше погружаемся в “разобщенное время”» и что данную ситуацию невозможно объяснить с помощью двух-трех простых теорий [5, с. 20]. Фактически Д. Белл обозначил один из основополагающих вызовов в жизни современного человечества – это продолжающийся обостряться вызов разобщенности с присущими ему чертами масштабности, множественности противоречий

(проблем), отсутствия необходимых, систематизированных знаний («парадигм») для продуктивного ответа на него, а значит, и опасную стийность его развертывания.

В обновлении и актуализации мировоззрения, направленного на сохранение базовых ценностей белорусского народа, консолидацию общества, обеспечение его способности к саморазвитию, имеет первостепенное значение практический опыт по сплочению народа белорусским государством и систематизированный теоретический анализ содержания и направлений консолидации, изложенные в работе Е. М. Бабосова [6, с. 10–14].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что вызовы, обуславливающие перспективы существования многих обществ и человечества в целом, представляют по своему содержанию множество взаимосвязанных проблем (противоречий), для решения которых требуется развитие методов познания и формирование системы мировоззренческого регулятивного и проективного знания. Необходимо также консолидация рассмотренных вызовов, являющихся, по сути дела, факторами, обуславливающими обновление структуры и содержания мировоззрения, должно быть соответствующим важнейшим тенденциям изменений современного человечества. Выявление множественности противоречий и их содержания есть одно из звеньев общей задачи трансформации мировоззрения. В работе также рассмотрены принцип развития, социокультурный код и способность саморазвития общества как важнейшие факторы, на основании которых в современных условиях должна выстраиваться трансформация мировоззрения для решения проблем безопасности общества. Задача, которую предстоит решать, – формирование консолидированного знания о взаимосвязи этих факторов с использованием диалектического, системного, синергетического и коэволюционного подходов.

Список литературы

1. Тойнби А. Д. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
2. Степин В. С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 4. С. 18–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-b-epohu-peremen> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
4. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. М.: Республика, 1998. С. 3–60.
5. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
6. Бабосов Е. М. Роль этнонациональной идентичности в формировании исторической памяти и консолидации белорусского общества // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 26–27 сент. 2019 г. / ред. кол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: СУГАРТ, 2019. С. 10–14.

References

1. Toynbi A. D. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p. (In Russian).
2. Stepin V. S. Philosophy in an age of change. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7, Philosophy], 2006, no. 4, pp. 18–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-b-epohu-peremen> (accessed 12.04.2023) (In Russian).
3. Shveytser A. *Blagogoveniye pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow, Progress Publ., 1992. 576 p. (In Russian).
4. Lorents K. The eight deadly sins of civilized humanity. *Oborotnaya storona zerkala* [Behind the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998. Pp. 3–60. (In Russian).
5. Bell D., Inozemtsev V. L. *Epokha razobshchennosti. Razmyshleniya o mire XXI veka* [The age of disunity: reflections on the world of the 21st century]. Moscow, Tsentr issledovaniy postindustrialnogo obshchestva Publ., 2007. 304 p.
6. Babosov E. M. The role of ethno-national identity in the formation of historical memory and the consolidation of the Belarusian society. *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International scientific and practical conferences]. Minsk, 2019, pp. 10–14 (In Russian).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 15.05.2023

УДК 101.1

А. А. Потоцкий

Белорусский государственный технологический университет

ПОНИМАНИЕ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ОТ Я К ДРУГОМУ

В статье рассмотрены условия, существенные характеристики, основные процедуры и содержательные механизмы понимания как феномена, рождающегося в коммуникативном взаимодействии. Исследование понимания как креативной деятельности позволило не только выявить такие его черты, как диалогичность, продуктивность, процессуальность, но и обеспечить возможность рассматривать понимание как процесс конституирования новых культурных смыслов.

Установлено, что понимание предполагает диалоговые, субъект-субъектные отношения, открытость коммуникативного процесса, плюралистичность интерпретации, носит ярко выраженный исторический характер и, совмещая функции репродуцирования и порождения, обеспечивает возможность постижения различных форм духовной культуры в традициях толерантности и адогматизма.

Раскрыт эвристический потенциал философской герменевтики, обоснована возможность ее использования в качестве методологической основы межкультурного диалога в условиях трансформации коммуникативной модели в современной цивилизационной динамике.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, интерпретация, коммуникация, культура, диалог, традиция.

Для цитирования: Потоцкий А. А. Понимание как феномен межкультурного диалога: от Я к Другому // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 150–153. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-27.

A. A. Pototski

Belarusian State Technological University

**UNDERSTANDING AS A PHENOMENON OF INTERCULTURAL DIALOGUE:
FROM I TO ANOTHER**

The article discusses the conditions, essential characteristics, basic procedures and meaningful mechanisms of understanding as a phenomenon that is born in communicative interaction. The study of understanding as a creative activity made it possible not only to identify such features of it as dialogism, productivity, processuality, but also provided an opportunity to consider understanding as a process of constituting new cultural meanings.

It has been established that understanding involves dialogue, subject-subject relations, openness of the communicative process, plurality of interpretation, is of a pronounced historical nature and, combining the functions of reproduction and generation, provides an opportunity to comprehend various forms of spiritual culture in the spirit of tolerance and adogmatism.

The heuristic potential of philosophical hermeneutics is revealed, the possibility of its use as a methodological basis of intercultural dialogue in the context of the transformation of the communicative model in modern civilizational dynamics is substantiated.

Keywords: hermeneutics, understanding, interpretation, communication, culture, dialogue, tradition.

For citation: Pototski A. A. Understanding as a phenomenon of intercultural dialogue: From I to Another. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (261), pp. 150–153 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-27.

Введение. Современная цивилизация как никогда прежде нуждается в переосмыслении идеи культурного многообразия, сосуществования культурных традиций и различных мировоззренческих моделей. Конфликтная насыщенность современной цивилизационной динамики, зачастую влекущая за собой аккумуляцию,

актуализирует сегодня поиск философских оснований коммуникации, базирующейся на толерантности и плюрализме.

В рамках философских исследований социальной динамики сформировались две основные парадигмы понимания исторического процесса: линейная парадигма и нелинейная, или

цивилизационная. Согласно линейному подходу к пониманию исторического процесса, каждый культурно-исторический тип в своем развитии подчиняется единой логике, воплощая некий общий для всех народов и их культур сценарий и переходя от одной стадии развития к другой, более сложной и совершенной. Подобную методологическую установку к пониманию сущности культурогенеза можно обнаружить в философии христианского провиденциализма, различных вариантах прогрессизма (Г. Гегель, К. Маркс), концепциях постиндустриального общества (Д. Белл, О. Тоффлер). Данный подход формирует взгляд на историю человечества как единый закономерный процесс, подчиненный некоему Логосу, обеспечивающему прогрессивное развитие культуры. Само развитие при этом во многом ассоциируется с прогрессом, с постоянным совершенствованием, усложнением содержания духовной сферы общественной жизни. За множеством культур и традиций линейная парадигма усматривает некое универсальное начало, определяя за каждым обществом, за каждой культурой вполне конкретное место в иерархии исторического процесса с точки зрения их нахождения на определенной стадии роста. Собственно, европоцентризм как мировоззренческий принцип сформировался в рамках подобной стратегии понимания социокультурной динамики.

Для европоцентризма естественным является деление обществ на развитые и архаичные (иначе говоря, отсталые), прогрессивные и примитивные ввиду их нахождения на разных этапах социальной эволюции. Будучи идеологией колониализма в девятнадцатом веке, в двадцатом столетии европоцентризм трансформировался и стал определять культурную унификацию и утрату культурной идентичности в рамках глобализационных процессов.

Другими словами, линейный подход задает понимание человеком себя как части некой глобальной, наднациональной общности (информационной, постиндустриальной), рассматривая уникальные элементы культурной традиции как нечто случайное и подлежащее преодолению. На уровне межкультурного взаимодействия это приводит к появлению коммуникации, основанной на монологизме, предполагая выстраивание межкультурного диалога по вертикали с позиции доминирования и собственного цивилизационного превосходства.

Монологизму линейной интерпретации социальной истории нелинейный подход, отрицающий возможность существования единой модели развития человечества, противопоставляет идею уникальности каждой культуры, множественности моделей общественной жизни. Не-

линейная парадигма утверждает ценность и значимость каждого культурно-исторического типа, рассматривая диалог в качестве основы межкультурного взаимодействия [1]. Именно диалог, основанный на признании самостоятельности и самоценности иной культуры, способен выступить принципиальной альтернативой аккультурации, процессу, стирающему культурную традицию, историческую память, ставящему под угрозу национальную идентичность.

Актуальность и продуктивность нелинейной стратегии интерпретации исторического процесса раскрывается при использовании эвристического потенциала философской герменевтики. Специфика герменевтики связана с осмыслением глубинных предпосылок культуротворчества, выявлением механизмов трансляции духовных ценностей от человека к человеку, от культуры к культуре, пониманием людьми различных текстов, социально-культурных феноменов, друг друга. Основными понятиями герменевтики являются «смысл», «авторитет», «традиция», «текст», «интерпретация», «герменевтический круг», но центральное положение среди них занимает категория «понимание» [2].

Для герменевтики неприемлемыми являются те формы знания, которые претендуют на универсализм, обобщающий характер, обладание абсолютной истиной, что рассматривается как проявление «метафизики», «империализма» мышления. Герменевтический метод, будучи примененным при анализе социокультурной динамики, будет направлен на ревизию европоцентристской стратегии межкультурной коммуникации, а стратегия «законодательного разума», расцениваемого как авторитарный, сменяется в герменевтике стратегией разума интерпретирующего. Утвердившиеся в сознании современного человека представления о «базовых» ценностях и «конечных» истинах философская герменевтика подвергает сомнению и переосмыслению в духе мировоззренческого плюрализма, отказе от логоцентризма, толерантности, открытости коммуникативного процесса.

Для герменевтического опыта важным оказывается голос Другого, так как понимание предполагает субъект-субъектные отношения, сотворчество понимающих, соотнесенность своего собственного сознания с позицией другого сознания. «Увидеть и понять носителя иной культуры, – пишет М. М. Бахтин, – значит увидеть и понять другое, чуждое сознание и его мир... При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического

отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов... Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [3, с. 114]. В этом смысле понимание, являющееся фундаментальной характеристикой человеческого бытия и основной категорией герменевтики, действительно предполагает диалог, «встречу» субъектов, взаимодействие позиций их сознания, возможностей.

Герменевтика анализирует диалогическую, продуктивную сторону понимания, трактует данный феномен как коммуникативный процесс. Интерпретация феномена понимания выступает тем репрезентативным проблемным полем, которое определяет философский статус и онтологическое измерение герменевтики, а также подчеркивает взаимосвязь методологических вопросов гуманитарного познания и круга актуальных проблем современного культурологического знания, в центре внимания которого – поиск оптимальных моделей межкультурного взаимодействия в современном мире [4].

В условиях трансформации коммуникативной модели в культуре XX в., повлекшей за собой смену монологического типа коммуникации диалогическим, представляется актуальным использование методологического потенциала герменевтики для изучения особенностей межкультурной коммуникации, формирующихся в ситуации акцентированного полифонизма и диалогичности.

Культурно-исторические исследования, сопряженные с герменевтическим толкованием культуры, впервые прослеживаются в работах В. Дильтея. Если ранее герменевтика рассматривалась как частная дисциплина, совокупность методик работы с богословскими, литературными текстами, то в рамках неклассической философии герменевтика трансформируется в концептуальный подход, формирующий методологию гуманитарного познания. Дильтей пишет о том, что «гуманитарные науки должны пройти от чисто внешних проявлений духовной жизни к их истокам, а это – задача понимания» [5, с. 35]. Понимая себя, люди приходят к пониманию других, а затем осознают некую общность, существующую между индивидами, между многообразными духовными формами, то есть к пониманию того, что Дильтей обозначал как «объективный дух».

Тем самым понимание рассматривается как основное событие человеческой жизни, как отношение одного духа к другому, как способ перемещения из одного культурного мира в другой. В концепции Дильтея два фундаментальных вектора понимания (как исторический вектор понимания событий прошлого, так и

коммуникативный вектор понимания настоящего) равно основываются на эмпатических процедурах «вживания», «вчувствования». Понять Другого – значит увидеть ситуацию его глазами, мыслить, как он; не судить событие другой «жизни» (эпохи, личности) исходя из собственного мировоззренческого горизонта.

С другой стороны, герменевтическая стратегия межкультурного взаимодействия основана на толерантности и плюрализме. Идея иерархичности культурного пространства герменевтическое сознание противопоставляет в качестве принципиальной альтернативы установку на понимание Другого во всей его инаковости.

Методологический потенциал герменевтики инициирует возможность изучения культурного многообразия в рамках нелинейной интерпретации исторического процесса. Данная парадигма отвергает саму идею деления культуры на прогрессивные и отсталые, развитые и архаичные, «цивилизованные» и «примитивные». Напротив, утверждается уникальность, своеобразие, ценность каждого культурно-исторического типа. Унифицированности, глобализму и различным вариантам прогрессизма нелинейный подход, основанный на методологическом потенциале герменевтики, противопоставляет идею многовекторного развития культуры, в котором на смену монологическому типу межкультурного взаимодействия приходит полифония культурных смыслов и духовных ценностей. Один из основателей философской герменевтики Г.-Г. Гадамер пишет об этом так: «Плох тот герменевтик, который воображает, что он может и должен был бы сохранить за собой последнее слово» [6, с. 646].

Герменевтика, ориентированная на поиск неклассических принципов интерпретации историко-культурной реальности, во многих своих установках фиксирует переход к новой, многомерной парадигме мышления. Демонстрируя всю сложность и противоречивость современной социокультурной ситуации и характера ее понимания, герменевтика на примере наиболее репрезентативного поля своей проблематики инициирует перспективу свободного творчества и концептуального плюрализма.

Герменевтическая методология позволяет осознать, что понятия объекта и объективности недостаточны там, где речь идет не об овладении предметом, а о возвращении причастности смыслу, которое и называется пониманием. При подобном подходе межкультурная коммуникация предстает как измерение открытости, не сводимое к единому варианту прочтения, интерпретации. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать понимание в качестве важнейшей

интенции в коммуникативном взаимодействии, интенции, благодаря которой каждая культура, каждый голос в современном мире, наполненном конфликтами и противоречиями, получают возможность быть услышанными.

Заключение. Использование методологических стратегий герменевтики ставит под сомнение возможность сконструировать единую «схему» развития человеческой цивилизации, которая охватывала бы все культурно-исторические типы, но открывает возможность рассматривать каждый культурно-исторический тип в качестве уникального и самодостаточного.

Обусловленность понимания историчностью субъекта, принадлежащего определенной культурно-исторической эпохе, традиции, от влияния которых он не в силах устраниваться, в рамках герменевтической парадигмы рассматриваются в качестве важнейших предпосылок постижения Другого во всей его инаковости. Определение понимания в качестве основополагающей интенции в рамках диалога культур позволяет рассматривать межкультурное взаимодействие как деятельность, направленную на созидание новых культурных смыслов и мировоззренческих оснований цивилизационной динамики.

Список литературы

1. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Искусство, 1975. 502 с.
4. Гафаров Х. С. Философская герменевтика Ганса-Георга Гадамера. Минск: РИВШ БГУ, 2003. 206 с.
5. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М.: Лабиринт, 2001. 426 с.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

References

1. Bibler V. S. Culture. Dialogue of cultures (experience of definition). *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1989, no. 6, pp. 31–42 (In Russian).
2. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p. (In Russian).
3. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 502 p. (In Russian).
4. Gafarov H. S. *Filosofskaya germenevtika Gansa-Georga Gadamera* [Philosophical hermeneutics of Hans-Georg Gadamer]. Minsk, RIVSH BGU Publ., 2003. 206 p. (In Russian).
5. Dilthey V. *Germenevtika i teoriya literatury* [Hermeneutics and theory of literature]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 426 p. (In Russian).
6. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian).

Информация об авторе

Потоцкий Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: potoc78@mail.ru

Information about the author

Pototski .Aliaksei Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (220006, Minsk, Sverdlova str., 13a, Republic of Belarus). E-mail: potoc78@mail.ru

Поступила 03.03.2023

УДК [316.42+316.64:502/504](476)

Н. Е. Захарова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

**СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ**

В статье на основе выявленных новых социотехнологических и социоэкологических тенденций информационного общества и системообразующих факторов информационно-экологической безопасности белорусского общества раскрывается связь глобальных социокультурных трендов устойчивого развития с национальной стратегией (НСУР). Проведен понятийно-категориальный анализ понятия устойчивости социоприродных, социально-экономических систем, их корреляция с коэволюционными и ноосферными принципами устойчивого развития. Доказывается необходимость сбалансированного подхода к экономическим, социальным и экологическим целям общества в условиях трансформационных (постиндустриальных, информационных, конвергентно-технологических) изменений социума на современном этапе. Исследованы ограничения и возможности, накладываемые экологическими факторами на перспективы устойчивого развития белорусского социума.

Ключевые слова: биосфера, информационное общество, информационное развитие, устойчивое развитие, экологическая информация, экологическая политика.

Для цитирования: Захарова Н. Е. Стратегия устойчивого развития в контексте современных информационных вызовов // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 154–158. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-28.

N. E. Zakharova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY IN THE CONTEXT
OF MODERN INFORMATION CHALLENGES**

Based on the identified new socio-technological and socio-ecological trends of the information society and the system-forming factors of the information and environmental security of the Belarusian society, the article reveals the connection between global socio-cultural trends of sustainable development and the national strategy (NSDS). A conceptual and categorical analysis of the concept of sustainability of socio-natural, socio-economic systems, their correlation with co-evolutionary and noospheric principles of sustainable development was carried out. The necessity of a balanced approach to the economic, social and environmental goals of society in the context of transformational (post-industrial, informational, convergent technological) changes in society at the present stage is proved. The limitations and opportunities imposed by environmental factors on the prospects for sustainable development of the Belarusian society are studied.

Key words: biosphere, information society, information development, sustainable development, environmental information, environmental policy.

For citation: Zakharova N. E Sustainable development strategy in the context of modern information challenges. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 154–158 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-28.

Введение. В анализе современного общественного развития доминирует критическое отношение к мировоззренческому, социокультурному, экономическому наследию индустриальной эпохи и ее ценностям для развития человека и общества. С другой стороны, наблюдается некое упование на всеспасительность идеалов и ценностей постиндустриальной (информационной) цивилизации. Перспективы развития человеческой цивилизации в современных социально-философских теориях ста-

вятся в зависимость от положительного развития информационных и сетевых коммуникаций, ценностей технопрогресса и экономики посттруда и т. д. Исследования общих проблем устойчивого развития социоприродных систем, начавшись с конференции в Рио в 1992 г., продолжают в аналитических докладах Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, в программах развития ООН, в трудах отечественных и зарубежных авторов. Различным аспектам проблем

устойчивого социоприродного развития, как теоретическим, так и практическим его принципам, посвящены работы Г. Галлопина («Эко-системы и благосостояние людей»), Д. Диксона («Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития»), Д. Кауфманна («The Political Economy of Democratic Transitions»), Д. Месаровича («Man kind at the Turning Point»), Й. Спанженберга («Устойчивое развитие: концепция, основы, вызовы, применения»), К. Рихтера («Стратегия устойчивого развития и переход к «зеленой» экономике: обновление приоритетов и механизмов») и др.

Основная часть. Дэниел Белл выделял общие черты для всех индустриальных обществ: «Индустриальные общества – это экономические общества, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения «больших результатов из меньших вложений» и выбора наиболее «рационального» типа действий» [1, с. 99–100]. Как термин, «постиндустриализм» появился в начале XX в. (А. Кумарасвами). Интерес в этом смысле представляет шведский термин «K-samhälle» (K-общество), в котором рассматриваются такие три новых аспекта, как kunskap (знание), kompetens (компетенция) и kommunikation (коммуникация). Примечательным симптомом нового общества и новой экономики является тот факт, что уже с 1955 г. в США затраты на производство информации начали превышать затраты на материальное производство.

Фактически концепции постиндустриализма, информационного общества, постэкономического развития, как и постмодерна в целом, близки к концепциям «третьей волны», «четвертой промышленной революции», «общества знания». Их близость исходит из уверенности в том, что позитивные социокультурные трансформации и модернизация в современном мире, формирование оптимальных условий для устойчивого социоприродного развития неотрывны от экологической культуры, экономики, от информации и знания. В постиндустриальном обществе можно видеть ценностный переход от приоритетности производства товаров к производству услуг. Именно информация и знания становятся не только производственным ресурсом, но востребованным товаром, а на место индустриальных этических идеалов успеха, личных достижений, высокой специализации пришли наиболее ценимые уровень образования, профессионализм, креативность работника и качество его жизни [1]. Будущее ориентируется на особую роль технологии и технологических оценок, а принятие решений

основывается на теории, которую можно назвать «интеллектуальной технологией» [1, с. 18].

Идея информационного общества возникла в конце XX в. Ее сторонники полагают, что этот процесс имманентно присущ всем обществам, которые вступили в период научно-технологической, информационной революции. На основании работ японского ученого Коямы К., который ввел понятие «информационное общество» в научный оборот, в 1972 г. в Японии был принят «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.». В концептуальном смысле в теории информационного общества также лежит схема Д. Белла – исторического развития человечества, движущегося от этапов доиндустриального и индустриального к этапу постиндустриального развития. Однако для каждого из этих трех этапов существует свой приоритетный сектор экономики. Так, для аграрного этапа было характерно доминирование первичного сектора (сельского хозяйства). Для индустриального – вторичного сектора (промышленности). Для постиндустриального этапа им стал третичный сектор (сфера услуг и досуга). В теории информационного общества к третичному сектору постиндустриализма был добавлен еще один – информационный, который, как и информационно-цифровой, со всеми его вызовами и угрозами, в настоящее время можно признать системообразующим,

Развитие информации и информационно-цифровых технологий, становясь ключевым фактором производства, который превосходит по значимости многие виды материального производства, энергии и услуг, конечно, не отрицая их, приводит к качественным переменам. Появляются возможности оптимизации новых механизмов, средств и методов эффективного решения различных социокультурных, экономических и экологических проблем как в практике внедрения основ своего рода социальной инженерии при разрешении комплексных вопросов социального, политического, экологического планирования, так и на основе социокультурного прогнозирования [2, с. 61].

Возникает возможность децентрализации производства и деурбанизации (в отличие от индустриальной эпохи), когда огромные массы жителей крупных городов утром едут в общественном транспорте на работу, а вечером возвращаются в свои спальные районы. Принцип домостроения труда, или возврат к «домашней индустрии», в чем-то соответствует мечте об экологически чистом производстве.

Развитие коммуникаций и увеличение благосостояния дает возможность представителям

многих профессий свободно менять место жительства. В то же время коммуникативная рациональность, всегда присущая информационному (постиндустриальному) обществу, не может осуществляться без взаимного понимания и согласия относительно целей на основе диалога между субъектами социального действия, что происходит в рамках социализации. В индустриальном способе производства стимулом к сотрудничеству служит вознаграждение или угроза, в то время как коммуникативная рациональность зависит от степени добровольной вовлеченности в соответствующее действие заинтересованных и компетентных субъектов. Диалог между ними способствует осознанию взаимных прав и моральных обязательств, продуцирует солидарность, имеющую внутреннюю связь с социальной справедливостью. Это коррелирует и с принципами экологической культуры и биоэтики.

С точки зрения философского анализа всякое явление, связанное с движением, эволюцией, производством в природе и обществе, является процессом информационного взаимодействия. Значение информации и ее социальной эффективности в современном мире, соотношение с организацией, упорядоченностью и энтропией сложно переоценить, ведь известно, что информация есть всеобщее свойство материи. Очевидно, что любой предмет и явление в окружающем нас мире и любое его взаимодействие с другими предметами и явлениями обладает информационными свойствами, а любой процесс между ними является процессом информационного взаимодействия.

В настоящее время информация становится товаром и приобретает ряд потребительских свойств: информация имеет потребителя; информация имеет производителя; информация имеет собственника; информация имеет качественные характеристики; в отношении информации установлены определенные правовые режимы. Эта совокупность потребительских свойств информации, ее качественных характеристик, ее социальных свойств – доступности, справедливости в распространении и использовании (особенно это касается информации научно-технологической), гуманистической направленности, безопасности определяет степень удовлетворения потребностей личности и меру цивилизованности общества и государства.

Очевидно включение информационных технологий в достижения научно-технического прогресса. «Приоритет, отдаваемый цивилизацией ценностям техногенного развития, означает, по сути дела, отказ от более высокоорганизованной среды обитания в пользу менее организованной, от устойчивого жизнеобеспечения к неустойчивому» [3]. Невозможно про-

считать не только отдаленные, но и самые ближайшие последствия воздействия научно-производственных сил на природу. Поэтому общество должно контролировать развитие науки, выдвигая требования ее гуманизации и гуманизации информации.

Проникновение ценностей, стандартов гуманитарного познания в структуру как научной, технической, так и информационной деятельности в целом будет означать изменение внутренних ориентиров социума. Гуманизацию следует понимать как стремление не только к получению информации и знания, но и разработку представлений о своей смыслообразующей деятельности.

Делая ставку на образовательную, культурную и информационно-интеллектуальную составляющую социоприродного развития, общество не отрицает индустриальный сектор производства, который наиболее уязвим с экологической точки зрения. Он при этом не исчезает, а минимизируется и качественно трансформируется за счет новейших наукоемких, в том числе и конвергентных технологий, позволяющих производить необходимое количество материальных благ при значительно меньших антропогенных нагрузках на окружающую среду.

При любом типе антропогенного воздействия на природу и возникающей при этом обратной связи, как рефлексии общественного сознания над экологической угрозой, можно проследить зависимость изменения мышления от наличия той или иной экологической информации о таком воздействии. «Экологическая информация» означает любую информацию в письменной, аудиовизуальной, электронной, цифровой или иной материальной форме [4, с. 82]. Она включает информацию: а) о состоянии элементов окружающей среды, таких, как воздух и атмосфера, вода, почва, земля, ландшафт и природные объекты, биологическое разнообразие и его компоненты, включая генетически измененные организмы, и взаимодействие между этими элементами; б) таких факторах, как вещества, энергия, шум и излучение; в) охватывает деятельность или меры, включая административные, а также соглашения в области окружающей среды, политику, законодательство, планы и программы, оказывающие или способные оказывать воздействие на элементы окружающей среды, анализ затрат, экономического эффекта природоохранной деятельности, которые используются при принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды [5].

К экологической информации относятся данные о состоянии здоровья и безопасности людей, условиях их жизни, рекреации, реабили-

литации и воспроизводства, о состоянии объектов культуры, зданий и сооружений в той степени, в какой на них воздействует или может воздействовать состояние элементов окружающей среды, или через посредство этих элементов.

Экологическая информация становится основой обеспечения экологической безопасности и одной из составляющих национальной безопасности Республики Беларусь, как непреложное условие социальной стабильности, оптимального социально-экономического развития общества. Природные катаклизмы, экологические нарушения, снижение надлежащего качества окружающей среды для здоровья и развития общества и человека и напрямую связанные с этим заболевания, вследствие которых снижается качество человеческого потенциала, могут существенно ослабить и затормозить развитие любой страны.

В отличие от многих потребляемых благ экологическая безопасность является коллективным благом. Природа не имеет ни государственных, ни административных, ни социальных границ. И поскольку усложнение технологического развития сопровождается возрастанием цены (стоимости) техногенных аварий, каким бы совершенным ни было технологическое оборудование, главной целью в обеспечении экологической безопасности и благоприятной окружающей среды в НСУР – 2030 названо сохранение локальных и региональных экосистем [5, с. 97]

Вместе с тем оценка устойчивости экологического развития Беларуси на основе данных «экологического следа»¹ показывает, что в настоящее время республика потребляет больше ресурсов, чем способна восстановить ее природа, и разрыв между ресурсным потреблением и способностью окружающей среды к самовосстановлению, хотя и медленно, но также неуклонно углубляется. Одновременно в Беларуси сохраняют свою актуальность такие экологические проблемы, как деградация земель, загрязнение значительной территории страны радионуклидами; накопление больших объемов отходов производства и жизнедеятельности населения, неразвитость системы их сортировки и извлечения вторичных материальных ресурсов из них; загрязнение воздушного бассейна крупных городов и грунтовых вод в сельской местности.

Можно указать на такие возможные угрозы и риски экологической компоненты устойчивого развития, как риск увеличения техногенной нагрузки и неспособность природы к самовос-

становлению; трансграничный перенос вредных и опасных веществ с территорий других государств; риск появления новых видов заболеваний и рост эпидемических очагов; проблема истощаемости природных ресурсов.

Структура и содержание НСУР – 2030 базируются на принципе преемственности задач и приоритетов, определенных в предыдущих программах социально-экономического развития Республики Беларусь, на Государственной программе инновационного развития, Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь, а также принятых критериев национальной безопасности страны. Концептуальным ядром документа является выявление внешних вызовов и внутренних угроз в социальной, экономической и экологической сферах; определение управленческих решений, нацеленных на их упреждение и преодоление в процессе поступательного движения страны, достижение высокого уровня качества жизни белорусских граждан, рост конкурентоспособности и эффективности национальной экономики, сохранение и рациональное использование природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности.

Анализ сформулированных целей показывает, что без институтов гражданского общества невозможно создать стабильную и прочную систему социально-экологической политики, способную снизить социальную и экологическую напряженность за счет создания оптимальных условий жизни населения [2, с 75; 6, с. 90–91]. Необходимы активное взаимодействие государственных и общественных структур, появление точек роста эффективности самоуправления в социально-экологической сфере, рост социального капитала как доверия.

Заключение. Норма экологичности общественного производства, которая даст возможность выйти из кризиса и преодолеть истощение биосферы, должна базироваться на таком отношении к жизни, к природному окружению, когда человек просто физически не сможет делать что-либо, вредящее миру и другим, стать нормой образования и социального проектирования. Вот почему экологическая информация тесно сопрягается с понятием экологической и духовной культуры, включает и этические оценки наряду с социально-экологическим прогнозированием, социальной ответственностью и гражданской позицией по актуальным вопросам жизни общества и государства. Именно поэтому информационно-экологическая сфера становится одним из государственно-образующих признаков и приоритетом устойчивого социоприродного развития.

¹ «Экологический след» – условное понятие, отражающее потребление человечеством ресурсов биосферы. Он измеряется в гектарах – это площадь земли, необходимая для производства используемых людьми ресурсов, поглощения и переработки отходов и рассчитываемая для стран с населением более 1 млн человек.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. Academia, 2004. 944 с.
2. Глобальная информационная эпоха // Грядущее информационное общество / А. А. Лазаревич [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2006. С. 12–75.
3. Поболь О. Н., Фирсов Г. И. Экология и техносфера: проблемы и перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=636>. (дата обращения: 03.02.2023).
4. Акимова Т. А., Хаскин В. В. Основы экоразвития. М.: Академия им. Плеханова, 2014. 312 с.
5. Аналитический отчет о реализации в 2017–2019 гг. Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 г. Минск: Медисонт, 2019. 234 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. 380 с.

References

1. Bell D. *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo* [The coming post-industrial society]. Moscow, Academia Publ., 2004, 944 p. (In Russian).
2. A. A. Lazareviches [et al.]. Global Information Age. *Gryadushcheye informatsionnoye obshchestvo* [The Coming Information Society]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2006, pp. 12–75 (In Russian).
3. Pobol O. N., Pfirsov G. I. Ecology and technosphere: problems and prospects. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=636> (accessed 03.02.2023) (In Russian).
4. Akimova T. A., Khaskin V. V. *Osnovy ekorazvitiya* [Fundamentals of eco-development]. Moscow, Academia Plekhanova Publ., 2014. 312 p. (In Russian).
5. *Analiticheskiy otchet o realizatsii v 2017–2019 gg. Natsional'noy strategii ustoychivogo razvitiya Respubliki Belarus' na period do 2030* [Analytical report on implementation in 2017–2019 National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030]. Minsk, Medisont Publ., 2019. 234 p. (In Russian).
6. Habermas J. *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 380 p. (In Russian).

Информация об авторе

Захарова Наталия Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий Отделом социальной экологии и биоэтики. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова 1/2, Республика Беларусь). E-mail: nz-a@tut.by

Information about the author

Zakharova Natallia Evgen'yevna – PhD (Philosophy), Leader of the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: nz-a@tut.by

Поступила 06.03.2023

УДК 168

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ И ОЦЕНКА КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются роль конвергентных технологий в ходе социального развития и инструменты их оценки. Показано, что феномен конвергентного (сопряженного) развития применим к пространству техногенной культуры как новой формы социотехнологической интеграции, в которой происходит взаимодействие различного рода факторов – техносферных, биосферных и социальных. Понятие «техногенная культура» отражает технико-технологический характер цивилизационных возможностей в преобразующей деятельности человека с обязательным включением в эту деятельность новейших технологий. Инновационная составляющая социального развития позволяет максимально полно и целенаправленно производить глобальные научно-технические изменения в обществе. Эффект слияния или конвергенции различных технологий способен привести к сопряженному решению научных, научно-технологических, социальных, экологических и других проблем.

Определена роль социальной экспертизы, которая предполагает комплексную оценку конвергентных технологий как с точки зрения эффективности их внедрения, так и с позиций соответствия социальным целям и ценностям общества.

Ключевые слова: конвергентные технологии, НБИКС-конвергенция, технологические инновации, социальная оценка технико-технологического развития.

Для цитирования: Лазаревич Н. А. Социальная роль и оценка конвергентных технологий // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 159–162. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-29.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

SOCIAL ROLE AND EVALUATION OF CONVERGENT TECHNOLOGIES

The article examines the role of convergent technologies in the course of social development and assesses their use. It is shown that the phenomenon of convergent (conjugate) development is applicable to the space of technogenic culture as a new form of socio-technological integration, in which various kinds of factors interact – technospheric, biospheric and social. The concept of "technogenic culture" reflects the technical and technological nature of opportunities in transformative human activity, with the obligatory inclusion of the latest technologies. The innovative component makes it possible to make global scientific and technological changes in society as fully and purposefully as possible. The effect of merging or convergence of various technologies can lead to the combined solution of scientific, technological, social, environmental and other problems.

The role of social expertise is defined, which involves a comprehensive assessment of convergent technologies both from the point of view of the result of the effectiveness of their implementation, and from the point of view of the social effectiveness of compliance with social goals and values of society.

Keywords: convergent technologies, NBICS-convergence, technological innovations, social assessment of technology.

For citation: Lazarevich N. A. Social role and evaluation of convergent technologies. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 1 (269), pp. 159–162 (In Russian).* DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-29.

Введение. Взаимодействие науки, техносферы и общества на современном этапе культурно-цивилизационного развития осуществляется как новая форма социотехнологической интеграции, основанной на сопряженной (конвергентной) их кооперации. Идея социального прогресса детерминированно связывается с эффективным практико-технологическим приме-

нением науки. В современную эпоху и научные знания, и технологии стремительно меняются, становясь взаимозависимыми как в теоретико-методологическом, так и в социально-практическом значении. В рамках такой кооперации наблюдается процесс стирания границ между научным и технологическим знанием, что открывает дополнительные возможности

для создания новых социотехнических объектов с неизвестными ранее характеристиками и функциональными свойствами. Новейшая интеллектуальная история ознаменовалась появлением новых понятий, характеризующих данный процесс. Одним из них является понятие НБИКС-конвергенции (тесная взаимосвязь нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологий). В рамках данной конвергенции возможно создание объектов, близких к природным.

Основная часть. Конвергентное социотехнологическое развитие осуществляется в рамках так называемой «техногенной культуры». Это понятие комплексно включает две составляющие – техногенную и культурную. Первая из них выглядит как «имманентное свойство, характеризующее технико-технологический характер объекта, процесса, а также явления» [1]. Его важнейшим признаком является обязательное включение в социальную эволюцию новейших технологий. Культурная составляющая характеризуется использованием передовых технических и технологических знаний с целью решения возникающих в обществе проблем и создания на этой основе предпосылок творческого развития духовно-гуманитарного капитала.

Современное общество развивается по инновационным лекалам, вступая, таким образом, в прямую зависимость от достижений научно-технического прогресса. Новейшие технологии превращаются из непосредственной производительной силы в социальную силу, влияющую на управление социальными процессами, проникая во все сферы жизни, становясь частью культуры. Этим подчеркивается усиливающаяся включенность техники в общественные отношения. Благодаря инновационному принципу реализации технологий научное знание становится не только основой экономических решений, но и инструментом перманентных изменений организации жизни. Эти изменения происходят настолько быстро, что позволяют говорить о вступлении человечества в новую темпоральную эпоху. Характер возникающих при этом связей и трансформаций в социуме изменяет темпы социальной эволюции в сторону резкого ее ускорения, что не всегда позволяет коэволюционно адаптировать к этому процессу естественно-природные и антропологические механизмы прогресса.

Социотехнологические инновации затрагивают все сферы общества. К примеру, применительно к энергетике Г. М. Кржыжановский определил этот процесс как «энергетические пороги» [2, с. 100], когда в результате технологической модернизации базы энергетики происходит весьма существенный скачок в росте

производительности труда. Периоды смены технологий в энергетике (изобретение водяного колеса, парового двигателя, электродвигателя, двигателя внутреннего сгорания и т. д.) приводят к перестройке всего хозяйственного комплекса отрасли и дают импульс к инновационному развитию той или иной страны в целом.

Производственная отрасль промышленно-сти активно откликается на подобные перемены и формирует новые связи как внутри отрасли, так и между различными смежными областями, создавая при этом платформу для появления техники и материалов нового поколения. К примеру, подобным образом появились композитные материалы, стеклопластик, полимерные композиционные материалы с функциями самодиагностики, сверхпрочные и сверхлегкие сплавы нового поколения и др. [3]. По существующим оценкам они являются тем самым «порогом», который существенно изменяет на конкретном историческом этапе экономику, структуру управления, уклад жизни и, как следствие, культуру и цивилизационное развитие в целом.

В последние годы в НБИКС-конвергенцию все чаще включается социальная (С) составляющая. Она выражается посредством понятия НБИКС-синтеза. Значимость социальной составляющей и гуманитарного знания в системе конвергентных технологий способствует активной включенности технологических новаций в социальный контекст. В первую очередь это связано с общественными и потребительскими ожиданиями, которые не только уже существуют, но и во многом еще формируются. Примером конвергентного развития технологий, включающих гуманитарные и социальные аспекты, являются PR-технологии, реклама, технологии социальных коммуникаций и др. Конвергентное социотехнологическое развитие создает основы возникновения разнообразных достижений человечества, таких, к примеру, как «Умный дом», «Интернет вещей», «дополненная реальность» и т. п. Эти достижения включаются в «жизненный мир» человека, становятся неотъемлемой частью его жизни, претендуя на роль медиатора в отношениях естественного и искусственного в современной культуре.

Наука и техника с начала индустриальной революции сделали очень много в плане решения ряда значимых социально-экономических проблем и повышения уровня жизни населения планеты. Но, как нередко бывает, наряду с явными положительными достижениями существуют и «темные» стороны прогресса. Они проявляются в дисбалансе технического и гуманитарного в культуре, в нарушении равнове-

сия в социоприродных системах, что наиболее очевидным образом связывается с глобальным экологическим кризисом, охватившим современную цивилизацию. Изначально наука была в основном нацелена на создание «все более изощренных технологий потребления природных ресурсов, оказавших существенное влияние на все мировое сообщество и окружающую природную среду» [4, с. 101]. М. Ковальчук, директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», отмечает в этой связи важную характеристику НБИКС-технологий, в частности их способность привести к созданию природоподобных систем, которые включаются естественным образом в социоприродную коэволюцию, нивелируя при этом многие существующие проблемы. Комментируя данную перспективу, доктор биологических наук, профессор Раиф Васильев дополняет, что новые технологии «не наносят урон окружающей среде, а существуют с ней в гармонии» [5, с. 168]. НБИКС-технологии направлены на трансформацию уязвимых в экологическом плане технических решений, использование которых деструктивно сказывается на социокультурной эволюции. В рамках нового технико-технологического проекта природные, социальные и технические системы конвергентно связаны, что является условием их устойчивого развития и непременно должно учитываться в соответствующих государственных программах национального и международного значения.

В Республике Беларусь в предстоящем пятилетии (2021–2025 гг.) стоит задача «...определения долгосрочного концептуального видения развития страны на основе преимущественно интеллектуального фактора по... перспективным направлениям научно-технологического развития, включая интеллектуальные технологии, машины и их системы для реального сектора и социокультурной сферы, а также разработки межотраслевого характера, основанные на применении нано-, био-, космических и IT-технологий» [6]. В этой связи необходимо создавать все возможные предпосылки социально-технологической модернизации, а также стремиться упредить возможные негативные последствия путем проведения качественной и количественной оценки потенциала конвергентных технологий в обеспечении стратегии социально-экологической безопасности.

Список литературы

1. Новиков А. С. Анализ применения понятий «техногенный», «техногенная культура», «техногенное общество» в философии и общественных науках // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. СПб.: ИИУНЦ, 2014. Т. 3, № 66. С. 11–13.

Все это предполагает комплексную оценку конвергентных технологий как с точки зрения ожидаемого результата их внедрения, так и с позиций социальной эффективности, включающей их соответствие социальным целям и ценностям, мировоззренческим идеалам и перспективам гуманитарной культуры в целом.

Социальная оценка технологического прогресса – это достаточно сложная и неоднозначная задача. Обычно большинство людей ориентируется на достигнутый социальный комфорт вне достаточного понимания всех его возможных последствий. Применительно к современным условиям развития технологий формирование общественного мнения вокруг этого вопроса происходит не только на основе, скажем, профессиональных компетенций, а в русле обыденного сознания и соответствующего мнения. Как пишет автор книги «Фантастические миры российского хай-тека», «затруднительно оценивать технологию, если отсутствует понимание пользователей этой технологии в разных контекстах» [7, с. 20]. Другими словами, необходимо выявлять значимость технологий в конкретном социально-историческом контексте с проецированием этой значимости на широкий контекст культуры и гуманитарных ценностей.

Социализация и формирование идентичности современного человека происходят в условиях становления новой социотехнологической реальности. В силу этого обстоятельства требования к этой реальности со стороны общества должны быть значительно повышены.

Заключение. Социотехнологический прогресс – объективное явление нашего времени. В структуре этого прогресса заметное позитивное значение имеют НБИКС-технологии как результат поиска эффективных инструментов решения ряда задач социоприродной коэволюции. При этом социокультурная экспертиза и требование социальной безопасности технико-технологического развития должны составлять неотъемлемую часть современной государственной и международной политики инновационной модернизации.

Социотехническое развитие должно быть проанализировано и оценено с различных точек зрения, чтобы получить комплексное представление о путях дальнейшего развития науки, техники и технологии во благо сохранения естественной природы и человечества.

2. Харламова Т. Е. История науки и техники. Электроэнергетика: учеб. пособие. СПб.: СЗТУ, 2006. 126 с.
3. Каблов Е. Н. Материалы нового поколения – основа инновации, технологического лидерства и национальной безопасности России //Интеллект&Технологии. 2016. № 2 (14). 32 с.
4. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. 431 с.
5. Природоподобные технологии как ответ на глобальные вызовы и основа новой промышленной революции. URL: <https://roscongress.org/news/nature-inspired-technologies-as-a-response-to-global-challenges-and-basis-for-a-new-industrial-revolution> (дата обращения: 14.02.2023).
6. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Минск: НИЭИМЭРБ, 2021. 82 с.
7. Фантастические миры российского хай-тека / О. Бычкова [и др.]. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 416 с.

References

1. Novikov A. S. Analysis of the application of the concepts of technogenic, technogenic culture, technogenic society in philosophy and social sciences. *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v sovremennoy mire* [Fundamental and applied research in the modern world]. St. Petersburg, IUNTS Publ., 2014, vol. 3, no. 66, pp. 11–13 (In Russian).
2. Kharlamova T. E. *Istoriya nauki i tekhniki. Elektroenergetika* [History of science and technology. Electric power industry]. St. Petersburg, NWTU Publ., 2006. 126 p. (In Russian).
3. Kablov E. N. New generation materials are the basis of innovation, technological leadership and national security of Russia. *Intellekt&Tekhnologii* [Intellect &Technologies], 2016, no 2 (14), 32 p. (In Russian).
4. Vernadsky V. I. *Razmyshleniya naturalista. Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye* [Reflections of a naturalist. Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, 1977. 431 p. (In Russian).
5. Nature-like technologies as a response to global challenges and the basis of a new industrial revolution. Available at: <https://roscongress.org/news/nature-inspired-technologies-as-a-response-to-global-challenges-and-basis-for-a-new-industrial-revolution> (accessed 14.02.2023) (In Russian).
6. *Natsional'naya strategiya ustoychivogo razvitiya Respubliki Belarus' do 2035 goda* [National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus until 2035]. Minsk, NIEIMERB Publ., 2021. 82 p. (In Russian).
7. Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordin O., Tsinman Z. *Fantasticheskiye miry rossiyskogo hay-teka* [Fantastic worlds of Russian hi-tech]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2019. 416 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социальной экологии и биоэтики. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natall'ya Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 06.03.2023

УДК 001.92:60/61

В. Н. Сокольчик

Белорусская медицинская академия последипломного образования

**ОТКРЫТАЯ НАУКА КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Статья посвящена осмыслению новой парадигмы научных исследований – открытой науке. Несмотря на широкое использование термина в различных публикациях, проектах, исследованиях, в научной среде концептуальная установка открытой науки часто понимается упрощенно. Как правило, под «открытостью» имеют в виду свободный доступ к научным публикациям, хотя это не исчерпывает всех требований и функций развивающейся парадигмы.

Опираясь на собственный опыт биомедицинских исследований, международные рекомендации и документы, а также работу по экспертизе научных проектов в этическом комитете, автор подчеркивает многоаспектность понятия «открытая наука», рассматривает актуальность позиций открытых данных, распространения результатов исследований в обществе, привлечение к планированию научных проектов представителей сообществ. В статье также акцентируется внимание на специфике функционала открытой науки в биомедицинской сфере.

Автор предлагает практические рекомендации этическим комитетам для экспертизы научных проектов в контексте новой парадигмы и намечает основные направления политики развития открытой науки в современном обществе.

Ключевые слова: открытая наука, открытые данные, целостность данных, биомедицинские исследования, этический комитет, информированное согласие, междисциплинарный диалог.

Для цитирования: Сокольчик В. Н. Открытая наука как новая парадигма научных исследований: проблемы и перспективы (на примере биомедицинских исследований) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 163–169. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-30.

V. N. Sokolchik

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education

**OPEN SCIENCE AS A NEW PARADIGM OF SCIENTIFIC RESEARCH:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES (BASED ON BIOMEDICAL RESEARCH)**

The paper is devoted to understanding the new paradigm of scientific research – the open science approach. Despite the widespread using of this term in various publications, projects, studies, the conceptual setting of open science have often understood in a simplified way at the scientific community. Sometimes “openness” means only free access to scientific publications, although open publications do not cover all the requirements and functions of the developing paradigm.

Based on his own experience in biomedical research and reviewing the scientific projects in the research ethics committee, as well as putting on international recommendations and documents, the author highlights the multidimensionality of the concept of open science, considers the relevance of open data, dissemination of research results in society, and engagement of social communities to the scientific research. The specific of open science in the biomedical field is emphasized in the paper.

The author offers practical recommendations for the reviewing of scientific projects in the context of a new paradigm to research ethics committees, and outlines the main directions of open science development policy in modern society.

Keywords: Open Science, Open Data, Data Integrity, Biomedical Research, Ethics Committee, Informed Consent, Interdisciplinary Dialogue.

For citation: Sokolchik V. N. Open science as a new paradigm of scientific research: problems and perspectives (based on biomedical research). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023*, no. 1 (269), pp. 163–169 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-30.

Введение. Открытая наука – это новая парадигма развития знаний в современную эпоху развития человечества. Открытая наука может также рассматриваться как социокультурное

движение, выступающее за то, чтобы сделать научные исследования (включая публикации, данные, физические образцы, программное обеспечение и т. д.) и распространение их

результатов доступными для всех слоев общества – как любителей, так и профессионалов [1]. Парадигма открытой науки чрезвычайно важна для современного общества. Во-первых, она обеспечивает доступ к научным знаниям широких кругов социума, ориентируя заинтересованных лиц не только на свободное знакомство с публикациями по результатам исследований, но и участие в планировании, обсуждении, экспертизе научных проектов. Однако проблема состоит в том, что несмотря на общепринятую мировоззренческую установку о ценности и общедоступности науки для современного общества и реализацию научных проектов посредством представителей общества (как участников исследований и испытаний), а также финансирование научных проектов за счет средств обычных налогоплательщиков, в реальности научное знание остается достаточно «закрытым» для широкой общественности.

Во-вторых, парадигма открытой науки предполагает эффективное и ресурсосберегающее взаимодействие внутри научного сообщества. Здесь имеется в виду совместное использование баз данных, открытые образовательные ресурсы, использование программного обеспечения с открытым кодом и т. д., что позволяет в каждом научном проекте концентрироваться на специфике последнего, а не на поисках разнообразных ресурсов, которые в соответствии с принципами открытой науки должны размещаться в широком доступе. Рассматриваемая парадигма позволяет разумно расходовать финансирование проектов, актуализируя успешно использованные данные и программы, при этом акцентируя значимость, актуальность, эффективность проводимого исследования.

В-третьих, парадигма открытой науки обеспечивает фундамент становления междисциплинарных исследований, которые необходимы для развития современного знания, осмысления сложных многоаспектных феноменов человека, природы и общества, гармонизируя научное знание и способствуя его росту.

В-четвертых, парадигма открытой науки обращает внимание широких слоев общества на социальную значимость развития знания, актуализирует важность научно-популярного сопровождения научных проектов и распространения их результатов. Это обеспечивается через трансляцию знаний представителями научного сообщества, которые способны грамотно и прозрачно, просто и объективно говорить о научных идеях, гипотезах и теоретических положениях.

Одним словом, новая парадигма в развитии науки социально ориентирована и имеет колоссальный потенциал для роста качества проводимых исследований. Вместе с тем необходимо

понимать, что особенности «открытого доступа» для каждой отрасли науки достаточно специфичны и порождают свои этические, правовые, методологические ограничения, которые не отрицают парадигму открытой науки, но предъявляют дополнительные требования к научному сообществу и используемым им данным. Специфика применения подхода открытой науки в разных областях знания требует серьезной экспертизы научных проектов со стороны независимых (незаинтересованных) общественных организаций, например этических исследовательских комитетов.

В значительной степени парадигма открытой науки коррелирует с этикой науки, поскольку, обеспечивая широкий доступ к использованию данных, публикациям, трансляции знаний, предполагает высокую научную культуру исследований, несовместимую с плагиатом, компиляциями, некорректным цитированием, несанкционированным использованием чужих данных и т. д., а также ориентирует на высокий уровень ответственности ученого при соблюдении ценностей уважения, демократичности, информированности, конфиденциальности персональных данных в научном творчестве.

Идеи открытой науки активно начали развиваться еще с 80-х гг. прошлого века, однако только в 2000-х гг. стало возможным говорить об осмыслении основных принципов и понятий новой парадигмы развития научного знания, распространении ее идей в обществе и формировании крупных междисциплинарных научных проектов, посвященных открытой науке. Примерами таких проектов могут быть «Рози – Горизонт 2020» (“Rosie – Horizon 2020”), «Европейское облако открытой науки» (EOSC), «Альянс исследовательских данных» (RDA) и др. Сегодня можно констатировать широкое признание идей открытой науки в мире, что выражается в большом количестве научных статей, посвященных новой парадигме, а также работе над рекомендациями по открытой науке ведущих европейских общественных институтов (например, Будапештская инициатива открытого доступа (BOAI, 2002 – Budapest open science access), рекомендации Юнеско об открытой науке, 2021, ежегодные международные обзоры по открытой науке, создание соответствующих международных организаций (например, глобальный портал открытого доступа – The Global Open Access Portal, GOAP, организованный правительствами Колумбии, Дании, Норвегии и США) и т. д.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть подход открытой науки как новую парадигму научных исследований в контексте специфики биомедицинского знания, а также предложить

рекомендации по экспертизе научных проектов этическими структурами с учетом практического применения изучаемого концепта.

Опираясь на собственный опыт участия в междисциплинарных научных проектах, посвященных открытой науке (WHO/TDR, RDA), проведенных интервью с исследователями в сфере биомедицины и экспертизы проектов в рамках членства в независимом этическом комитете Белорусской государственной медицинской академии последиplomного образования, а также основываясь на изучении исследовательской традиции и документов по рассматриваемому вопросу, автор акцентирует специфику подхода открытой науки в рамках биомедицинских исследований и предлагает общие рекомендации для осуществления экспертизы таких проектов.

Основная часть. При рассмотрении структуры вопросов, реализация которых составляет основу внедрения парадигмы открытой науки, предложенной в рекомендациях ЮНЕСКО [2], необходимо выделить следующее:

- создание и использование открытых баз данных (с выполнением требований получения согласия владельцев данных, если применимо);

- открытость и разнообразие научных знаний, выражающиеся в возможности доступа к научным проектам как на этапе планирования, так и на этапе распространения знания, включая направленность на мультидисциплинарность исследования;

- организация широкого открытого доступа к научным публикациям, предполагающая не только политику научных изданий, обеспечивающую бесплатные для читателя научные публикации, но и распространение знаний в обществе на уровне научно-популярных программ, изданий и т. д.;

- открытые образовательные ресурсы, ориентированные как на получение специальных научных знаний, так и акцентирующие внимание на изучении методологии и этики научных исследований;

- открытая и доступная инфраструктура научных исследований, возможность пользоваться специальной аппаратурой, библиотеками, базами и банками данных и др.;

- размещение в открытом доступе специальных программ и алгоритмов искусственного интеллекта с использованием открытых кодов, обеспечение «физической» возможности пользования различными девайсами, приборами и др. на основе искусственного интеллекта;

- открытая экспертиза научных проектов, начиная с дизайна исследования и заканчивая оценкой способов распространения результатов в широком доступе.

В сфере биомедицинских исследований значительный «прорыв» в становлении открытой науки был отмечен в связи со вспышкой COVID-19. В этот период (с 2020 г.) глобальному сотрудничеству между учеными способствовал беспрецедентный объем информации и данных, которые позволяли за счет свободного и быстрого обмена информацией осуществлять исследования по созданию новых лекарств, вакцин, протоколов лечения и т. д. Так, в начале 2022 г. количество научных публикаций, посвященных COVID-19, в сфере биомедицины составило более 800 тыс., только база данных ВОЗ содержала не менее 380 тыс. публикаций для открытого доступа; во многом это касалось и вопросов открытой инфраструктуры, программного обеспечения и, конечно, имеющихся баз данных. Такой открытый доступ и широкое сотрудничество между учеными разных стран в сфере биомедицины значимы не только в связи с пандемией. Они позволяют решать глобальные вопросы исследований, посвященных наиболее опасным заболеваниям, таким как туберкулез, СПИД, онкология, заболевания сердечно-сосудистой системы и др.

Безусловно, вопросы открытых публикаций обсуждаются сегодня повсеместно, ни одно серьезное научное издание уже не пренебрегает использованием авторских индексов (ORCID, DOI и др.), размещением научных публикаций на сайтах изданий и других научных платформах, поощрением открытой дискуссии по вопросам научных статей и т. д. Однако требования открытой науки, связанные с созданием единых и открытого доступа баз данных, использование общедоступных компьютерных программ с открытым кодом, а также широкое распространение в социуме результатов научных исследований и экспертиза научных проектов пока остаются «аутсайдерскими» в блоке проблем, поставленных парадигмой открытой науки.

Приоритетную значимость для любого ученого, разрабатывающего дизайн своего исследования, имеет доступность качественной научной информации. Здесь заключены сразу две глобальные проблемы: первая связана с доступом к информации, вторая – с ее качеством, единообразием, т. е. с валидностью используемых данных. Возможность доступа к информации определяется во многом государственной политикой в сфере науки. В рекомендациях по открытой науке ЮНЕСКО предлагается расширить пользование открытой научной информацией в совокупности со стремлением максимально ограничить препятствия к доступу, связанные с лицензированием и авторскими правами. Это должно способствовать развитию знаний и инноваций и, как следствие,

социально-экономическому развитию общества. Не стоит забывать, что открытое использование информации в биомедицинской сфере, а также в тех научных проектах, которые непосредственно (или опосредованно) связаны с людьми, например, в педагогике, психологии, социологии, антропологии и пр., ограничивается требованием конфиденциальности и защиты персональных данных, что является как этическим требованием, так и юридической нормой. В биомедицинской сфере обязательным условием дальнейшего использования данных (информации) является добровольное информированное согласие владельца данных и ясное недвусмысленное разрешение на их хранение и последующее использование [3]. Например, при заборе во время исследования биологических образцов ткани владелец не только изначально дает на это письменное согласие, но и дает разрешение на хранение образцов (где и на какое время), их последующее использование с учетом его предварительного «полного» согласия (использование образцов в любых научных исследованиях) или «частичного» – подразумевается использование данных, на-пример, после получения дополнительного разрешения владельца или согласия предустановленного третьего лица [4]. Наличие согласия предполагает также обсуждение (и письменную фиксацию в информированном согласии) вопросов анонимности данных при их хранении и использовании, рассмотрение возможности включения данных в соответствующие базы без идентификации владельца данных (что требует использования системы шифрования данных) или их полное удаление без возможности восстановления по желанию владельца. Так, если участник биомедицинского исследования принял решение не допускать использование его данных в научных информационных базах и биобанках впоследствии, то такие данные должны быть не только скрыты, но и удалены (что, в свою очередь, требует наличия адекватных алгоритмов и технических решений) [5]. Когда исследуемый биологический материал (или любая информация о человеке, позволяющая его идентифицировать) используется без информирования (и разрешения) владельца, – это можно расценивать как прямое нарушение безопасности и прав человека. Таким образом, вопрос использования данных, информации, биологических материалов в открытом доступе имеет ряд ограничений, связанных:

– во-первых, с письменным разрешением на использование данных, полученным от их владельца;

– во-вторых, с грамотными техническими решениями, включая правильное программирование соответствующих систем сохранения и доступа к информации;

– в-третьих, с этической подготовленностью самого исследователя, его готовностью и умением защитить права участников исследования.

Еще один вопрос, неразрывно связанный с открытым использованием данных и информации, в биомедицине (и не только) опирается на требование валидности данных, соответствия их принятым в науке критериям эффективности (качественности). Известный исследователь рассмотрения искусственного интеллекта и его применения в науке Сараччи обозначил идею о том, что для нужд современной науки (в частности, для сбора и обработки данных) необходимо ориентироваться не на три “V” (где *v* (volume) – размер данных, *v* (variety) – разнообразие данных, *v* (velocity) – скорость обработки и сбора данных). По мнению Сараччи, современным исследователям необходима еще одна “V” (validity) – валидность данных [6]. Валидность здесь предполагает максимальную унификацию и стандартизацию подходов и алгоритмов получения данных, постоянный анализ возможных источников искажений. Также валидность требует сбора критичных, важных данных, что определяется исследователями и экспертами в области решения поставленных задач. Хотя вопросы валидности данных прежде всего актуальны для ученых, предлагающих научные и практические выводы на основе анализа данных, однако следует помнить, что при отсутствии валидности сравнение и сопоставление данных как минимум некорректно, а конечный продукт не будет отвечать соображениям безопасности.

В биомедицинских исследованиях существует несколько примеров, когда ошибки, связанные с валидностью данных и их статистической обработкой системой искусственного интеллекта, привели к катастрофическим последствиям. Так, в мае 2018 г. цифровой помощник IBM Watson рекомендовал пациентам с онкологическими заболеваниями неправильные и угрожающие здоровью препараты. Проблема состояла в применении системой неправильных алгоритмов: вместо обработки данных пациентов и синтезе на этой основе новых идей лечения Watson использовал гипотетические данные. Предложения Watson основывались на предпочтениях нескольких врачей, предоставивших данные для разработки системы, а не на реальных выводах, полученных в результате анализа большого количества клинических случаев.

Наряду с валидностью современная открытая наука выдвигает целый ряд требований к

данным, совокупность которых определяется понятием целостности данных (data integrity). Первоначально требование целостности данных было разработано в рамках фармацевтической науки, но в контексте парадигмы открытой науки такие характеристики актуальны и для более широкого научного контекста. Совокупность требований к данным определяется в мировой практике аббревиатурой ALCOA. Расшифровка аббревиатуры включает набор понятий, характеризующих эффективные данные:

- соотносимые (attributable) – требуют наличия возможности идентифицировать человека, представившего данные;
- читаемые (legible) – необходимость понятных записей данных, обеспечение их резервного копирования и архивирования;
- своевременные (contemporaneous) – данные должны быть своевременны и точно зарегистрированы;
- оригинальные (original) – данные должны включать первичную или исходную информацию и все последующие этапы информации, необходимые для реконструкции действий;
- точные (accurate) – валидность данных (о которой автор уже писал выше);
- полные (complete) – сформированные без пробелов, исключений;
- постоянные (consistent) – требующие последовательного сохранения с учетом графики и логики процесса (явления);
- долговечные (enduring) – характеристика, объясняющая наличие возможности копирования, резервирования данных и их защищенности от утраты;
- доступные (available) – предполагается обеспечение доступа к данным, включая возможность их совместного использования.

Важно отметить, что соблюдение предложенных требований актуально как для биомедицинского знания, так и для создания любых баз данных, информационных хранилищ, вне зависимости от направленности знания.

При анализе требований открытой науки целесообразно также кратко остановиться на необходимости распространения научного знания в обществе и обязательности экспертизы научных проектов в этических структурах.

Распространение данных исследований, их широкое освещение в средствах современной массовой информации, включая социальные сети, – знаковый запрос времени. Общество действительно стремится получать научную информацию, особенно в части информирования о тех идеях и результатах, которые реально могут повлиять на улучшение качества жизни человека. Прежде всего, автор имеет в виду биомедицинские исследования, грамотное, научно-попу-

лярное представление идей которых значительно снизило бы стремление к паранаучному знанию (которое во многом процветает в связи с нехваткой истинно научной информации) и ориентировало бы людей на правильные паттерны поведения, совершенствование своего образа жизни и т. д. В рамках интервьюирования пациентов и участников биомедицинских исследований в 2022 г., посвященных туберкулезу, «рефреном» звучала мысль респондентов о том, что они хотели бы получать объективную информацию о своем заболевании, но «их никто не ставит в известность», «не считают необходимым с ними советоваться и разговаривать», «врачи не считают нужным оповещать о полученных результатах исследования».

По мнению автора, решению вопроса способствовал бы междисциплинарный диалог представителей разных научных направлений с включением в дискуссию специалистов в сфере этики, методологии науки, психологии, экологии и других для совместного обсуждения необходимости структуры, легитимности научных и (или) этических комитетов, осуществляющих экспертизу научных проектов.

Для биомедицинских научных исследований экспертиза исследований осуществляется независимыми этическими комитетами (далее – НЭК), цель которых – защита прав испытуемых и контроль соблюдения принципов современной исследовательской этики. Для становления парадигмы открытой науки НЭКам целесообразно:

- инициировать рассмотрение предложенной проблемы, цели, дизайна, методов исследования в сообществах пациентов путем организации исследовательской группой (исследователем) открытых дискуссий среди заинтересованных членов сообщества;
- приглашать представителей заинтересованных сторон (врачей, руководителей соответствующих медицинских учреждений, социальных работников, представителей организаций пациентов и др.) в качестве экспертов на заседания НЭК для обсуждения заявок на исследование;
- планировать и организовывать широкое обсуждение предлагаемых исследований (по согласованию с исследовательским коллективом) с представителями соответствующих сообществ пациентов, правозащитных организаций, представителей общественных организаций и других, особенно если мы имеем дело с исследованиями, посвященными общественно опасным заболеваниям (туберкулез, СПИД, наркомания и пр.).

Безусловно, существующие в рамках биомедицинского знания этические комитеты должны

быть в обязательном порядке экстраполированы и на другие сферы научного знания, первоочередно – в сферы гуманитарного знания, а также экологии, биологии, разработки ИИ-технологий, где непосредственно затрагиваются интересы человека, общества и природы.

Выводы. Анализируя становление парадигмы открытой науки, важно констатировать ее значимость, своевременность и актуальность как для научного мира, так и для общества в целом. При этом выборочное соблюдение некоторых характеристик открытой науки (например, свободного доступа к публикациям) сегодня не является достаточным условием для реализации этого подхода на уровне государственной политики развития науки и общества.

Для становления парадигмы открытой науки в социуме необходимо:

- определить политику открытой науки в стране, стимулировать приверженность ученых этому подходу посредством образования, поощрения участия разных групп общества в научных проектах, создания и регистрации открытых исследовательских баз данных, продвижения мероприятий по популяризации науки и т. д.;

- организовать просвещение общества, в том числе ученых, в вопросах становления открытой науки;

- активно формировать межгосударственное взаимодействие в сфере открытой науки, поощрять создание соответствующих межгосударственных платформ, проектов, комитетов и т. д.;

- привлекать в соответствии с принципами открытой науки наряду с исследователями и учеными к научным проектам спонсоров, специалистов (например, врачей в сфере био-

медицины, представителей сообществ (например, пациентских), государственных деятелей и всех заинтересованных, чей авторитет в обществе позволяет развивать подходы открытой науки;

- осуществлять обязательную подготовку и обучение молодых ученых принципам работы на базе парадигмы открытой науки, стимулировать соответствующие их просвещение и образование;

- определить роль этических комитетов в продвижении идей открытой науки в ходе экспертизы научных исследований, в том числе создавать соответствующие комитеты и комиссии, работающие по вопросам этики исследований и проблем открытой науки в разных областях знания;

- этическим комитетам (или другим структурам, осуществляющим экспертизу научных проектов) в соответствии с рекомендациями, выказанными выше, при изучении, одобрении научных проектов необходимо руководствоваться парадигмой открытой науки, внимательно изучать вопросы использования искусственного интеллекта в исследованиях, акцентировать вопросы защиты прав человека и природы.

Одним словом, становление парадигмы открытой науки сегодня требует значительных усилий в сфере просвещения, развития соответствующей политики научных организаций, становления развитой системы этических исследовательских комитетов. Новая парадигма развития науки позволит осуществить тесное заинтересованное взаимодействие между наукой и социумом в целом, предложить новые стимулы и ценности современного научного знания.

Список литературы

1. Tennant J., Beamer J. Foundations for Open Scholarship Strategy Development / J. Tennant [et al.] // MetaArXiv. URL: <http://doi.org/10.31222/osf.io/b4v8p>. S2CID 159417649 (accessed 14.08.2020). DOI: 10.31222/osf.io/b4v8p. S2CID 159417649.
2. Рекомендации ЮНЕСКО по открытой науке. 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374837_rus (дата обращения: 01.02.2023).
3. Голобородько Н. В., Сокольчик В. Н., Александров А. А. Рекомендации по получению информированного согласия на участие в научном исследовании. Минск: БелМАПО, 2020. 36 с.
4. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты / Е. В. Брызгалина [и др.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 232 с.
5. Добровольное информированное согласие / науч. ред. А. Г. Чучалин, Е. Г. Гребенщикова. М.: Вече, 2022. 288 с.
6. Saracci R. Epidemiology in wonderland: Big Data and precision medicine // Eur J Epidemiol. 2018. No. 33 (3). P. 245–257. DOI: 10.1007/s10654-018-0385-9.

References

1. Tennant J., Beamer J., Bosman K., Brembs B., Chung NC., Clement G., Crick T., Dugan J., Dunning A., Eccles D., Enkhbaya A., Graziotin D., Harding R., Havemann J., Katz D., Khanal K., Norgaard J., Kjaer T., Koder P., Macklin C., Madan P., Masuzzo L., Matthias K., Mayer K. D., Nichols E., Papadopoulou T., Pasquier T., Ross-Hellauer M., Schulte-Mecklenbeck D., Sholler T., Steiner P., Szczesny A., Turner A.

Foundations for Open Scholarship Strategy Development. *MetaArXiv*. Available at: <https://doi:10.31222/osf.io/b4v8p>. S2CID 159417649 (accessed 14.08.2020).

2. UNESCO Recommendations on Open Science. 2021. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374837_rus (accessed 01.02. 2023) (In Russian).

3. Goloborod'ko N. V., Sokol'chik V. N., Aleksandrov A. A. *Rekomendatsii po polucheniyu informirovannogo soglasiya na uchastiye v nauchnom issledovanii* [Guidelines for obtaining informed consent for scientific research]. Minsk, BelMAPO Publ., 2020. 36 p. (In Russian).

4. Bryzgalina E. V. [et.al.]. *Biobanking: sotsial'no-gumanitarnyye aspekty* [Biobanking: socio-humanitarian aspects]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2018. 232 p. (In Russian).

5. *Dobrovol'noye informirovannoye soglasiye* [Voluntary informed consent]. Ed. by: A. G. Chuchalin, E. G. Grebenshchikova. Moscow, Veche Publ., 2022, 288 p. (In Russian).

6. Saracci R. Epidemiology in wonderland: Big Data and precision medicine. *Eur J Epidemiol*, 2018, no. 33, pp. 245–257. DOI:10.1007/s10654-018-0385-9.

Информация об авторе

Сокольчик Валерия Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Белорусская медицинская академия последипломного образования; докторант. Институт философии НАН Беларуси (220019, г. Минск, ул. П. Бровки, 3, корп. 3, Республика Беларусь). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Information about the author

Sokolchik Valerya Nikolaevna – Phd (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, Department of Public Health and Healthcare of the Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education; Post-doctoral Student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (3/3, P. Brovki str., 220019, Republic of Belarus). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Поступила 02.02.2023

УДК 1(091)+378

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ
В КОНЦЕПЦИЯХ Ф. Р. АНКЕРСМИТА И А. АССМАН**

В статье осуществлена историко-философская реконструкция концепций исторической памяти Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман. Историческая память определяется как социальная, она присуща определенной социальной общности и функционирует в определенных социальных рамках, организуя повседневный опыт индивидов. Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступающим основой для создания ценностей и смыслов и их транслятором будущим поколениям. Историческая память задает единый пространственно-временной континуум социального бытия как индивида, так и социальной группы, оказывая влияние на развитие человека и общества. В статье аргументируется идея о диалектической природе исторической памяти, ее динамичном осуществлении между двумя полюсами: памятование и забвение. Показывается как деструктивная, так и конструктивная роль забвения в процессе конструирования исторической памяти. Позитивность забвения проявляется в том, что оно, с одной стороны, является фильтром памяти, а с другой, маркером того события, о забвении которого всегда необходимо помнить. Общий вывод статьи заключается в том, что историческая память – это результат социального конструирования. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения – это творческий процесс, открывающий для человека возможность быть причастным к истории своего народа.

Ключевые слова: историческая память, коммуникативная память, коллективная память, забвение, диалектика, возвышенный исторический опыт, травма.

Для цитирования: Сидоренко И. Н. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 170–175. DOI:10.52065/2520-6885-2023-269-1-31.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**THE DIALECTICAL RELATIONSHIP OF HISTORICAL MEMORY AND OBLIVION
IN THE CONCEPTS OF F. R. ANKERSMIT AND A. ASSMANN**

The author of this article performed historical and philosophical reconstruction of the concepts of historical memory by F. R. Ankersmit and A. Assmann. This allowed us to define historical memory as social, to show that it is inherent in a certain social community and functions within certain social frameworks, organizing the everyday experience of individuals. Historical memory is the most important element of culture, serving as the basis for the creation of values and meanings and their transmission to future generations. Historical memory sets up a unified space-time continuum of social being of an individual as well as of a social group, influencing the development of a person and society. The author of this article argues the idea of dialectical nature of historical memory, its dynamic implementation between two poles: remembering and oblivion. The article reveals both destructive and constructive role of forgetting in the construction of historical memory. The positivity of oblivion is manifested in the fact that it, on the one hand, is a filter of memory, and on the other hand, a marker of the event, the oblivion of which is always to be remembered. The overall conclusion of the article is that historical memory is the result of social construction. The dialectical relationship between historical memory and oblivion is a creative process that opens up the possibility for individuals to be involved in the history of their people.

Keywords: historical memory, communicative memory, collective memory, oblivion, dialectic, sublime historical experience, trauma.

For citation: Sidorenko I. N. The dialectical relationship of historical memory and oblivion in the concepts of F. R. Ankersmit and A. Assman. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023*, no. 1 (269), pp. 170–175 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-31.

Введение. Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступающим основой для создания ценностей, смыслов

и их транслятором будущим поколениям. Она не представляет собой нечто неизменное и застывшее, напротив, она динамична, т. е. обладает

диалектической природой. Для раскрытия диалектической природы исторической памяти целесообразно обратиться к концепции голландского философа Франклина Рудольфа Анкерсмита и концепции немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором только и возможно осуществление меморативных актов. Соответственно, память и история не находятся в оппозиции друг к другу, напротив, воспоминания осуществляются в пространстве напряжения между двумя полюсами: субъективным опытом и культурной коммеморацией. Такое напряжение проявляется на трех уровнях исторической памяти: коммуникативной, коллективной и культурной. При этом важно отметить, что вне социального взаимодействия, в социальном вакууме одинокий человек не может обладать памятью, так как воспоминания проявляются и оформляются только в процессе коммуникации с другими людьми; т. е. память связана с языком и вне языка ее нет, что не отрицает возможность невербальных воспоминаний.

Основная часть. Голландский философ Ф. Р. Анкерсмит анализирует историческую память сквозь призму концепта «исторический опыт». В работе «Возвышенный исторический опыт» исследователь предложил отказаться от помощи языка как инструмента-проводника по лабиринту культуры и истории и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого, без которого невозможна история и историческая память [1]. В данном случае язык предстает как жесткая детерминирующая система, претендующая как на конструирование исторической реальности, так и ориентирующая на бесплодный поиск «прошлого самого по себе». Проблема заключается не столько в проблематичности ее окончательного решения, сколько в том, что такое девственное прошлое выступает как отчужденная от человека реальность, вызывающая ужас своей сверх- или внечеловеческой природой и открывающая человеку его бесперспективность в смерти. Перед таким ужасом истории, как встречи со смертью, человек оказывается по ту сторону языка, в состоянии онемения. Для Ф. Р. Анкерсмита истина в такой оценке языка и истории заключается в том, что «мы перестаем говорить, только когда умираем; когда нечего больше сказать, мы мертвы» [1, с. 6]. Именно поэтому голландский философ настаивает на возвращении в историю как науку и как нарратив исторического опыта. Только благодаря этому опыту история раскрывается как мир травмы и возвышенного, как нечто, что доступно восприятию, переживанию, а значит, пониманию, запоминанию и рассказу.

Основным тезисом Ф. Р. Анкерсмита стала мысль о том, что «наше отношение к прошлому определяется через боль и утрату» [1, с. 4]. В этом контексте значимыми оказываются две темы: проблема исторической истины и историческая репрезентация, анализ которых осуществляется через измерение исторического сознания и исторического понимания. В целом данная проблематика сводится у Ф. Р. Анкерсмита к вопросу о том, что означает для человека обладание историческим сознанием, или, другими словами, что человека заставляет осознавать прошлое. Благодаря концепту «возвышенный исторический опыт» голландский мыслитель попытался ответить на этот вопрос и показать, как и почему человек оказывается захваченным коллективным прошлым. Именно возвышенный исторический опыт конституирует прошлое как «неотвратимую» реальность и выступает инструментом для его осознания. Соответственно, посредством опыта прошлое становится частью нас самих, частью нашей телесности; в таком случае забвение прошлого правомерно определить как «интеллектуальную ампутацию». Получается, историческая память – это выражение нашей целостности.

Ф. Р. Анкерсмит провел различие между тремя типами исторического опыта: 1) объективный исторический опыт, под которым подразумевается представление людей прошлого (как объекта исторического исследования) о своем мире; 2) субъективный исторический опыт как «непосредственное соприкосновение не только с прошлым в его квазиоуменальном виде, но еще и с аурой утраченного мира» [1, с. 368]; 3) возвышенный исторический опыт как опыт обособления прошлого от настоящего, в котором только и возможно для прошлого обретения бытия. Человек ощущает себя частью того, что описывает, т. е. ощущает разлад между настоящим и прошлым и испытывает отчаяние, вызванное утратой привычного мира. Такой опыт отчаяния становится движущей силой для написания истории и ее объективации в историческую память. Приведем слова Ф. Р. Анкерсмита, раскрывающие суть возвышенного исторического опыта: «Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира. Тогда его сознание оказывается сценической драмой, на которой разыгрывается драма мировой истории. Тогда судьба цивилизации находит отклик в его уме...» [1, с. 368].

Целесообразно отметить, что четких границ между этими типами опыта нет, более того, возвышенный исторический опыт, сочетающий в себе два первых типа, является их своеобразным сплавом. Возвышенный исторический опыт –

это направленность на понимание, выражающаяся в ощущении настроения времени в акте «прислушивания» к нему, это резонанс с прошлым. В случае исторического опыта субъект и объект растворяются в самом опыте, и то, что оказывается за пределами этого опыта, для историка уже не существует и не имеет смысла. «Исторический опыт – это не возвращение к изначальной невинности, к состоянию, предшествовавшему историческому письму как такому; напротив, его следует расположить после или за пределами исторического письма. Возвышенное выходит на подмостки лишь тогда, когда все уже сказано и сделано; оно не имеет отношения к истокам, основаниям, первопричинам и т. д. Это знак завершения, достижения конца» [1, с. 384]. Ф. Р. Анкерсмит сравнивает возвышенный исторический опыт с открытием, который неожиданно обрушивается на нас. Такой опыт обладает «полнотой в себе», содержит в себе все смысловые источники и при этом свободен от контекста. Это чистое переживание прошлого и благодаря этому сопричастность прошлому – это высшая степень исторической интуиции. Чувства и настроения, согласно мысли Ф. Р. Анкерсмита, являются локусом исторического опыта. Возможно, поэтому мыслитель сравнивает историческое настроение с музыкой, а переживанием прошлого с переживанием произведения искусства.

Интересной в контексте проблематики исторического опыта и исторической памяти трактовка сути и роли забвения у Ф. Р. Анкерсмита. «Тот, кто требует от себя забыть, признается, что помнит» [1, с. 433]. Даже когда человек в отношении к своему прошлому пытается дистанцироваться от него или отделить часть исторического опыта от коллективной исторической идентичности, он вынужден помнить, удерживать в сознании то, что он забывает. Парадокс забвения заключается в том, что, стремясь забыть, человек оказывается тем, кем он уже больше не является, т. е. его идентичность конституируется отказом от прежней идентичности. Ф. Р. Анкерсмит высказал точку зрения о том, что наша идентичность находится в прошлом, она исторична и формируется как историческим опытом, так и забвением. Для того чтобы постичь чью-то коллективную идентичность, необходимо написать историю этой группы. Ссылаясь на идеи Ф. Ницше о забвении, суть которых кратко можно изложить следующим образом: забвение является условием успешного действия, знание же о прошлом парализует любое действие, приводит к пресыщению истории и невосполнимой потере коллективной идентичности [2], Ф. Р. Анкерсмит расширил понимание функциональной природы забвения.

Голландский мыслитель классифицировал четыре типа забвения: 1) забвение истории повседневности; 2) непреднамеренное забвение, предмет и смысл которого возможно раскрыть через психологический сдвиг: увидеть то, что ранее не замечалось, т. е. осуществить нечто наподобие психоанализа по отношению к историческому опыту и исторической памяти; 3) преднамеренное забвение прошлого, память о котором слишком болезненна. Результатом такого забвения становится вытеснение, диалектическая сущность которого заключается в том, что одновременно происходит как забвение, так и сохранение в памяти травматического опыта, так как невозможно забыть то, что требуется забыть. Перевод травматического опыта в область бессознательного приведет к его забыванию, но вместе с тем он сохраняется как память о том, что следует забыть; 4) забвение как отказ от прежнего мира, т. е. мира, который потерян для нас навсегда. Такой тип забвения является условием обретения новой идентичности. Если с помощью третьего типа забвения от травмы можно избавиться, хотя бы на время, то четвертый тип забвения сохраняет травму, напоминая о чудовищной и невосполнимой потере прошлого мира. Травма подобного рода будет с нами всегда как основание нашей новой идентичности: я уже не тот, кем был раньше, и этот новый мир непереносим для меня из-за утраты прежнего бытия. Другими словами, я не есть, но я знаю, кем был. Такое забвение как конструктивный элемент памяти о травме является началом конституирования новой идентичности и коллективной памяти. Память начинается с забвения, вызванного «болью Прометея». В таком забвении прошлое из объекта «желания быть» трансформируется в объект «желания знать», именно так рождается история, стремящаяся преодолеть разрыв между бытием и знанием. «Прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас» [1, с. 444]. Таким образом, историческая память – это пространство исторического повествования, репрезентации, прерывающееся разрывами-забвениями – травмами, выступающими точками отсчета для нового самоописания, в котором «боль Прометея» становится морским узлом, привязывающим нас к прошлому.

Историческая память не статична, а динамична. Для раскрытия ее динамичной природы обратимся к концепции немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором только и возможно осуществление меморативных актов. «Коммуникативная память возникает в определенном социальном

окружении, в непосредственной пространственной близости, благодаря регулярной интерактивности, общему образу жизни и совместному опыту. Личные воспоминания существуют не только в определенном социальном окружении, но и внутри специфического горизонта времени. Этот временной горизонт задается сменой поколений, которая происходит с периодом около сорока лет, заметно изменяя мемориальный характер общества» [3, с. 217]. Такой горизонт поколенческой памяти, включающий не только три поколения и сложную систему коммуникаций, сводит многообразные и фрагментарные, подчас противоречивые индивидуальные воспоминания в целостность коллективного опыта. Поколенческая память осуществима и действительна только в границах понимания, обусловленных темпоральной природой переживаний. Например, смена поколений превращает насыщенное опытом «настоящее прошлого» поколения участников войны не в «чистое прошлое», а в «настоящее прошлое» следующих поколений, опосредованное уже не биографическим опытом, а знанием и ценностными установками, т. е. прошлое не просто актуализируется в настоящем, а становится реальностью сегодняшнего дня [3, с. 222].

Коллективная память – это транспоколенческая, социальная, долговременная память общества. Память и коллектив взаимно обуславливают друг друга. «Коллективная память – это политическая память... она управляется извне и характеризуется сильной гомогенезацией» [3, с. 223]. Картография этого типа памяти более сложная, чем коммуникативной: она представляет собой пространство напряженности между позициями «победители и побежденные», «жертвы и преступники». Коллективная память функционально двойственна: с одной стороны, она выступает цементирующими основами нации, с другой стороны, она взрывоопасна, так как придает историческому воспоминанию «прочность идеологического фундамента», который при смене политических элит может превратиться в пространство насилия (например, современные «мемориальные войны»). Вместе с тем, помнят историю и побежденные, проигравшие, лишённые права ее озвучить, но транслирующие ее посредством символических образов. При ломке политического строя, социальной трансформации противостояние памяти победителей и побежденных опасно развязыванием нового конфликта, к сожалению, подчас не только в пространстве «точек памяти», но и на поле боя. В отличие от памяти побежденного, память жертвы необязательно сопровождается ненавистью и жадой реванша. Ее конститутивным ядром выступает коллективная травма,

память о которой является основанием коллективной идентичности. Напротив, память преступника, хотя и связана с сильнейшим эмоциональным аффектом, конституируется желанием забыть: «насколько просто помнить о чужой вине, настолько же трудно сохранять память о вине собственной» [3, с. 227]. Получается, что необходимо помнить всегда о том, что нечто следует забыть.

Метатеоретическим уровнем коммуникативной и коллективной памяти выступает, согласно мысли А. Ассман, культурная память. Ее содержанием является весь комплекс наследия символических форм. В форме институтов, посредством которых культурная память сохраняет и транслирует символические формы, выступают система образования и науки, медиасистема и методы интерпретации. Носителями культурной памяти выступают такие артефакты, как тексты, картины, скульптуры, памятники, праздники, ритуалы, обычаи. Все это составляет культурное наследие, которое нуждается в постоянной интерпретации и обновлении и подлежит освоению посредством обучения. Главным специфическим отличием культурной памяти от двух рассмотренных выше типов является ее способность обеспечивать устойчивость совместного опыта и воли, что, в свою очередь, позволяет всем членам общества осуществлять коммуникацию в долгосрочной исторической перспективе. Таким образом, культурная память исторична, она не только связывает поколения и включает в процесс коммуникации с прошлым, она делает сообщество историчным, творящим настоящее и будущее из прошлого. Даже если значимые артефакты культурной памяти разрушаются (например, разрушение Пальмиры и т. п.), то сам акт разрушения и зафиксированный образ разрушенного становятся конститутивными элементами памяти, зафиксированными в ней как след посредством той боли, какое принесло само разрушение. Отзвук боли от утраты предстает как символическая форма наследия, которое вызывает не только к сохранению, но и трансляции последующим поколениям. «В памяти остается лишь то, что не перестает причинять боль» [3, с. 110].

Исходя из концепции исторической памяти А. Ассман, правомерно сделать вывод о диалектичности памяти, ее осуществлении в пространстве скрещивания памятования и забвения [4]: память – забвение – память. Справедливы слова Джорджа Сантяны о том, что «кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь» [3, с. 32]. С другой стороны, как писал Эрнест Ренан, то, что члены общества вместе забывают или хотят забыть, служит основой национальной идентичности [5, с. 25]. Анализируя приведенные немецкой исследовательницей различные типы забвения и

их техники [3, с. 14–20], обратим внимание на динамику исторической памяти между каноном и архивом. Например, «сберегающее забвение» является условием вхождения в архив в отличие от канона как функциональной памяти общества, который осваивается каждым поколением заново. Архив содержит следы и реликты прошлого, не являющиеся содержанием активной исторической памяти. Задача сберегающего забвения как основы архива – «обеспечить предпосылки для того, чтобы в будущем говорили о настоящем, когда настоящее само сделается прошлым» [3, с. 35]. Другими словами, это своеобразный «зал ожидания истории».

Другой пример связан с «селективным забвением», которое является для памяти фильтром, отбирающим только то, что обладает значимостью для идентичности и памятования. Такая функция забвения, с точки зрения А. Ассман, значима для экономики памяти и ее селективных критериев. Ссылаясь на идеи Ф. Ницше об истории и памяти, немецкая исследовательница подметила и другую особенность селективного забвения, связанную с моральными аспектами: «когда необходимо сохранить собственное лицо, на помощь гордости приходит забвение» [3, с. 41]. Такой тип забвения позволяет человеку надеяться на прощение, что открывает возможность для активной социальной деятельности. Существование селективного забвения свидетельствует о том, что только то, что помещено в определенные рамки, получает социальное признание и фиксируется в памяти. «Пока для истории и событий нет рамок памяти, они остаются неслышанными. Им не уделяют внимания и не придают значения, поэтому они исчезают незамеченными и не вызвавшими интереса. <...> Только через изменение рамок памяти общество может воспринять отторгавшееся раньше воспоминание» [3, с. 43]. В таком контексте историческая память и рамки памяти оказываются важны для осуществления мемориальной политики.

А. Ассман особое внимание уделяет карающему и репрессивному забвению, осуществляющемуся путем символического уничтожения противника, подвергнутого опале [3, с. 44]. Такое забвение тождественно стиранию имени человека, уничтожению его как личности, поэтому оно может быть расценено как тяжелейшее наказание. В то же время такое забвение парадоксально в том плане, что оно вызывает повышенный интерес к человеку, который должен быть вычеркнут из памяти. Для того чтобы продемонстрировать специфику перформативного противоречия этого типа забвения, А. Ассман ссылается на роман Дж. Оруэлла «1984», в котором показано, как посредством репрессивного, деструктивного забвения совершается фальсификация истории ради того, чтобы легитимировать и упрочить власть.

Цель такого забвения – остановить историю, упрочить власть настоящего как монументальности вечного, показать безвременность политической власти. Для достижения этой цели репрессивное забвение реализуется через переписывание истории, уничтожение памятников, подмену понятий, различного рода фальсификации. В начале XXI в. все так же значимы и действенны слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [6].

Репрессивное забвение правомерно отождествить со структурным насилием. Сходство между ними заключается в том, они подразумевают скрытые формы цензуры, работающие через ограничение доступа к общественным и культурным ресурсам, т. е. создают ситуацию, при которой одни голоса слышны и поэтому имеют возможность быть вписанными в историю, а другие нет. В отличие от репрессивного, «конструктивное забвение» имеет своей целью придать человеку сил и мужества снова противостоять негативным обстоятельствам несмотря на разочарование или отчаяние. Такой тип забвения направлен на преодоление страданий и утрат и «является основой для интеллектуальных инноваций, для изменения идентичности и для новых политических начинаний» [3, с. 52]. Созвучным конструктивному является и «терапевтическое забвение», дающее возможность оставить бремя прошлого позади с помощью покаяния и признания вины и двигаться дальше.

Заключение. В качестве заключительного вывода отметим, что представленные подходы к определению и раскрытию сущности диалектической исторической памяти в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман, несмотря на наличие концептуальных различий, схожи в том, что определяют этот тип памяти как результат социального конструирования, который в большей степени подобен процессу культурно-исторического творчества, а также является результатом как личностного, так и группового принятия «живого» прошлого, а не его застывшего образа в акте решительного принятия судьбы своего народа как собственной жизненной проекции. Историческая память действительна только в диалектической связке с забвением (как единство и борьба противоположностей). Забвение не позволяет памяти превратиться в монументальную неизменность, а память наделяет забвение творческим импульсом: стремлением не забыть то, что забывается. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения – это творческий процесс, открывающий для человека возможность быть причастным к традициям и судьбе своего народа.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.
2. Сидоренко И. Н. Историческая память как объект насилия // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сб. ст. Междунар. науч. конф. / под ред. В. Б. Устьянцева [и др.]. Липецк; Тамбов, 2014. С. 31–41.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
5. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений: в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.
6. Оруэлл Дж. 1984: роман; Скотный двор: сказка-аллегория. М.: АСТ, 2013. 349 с.

References

1. Ankersmit F. R. *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [The Sublime Historical Experience]. Moscow, Yeuropa Publ., 2007. 612 p. (In Russian).
2. Sidorenko I. N. Historical memory as an object of violence. *Transformatsiya istoricheskogo soznaniya molodezhi v obshchestve riska: sb. st. Mezhdunar. nauch. konf.* [Transformation of historical consciousness of young people in the risk society: collection of articles of the international scientific conference]. Ed. by V. Ust'yantsev [et al.]. Lipetsk; Tambov, 2014, pp. 31–41 (In Russian).
3. Assman A. *Zabveniye istorii – oderzhimost' istoriyey* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2019. 552 p. (In Russian).
4. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 328 p. (In Russian).
5. Renan E. *Chto takoye natsiya? Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [What is a nation? Collected Works: in 12 vol.]. Kyiv, 1902, vol. 6, pp. 87–101 (In Russian).
6. Orwell J. *1984: roman; Skotnyy dvor: skazka-allegoriya* [1984: novel; Animal Yard: tale-allegory]. Moscow, AST Publ., 2013. 349 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – DSc (Philosophy), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Поступила 23.02.2023

УДК 1(091)+141.32+273.1

Я. А. Коховец

Белорусский государственный университет

СМЫСЛОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКИ С. КЬЕРКЕГОРА И ГНОСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВАЛЕНТИНА

В статье осуществлена историко-философская реконструкция и компаративный анализ гностической антропологии Валентина и экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора. В результате проведенного компаративного анализа выявлены смысловые параллели между гностической антропологией и экзистенциальной диалектикой, позволившие раскрыть экзистенциальные мотивы в гностицизме и гностические основания экзистенциализма С. Кьеркегора. Статья посвящена осмыслению проблемы антропологического кризиса и поиску решения вопроса о перспективах выживания человечества в современном мире. Исходя из поставленной цели обоснован методологический потенциал гностической и экзистенциальной диалектики в решении вопроса о выборе и самоосуществлении человека перед лицом современного антропологического кризиса. Обосновывается возможность их использования как методологических приемов для осуществления саморазвития современного человека, осуществления им самоопределения перед лицом экзистенциально-антропологических вызовов.

Ключевые слова: гностицизм, экзистенциализм, диалектика, антропология, процессуальность, бытие, выбор.

Для цитирования: Коховец Я. А. Смысловые параллели экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора и гностической антропологии Валентина // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (69). С. 176–180. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-32.

Ya. A. Kakhavets

Belarusian State University

SEMANTIC PARALLELS OF S. KIERKEGAARD'S EXISTENTIAL DIALECTICS AND VALENTIN'S Gnostic ANTHROPOLOGY

The article presents a historical and philosophical reconstruction and comparative analysis of the Gnostic anthropology of Valentin and the existential dialectic of S. Kierkegaard. As a result of the comparative analysis, semantic parallels between Gnostic anthropology and existential dialectics were revealed, which allowed us to reveal the existential motives in Gnosticism and the gnostic foundations of S. Kierkegaard's existentialism. The article is devoted to the understanding of the problem of the anthropological crisis and the search for a solution to the question of the prospects for the survival of humankind in the modern world. Based on this goal, the methodological potential of gnostic and existential dialectics in solving the issue of human choice and self-realization in the face of modern challenges and anthropological crisis was substantiated. The possibility of their use as methodological techniques for the self-development of modern man, the implementation of self-determination in the face of existential and anthropological challenges is substantiated.

Keywords: gnosticism, existentialism, dialectic, anthropology, processality, being, choice.

For citation: Kakhavets Ya. A. Semantic parallels of S. Kierkegaard's existential dialectics and Valentin's gnostic anthropology. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 1 (269)*, pp. 176–180 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-32.

Введение. Жизнь представляет собой творческий процесс постоянного изменения, разрушения и созидания человеком окружающего мира. Однако современный человек ищет наполнения извне, ищет того, что может стать его собственным содержанием, но в условиях рыночных отношений он, как покупатель, не несет ответственности за товар. Самосозидание замещается следованием за брошюрными инструкциями или же вовсе подражанием говорящей голове с голубого

экрана. Форма превалирует над содержанием, гармония рушится. Антропологический кризис все явственнее предстает как тотальная угроза, ставящая под вопрос выживание человечества.

В свое время античные гностики, а позднее датский теолог и философ Сёрен Кьеркегор попытались осмыслить суть экзистенциальной проблемы и возможность выхода из нее. Каждый мнит себя судьей другому, гностицизм же, как и экзистенциализм, предлагает в первую

очередь обратиться к неповторимому опыту бытия человека.

Основная часть. Учение Валентина (100–160 г. н. э.) стало вершиной, кульминацией сирийско-египетской гностической мысли. В его учении представлена квинтэссенция гностической антропологии, в которой сформулированы следующие антропологические элементы: негативная оценка телесности (как и всей материальности), заключающаяся в том, что тело есть тюрьма души; онтологическое принижение души по отношению к духу, душа не является самосущей, она находится в состоянии становления; идентичность человеческого духа божественному бытию, а значит, и возможность человеческого обожения; осознание своей духовной сущности является залогом спасения, не реализуемого в этом мире; антропологический дуализм природы человека (Плоть/Дух) естественный для западного типа мысли; наличие учения о духовном пробуждении; примат личного откровения перед книжным, неповторимость экзистенциального опыта.

Учение Валентина получило развитие у его учеников – валентиниан. Обратимся к словам современного Белорусского религиоведа Данилова А. В.: «Согласно валентинианам, человек сотворен демоническими силами как дефицитарное существо и затем еще подпорчен другими духами. Однако Бог наделил его духовными способностями к богопознанию и созерцанию божественного мира: ему “ниспослано семя высшей природы”, гарантирующее ему качество свободы и творчества...» [1, с. 27].

Антропология Валентина схожа со многими гностическими системами (такими, как система Василида, севиан, офитов), в которых представлена трехчастная природа человека. Валентин классифицирует людей на три категории:

1) Духовные/Пневматики – максимально близки к богу и имеют возможность истинного знания и богообщения, соответственно, обладают гарантированным спасением. Данные возможности обусловлены присутствием в их устройении духа как частицы божественного заточенного в материальном теле.

2) Душевные/Психики – представлены людьми, внутри которых есть потенция, но она требует актуализации. Они находятся дальше от Бога и спасение среди них нестабильно. Дело заключается в том, что наличие или отсутствие в человеке духа возможно к распознаванию только опытным путем через приятие им гностического учения, когда воспринявший автоматически получает откровение духа. Если же человек находится в состоянии духовного поиска, если он небезразличен к слову истины и

ставит перед собой этическое вопреки эстетическому, то он скорее будет отнесен к разряду людей душевных.

3) Материальные/соматики – гарантированно неспасенные люди, чья жизнь состоит лишь в удовлетворении своих потребностей и страстей. Такого человека не интересуют вопросы спасения, морали и нравственности. Можно сказать, что на данном этапе соматик не является в полном смысле личностью, которую представляет собой психик, являясь скорее оболочкой, лишенной содержания. При этом стоит заметить, что душевная субстанция так или иначе присутствует во всем, хотя бы и в зачаточном состоянии (как у соматика), ибо она мыслится как носитель сознания.

Только дух, согласно гностикам, есть образ Божий, но не человек в целом. Таким образом, в гностицизме мы находим трихотомическую антропологию – идеальный человек состоит из плоти, души и духа.

Человек является заброшенным в этот мир осколком божественного, отягощенным ризами материи. У него нет родины в этом мире, у него нет цели, и даже желания ему неподвластны. Он – лишь лист на ветру. Ветер судьбы полностью управляет человеком, готовый занести его по своему усмотрению. Единственное, что может человек – это вспомнить, откликнуться на персональный зов свыше. И только это воспоминание, дарованное ему, способно освободить и обещать возвращение домой, в горний мир. Именно носителем этого воспоминания и одновременно божественной сущности в человеке является дух. Правомерно полагать, что душа у гностиков мыслится источником разума и сознания человека.

Именно наличием или отсутствием этих трех элементов и характеризуется человек. При этом человеку разумному и душевному еще дается шанс на спасение. Не обладая частицей святости, он может достичь спасения путем отречения от страстей, изначально грешный, родившийся вновь в теле младенца, человек должен пройти путь праведности и добиться спасения через мучения. Человек же телесный, находится по своему состоянию ближе к собаке, чем к душевному человеку, не говоря уже о духовном сверхчеловеке, и уж точно не предназначен для горнего мира. Таким образом, Валентин использовал свое учение как инструмент, своеобразный компас, метод, посредством которого достигается спасение.

Считаем правомерным утверждать, что сходные валентиновской антропологии элементы можно усмотреть и в экзистенциальной философии: трехстадийность, потенция развития человека, возможность услышать зов и

встать на путь обожения, посредством уникальной экзистенциальной практики, которая может быть реализована как личный неповторимый никем акт. Датский философ-экзистенциалист Кьеркегор С. разработал собственную концепцию трех сущностных стадий человеческого бытия. Приведенные стадии не детерминированы ни пространством, ни временем, а представляют собой переход, осуществляемый посредством экзистенциального «скачка» (гностического перерождения), который полностью меняет отношение человека к окружающей его действительности, другим людям и к себе.

Первая – эстетическая стадия (Дон Жуан) представляет низшую ступень человеческого существования. Эстетик живет жизнью «дырявого сосуда», который для сохранения своего содержания требует постоянного наполнения. Образ жизни эстетика, ставящего во главу угла принцип наслаждения, направлен на искусственную «эстетизацию» внешней формы бытия, при этом он не формирует сущностного содержания и отношения «Я – мир». «Наслаждение эстетика всегда эксцентрично, так как его жизненный центр в периферии. Центр личности должен, между тем, находиться в ней самой, поэтому тот, кто не обрел самого себя всегда эксцентричен. Настроение этика, напротив, сконцентрировано в нем самом: он трудился и обрел самого себя...» [2, с. 313].

Беззаботная праздность жизни эстетика порождает его отчужденность от самого себя, он как бы находится на периферии отношений не только с миром, но еще и с самим собой, не обращаясь к собственному содержанию. Поворотом от центробежной к центростремительной силе в душе эстетика становится состояние меланхолии, порождающей отчаяние, которое оказывается поворотной точкой, приводящей человека к «сомнению бытием», выходом из которого является выбор подлинного «*posce te ipsum*», ответственности и самоактуализации. В отличие от концепции Валентина, зов, который слышит эстетик, звучит изнутри его самого, а не извне.

Вторая – этическая стадия (Дон Кихот) открывается человеку посредством волевого акта выбора, который выбрасывает человека из мира формирующих его случайностей и природного животного состояния, определенного стремлением к наслаждению, в мир ответственности и осознания своей значимости как человека. Акт выбора предполагает, что отныне человек определяет себя сам. При этом выбор является актом не рации, но воли, которая становится началом уже не индивида, а личности человека. «Выбор сделан, и человек обрел себя самого, овладел самим собою, то

есть стал свободной, сознательной личностью, которой и открывается абсолютное различие или познание – добра и зла» [2, с. 305]. Этот переход является истинным рождением человека как автономного от обстоятельств, свободного к принятию самого себя, свободного существа, пробуждающего при этом духовность. Пробуждение духа позволяет личности получить свободу посредством возможности к распознаванию добра и зла, как «или – или», превращенных из относительных категорий в абсолютные противоположности.

Целесообразно подчеркнуть, что истинное пробуждение возможно только в ситуации отчаяния: «В жизни каждого человека рано или поздно настает момент, когда непосредственность, так сказать, теряет свое главное жизненное значение, и дух стремится проявить себя в высшей форме сознательного бытия. Непосредственность, как цепь, привязывала человека ко всему земному, теперь же дух стремится уяснить себя самого и извлечь человеческую личность из этой зависимости, чтобы она могла сознать себя в своем вечном значении» [2, с. 238].

Таким образом, мы видим своеобразную ситуацию «вызова – ответа», характерную также и для гностического учения о человеке, в частности в ответе души на «Зов». Проблемой этика является то, что, пытаясь построить свою идентичность, он рискует упасть в состояние морализаторства, возомнить себя тем, кто в праве «первым бросить камень».

Третья – религиозная стадия характеризуется фигурой рыцаря веры Авраама. Суть ее в переориентации человека от негативной свободы отказа на позитивную свободу «для». Переход на религиозную стадию возможен только посредством экзистенциального прыжка-отречения. Если при переходе на этическую стадию человек совершает выбор в пользу созидания себя через общечеловеческое, вплоть до самоотречения, то для достижения религиозной стадии необходим отказ от этики рации в пользу абсурда веры и обратное принятие своей конечности в отношении Абсолюта. Переход на нее связан с тотальным экзистенциальным риском: человек теряет себя прежнего, не имея гарантий того, что он нечто приобретет и кем-то станет.

Важно отметить, что С. Кьеркегор классифицировал два типа религиозности: «неспособную» (формализованно-институциональную) и собственно-подлинную (субъективно переживаемую). Рыцарь Веры является единичным героем, который, в свою очередь, не может помочь другому Рыцарю, ведь вера начинается там, где прекращается мышление, и индивид встречается с экзистенциальным опытом. С. Кьеркегор подчеркнул, что Рыцарь Веры всегда свидетель

и никогда не учитель, ибо опыт переживания Рыцаря невозможно передать. С. Кьеркегор писал: «Тот, кто стремится быть только свидетелем, признает тем самым, что ни один человек, даже самый незначительный, не нуждается в сочувствии другого человека и не должен быть унижен этим сочувствием, чтобы другой мог на этом возвыситься. Но поскольку то, что он завоевал сам, отнюдь не досталось ему дешево, он и не спешит предлагать это по дешевке; он не настолько жалок, чтобы принимать восхищение людей, платя им за это молчаливым презрением; он знает, что все поистине великое одинаково доступно всем» [3, с. 61].

Экзистенциальная диалектика С. Кьеркегора противостоит диалектике Г. В. Ф. Гегеля, так как переход на религиозную стадию не подчиняется закону перехода количественных изменений в качественные. Экзистенциальная ситуация выбора – это качественный скачок, не связанный с количественными параметрами. Первые две стадии (эстетическая и этическая) не обязательно приведут человека к третьей.

На основе проведенного анализа для нас являются значимыми два вопроса: возможно ли соотнесение гностических этапов со стадиями экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора, а также насколько оправданна интерпретация Рыцаря Веры как истинного гностика?

Соматическая, или эстетическая, стадия в обоих случаях мыслится как в своем роде нулевая. Ни эстетик, ни соматик не являются в полном смысле слова личностью, не имеют реального содержания. Пустота внутри заставляет их бесконечно метаться к различным источникам потенциального наполнения в соответствии с принципом наслаждения.

Порожденный отчаянием переход на этическую, или психическую, стадию, открывает гностику самого себя вместе с новым для него принципом ответственности. Античные критики гностицизма, такие как Климент Александрийский [4, с. 25] и Иринея Лионский [5, с. 17], сообщали о разнообразии подходов к социальному, или этическому, аспекту достижения спасения: от попыток построения бесклассовых коммун с полной эмансипацией и отменой принципа частной собственности до превращения понятия греха в поведенческий образец и призыв к действию. В этот момент гностик осознает свободу в возможности спасения, что не являлось доступным ему на первой стадии и уже не будет доступно на стадии духовной, стадии сверхчеловека.

На второй, определенной С. Кьеркегором стадии, этической, человеку лишь кажется, что им движет принцип ответственности, раскрывается дорога к самосовершенствованию

через «общечеловеческое» и вместе с этим самосовершенствование окружающего мира через созидание.

На последней стадии подлинной духовности, согласно С. Кьеркегору, человек входит уже в прямое общение с богом. Его вера, – пишет С. Кьеркегор, – «есть такой парадокс, что единичный индивидуум стоит выше всеобщего». Однако переход человека на духовную стадию не возможен без присутствия в нем частицы божественного. Исходя из этого, человек не в полной мере является субъектом отношений «человек – божественное», скорее, представляет собой формулу общения «божественное – божественное», что, в принципе, отказывает человеку в субъектности как таковой. Гностик, таким образом, призван не искать Бога, а открыть его в самом себе.

Характерными для гностической антропологии и экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора трех стадий бытийного осуществления человека будут переходящие друг в друга последовательные стадии: «спящее – делающее – ставшее», или же «неподлинно сущее – самосоиздающееся – подлинно сущее».

Рыцарь Веры, согласно мысли С. Кьеркегора, совершает выбор не рациональный, а экзистенциальный: он не может не выбрать Бога. В отличие от экзистенциального выбора, гностический выбор сводится к тому, что Бог не может не выбрать Бога. «Те души, в которых дух жизни, будут жить в любом случае и зло не коснется их. Сила входит в каждого человека, поскольку без нее он не в силах подняться. Сразу после того, как душа рождается, дух жизни входит в нее. И этот сильный дух жизни укрепляет силу, то есть душу, и душа уже не способна заблуждаться и впасть во зло» [6, с. 318]. Схожесть этих двух типов выборов заключается в том, что они иррациональны и необъяснимы для окружающих.

Истинный гностик и Рыцарь Веры являются собой пример того, как в проанализированных концепциях рассматривается выход на подлинно духовную стадию человеческого существования. Являясь подлинно сущими (для гностика подлинно сущим будет именно духовная, божественная субстанция), они получают истинную свободу «для» самоопределения и самопреодоления, что и есть, по существу, подлинное существование.

Заключение. В результате проделанного анализа полагаем правомерным утверждать, что экзистенциальная и гностическая диалектики имеют много точек соприкосновения: трехчастность и процессуальность человеческого бытия; оба учения предлагаются как компас к достижению спасения; переживание личного откровения возвышается над откровением книжным,

является неповторимым экзистенциальным опытом; спасение не носит утилитарного характера в этом мире; экзистенциальная и гностическая диалектики противостоят диалектике Г. В. Ф. Гегеля, так как переход на религиозную стадию не подчиняется закону перехода количественных изменений в качественные; путь восхождения идет от телесного к духовному, от человека к богу, от формы к содержанию.

Более того, эти два типа диалектики обладают методологическим потенциалом не только для понимания современного антропологического кризиса, но и для поиска решения выхода из него, или, другими словами, для совершения диалектического скачка, который позволил бы человеку перейти на качественно иную ступень существования: преодолеть в себе «человеческое, слишком человеческое».

Список литературы

1. Данилов А. В. Антропологическая матрица гностицизма как контекст формирования раннехристианской антропологии // Скрижали. 2021. Т. 21. С. 91–120.
2. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994. 504 с.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
4. Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. СПб.: Абышко: Библиополис, 2003. Т. 2, кн. 4–5. 334 с.
5. Irenaeus Lyonensis. *Adversus haereses libri quinque*, in *Patrologia Graeca*. Paris: J.-P. Migne, 1857. Т. VII–1. Col. 433–1118 (In Ancient Greek and Latin).
6. Афонасин Е. В. Античный гностицизм: фрагменты и свидетельства. СПб.: Абышко, 2002. 365 с.

References

1. Danilov A. V. The Anthropological Matrix of Gnosticism as a Context for the Formation of Early Christian Anthropology. *Skrizhali* [Skrizhali], 2021, vol. 21, pp. 91–120 (In Russian).
2. K'yerkegor S. *Naslazhdeniye i dolg* [Pleasure and Duty]. Kyiv, AirLand Publ., 1994. 504 p. (In Russian)
3. K'yerkegor S. *Strakh i trepet* [Fear and Awe]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p (In Russian).
4. Kliment Aleksandriyskiy. *Stromaty: v 3 t.* [Stromata: in 3 vol.]. St. Petersburg, Abyshko Publ., 2003, vol. 2, book 4–5. 334 p. (In Russian).
5. Irenaeus Lyonensis. *Adversus haereses libri quinque*, in *Patrologia Graeca*. Paris, J.-P. Migne Publ., 1857. Т. VII–1. Col. 433–1118 (In Ancient Greek and Latin).
6. Afonasin E. V. *Antichnyy gnostitsizm: fragmenty i svidetel'stva* [Ancient Gnosticism: fragments and evidence]. St. Petersburg, Abyshko Publ., 2002. 365 p. (In Russian).

Информация об авторе

Коховец Ярослав Александрович – аспирант факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет (220004, г. Минск, ул. Кальварийская 9, Республика Беларусь). E-mail: Kakhavets.yaraslau@gmail.com

Information about the author

Kakhavets Yaraslau Aleksandravich – PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences. Belarusian State University (9, Kalvariyskaya str., Minsk, 220004, Republic of Belarus). E-mail: Kakhavets.yaraslau@gmail.com

Поступила 23.02.2023

УДК 316.47+316.772.4/5

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

АГЕНТНОСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье представлен анализ взаимосвязи агентности и отчуждения в условиях цифрового капитализма. Его отчуждающая сущность детализирована в концепциях коммуникативного (Дж. Дин), надзорного капитализма (Ш. Зубофф) и платформенного капитализма (Н. Срничек). Отчуждение возникает вследствие эксплуатации коммуникации и онлайн-активности, человеческого опыта, опосредованного цифровыми технологиями и новыми медиа, и их последующей экспроприации в виде данных с целью создания поведенческих прогнозов. Прогнозная аналитика позволяет управлять и манипулировать человеческим поведением, в данной связи возможности агентности пользователя существенно снижаются.

Ключевые слова: агентность, отчуждение, цифровой капитализм, коммуникативный капитализм, надзорный капитализм, платформенный капитализм, датафикация, цифровизация, медиатизация, большие данные.

Для цитирования: Новицкая Т. Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 181–186. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-33.

T. Ya. Navitskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

AGENCY AND ALIENATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL CAPITALISM

The article presents an analysis of the relationship between agency and alienation in the conditions of digital capitalism. Its alienating essence is detailed in the concepts of communicative (J. Dean), surveillance (S. Zuboff) and platform capitalism (N. Srnicek). Alienation arises from the exploitation of communication and online activity, the human experience mediated by digital technologies and new media, and their subsequent expropriation in the form of data in order to create behavioral predictions. Predictive analytics allows to manage and manipulate human behavior, in this regard, the possibilities of user agency are vastly reduced.

Keywords: agency, alienation, digital capitalism, communicative capitalism, surveillance capitalism, platform capitalism, datafication, digitalization, mediatization, big data.

For citation: Navitskaya, T. Ja. Agency and alienation in the conditions of digital capitalism. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 1 (269), pp. 181–186 (In Russian).* DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-33.

Введение. На заре становления интернета существовала тенденция к рассмотрению его как пространства свободы, предоставляющего индивидам широкие возможности для самовыражения и коммуникации без границ. Он зачастую оценивался как инструмент демократизации общества, как новый срез публичной сферы общества – открытый для дискуссий, инклюзивный; как средство, способствующее сплочению, формированию сообществ и идентичностей, как инновационная информационная сфера для реализации социального потенциала интеграции и коллективного интеллекта, совместного творчества и сотрудничества для общественно значимых целей. В нем виделись зачатки роста субъектности виртуальных объединений и групп не только в онлайн-среде, но и в области актуальных политических дей-

ствий. Американская исследовательница Шосана Зубофф сравнивает этот период в развитии глобальной сети с эпохой открытия «темного континента», где еще не действуют законы, а нормы лишь формируются. Однако по мере глобализации Сети, ее глубокого и интенсивного внедрения во все сферы социальной жизни – от рутинных коммуникативных практик до взаимодействия с электронным правительством – произошло осознание необходимости контроля и управления в данной сфере. Особое значение имеет коммерциализация информационно-коммуникационной среды. Причем пространство последней формируют не только ставшие привычными новые медиа, воплощающие в себе интерактивную модель коммуникации, где фигура потребителя и создателя контента совпадают. Это пространство

существенно шире, оно порождается стремительно развивающимися технологиями машинного интеллекта (самообучающиеся нейронные сети, сервисы геолокации, связанные с носимыми гаджетами, перевод и распознавание речи, обработка изображений, видео и голоса, прогнозная аналитика в области больших данных и т. п.). Сегодня указанная сфера стала основанием для развития специфической современной формы капитализма, который может быть обозначен посредством зонтичного термина «цифровой капитализм». Он возник на почве цифровой трансформации экономики, а также дататификации, интернетизации, информатизации, медиатизации и порожденных ими социальных эффектов. Его специфика детализирована при помощи ряда концепций (например, коммуникативного, платформенного, надзорного капитализма), описывающих текущие мутации капиталистической системы, ее новую сущность и место в ней человека. Обобщая, можно описать цифровой капитализм следующим образом: в качестве основного актива в нем выступает онлайн-активность пользователей, которая, как правило, носит нерыночный характер. Ее интенция – коммуникация, будь то общение или взаимодействие с другими пользователями, или самокоммуникация, опосредованная медиа. В то же время для акторов современного цифрового капитализма благодаря технологиям анализа Big Data и компьютерного прогнозирования всякая деятельность пользователя в Сети обретает выраженную рыночную окрашенность. То, что выглядит для некритически настроенного индивида как привлекательное предложение недорогих или условно «бесплатных» (все же следует учитывать оплату услуг связи) различного рода сервисов – от навигации, покупок, транспорта, решений в области здоровья и физической культуры до коммуникации и практической неограниченного информационного поиска – имеет вполне определенную и очень существенную цену в виде личных данных. В качестве основного сырья цифрового капитализма выступают онлайн-активность и конфиденциальность пользователей. Ловушка цифрового капитализма состоит в том, что человек, считая себя потребителем, лишь производит сырье – а именно опыт и продуцируемые им данные. Именно в этом кроется источник нарастающего отчуждения в новых условиях.

Э. Тоффлер для описания людей постиндустриальной эпохи использовал гибридное понятие «протребитель» чтобы охарактеризовать «тех, кто создает товары, услуги и опыт для собственного пользования или удовольствия, а не для продажи или обмена. В этом случае мы,

индивиды или группы, одновременно ПРОИЗВОДИМ и ПОТРЕБЛЯЕМ наш продукт, т. е. «протребляем» [1, с. 223]. Однако насколько сегодня значима креативная роль индивида или сообществ по созданию наполнения глобальной информационно-коммуникационной сети? Насколько высока степень его автономности в этой области? Насколько самостоятельными являются и чем определяются его действия, когда он практически неизбежно включен в отчуждающую структуру цифрового капитализма? В широком смысле – в какой степени ему принадлежит его собственное будущее? Прояснению этих вопросов и выявлению взаимосвязи между агентностью и отчуждением в условиях цифрового капитализма будет посвящена данная статья.

Основная часть. Одним из наиболее значимых последствий трансформаций современного капитализма становится коммодификация коммуникации. И речь идет не о материальных затратах со стороны коммуникаторов, а о том, что коммуникация приобретает значение одного из ключевых нематериальных товаров на рынке. Если сравнивать с классическим промышленным капитализмом, можно заключить, что сегодня сам акт коммуникации начинает выступать в качестве субститута труда в том смысле, что он является деятельностью, обеспечивающей функционирование капиталистической системы в изменившихся условиях. С одной стороны, на непрерывности онлайн-коммуникации во многом покоится аутопоэтическое воспроизводство глобальной информационно-коммуникационной сети. Интернет-пользователи наполняют Сеть контентом: занимаются его созданием, распространением, обменом им. Данный субститут характеризуется аффективностью и, как правило, не оплачивается. Ресурсами, на основе которых действует и воспроизводится Сеть, являются время и внимание пользователей, их творческие и когнитивные усилия, их личные данные, предоставляемые в обмен на возможности интерактивной коммуникации.

Канадский экономист, теоретик платформенного капитализма Ник Срничек утверждает, что в XXI в. развитый капитализм выстроился вокруг извлечения и использования данных как особого типа сырья, ставшего источником фундаментальных трансформаций: «...в XXI столетии технологии, необходимые для превращения простых действий в регистрируемые данные, стремительно дешевели; переход к цифровой коммуникации сделал такую регистрацию чрезвычайно простой. Открылись огромные новые массивы потенциальных данных, и выросли новые отрасли, занятые

их извлечением и использованием для оптимизации производственных процессов, детального анализа потребительских предпочтений, контролирования работников, понимания востребованных характеристик для разработки новых продуктов и услуг (таких, как GoogleMaps, беспилотные автомобили, Siri) и рекламных продаж. Схожие прецеденты случались при капитализме и ранее, принципиально же новым оказался сам тот объём данных, который стало возможным использовать. Данные как ресурс всё более перемещались с периферии в самую сердцевину бизнеса» [2, с. 30].

В концепции коммуникативного капитализма американского политического философа Джоди Дин [3], уточняющей особенности и сущность цифрового капитализма, есть указание на возникновение в нем отчуждения: основными выгодополучателями здесь являются крупные медиакомпании, эксплуатирующие ресурсы пользователей. С одной стороны, она говорит о рефлексивности сетевой коммуникации: медиасети создаются и наполняются благодаря усилиям их пользователей, именно это позволяет сетям непрерывно воспроизводиться [4, с. 95]. «Джоди Дин же радикально пересмотрела значение коммуникации, переместив ее в новые информационные сети и представив как событие, лишённое содержания. Она понимала под этим не только безответный коммуникативный акт, но и любое действие в сети: переход на сайт, просмотр рекламы или чтение утренних новостей» [5, с. 239]. В таких условиях сама коммуникация становится «топливом» для воспроизводства и работы сети. Вместе с тем Сеть организована так, что в ней стираются, размываются всяческие атрибуты авторства, субъектности; в чередовании воспроизводящих друг друга публикаций, как правило, происходит анонимизация контента, присваивание его Сетью. Кроме того, на основании своего присутствия в Сети пользователь включается в пространство больших данных, предоставляя собственную личную информацию, дальнейшее использование которой он с трудом может контролировать (как правило, не может). Учитывая его практически перманентную включённость в медиасреду, можно говорить о размывании, а зачастую и о стирании границы между свободным и рабочим временем, трудом и досугом. Как утверждает Дин, единицы связи, участвующие в информационном обмене, перестают быть просто сообщением; происходит смещение *от сообщения к вкладу* – в интенсивную циркуляцию контента, т. е. акт коммуникации служит не только цели его субъекта, он трансформируется в ресурс, питающий сеть. Это сближает онлайн-коммуникацию, и шире он-

лайн-активность в целом с отчуждённым трудом. Прежде всего, зачатки отчуждения возникают здесь ввиду обретения сообщением своей социальной предметности (*Entäußerung* – в гегелевском смысле экстернализации, объективации). В цифровом капитализме особое значение имеет так называемый технологический фетишизм: технологически опосредованная медиакommunikation обретает все большее значение в жизни общества, наделяется подчиняющей силой, оказывающей на пользователя аффективный эффект. Важно подчеркнуть, что Сеть включает в себя акторов различной природы – как человеческих субъектов, так и технологические (техносоциальные) объекты. В связи с последними целесообразно обратиться к понятию Карен Кнорр-Цетиной «эпистемический объект»: «это, прежде всего, объект знания и экспертной культуры. Именно эти объекты в обществе знания получают преимущества. Они составляют все большую конкуренцию человеческим отношениям. Объектные отношения, то есть отношения с неживыми вещами начинают конкурировать с человеческими отношениями и в определенной степени заменяют их» [6, с. 120]. Таким образом, эпистемический объект может становиться объектом привязанности, подтверждением чему служит распространенная ситуация увлеченности индивида социальными медиа, его фоновой включенностью в медиасреду. По мере того, как коммуникация коммодифицируется, а общество медиатизируется, многие сферы жизни начинают ориентироваться на ценности рынка и культуры зрелищ. Активно развиваются области, связанные с потреблением и развлечениями. А высокая скорость, одновременность и взаимозависимость в области электронных коммуникаций становятся предпосылками масштабной концентрации богатства. Возможности сверхприбыли на рынке цифровых услуг ведут к сверхмобильности капитала и девальвации значимости материального производства. Джорджо Агамбен обращает внимание на то, что коммуникация, прежде призванная объединять людей, становится автономной сферой и важным фактором в экономике, в настоящее время, напротив, разобщает, разъединяет их. Он рассматривает ее как новое основание отчуждения [7, с. 115].

Каково место индивида (интернет-пользователя) в новой форме капитализма? Ш. Зубофф в концепции надзорного капитализма [7] подчеркивает, что здесь он и не клиент, и не наемный работник, и даже не продукт. Ему отведена роль источника сырья – личных поведенческих данных, представляющих собой основной товар в этой системе, на основании их анализа создаются прогнозы. Происходит

односторонняя экспроприация личных данных и эксплуатация так называемого «поведенческого излишка». Надзорный капитализм опирается на мощную прогнозную силу больших данных для предсказания дальнейших поведенческих траекторий от микро- до макроуровня, таргетирования и предложения контента в самых разных областях. Таким образом, капиталисты обладают беспрецедентным знанием практически тотального характера, принимают решения о последующем использовании этого знания и в целом определяют, кто может принимать такие решения. «Индустриальный капитализм превратил в товар природное сырье, а надзорный капитализм, чтобы изобрести новый товар, распространил свои притязания на человеческую природу. Теперь уже человеческую природу выкабливают, рвут на части и прибирают к рукам в рамках рыночного проекта нового столетия. Думать, что вред сводится к тому очевидному факту, что пользователи не получают плату за предоставляемое ими сырье, – просто неприлично. Подобная критика – недоумение, которое позволяет использовать механизмы ценообразования для институционализации и, следовательно, узаконивания извлечения человеческого поведения для производства и продажи. Она игнорирует ключевой момент, состоящий в том, что суть эксплуатации здесь – представление наших жизней в виде поведенческих данных ради усовершенствования контроля над нами со стороны посторонних» [8, с. 127]. Безальтернативность предложения цифровых услуг, выражающаяся в необходимости пожертвовать собственной конфиденциальностью как неизменным условием их оказания, в форме одностороннего «недоговора» (в противовес договору, который обладает социальной сущностью и включает симметричные отношения сторон) [8, с. 286] или «фаустовской сделки» [8, с. 229], по выражению Ш. Зуббофф, делают индивида как никогда уязвимым, а его жизнь практически прозрачной для главных цифровых гигантов современности и их клиентов. В такой системе человек не является самоцелью, он лишь средство достижения целей других. Люди – «объекты, из которых извлекается и экспроприруется сырье для фабрик прогнозирования Google» [8, с. 127].

Некогда существовавшие плюрализм и открытость раннего интернета, ориентация на продуктивное сетевое взаимодействие по инерции продолжают вводить в заблуждение, создавая иллюзию эгалитарного свободного пространства коммуникации. Однако, по мысли американской исследовательницы, модель надзорного капитализма фундирована подчинением и иерархией. На наш взгляд, проблема взаимо-

связи агентности и отчуждения пронизательно очерчена Ш. Зуббофф через «проблему двух текстов» [8, с. 246]. Цифровизация способствует переводу социальных отношений, массовых коммуникаций и рутинных социальных практик в соответствующий формат – «электронного текста». И на сегодняшний день сложились два его принципиально разных среза: 1) первый производится пользователями, виден и доступен им, он является публичным, направлен на создание связей, характеризуется информационным разнообразием, возможностями инклюзивности; 2) второй представляет собой тень первого, из которого он извлечен, скрытый от пользователей и доступный крупнейшим цифровым корпорациям; эвфемистично обозначаемый как «цифровые крошки», «цифровой выхлоп», а на деле представляющий собой активности цифрового капитализма. В колоссальном разрыве между этими двумя «текстами» проявляется асимметрия знания и власти в современном обществе, оказывающая отчуждающее действие на человека: он не только объективируется, прогнозирование, выполненное на основе анализа его поведенческих данных позволяет манипулировать и управлять им, все больше вовлекая в ловушку цифрового надзора как логику накопления капитала.

Вместе с тем в социогуманитарной науке широко обсуждается идея эмансипационного потенциала социальных медиа. Прежде всего, особое внимание ученых привлекает его политический аспект. Ряд исследователей медиа и общества оптимистично настроены по отношению к возможностям коннективности, самоорганизации и активного действия онлайн-сообществ и иных сетевых субъектов. Однако очевидно, что в описанных выше условиях современной цифровой медиасреды идея агентности (agency) – способности пользователя, актора к самостоятельному действию – проблематизируется. «Коммуникативный капитализм обозначает ту форму позднего капитализма, в котором ценности, провозглашенные центральными для демократии, обретают материальную форму в сетевых коммуникационных технологиях. Идеалы доступа, инклюзии, дискуссии и участия реализуются посредством расширений, интенсификаций и взаимосвязей глобальных телекоммуникаций. Но вместо того, чтобы привести к более справедливому распределению богатства и влияния, вместо того чтобы появилось большее разнообразие образов жизни и практик свободы, поток экранов и зрелищ подрывает политические возможности и эффективность большинства народов мира» (перевод – Т. Е. Новицкая) [3, с. 55].

Еще один важный вопрос в контексте обсуждения проблемы агентности в информационном обществе – кто выступает в роли актора? Отметим, им может быть как индивид, так и сообщество, социальная группа, общность. В данной связи актуализируется проблема демократизирующего потенциала социальных медиа, роста возможностей равенства, участия и открытости современной публичной сферы. В книге «Структурное изменение публичной сферы и делиберативная политика» (2022) [9] Ю. Хабермас переосмысляет влияние новых медиа на демократию и публичность. Согласно его подходу, ядром делиберативной демократии является выработка общественного мнения в контексте рациональной и аргументированной публичной дискуссии, нацеленной на достижение социального консенсуса. Он отмечает отсутствие в настоящее время «фильтров» в публичной сфере, сформированной новыми медиа. Принудительная сила лучшего аргумента ослабевает в условиях, когда наибольшее значение приобретает не рациональность, а способность к активному привлечению внимания, агрессивный хайп и навязчивый кликбейт в ущерб качеству информации. Мнения также приобретают значения товаров, и зачастую в пространстве новых медиа индивид становится скорее потребителем, чем гражданином, что несет особые риски в связи с широким использованием так называемых «ботоферм» и «фабрика троллей», связанных с торговлей имитацией общественного мнения, созданием его видимости, возрастанием влияния крупных блогеров в противовес высокопрофессиональной журналистике. Наблюдается тенденция коммерциализации публичной сферы, утрачивают свое значение прежние демократические инструменты, происходят манипуляции общественным мнением.

Заключение. Агентность и отчуждение в контексте коммуникативного капитализма оказываются взаимосвязанными: возможности автономного действия, субъектности снижаются ввиду ограничивающего воздействия механизмов отчуждения. Человеческие стремления к коммуникации, познанию, социальному взаимодействию и более – любое действие, сопряженное с использованием современных информационно-коммуникационных цифровых технологий, коммодифицируются и обретают свою рыночную стоимость. Уязвимость чело-

века в цифровом капитализме связана с двумя основными аспектами: 1) отчужденные коммуникация и онлайн-активность превращаются в желанную цель для новых экономических акторов, крупных субъектов цифрового рынка, датафицирующих их и на основе их анализа создающих прогнозные продукты, которые, в свою очередь, обеспечивают беспрецедентное преимущество в знании о настоящих и будущих предпочтениях и поведении пользователей; 2) данное знание реализуется в форме власти: оно предоставляет рычаги управления человеческим поведением в различных сферах – от маркетинга до формирования общественного мнения по наиболее острым общественно значимым вопросам. Таким образом, социальность как сущностное свойство человеческой природы в условиях цифрового капитализма становится в условиях отчуждения, подвергаясь эксплуатации, и объектом надзора и управления.

Дж. Дин указывает на то, что интенсивная циркуляция потоков разнообразного контента оказывает деполитизирующее влияние на человека и общество, поскольку исключает антагонизм, характерный для политического [3, с. 54]. Обсуждая возможности агентности онлайн-сообществ, следует помнить о тенденции сетевого индивидуализма, неоднократно фиксировавшейся теоретиками информационного общества. Во многом она обусловлена позицией пользователя в новой капиталистической структуре – не политической, а прежде всего экономической. Несмотря на активную роль пользователя в воспроизводстве Сети, пределы его агентности значительно ограничены ее рекомендациями и предложениями. Как показывает опыт, в подавляющем большинстве случаев пользователь не является собственником своего цифрового следа, и реализация «права на забвение» является труднодостижимой. Кроме того, медиа становятся важным фактором социализации, формируют индивида, оказывают влияние и на специфику его действия.

Подход, согласно которому медиа рассматриваются как инструмент в руках социального актора, как доступная технология, служащая демократизации, существенно ограничен тем, что пользователь в условиях цифрового капитализма сам становится его необходимой частью, обеспечивающей его воспроизводство – и сегодня, напротив, инструментализируется практически любая его активность.

Список литературы

1. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ Москва: Профиздат, 2008. 569 с.
2. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
3. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // Cultural Politics. 2005. Vol. 1, no. 1. P. 51–74.

4. Dean J. *Blog Theory*. Cambridge; Malden: Polity Press, 2010. 143 p.
5. Сафронов Э. Е. Концепция коммуникативного капитализма Джоди Дин // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 1. С. 236–247.
6. Платонова С. И. Эпистемические объекты и социальные отношения в современном обществе // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 114–122.
7. Agamben G. *Means Without End: Notes on Politics*, trans. By V. Binetti and C. Casarino. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 156 p.
8. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
9. Habermas J. *Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 3. Auflage, 2022. 108 S.

References

1. Toffler E., Toffler Kh. *Revoljucionnoye bogatstvo* [Revolutionary Wealth]. Moscow, АСТ Moskva: Profizdat Publ., 2008. 569 p. (In Russian).
2. Srnichek N. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow, Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2019. 128 p. (In Russian).
3. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics. *Cultural Politics*, 2005, vol. 1, no. 1, pp. 51–74.
4. Dean J. *Blog Theory*. Cambridge; Malden, Polity Press Publ., 2010. 143 p.
5. Safronov E. Ye. The concept of communicative capitalism by Jodi Dean. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2020, no. 1, pp. 236–247 (In Russian).
6. Platonova S. I. Epistemic objects and social relations in modern society. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin LSU], 2018, no. 3, pp. 114–122. (In Russian).
7. Agamben G. *Means Without End: Notes on Politics*, trans. By V. Binetti and C. Casarino. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 2000. 156 p.
8. Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara Publ., 2022. 784 p. (In Russian).
9. Habermas J. *Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik*. Berlin, Suhrkamp Verlag, 3. Auflage Publ., 2022. 108 S.

Информация об авторе

Новицкая Татьяна Евгеньевна – научный сотрудник Отдела социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2 Республика Беларусь). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Information about the author

Navitskaya Tatsiana Yawgen'yewna – Researcher of Department for Social-Philosophical and Anthropological Studies. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Поступила 15.03.2023

УДК 141.319.8+101.1:316

А. С. Чарвінскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

**РОЛЯ ФІЛАСОФІІ Ў СТАНАЎЛЕННІ ПАНЯЦІЙНАЙ
СТРУКТУРЫ САЦЫЯЛЬНАЙ ЭКАЛОГІІ**

У артыкуле разглядаецца праблема фарміравання паняццйнага апарату маладой навуковай дысцыпліны – сацыяльнай экалогіі. На прыкладзе паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» даследуецца роля філасофскай метадалогіі ў канцэптuallyным і тэрміналагічным узбагачэнні сучаснага прыродазнаўства. Сацыяльная экалогія пашырае ўласныя паняццйныя структуры шляхам прыцягнення філасофскіх катэгорый («змест», «сістэма», «якасць», «колькасць» і г. д.). Паняцце «якасць навакольнага асяроддзя» мае нарматыўны характар, імпліцытна прадугледжвае ацэначную працэдуру ў адпаведнасці з колькаснымі паказчыкамі і канкрэтызуецца ў такіх паказчыках, як «узровень насычанасці шкоднымі прымесямі», «працэнтнае ўтрыманне забруджвальніка».

Ключавыя словы: паняцці сацыяльнай экалогіі, філасофскія катэгорыі, якасць навакольнага асяроддзя.

Для цытавання: Чарвінскі А. С. Роля філасофіі ў станаўленні паняццйнай структуры сацыяльнай экалогіі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 187–191. DOI: 10.52065/25020-6885-2023-269-1-34.

A. S. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION
OF THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF SOCIAL ECOLOGY**

The article deals with the problem of forming the conceptual apparatus of a young scientific discipline – social ecology. The role of philosophical methodology in the conceptual and terminological enrichment of modern natural science is studied using the concept of “environmental quality” as an example. Social ecology expands its own conceptual structures by attracting philosophical categories (“content”, “system”, “quality”, “quantity”, etc.). The concept of “environmental quality” is of a normative nature, implicitly involves an assessment procedure in accordance with quantitative indicators and is specified in such indicators as “the level of saturation with harmful impurities”, “percentage of a pollutant”.

Keywords: concepts of social ecology, philosophical categories, quality of the environment.

For citation: Chervinsky A. S. The role of philosophy in the formation of the conceptual structure of social ecology. *Proceedings of BSTU, 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 187–191 (In Belarusian). DOI: 10.52065/25020-6885-2023-269-1-34.

Уводзіны. Распрацоўка праблемы якасці навакольнага асяроддзя на прыродазнаўчым узроўні ўжо дасягнула такой стадыі, калі ўласнай метадалагічнай базы аказваецца недастаткова для стварэння канцэптuallyных схем. Праблематыка ўсё больш канкрэтызуецца, набываючы форму лакальных прыродазнаўчых пытанняў. У гэтых адносінах цікавасць выклікаюць працы І. І. Дзядзю [1], Ф. Сен-Марка [2], Э. І. Колчынскага [3], у якіх паказана ўзаемазвязь складанасці біясістэм і іх стабільнасці, што мае важнае значэнне для распрацоўкі праблемы. Аднак імкненне вызначыць ступень, формы, характар адхілення таго ці іншага біясфернага кампанента ад нармальнага якаснага стану натываецца на нявырашанасць пытання аб прыродзе «нармальнага» і «якасна-

га». Відавочна, што адказ на гэтае пытанне і павінен скласці зыходную ступень любога прыродазнаўчага даследавання, накіраванага на пошук аптымальных варыянтаў узаемадзеяння чалавека і прыроды. Метадалагічныя аспекты праблемы выкладзены ў працах У. К. Лукашэвіча [4], А. Д. Урсула [5]. Адмысловая роля ў гэтым плане належыць працам У. І. Вярнадскага. Ён распрацаваў біягеахімічную канцэпцыю біясферы, у адпаведнасці з якой «...скупнасць арганізмаў зводзіцца да іх мас, да іх колькаснага складу» [6, с. 218]. Такі падыход дазваляе змест паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» разгледзець у якасным і колькасным выразе, калі колькасная пэўнасць жывога рэчыва спалучаецца з якаснымі зменамі формаў жыцця. Работы гэтых даследчыкаў ствараюць

прадуктыўныя перадумовы даследавання зместу паняцця якасці навакольнага асяроддзя. Разам з тым даследаванне праблемы нарматыўнасці гэтага паняцця яшчэ не праведзена ў належнай меры. Асноўнай мэтай сапраўднай працы з'яўляецца канцэптואльная распрацоўка зместу сацыяльна-экалагічнага паняцця «якасць навакольнага асяроддзя». Аб'ектам даследавання выступае праблема нарматыўнасці паняцця, якая з'яўляецца асновай якасна-колькаснай спалучанасці комплекснага вызначэння стану прыроднага асяроддзя пасялення.

Асноўная частка. Праблема якасці навакольнага асяроддзя можа быць вызначана як канцэнтраваны выраз калі не ўсёй сукупнасці праблем аптымізацыі ўзаемадзеяння грамадства і прыроды, то, безумоўна, іх значнай часткі, чым і тлумачыцца актуальнасць яе вырашэння. Разам з тым, нягледзячы на яе прысутнасць у розных формах праяў, практычна ва ўсіх раздзелах сацыяльна-прыроднай праблематыкі адзінага падыходу да аналізу праблемы, як і адзінага тлумачэння самога тэрміна, яшчэ няма. Асобныя аспекты якасці асяроддзя адлюстраваны ў прыватных паняццях «якасць вады», «якасць паветра» і ў нейкай меры «якасць глебы». Гэтыя тэрміны, якія шырока выкарыстоўваюцца пры ацэнцы стану прыродных комплексаў, напоўнены практычным зместам, але яны не вычэрпваюць усю канкрэтыку паняцця «якасць навакольнага асяроддзя», у адносінах да якога захоўваецца нявызначанасць, што прыводзіць часта да аўтарскага валонтарызму. Відавочна, што ў такім выпадку ўзнікае сітуацыя неапраўдана звужанага разумення катэгорыі «якасць», калі яе прыватнае значэнне прымаецца за ўніверсальнае і на гэтай падставе робіцца спроба выпрацоўкі пабудовы цэласнай канцэптואльнай канструкцыі, у якой, як правіла, захоўваецца ўнутраная супярэчлівасць, што сфарміравалася на стадыі паняційнага аналізу праблемы якасці. Роскід уяўленняў прыводзіць да адвольнага тлумачэння тэрміна і, як правіла, да сітуацыі ўзаемнай нязводнасці розных кампанентаў паняційнай структуры, са стратай сувязі паміж імі. Для многіх даследчыкаў [2] паняцце «якасць навакольнага асяроддзя» з'яўляецца настолькі самавідавочным, што не мае патрэбы ў спецыяльным аналізе пры вызначэнні яго статусу, выяўленні яго канцэптואльных патэнцый, і, відавочна, таму найбольш распаўсюджаным уяўленнем пра якасць навакольнага асяроддзя з'яўляецца яго атаясамліванне з сістэмай санітарна-гігіенічных крытэрыяў. З пазіцыі комплекснага аналізу тут можа быць адзначана наступная асаблівасць: якасць як выяўленне аптымальнасці ў яго сувязях з чалавекам – гэта нязменнасць сут-

насных характарыстык, абумоўленая сталасцю колькасных параметраў аб'екта, г. зн. зместам розных кампанентаў у структуры біясфернага комплексу, колькаснай пэўнасцю тэрмальнага характарыстык, лікавай спарадкаванасцю энтрапійных працэсаў і г. д. Спалучанасць катэгорыі «якасць» і «колькасць» аказваецца ў гэтым выпадку зрэзанай: пад якасцю разумеецца ступень адпаведнасці сацыяльнаму элементу, які з'яўляецца «вонкавым», не ўключаным у прыродную сістэму фактарам, а «колькасць», па сутнасці, зведзена да адной з усёй разнастайнасці яе праяў, да лікавага выразу, што значна збядняе яе змест. Такі падыход, відаць, можа быць выкарыстаны для вырашэння прыкладных задач, але на ўзроўні праблемы глабальнай аптымізацыі сацыяльна-прыроднага ўзаемадзеяння яго абмежаваны характар і, з прычыны гэтай акалічнасці, агульная слабасць становяцца відавочнымі.

Варта абмовіцца, што нормы вызначэння паняцця могуць змяняцца і ўдасканалвацца ў працэсе развіцця навукі, а таксама ў рэальнай практыцы сацыяльнага прыродакарыстання. Узнікненне і наступная рэалізацыя новых запатрабаванняў тэхнічна абсталяванага сацыяльнаму заканамерна прыводзяць да змены прынцыпаў фарміравання паняцця і карэкціроўцы ўсёй канцэптואльнай схемы, якая адлюстроўвае працэс сацыяльна-прыроднага ўзаемадзеяння.

Паняцце «якасць асяроддзя» не можа быць фіксаваным у той жа меры, як не могуць быць статычнымі сувязі чалавека з навакольным прыродным асяроддзем, паколькі паняцце, якое адлюстроўвае функцыянальныя сацыяльна-прыродныя сувязі, у кожным канкрэтным выпадку напаяўняецца пэўным спецыфічным зместам. Якаснае, аптымальнае, пазітыўнае ў адным стаўленні практычна заўсёды недасканална, шкодна, няякасна ў іншым, а множнасць сувязей у сацыяльна-прыродным узаемадзеянні выступае толькі аспектам шматякаснасці матэрыяльных аб'ектаў. Маючы гэтую акалічнасць на ўвазе, можна зрабіць выснову аб унутранай супярэчлівым характары тэрміна «якасць навакольнага асяроддзя». Задачы ўстаранення адзначанай асаблівасці ў прыродазнаўчых інтэрпрэтацыях тэрміна служыць яго канкрэтызацыя праз блізкія па змесце паняцці «аптымальнасць», «карыснасць» і г. д. Аднак такія паралельныя тэрміны, дастаткова эфектыўныя ў прыкладных даследаваннях, у прынцыпе не могуць быць інкарпараваны ў тэарэтычную структуру па цэлым шэрагу прычын, адна з якіх – прынцыповая немагчымасць пашыральнага іх тлумачэння. Гэты недахоп з'яўляецца сур'ёзнай перашкодай для пабудовы дынамічнай канцэптואльнай схемы, такім чынам, паняційнай

аднакіраванасць заўсёды спалучана з неабходнасцю штучнага падагнання вузканакіраванай тэарэтычнай схемы пад рэальнасць, якая змяняецца. Так, напрыклад, калі пры ўсёабдымнай эканамічнай ацэнцы якога-небудзь прыроднага комплексу ўзнікае неабходнасць выбару напрамкаў і чарговасці ўключэння ў гаспадарчы працэс нейкага прыроднага кампанента, задача вызначэння варыянтаў капітальных укладанняў адразу ж значна ўскладняецца фактарам дваістага (як мінімум) характару «карыснасці» прыроднага комплексу. Відавочна, што ацэнка з пазіцыі карыснасці з'яўляецца інтэрпрэтацыйнай сацыяльна-прыроднай сувязей у адным стаўленні, і гэтая ацэнка, у прынцыпе, не можа адлюстравать эмерджэнтны характар экасістэмы і, адпаведна, не можа даць адэкватную ацэнку экакомплексу.

Калі паняцце «якасць навакольнага асяроддзя» выступае агульным для «якасці вады», «якасці глебы» і г. д., то падчас апераванняў паняццямі неабходна мець на ўвазе складанасць іх узаемнай спалучанасці, паколькі кожны з прыродных элементаў, дэнататаў тэрміна, карэлюе адзін з адным праз стаўленне да чалавека. Вада, паветра, глеба і г. д. якасныя або няякасныя ў адносінах да чалавека, але не ў адносінах адзін да аднаго. Такім чынам, фарміраванне на такой базе інтэграванага паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» таксама павінна мець на ўвазе абставіны адносінаў да суб'екта ацэнкі [7].

Відавочна, што такі падыход да феномена якасці асяроддзя павінен грунтавацца на ясным усведамленні супярэчнасці паміж экалагічнай камфортнасцю аднаго віду і ўмовамі захавання сістэмнай арганізацыі самога біягеацэнозу, паколькі штучнае забеспячэнне прывіляванага становішча абмежаванай колькасці сістэмных элементаў змяшчае ў сабе небяспеку дэградацыі біягеацэнозу ў цэлым і можа прывесці да сітуацыі, калі дабраякаснасць, камфортнасць аднаго віду забяспечваюцца шляхам абмежавання рэпрадуктыўных патэнцый іншых відаў, памяншэння краявіднай разнастайнасці і іншых формаў збяднення экасістэмы [8]. Такая сітуацыя можа быць вызначана як стан вузкаарыентаванай якасці асяроддзя пасялення для абмежаванага шэрагу сістэмных кампанентаў з адначасовым пагаршэннем якасці сістэмнай арганізацыі самога асяроддзя пасялення.

Можна адзначыць шэраг прынцыповых памылак, якія змяшчаюцца ў такім падыходзе да праблемы якасці навакольнага асяроддзя: па аб'ёме паняцце, якое трактуецца, значна саступае паняццям «аптымальнасць», «дабраякаснасць асяроддзя пасялення», не ахопліва-

ючы цэлы комплекс якасна-колькасных характарыстык, адлюстраванага аб'екта, і іх праявы невычарпальныя; у функцыянальным стаўленні тэрмін закліканы абслугоўваць вузкае прыярытэтнае кола сістэмных элементаў з захаваннем верагоднасці сур'ёзнай памылкі пры выбары прыярытэтаў; структурная абмежаванасць заключаецца ў жорсткай іерархіі складовых элементаў і, нарэшце, на сістэмным узроўні – стане несумяшчальнасці, узаемнай некарэляванасці паміж рознымі аспектамі – паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» ў шырокім сэнсе гэтага тэрміна, што не дазваляе ўлічваць у поўнай меры біясацыяльную сутнасць чалавека ў сістэме ўзаемадзеяння з навакольным прыродным асяроддзем пасялення, якое і вызначае спецыфіку і накіраванасць ацэначнага працэсу. Не выпадкова практычна ўсе метады ацэнкі прыродных кампанентаў першапачаткова зарыентаваны на вызначэнне сацыяльна-эканамічнай (прамысловай, сельскагаспадарчай, урбаністычнай і г. д.) значнасці доследнага аб'екта. Паняцце «якасць навакольнага асяроддзя» мае нарматыўны характар і імпліцытна ўяўляе сабой ацэначную працэдуру. Уяўленне пра якаснасць асяроддзя пасялення як сукупнасці ўмоў аптымальнай жыццяздзейнасці арганізма з'яўляецца досыць сталым у прыродаахоўнай тэматыцы і ці ледзь мае патрэбу ў істотнай карэкціроўцы, тым больш што яно ў патрэбнай ступені адпавядае задачы якасна-колькаснай інтэрпрэтацыі тэрміна. У той жа меры, як і якасць вады, глебы, паветра, можа быць або здавальняючай, або нездавальняючай, якасць навакольнага асяроддзя ў цэлым можа вар'іраваць ад адкрыта экстрэмальнай, якая характарызуе эканамічны крызіс, да нармальнай, што забяспечвае аптымальныя ўмовы развіцця асобіны, папуляцыі, віду і г. д. У такіх выпадках ступень экалагічнай камфортнасці вызначаецца ў адпаведнасці з колькаснымі паказчыкамі стану пэўнага прыроднага комплексу і канкрэтызуецца ў такіх паказчыках, як «узровень насычанасці шкоднымі прымешкамі», «працэнтнае змяшчэнне забруджвальніка» і г. д.

Неабходнасць увядзення ацэначнай шкалы пры характарыстыцы стану навакольнага асяроддзя фактычна здымае традыцыйнае ў прыродаахоўнай праблематыцы пытанне аб аксіялагічным характары паняцця «якасць навакольнага асяроддзя». Безадносна да ацэначнай працэдуры яно не з'яўляецца ні станоўча, ні адмоўна накіраваным, і толькі пры канкрэтызацыі і пэўным ацэначным дапаўненні (якасць «нармальна», «экстрэмальна», «аптымальна» і г. д.) дасягаецца неабходная аксіялагічнасць.

Стан дабраякаснасці прыроднага асяроддзя пасялення ў цэлым, і яе асобных кампанентаў у прыватнасці, вызначаецца аптымальным спалучэннем як якасных, так і колькасных паказчыкаў, таму паняцце, якое адлюстроўвае такі стан, не можа быць абмежавана толькі якаснай прадстаўнічасцю і ў абавязковым парадку вызначае ўласна колькасны змест. У адносінах да натуральных экалагічных сістэм, якія яшчэ не сталі аб'ектамі актыўнага гаспадарання, ацэначная працэдура грунтуецца на тых жа прынцыпах спалучэння якасна-колькасных праяў. Так, у характарыстыцы натуральных біягеаэнозаў адным з базавых паказчыкаў з'яўляецца краявіднае багацце экасістэмы, і прымаецца яно як колькасная характарыстыка, «...вызначаная стаўленнем колькасці відаў у ім да агульнай колькасці асобін у супольнасці (раслін, жывёл, мікраарганізмаў)» [9, с. 46].

Пытанне аб прадметнасці паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» ў сацыяльнай экалогіі мае прынцыповае значэнне, бо ў сацыяльна-прыроднай праблематыцы яно набывае форму пытання аб спосабе пераадолення супярэчнасцей паміж формай сацыяльнага спажывання прыродных рэсурсаў і характарам прыродаахоўных мерапрыемстваў.

Падыход, пры якім можа ігнаравацца сацыяльны характар ацэнкі, непазбежна вядзе да ўяўлення пра якасць асяроддзя ў цэлым, роўна як і пра якасць вады, глебы, лясных угоддзяў і г. д., быццам пра нейкі абстрактна існуючы стан прыродных комплексаў. Пры гэтым недаацэнка сацыяльна-прыроднага характару ацэначнага працэсу пакідае, на сутнасці, без адказу пытанне аб накіраванасці, арыентаванасці фактару якаснасці экалагічных комплексаў.

Сацыяльна-эканамічная арыентацыя ацэначнага працэсу сведчыць пра тое, што ў паняцці «якасць навакольнага асяроддзя» змяшчаюцца як мінімум два істотныя аспекты, два змястоўныя блокі: па-першае, паняцце адлюстроўвае прадметнасць аб'екта, яго стан, уласцівасці, матэрыяльна-структурныя характарыстыкі і, па-другое, у змест паняцця ўключаецца сукупнасць адносінаў, у іх ўваходзяць з'ява, якая ацэньваецца, працэс, комплекс і асабліва адносіны сацыяльна-прыроднага характару, апошнія

характарызуюць ступень аптымальнасці сацыяльна-прыроднага ўзаемадзеяння.

Заклучэнне. Разгледжаныя палажэнні дазваляюць зрабіць наступныя высновы:

– паняцце «якасць навакольнага асяроддзя» не мае і не можа мець абсалютнага значэння, яно адноснае, рэалізуецца толькі ў сістэме адносінаў – эканамічных, біягеаэналагічных, эстэтычных;

– прынцыпова новым павінен быць падыход да распрацоўкі механізму ацэначнай працэдуры: да абгрунтавання новых, адэкватных у існуючай сітуацыі крытэрыяў; фарміравання сістэмы экалагічных нарматываў, якія ўлічваюць магчымасць утварэння сінергетычных эфектаў узаеманакладання фактараў;

– абгрунтаванне ацэначных прынцыпаў, якія адлюстроўваюць іерархічную залежнасць якасных характарыстык прыродных працэсаў, можа рэалізавацца шляхам увядзення «мяккіх», рухомых крытэрыяў, здольных да адаптацыі да зменлівых умоў экалагічнай сітуацыі ў сувязі з магчымым абвастраннем ці, наадварот, згладжваннем сацыяльна-прыродных супярэчнасцей ва ўмовах экалагічнага крызісу. Функцыянальна такая аперацыя можа быць эфектыўна ажыццёўлена з дапамогай якасна-колькаснай інтэрпрэтацыі, у якой комплекс якасных характарыстык прыроднага ландшафту падвяргаецца колькасным абагульненням;

– наступнае колькаснае супастаўленне эстэтычна станоўчых і эстэтычна адмоўных успрыманняў дазваляе, з пэўнай ступенню дакладнасці, вызначаць якасную дастатковасць прыроднага комплексу, што ў канчатковым рахунку аказваецца важным пры распрацоўцы экалагічнай стратэгіі.

Навуковая навізна атрыманага выніку заключаецца ў распрацоўцы механізму нарматыўнага вызначэння якасці навакольнага асяроддзя як ва ўмовах экалагічнай аптымальнасці, так і ў экстрэмальных умовах. Такой палівектарнасцю выкладзенага падыходу вызначаецца сфера яго практычнага прымянення ў комплекснай сацыяльна-экалагічнай ацэнцы якасці навакольнага чалавеку прыроднага асяроддзя пражывання ва ўмовах сучаснай Беларусі.

Спіс літаратуры

1. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинев: Гл. ред. Молд. совет. энцикл., 1989. 406 с.
2. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. 435 с.
3. Колчинский Э. И. Эволюционный процесс в современной биосфере // Философские науки. 2000. № 1. С. 34–37.
4. Лукашевич В. К. Философия и методология науки. Минск: Современная школа, 2006. 320 с.
5. Вашекин Н. П., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2002. 320 с.

6. Вернадский В. И. Избранные труды по биогеохимии. М.: Мысль, 1967. 376 с.
7. Червинский А. С. Качество окружающей среды. Минск: ИНВАЦЕНТР, 1997. 142 с.
8. Водопьянов П. А. Устойчивость динамики биосферы. Минск.: Наука и техника, 1981. 246 с.
9. Пэнтл Р. Методы системного анализа окружающей среды. М.: Знание, 1979. 184 с.

References

1. Dedu I. I. *Ekologicheskiy esnsiklopedicheskiy slovar* [Ecological encyclopedic dictionary]. Chisinau, Gl. red. Mold. sovet. entsikl. Publ., 1989. 406 p. (In Russian).
2. Saint-Mark, F. *Sotsializatsiya prirody* [Socialization of nature]. Moscow, Progress Publ., 1977. 435 p. (In Russian).
3. Kolchinsky E. I. Evolutionary process in the modern biosphere. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], 2000, no. 1, pp. 34–37 (In Russian).
4. Lukashevich V. K. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Minsk, Sovremennaya shkola Publ., 2006. 320 p. (In Russian).
5. Vashchekin N. P., Muntyan M. A., Ursul A. D. *Globalizatsia i ustoychivoye razvitiye* [Globalization and sustainable development]. Moscow, MGYK Publ., 2002. 320 p. (In Russian).
6. Vernadsky V. I. *Izbrannyye trudy po biogeokhimi* [Sel. wr. on biogeochemistry]. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 376 p. (In Russian).
7. Chervinsky A. S. *Kachestvo okruzhayushchey sredy* [Environmental quality]. Minsk, INVATSENTR Publ., 1997. 142 p. (In Russian).
8. Vodop'yanov P. A. *Usotoychivost' dinamiki biosfery* [Stability of biosphere dynamics]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1981. 246 p. (In Russian).
9. Pantl R. *Metody sistemnogo analiza okruzhayushchey sredy* [Methods of system analysis of the environment]. Moskov, Znaniye Publ., 1979. 184 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Чарвінскі Аляксандр Сяргеевіч – кандыдат філасофскіх навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела сацыяльнай экалогіі і біяэтыкі. Інстытут філасофіі Нацыянальнай Акадэміі Беларусі (220072, г. Мінск, вул. Сурганава, 1/2, Рэспубліка Беларусь). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Information about the author

Chervinsky Aleksander Sergeevich – PhD (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Паступіў 28.02.2023

УДК 355.01

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь

ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

В условиях нарастания межцивилизационной вражды, военно-силового противоборства в международных отношениях существенно возрастают военные опасности и угрозы социальным системам. Военный конфликт стал органичной частью социального бытия. В целях мирного развития государств необходимо функционирование систем национальной безопасности, в особенности их военных составляющих, именуемых военной сферой национальной безопасности. Управление данной сферой требует понимания ее сущностного содержания и направлений совершенствования. Под сущностью предмета исследования понимается важнейший элемент национальной безопасности, обеспечивающий состояние защищенности национальных интересов республики от внутренних и внешних военных угроз, гарантирующий ее устойчивое развитие. Обоснованы основные компоненты военной сферы национальной безопасности, выделены особенности функционирования и рассмотрены основные закономерности ее развития. Представленные закономерности реализуются через задачи формирования и развития всей военной сферы национальной безопасности, являющейся своеобразным синтезированным отражением самого общества. Акцентируется внимание на том, что общество само создает и обеспечивает развитие военной подсистемы национальной безопасности для реализации собственных потребностей в безопасности. В современной военно-политической обстановке военная сфера национальной безопасности выходит на новый качественный этап развития, требующий решения выделенного в статье комплекса научно-практических проблем. Военная сфера национальной безопасности обеспечивает защиту национальных интересов от военных опасностей и угроз, предупреждает или сдерживает вооруженную агрессию, а в случае возникновения военной угрозы национальным интересам обеспечивает их вооруженную защиту.

Ключевые слова: государство, общество, международные отношения, военно-политическая обстановка, военный конфликт, военная сфера национальной безопасности, диалектика, военная организация государства, вооруженные силы, наука.

Для цитирования: Ксенофонов В. А. Военная сфера национальной безопасности: основные компоненты, особенности и закономерности развития // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 192–197. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-35.

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus

MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY: MAIN COMPONENTS, FEATURES AND PATTERNS OF DEVELOPMENT

Under the conditions of intensifying inter-civilizational hostility and military-to-military confrontation in international relations the military dangers and threats to social systems are greatly increasing. Military conflict has become an organic part of social being. For the peaceful development of states it is necessary to have functioning national security systems, especially their military components, called the military sphere of national security. Managing this sphere requires understanding its essential content and directions of improvement. The essence of the subject matter is understood as the most important element of national security, providing a state of protection of national interests from internal and external military threats, guaranteeing its sustainable development. The main components of the military sphere of national security have been substantiated, the peculiarities of its functioning have been highlighted, and the main regularities of its development have been analyzed. The regularities presented are implemented through the tasks of formation and development of the entire military sphere of national security, which is a kind of synthesized reflection of the society itself. The focus is on the fact that the society itself creates and ensures the development of a military subsystem of national security to meet its own security needs. In the contemporary politico-military situation the military sphere of national security is reaching a new qualitative stage of development, which requires solving the complex of scientific and practical problems outlined in the article. Military sphere of national security protects national interests from military dangers and threats, prevents or restrains armed aggression, and in case of military threat to national interests provides their armed protection.

Keywords: state, society, international relations, politico-military situation, military conflict, military sphere of national security, dialectics, military organisation of the state, armed forces, science.

For citation: Ksenofontov V. A. Military sphere of national security: main components, features and patterns of development. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 192–197 (In Russian). DOI: 10.25065/2520-6885-2023-269-1-35.

Введение. В условиях усиления межцивилизационной вражды при доминировании западной локальной человеческой цивилизации над иными культурно-историческими социальными образованиями, нарастания военно-силового противоборства в международных отношениях (далее – МО) существенно возрастают военные опасности и угрозы социальным системам (суверенным государствам). Кроме того, военный конфликт является формой социального бытия. Эти условия требуют адекватного функционирования систем национальной безопасности (далее – НБ) государств, способных обеспечить их мирное развитие. Независимо от типа и избранного вектора социально-политического развития, государства, как правило, создают военную подсистему НБ, именуемую как военная сфера национальной безопасности (далее – ВС НБ).

Исходя из современных тенденций развития МО и военно-политической обстановки (далее – ВПО), в целях сохранения государства и обеспечения перспектив его развития важно понимать основные элементы сложного системного образования ВС НБ, особенности и закономерности ее развития. Если система НБ в республике достаточно основательно в целом разработана, то самостоятельных социально-философских исследований ВС НБ не проводилось. Это обстоятельство и выступает мотивом подготовки статьи.

Основная часть. В развитии современного социума важными целями являются: создание, потребление и воспроизведение материальных ценностей; осуществление политики и властно-правовых отношений в обществе; воспроизводство человека, определение и осуществление социального положения личности, ее прав и свобод; воспроизводство духовных ценностей общества; формирование сознания и мировоззрения человека, удовлетворение его духовных потребностей [1, с. 297]. Исходя из этих целей выделяют четыре основные сферы (подсистемы) жизни общества: материально-производственную (экономическую), социальную, политико-правовую и духовную. В интересах разрешения фундаментального противоречия МО между миром и войной как состояниями общества создается система НБ и ее подсистема – ВС НБ.

Уточним предмет исследования. Понятие «сфера общества» выражает разновидность со-

циальной организации, обладающей особым предназначением, содержанием, закономерностями и объединениями круга людей, способами и средствами функционирования, определенными границами распространения. Что касается категорий «военная сфера» и «ВС НБ», то в научной литературе до сих пор нет их однозначной трактовки. Это обусловлено тем, что данный феномен исключительно сложное по структуре образование, а авторы обычно акцентируют внимание на каком-то конкретном аспекте этого социального явления.

Все из проанализированных нами определений объективно связаны с социумом и необходимостью обеспечения его военной безопасности (далее – ВБ). Так, российский ученый Бернацких И. В. под *военной сферой* понимает «объективно необходимую, специфическую, относительно самостоятельную область жизнедеятельности государства, связанную с подготовкой, функционированием и использованием сил и средств вооруженного насилия в целях обеспечения военной безопасности общества» [2, с. 23]. По мнению указанного автора, структурно военная сфера состоит из следующих компонентов: *институционально-управленческого*, представленного военно-политическим руководством, органами управления военной организации государства (далее – ВОГ), оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) и другими управленческими структурами; *военно-силового*, основу которого составляют ВОГ, Вооруженные Силы (далее – ВС), другие войска и воинские формирования; *нормативно-правового*, основанного на Конституции и включающего различные области военного права; *ресурсно-финансового* – ОПК и совокупности всех средств и ресурсов, обеспечивающих функционирование военной сферы; *научного*, основой которого является военная наука в различных ее областях и направлениях исследований; *профессионально-кадрового*, представленного целенаправленно подготовленными специалистами всех областей военной сферы, в первую очередь кадрами ВС; *ценностно-мировоззренческого*, выражающегося в духовно-ценностном потенциале общества, морально-психологическом состоянии военнослужащих, в понимании необходимости укрепления обороноспособности страны в интересах обеспечения НБ; *инфраструктурного*, включающего вещественную,

материально-техническую базу функционирования всех компонентов военной сферы, в том числе оборудование мест дислокации войск и учебно-материальную базу боевой подготовки; *функционально-деятельностного*, представляющего собой практическую реализацию военной политики государства, военное строительство, строительство ВС и процесс их функционирования [2, с. 174]. Обоснованный выше методологический подход исследователя не позволяет нам поставить тождество в понимании между военной сферой общества и ВС НБ, хотя основы и социальные цели во многом совпадают.

Нас интересует срез в системе НБ. Правоммерно считать *ВС важнейшим элементом НБ, обеспечивающим состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних военных угроз, гарантирующий ее устойчивое развитие*. Иными словами, это сфера социальной активности субъектов системы НБ в целях достижения состояния защищенности национальных интересов Беларуси от реальных (перспективных) угроз в условиях военно-силового противоборства. Это понятие связано с такими категориями, как «военная политика», «военно-политическая деятельность», «военно-политические отношения», «оборонная сфера» и др. В силу сложности самого общества, его системы НБ в основе вышеуказанных категорий лежат военно-политические отношения социальных субъектов.

Выделим только *основные компоненты ВС НБ*, не рассматривая их функции по отдельности. Правоммерно определить ее структуру исходя из уровня субъектов системы НБ. Следовательно, их можно выделить *три*: государственный, общественный, личностный (индивидуальный). Опираясь на структуру общества, можно выделить *четыре* наиболее значимых элемента: военно-политический, военно-экономический, военно-социальный и военно-духовный. Это классический вариант. Наша позиция заключается в том, что каждая из подсистем общества имеет свой военный сегмент, «работающий» на общую цель – обеспечение ВБ. Если выделить элементы исходя из общей системы НБ, то логично наличие следующих *восемь*: военно-политический, военно-экономический, военно-научный или военно-технологический, военно-социальный, военно-демографический, военно-информационный, военно-экологический, военно-биологический.

Все названные элементы (части) будут формировать целое – ВС НБ, которая, в свою очередь, является частью другого целого – НБ. Этот тезис свидетельствует о множестве связей различного характера, влияющих на ВС НБ.

Суть заключается в том, что базисом ее развития и функционирования является само общество, и она выступает как сложно интегрированная система его возможностей по собственному сбережению и развитию в контексте военно-силового противоборства. Это важно понимать с точки зрения тенденций развития военного насилия и его особенностей как тотального и многосферного, а также в контексте управления обществом, ибо только оно (общество) в целом способно противостоять современным технологиям насилия.

Пониманию проблемы будет способствовать уяснение сущности современной (перспективной) войны, так как *важнейшей зависимостью развития ВС НБ является диалектика войны и ВС НБ*. Какая из двух противоположностей «победит в борьбе» (вытолкнет другую) – зависит от научного знания субъектами НБ феномена современной войны, состояния ВС НБ, а также от искусства управления как военной компонентой системы НБ, так и всем обществом. В условиях смены парадигмы войны от классической к неклассической необходимость научного осмысления военных конфликтов уже давно вышла за рамки военных ведомств. Только весь социум, понимающий инструменты, способы и технологии военного доминирования, способен выдержать агрессию, сохранить себя и нанести поражение агрессору при необходимости.

Поэтому важнейшее условие и *ключевая закономерность в обеспечении ВБ* – это знание сущностного содержания войны, умение избежать эскалации насилия путем искусного политико-дипломатического маневрирования. Как отмечает академик РАН Кокошин А. А.: «Вопрос об управлении эскалацией, в том числе о предотвращении эскалационного доминирования и об обеспечении эскалации конфликта, – один из сложнейших и самых тонких вопросов, связанных с управлением войной. В значительной степени его решение лежит в сфере психологии» [3, с. 221].

Подчеркнем еще важную научно-практическую проблему – отсутствие ясного целостного понимания войны. Анализ изданных научных трудов показывает, что выделяются философские, политические, социологические, культурологические, военно-технические, правовые, психологические, военно-стратегические подходы к анализу феномена войны. Проблема философии войны также ждет своего комплексного завершения. До сих пор нет современного научно-теоретического труда, содержащего анализ всех элементов сложной системы войны. На наш взгляд, исключением можно считать труд известного эксперта генерал-майора

Владимирова А. И. «Основы общей теории войны» [4, 5].

Компонентами теории войны и одновременно задачами исследования могут быть: война как продолжение политики; как состояние общества и состояние определенного сегмента мировой политики; как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил); как сфера неопределенного, недостоверного; как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство / управление) войной [3, с. 9].

Заметим, что для государства важным условием противостояния технологиям противоборства является его совокупная мощь (сила), позволяющая не допустить военного насилия, т. е. сдерживать возможную агрессию комплексом невоенных и военных средств, но не менее значимо уметь вести современный военный конфликт во всех сферах. Обратим внимание на аналитико-интеллектуальное обеспечение функционирования ВС НБ. Как отмечал в своем труде Э. Ваттель: «Если одновременно нет возможности иметь разум и силу, всегда выбирай разум, а силу оставляй врагу. Сила может помочь выиграть многие битвы, но всю войну при помощи одной только силы не выиграешь никогда. Тут нужен разум. Сильный никогда не сможет из своей силы высечь разум, а мы всегда сможем из разума высечь силу» [6, с. 61].

ВС НБ обладает не только четко определенным функционалом (обеспечение ВБ), но и по сравнению с другими областями социальной активности субъектов НБ *основными особенностями*:

- ее создание, развитие и функционирование подчинено основным политическим целям общества и государства, главной из которых является его сохранение, обеспечение мира, социальной стабильности и устойчивого развития страны, т. е. сохранение ее конституционных параметров;

- развитие и непрерывное совершенствование обусловлено потребностью нейтрализации военных опасностей (угроз) социальной системе (государству) с использованием военной силы, ВОГ и ее ядра – ВС по их предназначению, предотвращения агрессии против государства в условиях мира, ведения вооруженной борьбы – в военном конфликте;

- она выступает и в качестве «универсальной производственной сферы», так как выпускаемая в ней продукция ОПК, товары и услуги, а также сформированная инфраструктура служат ключевой задаче – обеспечению ВБ страны. Кроме того, многие военно-научные теоретические и практические разработки, а также

новейшие технологии находят применение и в гражданском секторе, придавая инновационный характер их развитию;

- руководство и управление, обеспечение ее функционирования являются исключительной прерогативой государства как основного политического института вне зависимости от общественно-политического и социально-экономического устройства общества;

- формирование и функционирование ВС НБ и ВОГ как основного инструмента, являющейся ее системообразующим элементом, осуществляется в соответствии со спецификой национального законодательства и формирует пакет военных законов;

- имеет диалектическую связь с другими сферами общественной жизни, выступающими субстанциональными основами ее формирования, развития и функционирования, так как военная мощь является результатом и выражением совокупной мощи страны, формирующейся во всех областях жизнедеятельности социума;

- ее основной силовой компонент – ВОГ и ее элементы комплектуются особым профессионально-кадровым составом, целенаправленно готовящимся государством для решения задач обороны и обеспечения НБ страны, ее всестороннего обеспечения;

- представляет собой относительно закрытую социальную систему, что обусловлено объективной необходимостью сохранения государственной и военной тайны в интересах обеспечения военной составляющей НБ;

- в отличие от иных сфер социальной активности имеет целенаправленно установленные границы и пределы во всей жизнедеятельности общества, определяемые в соответствии с существующими и потенциальными военными угрозами, а также экономическими возможностями государства;

- является не только военно-силовым инструментом обеспечения ВБ, но и высокоинтеллектуальной сферой духовной деятельности, требующей постоянного анализа МО, ВПО и стратегической обстановки в интересах уточнения военной идеологии (военной доктрины) государства;

- включает в свой арсенал как военные, так и невоенные инструменты и возможности всех сфер общества в интересах реализации национальных интересов государства;

- она не только аккумулирует возможности всех сфер социума, но и оказывает обратное влияние на все сферы общественной жизни.

Подчеркнем, что все сферы общественной жизни и социальной активности «включены» в ВС НБ. Она является своеобразным интегратором возможностей (потенциалов) социума. Иными

словами, имеет экономические, политические, социальные, собственно военные (связанные с ВС) и иные основы, к числу которых относятся: политическая, экономическая, социальная, культурная, собственно военная основы и др.

Исходя из анализа сущности и особенностей ВС НБ как сложного социального феномена сформулируем основные ее закономерности.

Зависимость характера, потенциала ВС НБ, направленности функционирования от экономических возможностей общества. Суть закономерности заключена в том, что именно экономические возможности и условия являются основой для формирования данной подсистемы НБ. Игнорирование данной закономерности ведет к просчетам в сфере военной политики.

Зависимость характера, социального назначения и структуры всей ВС НБ от политики государства. Действие данной закономерности проявляется в том, что для выполнения функций ВС НБ создается и развивается в соответствии с национальными интересами государства, которые, как правило, фиксируются в Конституции, Концепции национальной безопасности, Военной доктрине и других нормативных правовых документах сферы НБ.

Зависимость характера, социальной направленности и боевого потенциала ВОГ как основного инструмента ВС НБ от духовного состояния общества. Имеет особое значение в условиях ментальной агрессии со стороны недружественных стран, так как влияет на формирование морально-психологической готовности всех субъектов военной подсистемы НБ к безупречному и патриотичному выполнению функций по обеспечению ВБ государства [7].

Зависимость предназначения ВС НБ от социального субъекта, создающего ее. В этой закономерности отражаются идея и замысел создания всей системы НБ и ее военной составляющей самим обществом для собственной защиты в военном отношении. Иными словами, общество, исходя из своих социально-политических приоритетов, создает из себя и для себя систему защиты своих потребностей в ВБ. Как отмечали выше, ВС НБ является своеобразным синтезированным отражением самого общества.

Кроме названных социально-политических закономерностей функционирования ВС НБ существуют и другие, которые выражают связи функционирования и развития каждого компонента данной сферы с иными общественными процессами и подсистемами НБ.

ВС НБ республики является непосредственным выражением отечественного мировоззрения, геополитических, социально-экономических, государственно-политических, культурно-исторических, духовно-нравственных и цивилизационных особенностей.

Представленные закономерности реализуются через задачи формирования и развития всей ВС НБ, приведение ее элементов в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов, задачами в мирное и военное время, а также с политическими, социально-экономическими, демографическими и военно-техническими условиями и возможностями Беларуси.

Социальная значимость ВС НБ заключается в гарантированной защите государственного суверенитета, национальной культуры страны, прав и свобод граждан. Обществу необходимо с заботой относиться к ВС НБ, поскольку защита от военных угроз республики – это забота о самом себе. Акцентируем еще раз, что общество само создает и обеспечивает развитие ВС НБ для реализации собственных потребностей в безопасности. Поэтому ее рациональное функционирование в условиях нарастания военного насилия в МО для граждан страны целесообразно рассматривать как личный интерес и гарантию в безопасности.

Заключение. Важнейшим условием мирного и устойчивого развития республики выступает эффективное функционирование ВС НБ. Вполне закономерно, что текущий год в стране объявлен «Годом мира и созидания». ВС НБ представляет собой область жизнедеятельности страны, связанную с военно-социальным насилием и обеспечивающую ВБ. Она имеет собственную структуру, особенности и закономерности функционирования. ВС НБ непрерывно развивается исходя из диалектики военного насилия и системы НБ. Своевременное вскрытие противоречий и их разрешение в пользу мира и безопасности является императивом развития страны.

Становится все более очевидным, что ВС НБ выходит на новый качественный этап развития. Это обусловлено необходимостью исследования комплекса научных проблем для всего белорусского общества: концептуальное обоснование характера войн будущего; дальнейшее исследование сущности гибридных, ментальных, сетевых и других видов военных конфликтов; уточнение сущности войны в контексте использования как вооруженной борьбы, так и невоенных методов противоборства; уточнение компонентов и закономерностей неклассической войны; выявление путей и способов предотвращения традиционных и нетрадиционных войн с использованием военных и невоенных средств; адаптация концепции стратегического сдерживания к современному противоборству; анализ целей и причин потенциальной войны в новых условиях межцивилизационного противостояния; обоснование подходов и критериев определения оборонительного или наступательного характера войн; прогно-

зирование моделей ВОГ и ВС будущего; развитие теории военного искусства; научно-аналитическое обоснование путей совершенствования ВС НБ в соответствии с прогнозируемыми потребностями военно-политической практики и возможностями республики.

Этот перечень направлений актуализирует возрастающую роль науки, системы образования всех категорий граждан, идеологической

работы и информационного сопровождения функционирования ВС НБ.

Таким образом, ВС НБ обеспечивает защиту национальных интересов от военных опасностей и угроз, предупреждает или сдерживает вооруженную агрессию, а в случае возникновения непосредственной военной угрозы национальным интересам гарантирует их вооруженную защиту.

Список литературы

1. Философия и военное дело / под общ. ред. П. В. Петрия. М.: КНОРУС, 2019. 466 с.
2. Бернацких И. В. Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: ВУ, 2018. 199 с.
3. Кокошин А. А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 227 с.
4. Владимиров А. И. Основы общей теории войны. В 2 ч. Ч. I. Основы теории войны. М.: Моск. фин.-промышл. ун-т «Синергия», 2013. 832 с.
5. Владимиров А. И. Основы общей теории войны. В 2 ч. Ч. II. Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Моск. фин.-промышл. ун-т «Синергия», 2013. 976 с.
6. Ваттель Эмер де. Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
7. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2. С. 108–113.

References

1. *Filosofiya i voyennoye delo* [Philosophy and military affairs: textbook]. Ed. by P. V. Petriy. Moscow, KNORUS Publ., 2019. 466 p. (In Russian).
2. Bernatskikh I. V. *Modernizatsiya voyennoy sfery sovremennogo rossiyskogo obshchestva: voyenno-politicheskiy analiz. Dissertatsiya kandidata politicheskikh nauk* [Modernization of the military sphere of modern Russian society: military-political analysis. Dissertation PhD (Political)]. Moscow, VU, 2018. 199 p. (In Russian).
3. Kokoshin A. A. *Voprosy prikladnoy teorii voyny* [Issues of applied theory of war]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2018. 227 p. (In Russian).
4. Vladimirov A. I. *Osnovy obshchey teorii voyny. V 2 ch. Ch. I. Osnovy teorii voyny* [Fundamentals of the general theory of war. In 2 parts. Part I. Fundamentals of war theory]. Moscow, Mosk. fin.-promyshl. un-t "Sinergiya", 2013. 832 p. (In Russian).
5. Vladimirov A. I. *Osnovy obshchey teorii voyny. V 2 ch. Ch. II. Teoriya natsional'noy strategii: osnovy teorii, praktiki i iskusstva upravleniya gosudarstvom* [Fundamentals of general theory of war. In 2 parts. Part II. Theory of national strategy: Fundamentals of theory, practice and art of state management]. Moscow, Mosk. fin.-promyshl. un-t "Sinergiya" Publ., 2013. 976 p. (In Russian).
6. Vattel Emer de. *Pravo narodov, ili printsipy yestestvennogo prava, primenyaemyye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [Law of nations or principles of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow, Gosyurizdat, 1960. 720 p. (In Russian).
7. Ksenofontov V. A. Mental safety of the state. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue. 6, History, Philosophy, 2022, no. 2, pp. 108–113 (In Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр-т Независимости, 220). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 03.02.2023

УДК 304.3

В. А. Карпиевич

Белорусский государственный технологический университет

**ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО
ВКЛЮЧЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

В статье рассматриваются вопросы цифровой компетентности пожилых людей как способа социального включения. Старение нации стало характерным уже не только для стран Европы, но и других регионов мира. Отмечается, что доля пожилых людей постоянно растет. Показано, что пожилые люди не в полной мере владеют цифровыми компетенциями. Это может определенным образом снизить уровень безопасности данной категории населения. Цель исследования – выявление роли формирования цифровой компетентности как способа социального включения пожилых людей. В исследовании автор фокусируется на изучении степени овладения пожилыми людьми в Беларуси цифровой компетентности, а также возможности ее использования для формирования у них культуры безопасности жизнедеятельности. Для оценки уровня сформированности цифровых компетенций пожилых людей было проведено анкетирование. Выявлено, что не все пожилые люди в полной мере используют Интернет. Значительная доля мужчин и женщин, которые являются пользователями Интернета и зарегистрированы в социальных сетях, моложе 70 лет. Существуют некоторые различия между пожилыми мужчинами и женщинами относительно целей использования Интернета. Отмечено, что пожилые люди, которые чаще участвуют в определенных социальных онлайн-действиях, получают больший социальный капитал, чем те, кто этого не делает. Также выявлено, что для людей старше 80 лет основным источником получения информации являются телевидения и реже – газеты. Некоторые полученные данные соответствуют результатам зарубежных исследований.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая компетентность, цифровые навыки, Интернет, пожилое население, старение населения.

Для цитирования: Карпиевич В. А. Цифровая компетентность как способ социального включения пожилых людей // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 198–202. DOI: 10.25065/2520-6885-2023-269-1-36.

V. A. Karpievich

Belarusian State Technological University

DIGITAL COMPETENCE AS A WAY OF SOCIAL INCLUSION OF OLDER PEOPLE

The article deals with the issues of digital competence of older people as a way of social inclusion. At the same time, the aging of the nation has become characteristic not only for the countries of Europe, but also for other regions of the world. It is noted that the proportion of older people is constantly growing. It is shown that older people do not fully possess digital competencies. This may in some way reduce the level of security of this category of the population. The aim of the study is to identify the role of the formation of digital competence as a way of social inclusion of older people. In our study, we focus on studying the degree of mastery of digital competence among older people in Belarus, as well as how this can be used to form a culture of life safety in them. To assess the level of formation of digital competencies of older people, a survey was conducted. It was revealed that not all older people use the Internet to the full extent. A significant proportion of men and women who are Internet users and registered in social networks are under 70 years old. There are some differences between older men and women regarding the purposes of using the Internet. It is noted that older people who are more likely to participate in certain social online activities receive more social capital. It was also found that for people over 80 years of age, the main source of information is television and, less often, newspapers. Some of the data obtained correspond to the results obtained in foreign studies.

Keywords: digitalization, digital competence, digital skills, Internet, elderly population, aging of population.

For citation: Karpievich V. A. Digital competence as a way of social inclusion of older people. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (269), pp. 198–202. DOI: 10.25065/2520-6885-2023-269-1-36 (In Russian).

Введение. Рост численности населения планеты остается по-прежнему актуальной проб-

лемой в XXI в. Опасения вызывает не только количественное увеличение населения, но и

изменение его качественного состава. Рост благосостояния населения, улучшение медицинского обслуживания и качества пищи приводит к увеличению доли пожилых людей в структуре населения. Старение нации стало характерным уже не только для стран Европы. Похожие тенденции наблюдаются и среди других развитых и развивающихся стран мира (США, Канада, Япония, Китай и пр.).

Многие из пожилых людей долгие годы работали на производстве и в сфере услуг, но после выхода на пенсию у них стало больше свободного времени. В связи с этим пожилые люди теперь начинают вполне беспечно относиться к своим действиям и поступкам. Также не все из них в полной мере осознают ту опасность, которую несет современное общество. Поэтому пожилые люди зачастую и становятся жертвами различных обстоятельств. Здесь следует иметь в виду не только пожары и другие стихийные бедствия, но и иные все возможные социальные явления, которые приводят к риску для жизни или собственного благополучия, включая и различное мошенничество.

Современные пожилые люди в полной мере столкнулись с развитием современных технологий. Им также приходится осваивать всевозможные гаджеты наравне с молодыми людьми и детьми. Отличия здесь заключаются, в первую очередь, в особенностях освоения гаджетов и развития навыков работы с ними. Также предполагалось, что создаваемые современные цифровые технологии будут служить для пользы общества, помогать людям решать сложные проблемы. Следует согласиться, что быстрая и достоверная информация способна в наше время спасти жизни тысячам людей [1, с. 71].

Основная часть. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к концу Десятилетия здорового старения (2020–2030 гг.) численность населения в возрасте 60 лет и старше вырастет на 34%, т.е. увеличится с 1 млрд в 2019 г. до 1,4 млрд человек в 2030 г. К 2050 г. численность пожилых людей во всем мире увеличится более чем вдвое и составит 2,1 млрд человек. В 2019 г. 37% пожилых людей жили в Восточной и Юго-Восточной Азии, 26% – в Европе и Северной Америке, 18% – в Центральной и Южной Азии, около 20% – в других регионах мира. Ожидается, что в большинстве стран доля пожилых людей от общей численности населения увеличится: с каждого восьмого в возрасте 60 лет и старше в 2017 г. до каждого шестого – к 2030 г. и каждого пятого – к 2050 г. [2]. А это означает, что со временем пожилые люди будут одной из основных групп среди пользователей цифровых технологий, причем довольно многочисленной.

Цифровизация охватывает все большее количество стран. Статистика свидетельствует, что среди пожилых людей в разных странах растет число интернет-пользователей. По данным Росстата, среди активных интернет-пользователей в России их число в возрасте 60 и более лет с каждым годом неуклонно растет. За последние годы их доля среди активных пользователей увеличилась с 8,3% в 2017 г. до 11,9% в 2019 г. и составила в 2020 г. уже 13,5% [3]. Согласно результатам другого опроса, проведенного компанией «Делойт», пожилые россияне также предпочитают получать новостную информацию в Интернете (79% от числа опрошенных). В то же время телевидение как источник новостей выбирают в этом возрасте только 69%. Также был отмечен рост значимости социальных сетей и блогов. Среди получателей новостной информации 34% составляют люди старше 65 лет. Это треть от 40% россиян, которые используют именно данный источник получения информации [4, с. 21].

Среди пожилого населения стран ЕС доля активных пользователей Интернета составляла 66% в 2019 г. Наиболее высокая доля активных пользователей Интернета среди пожилого населения наблюдалась в развитых странах. Например, в Швеции (91%) доля активных пользователей Интернета среди пожилого населения была почти в 3 раза выше, чем в Румынии (33%), где фиксировался самый низкий показатель. К странам ЕС с высокой долей активных пользователей Интернета также относятся Финляндия (89%), Дания (88%), Нидерланды (88%), Германия (74%) и Эстония (69%). В Великобритании этот показатель составил 83%. Среди пожилых жителей стран ЕС в возрастной группе 55–64 года доля лиц, никогда не пользовавшихся интернетом, составила в 2019 г. 15%, а в группе 65–74 года – 33% [5, с. 112].

Исследователи из Швейцарии М. Нгуен, А. Хансакер и Э. Харгиттай в работе, посвященной изучению социальной активности и социального капитала пожилых людей в Интернете, выявили, что пожилые люди, участвуя в определенных социальных действиях в Интернете, чаще задают вопросы в социальных сетях, ищут необходимую информацию, рассматривают фотографии членов семьи или других лиц [6].

В исследовании, проведенном совместно учеными из Австралии, Португалии и Бразилии, было установлено, что пожилые люди старше 65 лет по-прежнему менее склонны пользоваться Интернетом по сравнению с другими возрастными группами, хотя число пользователей увеличивается. И поскольку Интернет в промышленно развитых странах становится важным источником информации, общения и

участия, крайне важным является вопрос, как он влияет на социальные ресурсы в сравнении с возрастом [7].

Как свидетельствует приведенные выше данные, пожилые люди не в полной мере активно пользуются ресурсами Интернета. При этом многие не обладают достаточными знаниями в области использования современных цифровых технологий. По сути, мы имеем дело с отсутствием цифровой компетентности. Под *цифровой компетентностью автор понимает овладение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для использования современных цифровых устройств, в первую очередь гаджетов с доступом в Интернет (компьютеры, ноутбуки, смартфоны и пр.), позволяющими удовлетворять информационные потребности в современном обществе.*

Поэтому актуальным остается формирование цифровой компетентности пожилых людей как способа защищенности от негативных моментов, связанных с использованием Интернета. В данном случае речь идет о формировании индивидуального уровня культуры безопасности, который можно описать через набор личных житейских практик. Немаловажную роль играет и освоение цифровых навыков: использование цифровых устройств; умение набирать, сохранять и отправлять текст; работа с приложениями; поиск и обработка информации; работа в социальных сетях, мессенджерах и информационных порталах; хранение и защита данных и другое. Поэтому обучение пожилых людей основам цифровизации является сложной и одной из важных педагогических задач современного общества, способствующего социальному включению пожилых людей.

Но здесь существуют и свои проблемы. Пенсионеры более консервативны в выборе или смене источника получения информации. Кроме того, сталкиваясь со случаями мошенничества при использовании гаджетов, они неохотно соглашаются на получение информации или на использование каналов связи в сети Интернет. Это в какой-то мере может снизить эффективность использования современных электронных средств для обучения граждан пожилого возраста. И когда мы говорим о формировании цифровой компетентности, то речь идет о деятельности, конечная цель которой – «я в безопасности» [8, с. 122].

Для изучения данной проблемы, нами было проведено исследование, направленное на изучение степени овладения пожилыми людьми в Беларуси цифровой компетентности, и как это можно использовать для формирования у них культуры безопасности жизнедеятельности. Всего в исследовании приняли участие 244 че-

ловека, из них – 142 (58,2%) женщины и 102 (41,8%) мужчины. Возраст опрошенных: до 70 лет – 155 (63,5%) человек, от 71 до 80 лет – 66 (27%), старше 80 – 23 (9,5%). Что касается места жительства опрошенных, то 61 человек (25% от числа респондентов) проживает в Минске или другом областном центре, 98 (40%) – в районном центре, 84 (35%) – в сельской местности. С супругой/супругом проживают 76 мужчин (74,5% из опрошенных) и 77 женщин (54,2%). С детьми проживают 6 мужчин (5,9%) и 21 женщина (4,8%). Одинокими проживающими являются 20 мужчин (19,6%) и 43 женщины (30,3%). Одна женщина указала, что проживает вместе с престарелыми родителями.

Как уже упоминалось, в настоящее время активно для обучения или информирования населения используются ресурсы сети Интернет. Так, 53,9% пожилых мужчин и 63,5% пожилых женщин указали, что являются активными пользователями Интернета, а также зарегистрированы в социальных сетях. 23,6% мужчин и 19% женщин редко им пользуются. И, соответственно 22,5% мужчин и 17,6% женщин вовсе не являются пользователями Интернета. При этом некоторые пожилые мужчины указали, что не имеют такой возможности.

Значительная доля мужчин и женщин, которые являются пользователями Интернета и зарегистрированы в социальных сетях, моложе 70 лет. Это в определенной мере можно объяснить тем, что они начали пользоваться гаджетами еще в период своей трудовой деятельности, так как активная эра Интернета и социальных сетей насчитывает уже более полутора десятка лет. И, соответственно, наименьшее число пользователей – в возрастной категории старше 80 лет.

Существуют некоторые различия между пожилыми мужчинами и женщинами относительно целей использования Интернета. Мужчины при использовании Интернета отдают предпочтение получению интересной информации (54,9%), информации о текущих событиях в стране и за рубежом (48%), общению с родственниками и друзьями (46,1%), информации по вопросам здоровья и безопасности (28,4%).

Женщины, в свою очередь, при использовании Интернета предпочитают искать интересную информацию (58,5%), общаться с родственниками и друзьями (46,1%), получать информации о текущих событиях в стране и за рубежом (42,9%), искать информацию для решения жизненных проблем. Информация по вопросам здоровья и безопасности актуальна только для 32,4% опрошенных женщин.

Тем не менее полученные результаты в определенной степени совпадают с данными другого исследования, связанного с дескрипторами

безопасности. Так, было выявлено, что взрослые мужчины стремятся контролировать ситуацию и быть уверенными в себе, стремятся к самосохранению. Безопасность они связывают с миром в стране, стабильностью, соблюдением норм и порядка. У женщин безопасность в первую очередь ассоциируется с миром в стране, защищенностью, ее окружением. Здоровье также имеет значение в понимании безопасности. Следует отметить, что для женщин важными являются поддержка и помощь. Женщины в меньшей степени хотят полагаться на себя, предпочитают видеть поддержку в надежном спутнике [9, с. 464].

Исследование показало, что значительная часть опрошенных пожилых людей готова обратиться за помощью при сомнениях или когда знаний в области правил безопасности недостаточно. 31,4% опрошенных мужчин и 52% женщин готовы обратиться за помощью к родным или знакомым. Также 41,2% пожилых мужчин и 52% женщин будут искать помощь в Интернете. 39,2% пожилых мужчин и 12,7% женщин не будут уточнять и сделают так, как посчитают нужным и логичным.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что чуть более половины опрошенных пожилых женщин готовы обратиться за помощью. При этом важным источником информации для них является Интернет. Среди пожилых мужчин к источникам информации готовы обратиться менее половины опрошенных. Но при этом среди тех, кто готов обратиться к какому-то источнику информации, больше отдадут предпочтение Интернету, чем другим людям. В то же время среди опрошенных присутствует определенный процент и тех, кто полагается на свои собственные знания и свой опыт. Особенно это характерно для пожилых мужчин, среди которых таких более трети. Это опять совпадает с уже упомянутым исследованием, которое выявило, что взрослые мужчины «стремятся

контролировать ситуацию и быть уверенными в себе» [9, с. 464].

Выводы. Пожилые люди обоих полов не в полной мере являются активными пользователями Интернета. Эти данные совпадают с результатами, полученными как российскими, так и прочими зарубежными исследователями. Остается высокой доля людей старше 80 лет, которые не пользуются Интернетом совсем или крайне редко. Это также связано с низким уровнем цифровых навыков. Аналогичные результаты содержатся также и в работах зарубежных авторов.

Подавляющее большинство мужчин и женщин пожилого возраста видят в Интернете средство для поиска интересной и полезной информации. Особенно это наблюдается у пожилых людей в возрастной категории до 80 лет. Пожилые люди, которые чаще участвуют в определенных социальных онлайн-действиях (задают вопросы в социальных сетях, ищут интересную или полезную информацию), получают больший социальный капитал, чем те, кто этого не делает. Полученные результаты также совпадают с аналогичными зарубежными исследованиями. Этот факт вполне можно использовать для распространения среди данной категории населения важной информации, в том числе и касающейся вопросов безопасности жизнедеятельности. А также рассмотреть вопросы дальнейшего обучения пожилых людей с помощью ресурсов Интернета.

Исключением является возрастная категория старше 80 лет. Большая часть из принявших участие в опросе пожилых людей этой возрастной категории указало, что не пользуются Интернетом. Для них основным источником получения информации являются телевидение и реже – газеты, что было выявлено в ходе исследования. Поэтому актуальной является проблема формирования у пожилых людей цифровой компетентности.

Список литературы

1. Вопросы рисков и информационной безопасности в условиях современного общества / И. В. Голякова [и др.] // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 5 декабря 2019 г. Ставрополь: ИП Дорофеев В. Ю., 2019. С. 68–78.
2. Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг. / Всемирная организация здравоохранения. Женева, 2019 г. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf> (дата обращения: 23.01.2023).
3. Распределение населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, по типам поселения по половозрастным группам / Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Медиапотребление в России – 2020 / Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. М.: Делойт, 2020. 45 с.
5. Смирных Л. И. Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 104–124. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-104-124.

6. Nguyen M. H., Hunsake A., Hargittai E. Older adults' online social engagement and social capital: the moderating role of Internet skills // *Information, Communication & Society*. 2020, 25th August. P. 1–17. DOI: 10.1080/1369118x.2020.1804980.

7. Social capital and Internet use in an age-comparative perspective with a focus on later life / B. Barbosa Neves [et al.] // *PLoS ONE*. 2018. № 13 (2): e0192119. DOI: 10.1371/journal.pone.0192119.

8. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности: социально-психологический и исторический экскурс / А. П. Герасимчик [и др.] // *Вестник УГЗ*. 2018. № 1. С. 121–132. DOI: 10.33408/2519-237X.2018.2-1.121.

9. Голякова И. В., Карпиевич В. А. Половозрастные различия в представлениях о психологической безопасности // *Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси*. 2022. Т. 6. № 4. С. 460–471. DOI: 10.33408/2519-237X.2022.6-4.460.

References

1. Golyakova I. V., Karpiyevich V. A., Rakachev V. N., Rakacheva YA. V., Sergeyev V. N. Issues of risks and information security in the conditions of modern society. *Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsional'nykh otноsheniy: materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ethnos and society in the context of interethnic relations: materials VII th All-Russian scientific and practical conference]. Stavropol', 2019, pp. 68–78 (In Russian).

2. Decade of Healthy Aging 2020–2030. World Health Organization. Geneva, 2019. Available at: <https://www.who.int/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf> (accessed 23.01.2023) (In Russian).

3. Distribution of the population that is active users of the Internet, by type of settlement by gender and age groups. 2021. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 20.02.2023) (In Russian).

4. *Mediapotrebleniye v Rossii – 2020* [Media Consumption in Russia – 2020]. Moscow, 2020. 45 p.

5. Smirnykh L. I. Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: the experience of European countries. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2020, no. 12, pp. 104–124 (In Russian).

6. Nguyen M. H., Hunsake A., Hargittai E. Older adults' online social engagement and social capital: the moderating role of Internet skills. *Information, Communication & Society*. 2020, 25th August, pp. 1–17. DOI: 10.1080/1369118x.2020.1804980.

7. Barbosa Neves B., Fonseca J. R. S., Amaro F., Pasqualotti A. Social capital and Internet use in an age-comparative perspective with a focus on later life. *PLoS ONE*, 2018, 13 (2): e0192119. DOI: 10.1371/journal.pone.0192119.

8. Gerasimchik A. P., Bogdanovich A. B., Karpiyevich V. A., Sergeev V. N. Formation of a culture of life safety: socio-psychological and historical digression. *Vestnik UGZ* [Journal of Civil Protection], 2018, no. 1, pp. 121–132. DOI: 10.33408/2519-237X.2018.2-1.121 (In Russian).

9. Golyakova I. V., Karpiyevich V. A. Gender and age differences in ideas about psychological safety. *Vestnik UGZ* [Journal of Civil Protection], 2022, vol. 6, no. 4, pp. 460–471. DOI: 10.33408/2519-237X.2022.6-4.460 (In Russian).

Информация об авторе

Карпиевич Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: karpievich68@yandex.by

Information about the author

Karpiyevich Viktor Aliyaksandravich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: karpievich68@yandex.by

Поступила 01.03.2023

УДК 347.77/.78(476)

В. А. Зенькович

Белорусский государственный экономический университет

ОБОРОТ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ: НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ АВТОРОВ И ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В статье проанализированы материалы IX Международного форума «Антиконтрафакт», отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2019 г., изучены другие информационные материалы по обороту контрафактной продукции, законы: «О защите прав потребителей» и «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы». Проанализировано административно-деликтное, уголовное и гражданско-правовое законодательство, предусматривающее ответственность за нарушение интеллектуальных прав авторов и патентообладателей, прав потребителей.

На основании проведенного исследования автор приводит аргументированные выводы о том, что незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности нарушает интеллектуальные права авторов, патентообладателей и права потребителей.

Ключевые слова: контрафакт, контрафактная продукция, права автора, права патентообладателя, права потребителя, корреляционная связь, оборот контрафактной продукции, административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Для цитирования: Зенькович В. А. Оборот контрафактной продукции: нарушение интеллектуальных прав авторов и правообладателей, а также прав потребителей // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 203–206. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-2691-37.

V. A. Zenkovich

Belarusian State Economic University

CIRCULATION OF INFRINGING GOODS: VIOLATION OF INTELLECTUAL RIGHTS OF AUTHORS AND RIGHT HOLDERS, AS WELL AS CONSUMER RIGHTS

In this article the following data is analyzed: the matter of the IX International discussion forum “Anticounterfeit”, the report about the state of compliance practices in the sphere of protection of copyright in the Eurasian Economic Union in the year 2019. The author also got an insight on the other sources of information concerning circulation of infringing goods, laws: “About consumer rights” and “About patents on inventions, utility models, industrial designs”. The author analyzed administrative-tort, criminal and civil legislation that carries a liability for violation of intellectual rights of authors and patent owners as well as consumers.

Basing on the research that was carried the author comes to reasonable conclusions that illegal distribution of intellectual property items violates intellectual rights of authors, patent owners and consumers.

Keywords: counterfeit, infringing goods, rights of an author, rights of a patent owner, consumer rights, correlation bond, circulation of infringing goods, administrative, criminal and civil liability.

For citation: Zenkovich V. A. Circulation of infringing goods: violation of intellectual rights of authors and right holders, as well as consumer rights. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 203–206 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-2691-37.

Введение. Участники IX Международного форума «Антиконтрафакт», состоявшегося в августе 2021 г. в Республике Казахстан, отмечали бурный рост рынка интеллектуальной собственности в мире, который увеличивается каждый год на 10%. Во многих развитых странах экономика интеллектуальной собственности занимает уже 3% ВВП, а в некоторых странах, таких как США, – около 7% [1].

На форуме также было отмечено, что вместе с положительной динамикой роста интеллекту-

альной экономики фиксируется и рост оборота контрафактной продукции [1]. Контрафáкт (англ. counterfeit – «подделка») (fake), нелицензионный (unlicensed) – новый продукт, созданный на основе существующего оригинала с нарушением интеллектуальных прав; фальсифицированные потребительские товары [2].

Так, только на территории Евразийского экономического союза за последние 5 лет выявлено более 80 млн единиц контрафактной продукции. В Республике Беларусь также

фиксируется рост оборота контрафактной продукции. В 2019 г. правоохранными органами в стране выявлено и изъято из незаконного оборота 163 486 единиц контрафактной продукции, из которых сигареты составили (61,5%), запчасти (16,4%), одежда и обувь (62%), зажигалки (6%) и удобрения (5%). Странами происхождения большей части выявленных контрафактных товаров являются Германия, Россия и Китай [3].

К факторам, способствующим росту оборота контрафактной продукции, участники форума отнесли и увеличение объемов продаж через электронную торговую сеть с использованием сети Интернет, а к факторам, усугубляющим проблему обеспечения защиты рынка от контрафакта, ее «...интернациональный характер» [1].

Кроме того, в отчете Евразийской экономической комиссии за 2019 г. приведены прогнозные данные: к 2022 г. в мировой экономике коммерческий оборот контрафактной продукции составит 2,81 трлн долл. США, а общий экономический ущерб от контрафактной продукции может достигнуть 4,7 трлн долл. США [3].

Основная часть. Приведенные статистические и прогнозные данные свидетельствуют, на наш взгляд, прежде всего о том, что у производителей контрафактной продукции имеются необходимые производственные мощности и квалифицированные кадры для выпуска такого колоссального объема фальсифицированной продукции – это, во-первых.

А во-вторых, надо признать, что у них хорошо отлажены логистические цепочки по успешным поставкам контрафакта практически во все страны мира, несмотря на существующие национальные таможенные барьеры, и, в-третьих, согласимся, что у производителей контрафактной продукции достаточно эффективно работают «мозговые центры» по незаконному сбору охраняемой государством и правообладателями интеллектуальной информации.

И, в-четвертых, для специалистов эти данные свидетельствуют о степени активности воздействия субъекта управления на объект управления, а не о фактическом положении дел в этой сфере, что позволяет нам сказать о недостаточно эффективной, правоприменительной деятельности правоохранительных органов как стран Евразийского экономического союза, СНГ, так и стран ЕС, БРИКС и других, осуществляющих, на наш взгляд, прежде всего локальную борьбу с оборотом контрафактной продукции, а не в широком интернациональном масштабе [1].

В-пятых, эти статистические данные позволяют отметить наличие корреляционной связи между ростом объемов продукции интеллекту-

альной экономики на мировом рынке и ростом объемов оборота контрафактной продукции на внутренних рынках Республики Беларусь и других стран, что позволяет нам высказать предположение о значительном увеличении в последующие годы роста оборота контрафактной продукции на рынках мира, так как для ее производителей и распространителей наступили в настоящее время очень благоприятные условия.

Можно не сомневаться в том, что все задействованные в «производстве и обороте контрафактной продукции субъекты хозяйствования» в погоне за прибылью умышленно нарушают права не только авторов и правообладателей объектов интеллектуальной собственности, но и права граждан – добросовестных покупателей такой «инновационной продукции».

В подтверждение сказанному отметим, что потребление, например, поддельных продуктов питания или использование для лечения граждан контрафактных медицинских препаратов, других «инновационных товаров», несомненно, представляют реальную угрозу жизни и здоровью граждан, что, бесспорно, свидетельствует о нарушении прав потребителей в части приобретения товаров (работ, услуг) надлежащего качества, гарантированных статьей 5 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-З (ред. от 05.01.2022) «О защите прав потребителей» [4].

Соответственно, одной из задач для правоохранительных органов нашего государства является максимальное повышение эффективности их деятельности по пресечению торговли фальсифицированным товаром в торговых сетях разных форм собственности для потребителей.

Поэтому в целях повышения эффективности правоприменительной деятельности по борьбе с незаконным оборотом контрафактной продукции законодателем в январе 2021 г. была усовершенствована административная ответственность, предусмотренная частью 2 статьи 10.15 КоАП за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности».

Содержание диспозиции части 2 статьи 10.15 КоАП предусматривает ответственность для всех субъектов правонарушения: лица, достигшего 16 лет, индивидуального предпринимателя или юридического лица за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности», нарушающих исключительные права субъектов двух правовых институтов интеллектуальной собственности.

Речь идет о наступлении административной ответственности субъектов этого правонарушения за совершение ими противоправных действий, указанных в статье 9 «Нарушение

исключительного права патентообладателя» и в статье 36 «Порядок использования изобретения, полезной модели, промышленного образца» Закона Республики Беларусь от 16.12.2002 № 160-З (ред. от 09.01.2023) «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» [5].

Особенностью ответственности согласно статье 10.15 КоАП является то, что она наступает в соответствии со статьей 4.4. КоАП по «требованию потерпевшего либо законного представителя».

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) частью 2 статьи 201 предусмотрена ответственность за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере».

Наличие административной преюдиции в диспозиции части 2 статьи 201 УК означает, что субъектом преступления в соответствии со статьей 32 УК может быть только лицо, находящееся в состоянии административной наказанности «...за повторно совершенное в течение года после наложения административного взыскания такое же нарушение», как «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности».

Особенностью ответственности по статье 201 УК является то, что она наступает в соответствии с пунктом 16 части 1 статьи 33 УК по требованию потерпевшего.

Кроме того, мы должны сказать, что авторы, правообладатели, патентообладатели и потребители свои нарушенные права могут защищать в судах в порядке гражданского судопроизводства в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса.

Заключение. Таким образом, Законодатель с помощью норм административно-деликтного, процессуально-исполнительного, уголовного и гражданского законодательства предоставил правоприменителю правовой инструментарий для пресечения действий, нарушающих интеллектуальные права и права потребителей.

Кроме того, следует отметить, что в Республике Беларусь в целях активизации работы в сфере интеллектуальной собственности Советом Министров 24 ноября 2021 г. принято постановление № 762 «Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года», в котором перед субъектами, осуществляющими правоприменительную деятельность в этой сфере, в числе приоритетных задач стоят и «...усиление защиты прав на объекты интеллектуальной собственности от незаконного использования..., и противодействие изготовлению и распространению контрафактной продукции...».

Список литературы

1. Международный форум «Антиконтрафакт – 2021». URL: <http://forum-antikontrafact.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Контрафáкт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2019 год. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/> (дата обращения: 10.01.2023).
4. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-З (ред. от 05.01.2022) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022 (дата обращения: 20.01.2023).
5. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Республики Беларусь от 16.12.2002 № 160-З (ред. от 09.01.2023) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023 (дата обращения: 20.01.2023).

References

1. International discussion forum “Anticounterfeit – 2021”. Available at: <http://forum-antikontrafact.ru> (accessed 15.02.2023) (In Russian).
2. Counterfeit. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82> (accessed 15.02.2023) (In Russian).
3. The report about the state of compliance practices in the sphere of protection of copyright in the Eurasian Economic Union in the year 2019. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents> (accessed 10.01.2023) (In Russian).
4. About protection of consumers' rights. Available at: the Law of the Republic of Belarus dated 09.01.2002 № 90-Z (ver. dated 05.01.2022). *ConsultantPlus: Belarus* [Digital resource].

ООО “YurSpektr”, National center of legal information of the Republic of Belarus. Minsk, 2021 (accessed 20.01.2023) (In Russian).

5. About patents on inventions, utility models, industrial designs. Available at: the Law of the Republic of Belarus dated 16.12.2002 № 160-Z (ver. dated 09.01.2023). *ConsultantPlus: Belarus* [Digital resource]. ООО “YurSpektr”, National center of legal information of the Republic of Belarus. Minsk, 2021 (accessed 20.01.2023) (In Russian).

Информация об авторе

Зенькович Владимир Адамович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, пр-т Партизанский, 26, Республика Беларусь). E-mail: uladzenk@gmail.com

Information about the author

Zenkovich Vladimir Adamovich – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Civil Subjects. Belarusian State Economic University (26, Partizanskiy Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: uladzenk@gmail.com

Поступила 25.02.2023

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

**СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В статье рассмотрены вопросы применения субсидиарной ответственности как разновидности гражданско-правовой ответственности, позволяющей возложить неблагоприятные последствия неисполнения обязательств и причинения вреда основным должником дополнительно на иное лицо, имеющее правовую связь с основным должником. Актуальность вопросов применения субсидиарной ответственности обусловлена тем, что она обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов кредиторов и создает благоприятные условия для участников гражданского оборота, в особенности для осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Субсидиарная ответственность способствует минимизации противоправного поведения граждан в осуществлении предпринимательской и иной хозяйственной деятельности посредством создания юридического лица.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, субсидиарная ответственность, презумпция виновности, обязательство, должник.

Для цитирования: Кулис Л. А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 207–210. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-38.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

SUBSIDIARY LIABILITY AS A TYPE OF CIVIL LEGAL LIABILITY

The article deals with the application of subsidiary liability as a kind of civil liability, which allows to impose adverse consequences of default and harm caused by the main debtor additionally to another person who has a legal relationship with the main debtor. The relevance of the issues of application of subsidiary liability is due to the fact that it provides additional guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of creditors and creates favorable conditions for participants in civil transactions, especially for entrepreneurial and other economic activities. Subsidiary liability helps to minimize the illegal behavior of citizens in the implementation of entrepreneurial and other economic activities through the creation of a legal entity.

Keywords: civil liability, subsidiary liability, presumption of guilt, obligation, debtor.

For citation: Kulis L. A. Subsidiary liability as a type of civil legal liability. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 1 (269), pp. 207–210 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-38.

Введение. Сущность гражданско-правовой ответственности состоит в применении к нарушителю установленных законом или договором мер воздействия в интересах других лиц – граждан или организаций. Такие меры воздействия, как правило, носят имущественный характер и выполняют восстановительные (компенсационные) и штрафные функции. С учетом присущих особенностей субсидиарную ответственность называют дополнительной.

Основная часть. Согласно доктрине гражданского права, условиями гражданско-правовой ответственности являются: противоправность поведения нарушителя (должника), наличие имущественного или морального вреда, вина нарушителя и причинно-следственная

связь между противоправным поведением и причинением вреда. Что касается вины в гражданско-правовой ответственности, то она предполагается, т. е. в силу закона лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям гражданского оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Когда обязанными лицами в силу закона или договора становятся несколько должников, то возникает долевая, солидарная или субсидиарная ответственность. Исходя из общего содержания, субсидиарная ответственность

означает дополнительную ответственность лица, каким-либо образом связанного с основным нарушителем (должником), который не в состоянии выполнить основные функции гражданско-правовой ответственности. В силу статьи 370 Гражданского кодекса Республики Беларусь до предъявления требования к лицу, которое в соответствии с законодательством или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарная ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику.

Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответа на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность. Кредитор не вправе требовать удовлетворения своего требования к основному должнику от лица, несущего субсидиарную ответственность, если это требование может быть удовлетворено путем зачета встречного требования к основному должнику либо бесспорного взыскания средств с основного должника. Лицо, отвечающее субсидиарно, имеет право регрессного требования к основному должнику [1].

Таким образом, субсидиарная ответственность представляет собой разновидность гражданско-правовой ответственности, позволяющей возложить неблагоприятные последствия неисполнения обязательств и причинения вреда основным должником дополнительно на иное лицо, имеющее правовую связь с основным должником. Она призвана дополнительно гарантировать защиту прав и законных интересов кредиторов. Термин «субсидиарная» происходит от латинского слова *subsidiarium*, что означает «помощь», «поддержка».

В рамках темы настоящей статьи рассмотрим некоторые аспекты применения субсидиарной ответственности в деятельности субъектов хозяйствования, в частности юридических лиц. Актуальность данного вопроса обусловлена активным развитием предпринимательских отношений путем создания юридических лиц.

Президиум Верховного Суда Республики Беларусь на основании обсуждения и обобщения судебной практики в постановлении от 27 апреля 2016 г. № 2 «О практике рассмотрения экономическими судами дел о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, признанного банкротом», отметил, что точное и единообразное соблюдение экономическими судами норм законодательства, предусматривающих возложение ответ-

ственности по обязательствам должника на иных лиц, является гарантией защиты прав и законных интересов кредиторов, способствует созданию благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности.

С момента государственной регистрации юридического лица становится самостоятельным участником гражданско-правовых отношений и субъектом хозяйствования, что, среди прочего, означает его самостоятельную ответственность по своим обязательствам. Учредители (участники) юридического лица, а также его руководитель и работники имеют особый правовой статус, отличный от статуса самого юридического лица. Тем не менее учредители и работники юридического лица оказывают в разной мере влияние на деятельность юридического лица, в том числе на его платежеспособность.

По общему правилу, закрепленному в статье 52 Гражданского кодекса Республики Беларусь учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами либо учредительными документами юридического лица.

Собственник имущества юридического лица, признанного экономически несостоятельным (банкротом), его учредители (участники) или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, несут субсидиарную ответственность при недостаточности имущества юридического лица только в случае, когда экономическая несостоятельность (банкротство) юридического лица была вызвана виновными (умышленными) действиями таких лиц, если иное не установлено законодательными актами [1].

В период становления и развития предпринимательской деятельности в 90-х гг. прошлого столетия отсутствие ответственности учредителей по долгам созданного ими юридического лица формировало предпосылки для многочисленных нарушений со стороны недобросовестных учредителей и руководителей юридических лиц, которые могли создавать юридические лица не для добросовестного осуществления предпринимательской деятельности от имени юридического лица, а для прикрытия незаконной деятельности самих учредителей. В специальном законодательстве, посвященном банкротству юридических лиц, приведенная общая норма получила дальней-

шее развитие путем расширения круга лиц, на которых возлагалась субсидиарная ответственность по обязательствам юридического лица.

В силу части 2 статьи 11 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», если экономическая несостоятельность (банкротство) должника – юридического лица вызвана собственником его имущества, учредителями (участниками) или иными лицами, в том числе руководителем должника, имеющими право давать обязательные для должника указания либо имеющими возможность иным образом определять его действия, то такие лица при недостаточности имущества должника для расчета с кредиторами солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника [2].

Законодателем был расширен круг лиц, которые солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам юридического лица. К таким лицам были отнесены также председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор) и иные лица, уполномоченные на совершение аналогичных действий. Отметим, что с 01.10.2023 названный Закон утрачивает силу в связи со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности».

Статья 17 вышеназванного закона, регулирующего отношения по банкротству, обязывает учредителя своевременно принимать меры по предупреждению экономической несостоятельности. Это стимулирует учредителей занимать активную и добросовестную позицию при решении различного рода вопросов, связанных с управлением организацией. Однако необходимо отметить, что установленные законом основания субсидиарной ответственности не являются одинаковыми для всех юридических лиц.

Субсидиарную ответственность учредителей по долгам созданного ими юридического лица по основаниям возникновения можно разделить на две группы. К первой группе относятся юридические лица, учредители которых несут субсидиарную ответственность на основании установленной законом правовой связи между учредителями и юридическим лицом. Например, полные товарищи солидарно друг с другом несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам полного и командитного товариществ; участники общества с дополнительной ответственностью солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам своим имуществом в пределах, определенных уставом общества.

Вторая группа оснований возникновения субсидиарной ответственности имеет деликтную правовую природу, поскольку она возникает как правовая реакция на противоправное поведение субсидиарного должника, в результате которого юридическому лицу был нанесен имущественный ущерб, который привел к неплатежеспособности и банкротству юридического лица. В результате чего имущества юридического лица оказалось недостаточно для погашения долгов перед кредиторами. Причины банкротства могут быть вызваны виновными деяниями учредителей и иных физических лиц, которые в случае доказанности их вины становятся дополнительными должниками по долгам обанкротившегося юридического лица.

С принятием Декрета от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» процедура привлечения к субсидиарной ответственности учредителей (участников) и руководителей организаций, признанных банкротами, существенно усложнилась в связи с тем, что в соответствии с подп. 5.6 п. 5 названного Декрета для применения субсидиарной ответственности необходимо доказать, что экономическая несостоятельность (банкротство) организации вызвана виновными (умышленными) действиями ответчиков [3]. Умысел участников или руководителей юридического лица в доведении организации до банкротства, как правило, сопряжен с уголовными деяниями. Поэтому при наличии вступившего в силу приговора суда о привлечении учредителей или руководителей к уголовной ответственности за преступление, связанное с выполнением ими своих должностных и управленческих функций и обязанностей, умысел данных лиц уже является доказанным. При отсутствии приговора по уголовному делу доказать умышленную вину учредителей и руководителей необходимо на основании собраний, анализа и оценки доказательств, свидетельствующих о злоупотреблении правом названными лицами в какой-либо форме. Закон запрещает совершение гражданами любых действий, направленных исключительно на причинение вреда другим лицам.

В то же время закрепленная законом степень влияния учредителей на управление деятельностью юридического лица является решающей для всех юридических лиц независимо от организационно-правовой формы. Например, во всех хозяйственных обществах: с ограниченной ответственностью; дополнительной ответственностью и акционерном, – высшим органом управления является общее собрание участников хозяйственного общества. В хозяйственном обществе, состоящем из одного участ-

ника, полномочия общего собрания осуществляет этот участник.

Управление деятельностью полного товарищества осуществляется по общему согласию всех участников. Учредительным договором товарищества могут быть предусмотрены случаи, когда решение принимается большинством голосов участников. Каждый участник полного товарищества имеет один голос, если учредительным договором не предусмотрен иной порядок определения количества голосов его участников.

Наделенные большими полномочиями по организации бизнеса и управлению им от имени юридического лица, учредители обязаны принимать меры для минимизации рисков не-

платежеспособности и банкротства созданного ими юридического лица. Поэтому при наступлении неплатежеспособности юридического лица и отсутствии объективных непреодолимых препятствий для выполнения вышеприведенной обязанности учредителям придется доказать отсутствие своей вины в ненадлежащем управлении деятельностью юридического лица с учетом закрепленной законом презумпции виновности должника (причинителя вреда).

Заключение. Являясь разновидностью гражданско-правовой ответственности, субсидиарная ответственность выполняет идентичные функции и применяется при соблюдении условий, предусмотренных для гражданско-правовой ответственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2013. 656 с.

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200415> (дата обращения 01.03.2023).

3. О развитии предпринимательства: Декрет Президента Респ. Беларусь № 7 от 23.11.2017 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1> (дата обращения 23.03.2023).

References

1. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus* [Civil Code of the Republic of Belarus]: adopted by the House of Representatives on October 28, 1998: approved by the Council of the Republic, November 19, 1998. Minsk, Nats. tsentr pravovoy informatsii Resp. Belarus' Publ., 2013. 656 p. (In Russian).

2. On economic insolvency (bankruptcy): Rep. Law Belarus dated July 13, 2012 No. 415-3. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200415> (accessed 01.03.2023) (In Russian).

3. On the development of entrepreneurship: Decree of the President of the Republic of Belarus No. 7 dated November 23, 2017. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1> (accessed 23.03.2023) (In Russian).

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 03.03.2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Крючек П. С., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н., Сергеев В. Н. Образы национального и общего прошлого в представлениях белорусов и россиян	5
Астрога В. А. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага як крыніца па гісторыі Мінскай мытні	11
Ляпешкін Я. М. Кантроль губернатараў за сялянскім самакіраваннем у Беларусі (1864–1917 гг.)	16
Коледа И. В. Проблемы философии культуры в белорусской культурологической мысли (конец XIX – начало XX в.)	22
Воронич Т. В. Бюджет уездного города Полоцка в последней трети XIX – начале XX века	27
Острога В. М. Программные установки российских партий социалистической ориентации в вопросах развития образования и положения учительства (конец XIX – начало XX в.).....	33
Алексашина Г. В. Заработная плата рабочих и служащих на фабрично-заводских предприятиях Минска (конец XIX – начало XX в.).....	40
Дубовик Е. А. Рабочий вопрос в белорусских губерниях Российской империи в конце XIX – начале XX в.	45
Дубовик А. К. С. Ф. Ковалик: революционер-народник, ученый, преподаватель Белорусского политехнического института.....	50
Бодрыкаў Я. А. Сацыяльная дапамога сем’ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў Мінскай губерні падчас Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – сакавік 1917 г.)	55
Семенчик Н. Е. Власть Советов в Беларуси в 1917 году	62
Чарняўскі А. Г. Роля адукацыі ў культурна-асветніцкай дзейнасці беларускай нацыянальнай меншасці ў Латвіі (1918–1940 гг.).....	66
Денисов А. В. Военный парад и политкарнавал. Организация и проведение массовых праздников в столице БССР в 1919–1925 гг.	73
Климко М. К. Агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа Мингубвоенкомата в 1920 г.....	80
Мосейчук Л. И. Рабочий факультет Белорусского государственного университета: становление и развитие	86
Коваль В. У. Прававыя аспекты эміграцыі беларусаў у Канаду (1921–1939 гг.).....	91
Гецевич А. К. Беспроцентные кредитные кассы на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.)	95
Матяс И. Д. Общественно-политическая деятельность В. М. Игнатовского в 20-х гг. XX века	100
Альховік М. К. Нацыянальная палітыка ў БССР у галіне друку (1933–1939 гг.).....	106
Андарала І. А. Аднаўленне завочнай педагагічнай адукацыі Беларусі ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады	110
Якуш Н. М. Кадровое обеспечение сельского хозяйства Белорусской ССР (1970 – середина 1980-х гг.).....	115
Селиванов А. В. Генеральная Ассамблея ООН в резолюциях по вопросам вынужденной миграции в XXI в.	121
Дрожжа Л. Ч. Актуальныя напрамкі развіцця заходнебеларускай праблематыкі ў сучаснай польскай гістарыяграфіі.....	126
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Трудовые ресурсы: история становления и развития	132

ФИЛОСОФИЯ	136
Водопьянов П. А. Мироззренческие ценности достижения безопасного будущего в условиях глобальной нестабильности.....	136
Бурак П. М. Консолидация мироззренческих факторов в генерировании безопасности общества.....	142
Потоцкий А. А. Понимание как феномен межкультурного диалога: от Я к Другому	150
Захарова Н. Е. Стратегия устойчивого развития в контексте современных информационных вызовов	154
Лазаревич Н. А. Социальная роль и оценка конвергентных технологий.....	159
Сокольчик В. Н. Открытая наука как новая парадигма научных исследований: проблемы и перспективы (на примере биомедицинских исследований).....	163
Сидоренко И. Н. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман	170
Коховец Я. А. Смысловые параллели экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора и гностической антропологии Валентина.....	176
Новицкая Т. Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма	181
Чарвінські А. С. Роля філософії ў станаўленні паняццёвай структуры сацыяльнай экалогіі	187
Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности: основные компоненты, особенности и закономерности развития.....	192
Карпиевич В. А. Цифровая компетентность как способ социального включения пожилых людей.....	198
Зенькович В. А. Оборот контрафактнй прадукцыі: парушэнне інтэлектуальных прав аўтараў і правоўладальцаў, а такжэ прав потрэбніцеляў.....	203
Кулис Л. А. Субсидиарная адказнасць як разнавіднасць грамадска-прававой адказнасці	207

CONTENTS

HISTORY	5
Kruchek P. S., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Sergeev V. N. Images of the national and common past in the views of Belarusians and Russians.....	5
Astroga V. A. Metrics of the Grand Duchy of Lithuania as a source on the history of Minsk Customs	11
Liapeshkin Y. M. Control of governors over peasant self-government in Belarus (1864–1917).....	16
Kolyada I. V. Problems of philosophy of culture in Belarusian cultural Thought (late 19th – early 20th centuries)	22
Voronich T. V. Budget of the county town of Polotsk in the last third of the 19th – early 20th century.....	27
Ostroga V. M. Program guidelines of the Russian parties of socialist orientation in the development of education and the position of teachers (late 19th – early 20th century).	33
Alexashina G. V. Wages of workers and employees at factory enterprises in Minsk (late 19 th – early 20 th century).	40
Dubovik A. A. Labor question in the Belarusian provinces of the Russian empire in the late 19th and early 20th centuries	45
Dubovik A. K. S. F. Kovalik: revolutionary-narodnik, scientist, lecturer of the Belarusian Polytechnical Institute.....	50
Bodrykau Ya. A. Social assistance to the families of mobilized lower ranks and militia warriors in Minsk province during the First World War (July 1914 – March 1917).....	55
Semenchyk N. Ye. The power of Soviets in Belarus in 1917	62
Charniauski A. G. The role of education in the cultural and educational activities of the Belarusian national minority in Latvia (1918–1940).....	66
Denisov A. V. Military parade and political carnival. Organization and holding of mass celebration in the capital of the BSSR in 1919–1925.....	73
Klimko M. K. The Agitational-propaganda and political-educational work of the Minsk Provincial Military Commissariat in 1920.....	80
Maseichuk L. I. Working faculty of Belarusian State University: formation and development.....	86
Koval V. U. Legal aspects of the Belarusian emigration to Canada (1921–1939)	91
Getsevich A. K. Interest-free credit bureaus on the territory of Western Belarus (1921–1939).....	95
Matsias I. D. Social-political activity V. M. Ignatovsky of the 20s century	100
Alkhovik M. K. National policy in the BSSR in the field of press (1933–1939).....	106
Andarala I. A. Restoration of correspondence pedagogical education of Belarus in the post-occupation and first post-war years	110
Yakush N. M. Staffing for agriculture in the Belarussian SSR (1970 – mid 1980s).....	115
Selivanov A. V. Resolutions on forced migration of the UN General Assembly in the 21st century	121
Drozhdza L. Ch. Current directions of the development of Western Belarusian issues in modern polish historiography.....	126
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Labor resources: history of formation and development	132
PHILOSOPHY	136
Vodop’yanov P. A. Worldview values of achieving a secure future in conditions of global instability	136
Burak P. M. Consolidation of world view factors in the generation of society safety.....	142
Pototski A. A. Understanding as a phenomenon of intercultural dialogue: from I to Another.....	150

Zakharova N. E. Sustainable development strategy in the context of modern information challenges	154
Lazarevich N. A. Social role and evaluation of convergent technologies	159
Sokolchik V. N. Open science as a new paradigm of scientific research: problems and perspectives (based on biomedical research).....	163
Sidorenko I. N. The dialectical relationship of historical memory and oblivion in the concepts of F. R. Ankersmit and A. Assmann.....	170
Kakhavets Y. A. Semantic parallels of S. Kierkegaard's existential dialectics of and Valentin's gnostic anthropology	176
Navitskaya T. Ya. Agency and alienation in the conditions of digital capitalism	181
Chervinsky A. S. The role of philosophy in the formation of the conceptual structure of social ecology	187
Ksenofontov V. A. Military sphere of national security: main components, features and patterns of development.....	192
Karpiyevich V. A. Digital competence as a way of social inclusion of older people	198
Zenkovich V. A. Circulation of infringing goods: violation of intellectual rights of authors and right holders, as well as consumer rights	203
Kulis L. A. Subsidiary liability as a type of civil legal liability.....	207

Редакторы *Р. М. Рябая, О. П. Приходько*
Компьютерная верстка *Е. А. Матейко, В. А. Маркушевская, П. М. Никитина*
Корректоры *Р. М. Рябая, О. П. Приходько*

Подписано в печать 14.06.2023. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 26,8.
Тираж 54 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.